

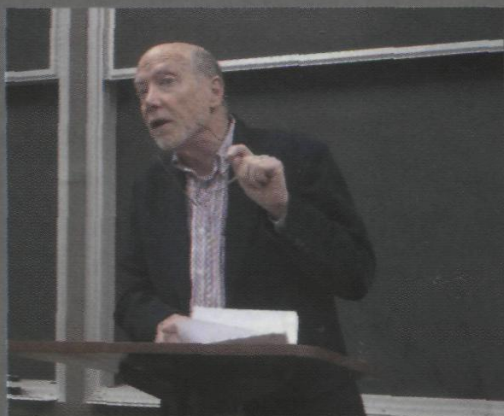
Том Рокмор

МАРКС

после марксизма

Философия
Карла Маркса

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАНОН-ПЛЮС

Книга Т. Рокмора носит принципиально полемический характер. Автор книги предлагает новый взгляд на философские и политико-экономические теории К. Маркса, который, по его мнению, стал возможен после упадка политического («официального») марксизма. Т. Рокмор основывается на сочинениях Маркса и отделяет его концепции от их представления в искажавшем их марксизме. Он видит в Марксе прежде всего философа, причем принадлежащего к традиции немецкого идеализма. Маркс предстает в книге величайшим философом истории, который создал историческую концепцию общества в целом и экономических отношений в частности.

ISBN 978-5-88373-065-5

9 785883 730657

Том Рокмор

Известный философ, заслуженный профессор Колледжа Макэналти (Университет Дюкей, Питтсбург, США).

В центре его исследований – философия немецкого идеализма и её современное значение: «Круговая эпистемология Гегеля» (1986), «Гегель, идеализм и аналитическая философия» (2005), «Кант и идеализм» (2007).

Рокмор обосновывает идею о том, что Маркс принадлежит именно к этой традиции: «Фихте, Маркс и немецкая философия» (1980), «Маркс после марксизма».

Ряд работ Т. Рокмора посвящен исследованию судеб идей Маркса в современной философии (книги о Лукаче и Хабермаса). Как отклик на дискуссию об отношении Хайдеггера к нацизму Т. Рокмор опубликовал книгу «Нацизм Хайдеггера и философия» (1992). В настоящее время он занят разработкой конструктивистского и исторического понимания эпистемологии:

«О конструктивизме в эпистемологии» (2005).

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ**

Том Рокмор

**МАРКС ПОСЛЕ МАРКСИЗМА:
Философия
Карла Маркса**

МОСКВА

КАН Н⁺

2011

УДК 1/14
ББК 87.3
Р 66

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
согласно проекту № 10-03-16080д

Ответственный редактор академик РАН В. А. Лекторский
Перевод с английского И. В. Борисовой

Рокмор Том
Р 66 **Маркс после марксизма: Философия Карла Маркса /**
Том Рокмор. — М.: «Канон⁺» РООИ «Реабилитация»,
2011.— 400 с.

ISBN 978-5-88373-065-5

В переводе на русский язык публикуется книга американского философа Тома Рокмора (р. 1942): *Rockmore T. Marx After Marxism. The Philosophy of Karl Marx.* Oxford; Malden, MA: Blackwell Publishers, 2002. xx, 224 p.

Книга Т. Рокмора носит принципиально полемический характер. Автор книги предлагает новый взгляд на философские и политико-экономические теории К. Маркса, который, по его мнению, стал возможен после упадка политического («официального») марксизма. Т. Рокмор основывается на сочинениях Маркса и отделяет его концепции от их представления в искажавшем их марксизме. Он видит в Марксе прежде всего философа, причем принадлежащего к традиции немецкого идеализма. Маркс предстает в книге величайшим философом истории, который создал историческую концепцию общества в целом и экономических отношений в частности.

УДК 1/14
ББК 87.3

ISBN 978-5-88373-065-5

© Рокмор Том, 2011
© Издательство «Канон⁺»
РООИ «Реабилитация», 2011

В теории Маркса есть положения, которые мне чужды ...Я отнюдь не убежден, что понимаю эти положения правильно, и они представляются мне не «материалистическими», а, скорее, осадком темной гегелевской философии, школу которой прошел Маркс.

(Зигмунд Фрейд.
О мировоззрении, из Введения в психоанализ)

В Карле Марксе обычно видят человека, притязавшего на придание социализму научного характера и сделавшего больше других для создания мощного движения, которое, будь оно притягательным или отталкивающим, господствовало в недавней истории Европы... Я намерен охарактеризовать его только как философа. В этом плане его трудно классифицировать. В одном отношении он, как и Годскин, есть порождение философских радикалов, продолжающее их рационализм и их неприятие романтиков. В другом отношении он – воскреситель материализма, дающий ему новую интерпретацию и новую связь с человеческой историей. Еще в одном смысле он – последний из великих системосозидателей, преемник Гегеля, верующий, как и тот, в рациональную формулу, резюмирующую эволюцию человечества.

(Бертран Рассел.
История западной философии)

Величайший, пожалуй единственный настоящий философ, живущий сегодня... д-р Маркс ...еще очень молод, и он собирается нанести смертельный удар средневековой религии и политике. В нем соединяются острейший ум с самой глубокой философской серьезностью: вообразите Руссо, Вольтера, Гольбаха, Лессинга, Гейне и Гегеля, соединенных в одном лице – именно соединенных, а не собранных вместе – и вот вам д-р Маркс.

(Из письма Моисея Гесса
к писателю Бертольду Ауэрбаху
от 2 сентября 1841 г.)

Содержание

Предисловие редактора (В. А. Лекторский)	6
Список сокращений	11
Предисловие	12
Введение	16
1. ГЕГЕЛЬ, МАРКС И МАРКСИЗМ	30
О различии между Марксом и марксизмом	31
Энгельс и марксистский взгляд на Маркса	37
Маркс и Энгельс	47
О текстах Маркса	50
Маркс, Энгельс и тексты Маркса	55
Об интерпретации текстов Маркса	56
Гегель как путь к Марксу	58
Маркс и «Философия права» Гегеля	66
Философская политическая экономия, промышленная революция и Адам Смит	70
Гегель и экономика	78
Гегель о собственности	84
Маркс и Гегель: предварительные выводы	87
2. РАННИЕ РАБОТЫ МАРКСА	89
Жизнь и творчество Маркса	89
Ранние произведения	91
Гегельянство в диссертации Маркса	94
Фейербах и ранняя критика Гегеля	99
Снова о ранней критике Гегеля: «К еврейскому вопросу»	110
Еще раз о ранней критике Гегеля: «К критике гегелевской философии права: Введение»	112
Предисловие к «Парижским рукописям»	117
Энгельс и экономическая точка зрения Маркса на современное общество	121
Теория отчуждения	131
Критика Гегеля в «Парижских рукописях»	136
Гуманизм, философия и политическая экономия	142

3. ПРОИЗВЕДЕНИЯ МАРКСА ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА	148
«Тезисы о Фейербахе»	148
«Немецкая идеология»	155
«Ницета философии»	167
«Grundrisse»: Основы критики политической экономии	177
4. ЗРЕЛЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ МАРКСА	212
Предисловие к «К критике политической экономии»	213
«Капитал: Критика политической экономии»	230
История публикации «Капитала»	234
Предисловие и послесловие к «Капиталу»	240
«Капитал»	248
5. ОТНОШЕНИЕ МАРКСА К ГЕГЕЛЮ: НОВЫЙ ВЗГЛЯД	288
Предварительное обсуждение отношения Маркса к Гегелю	292
Гегель в сочинениях Маркса	297
Гегель и Маркс о частной собственности	299
Гегель и Маркс об истории и свободе	302
Гегель и Марксова критика политической экономии	315
Гегель и Марксова теория политической экономии	319
Маркс – гегельянец	321
6. МАРКС – ГЕГЕЛЬЯНЕЦ	327
Кантова-коперниканская революция в философии	329
Гегель и история	331
Противоречие и Марксов экономический подход к истории	334
Противоречие, тождество и товар в «Капитале»	346
Маркс и современная философия	351
ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ	371
Комментарии редактора	379
Указатель	390

Предисловие редактора

Книга американского философа Тома Рокмора интересна для русского читателя в ряде отношений.

В недалёком прошлом наши общественные науки и философия просто обязаны были быть марксистскими. Марксизм (в который включались не только концепция самого Маркса, но и работы Энгельса и Ленина) был официальной идеологией страны, которая строила сначала социализм, а потом коммунизм (якобы «по Марксу»). Эта идеология считалась «научной» (хотя сам Маркс резко разводил идеологию и науку) и поэтому должна была быть исходным пунктом и ориентиром в исследовании проблем человека и общества (отчасти даже и природы). Но ведь утверждения в идеологии, с одной стороны, в науке и философии, с другой – принимаются на разных основаниях. В науке и философии – это аргументация и возможность объяснения фактов. В идеологии это убеждённость, вера в правильную ориентацию политических действий.

Что касается философии, то официальная установка состояла в том, что в марксизме решены все те фундаментальные проблемы, над которыми мировая мысль билась в течение столетий и тысячелетий. Задача советских философов с этой точки зрения состояла лишь в поисках точных формулировок основополагающих идей классиков марксизма и их применении к разным областям науки и социальной жизни. Малейшие «отступления» от этих идей или же их вольная трактовка безжалостно наказывались: в сталинские времена это грозило арестом, в более либераль-

ные, послесталинские годы «еретиков» и «ревизионистов» ожидали другие неприятности – увольнение с работы, отказ в публикации книг и статей и т.д.

Поэтому когда марксизм перестал быть официальной идеологией, широко распространилось мнение о том, что философия Маркса, так же как вся философская продукция, созданная в советские годы под шапкой марксизма, должны быть преданы полному забвению. Я помню, как в 1992 г. один экономист говорил о том, что изучать Маркса, а тем более искать у него какие-то философские идеи совершенно бессмысленно, так как Маркс был лишь «второстепенным немецким экономистом второй половины 19 века». Высказывалось мнение о том, что всякая подлинная философская жизнь в нашей стране прекратилась после высылки в 1922 г. известных русских мыслителей на «философском пароходе». Предлагалось возобновить русскую философию путём продолжения традиций русской религиозной философии Серебряного века.

С тех пор, когда эти высказывания были популярны, прошло почти 20 лет. Сегодня многие понимают, что с марксизмом и философией советских лет дело обстоит не так просто. Во-первых, идеи Маркса, Энгельса и Ленина не во всём совпадают. Во-вторых, официальный марксизм как политическая идеология и философия Маркса – не одно и то же. В-третьих, в советские годы под шапкой марксизма в нашей философии выходили интересные книги и статьи, которые в действительности не были марксистскими, а стимулировались неопозитивизмом, экзистенциализмом, структурализмом и другими направлениями современной западной мысли. В-четвёртых (в данном контексте это самое главное), некоторые советские философы, противостоявшие официальным доктринам (и поэтому претерпевшие всяческие гонения), дали оригинальную интерпретацию ряда философских идей Маркса и использовали её для ос-

мысления важных проблем научного познания, философии культуры, истории науки, философской антропологии. В советской философии существовали настоящие философские школы, которые не только противостояли официальному марксизму, но и спорили друг с другом. В рамках этого неортодоксального философского течения были сформулированы такие идеи (понимание структуры и развития научной теории, деятельностный подход в науках о человеке, понимание сознания, идеального, диалогическая интерпретация истории науки и культуры и др.), которые сегодня оказываются весьма актуальными¹. Конечно, сегодня занятия философией невозможны без освоения того, что делается в мире. Вместе с тем развивать отечественную философию без обращения к собственной традиции вряд ли плодотворно².

Сегодня у нас стало возможным спокойное неидеологизированное обсуждение идей Маркса³. В этой связи высказываются разные мнения, начиная с утверждения о том, что хотя некоторые философские идеи Маркса имеют смысл, его социальная философия и понимание им капитализма оказались несостоятельными, что капитализм успешно решает те проблемы, которые Маркс считал неразрешимыми в рамках этого общества, и кончая некоторыми концепциями, которые можно квалифицировать как неомарксистские.

---

¹ Лекторский В. А. О философии России второй половины XX в. // Вопросы философии. 2009. № 8.

² См. серию из 21 книги «Философия России второй половины 20 века»: Э. В. Ильенков, А. А. Зиновьев, А. Ф. Лосев, В. С. Библер, Г. С. Батищев, С. Л. Рубинштейн, Ю. М. Лотман, М. К. Мамардашвили, И. Т. Фролов, Б. М. Кедров, В. Ф. Асмус, М. А. Лифшиц, Л. Н. Митрохин, Э. Г. Юдин, М. К. Петров, М. М. Бахтин, Г. П. Щедровицкий, П. В. Копнин и др. М.: РОССПЭН, 2009–2010.

³ См, напр.: Ойзерман Т. И. Марксизм и утопизм. М., 2003; Его же. Оправдание ревизионизма. М., 2005.

В этом контексте книга Тома Рокмора представляет для нас особый интерес.

Автор пытается обосновать ряд тезисов. Я выделю некоторые из них, особенно значимые в свете идущих у нас дискуссий о Марксе и марксизме.

Во-первых, Т. Рокмор отделяет Маркса от марксизма. Последний, с точки зрения автора, является собранием разных интерпретаций идей Маркса, обязанных своим появлением прежде всего Энгельсу. С точки зрения автора, все эти интерпретации были искажением взглядов самого Маркса, хотя именно через призму марксизма воспринимался до последнего времени Маркс. При этом автор отличает политический марксизм (во многом произвольное использование идей Маркса для решения политических задач) от интеллектуального марксизма. Политический марксизм после исчезновения Советского Союза, распада мировой системы социализма и потери коммунистическими партиями политического влияния потерпел крах. Но интеллектуальный марксизм (в частности, «аналитический марксизм»), полагает Т. Рокмор, представляет интерес, а некоторые его теории просто замечательны.

Во-вторых, для автора Маркс – прежде всего философ, и именно в таком качестве, как считает Т. Рокмор, он продолжает быть интересным сегодня. И это философ, который остался в рамках немецкой идеалистической философии, а вовсе не вышел за её пределы, как это утверждалось в марксизме. По Т. Рокмору, Маркс – лучший и величайший ученик Гегеля. Он спорит с Гегелем, но в целом остается гегельянцем. Это и пытается доказать автор.

В-третьих, главная философская заслуга Маркса, согласно Т. Рокмору, – это историческая концепция общества в целом и экономических отношений в частности. Маркс вслед за Гегелем – величайший философ истории. И это крупнейший социальный философ современности. После

смерти Маркса многое изменилось в капиталистическом обществе. Идеи Маркса и марксистов о социалистической революции, об исторической миссии пролетариата и др. были опровергнуты жизнью. В настоящее время не существует альтернативы либеральному капитализму. Но в то же время нужно подчеркнуть, считает автор, что Маркс выявил такие внутренне присущие капитализму особенности, знание которых объясняет, почему при капитализме множество людей неизбежно выталкивается на обочину жизни, почему капитализм не может решить проблему нищеты, почему в этом обществе уродуется человеческая личность и деградирует свобода. Маркс поставил диагноз капитализму и показал его исторически преходящий характер. Другое дело, каковы пути выхода за пределы этого общества. Сегодня они не видны. Т. Рокмор только формулирует общее утверждение о необходимости общественного контроля за сферой экономики. Что это может конкретно означать, неясно. Но в любом случае Маркс как теоретик современного капиталистического общества никем не превзойден, по мнению Т. Рокмора. Пока существует капитализм, идеи Маркса будут актуальны.

Таковы основные идеи книги, которые автор обосновывает путем тщательного анализа текстов Маркса, а также Гегеля и других мыслителей.

Я считаю, что Том Рокмор написал интересную книгу, которая найдёт читателей: как философов, так и экономистов и социологов. Она несомненно вызовет и споры, как каждое оригинальное прочтение Маркса. С некоторыми утверждениями автора я полемизирую в комментариях к книге. Самое главное, однако, в том, что Т. Рокмор показал, что философия Маркса представляет не только исторический интерес, что без обращения к Марксу нельзя понять то общество, в котором живет сегодня подавляющее большинство людей.

© 2000 г. издательство
«Восток-Запад» СПб. © В. А. Лекторский

Список сокращений

B – Karl Marx. Early Writings / Translated and edited by T. B. Bottomore, and with a new foreword by Erich Fromm. New York: McGraw-Hill, 1964.

CW – Marx-Engels Collected Works. New York: International Publishers, 1975. (Цитируется с указанием тома.)

G – Grundrisse: Foundations of the Critique of Political Economy / Translated with a foreword by Martin Nicolaus. Harmondsworth: Penguin Books, 1973.

GI – The German Ideology / Edited, translated, and with an introduction, by C. J. Arthur. New York: International Publishers, 1970. (Часть 1 с избранными фрагментами из частей 2 и 3 и сопроводительными текстами.)

M – Karl Marx. The Grundrisse / Ed. and trans. David McLellan, New York: Harper and Row, 1971.

MEW – Marx-Engels Werke. Berlin: Dietz Verlag, 1956. (Цитируется с указанием тома.)

N – Karl Marx. Grundrisse: Foundations of the Critique of Political Economy (Rough Draft) / Trans. with a foreword by Martin Nicolaus. Harmondsworth: Penguin Books in association with the New Left Review, 1970.

[[Соч.] – Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Изд-во полит. Лит., 1955–1981. Цитируется в основном тексте с указанием тома и страницы. (Перев.)]

Предисловие

Маркс полагал, что мысль зависит от общественного контекста, и то же самое можно сказать о восприятии его теорий. Марксизм – политическое и интеллектуальное движение, которое принимает разные формы в разных странах и в разные эпохи. Российский и китайский марксизм различны, поскольку различна философская культура Ленина и Мао. Ленин, который учился у Плеханова и писал на философские темы, создал «официальный» советский марксизм, крепко связанный с западной философией. Мао плохо знал западную философию, да и то через советские учебники, и созданный им «официальный» китайский марксизм почти не связан с западной философией.

После ухода Мао со сцены возвышение Дэн Сяопина сопровождалось в 1970-е гг. переходом к государственному капитализму, который все еще распространяется и поддерживает новый «марксистский» лозунг: «Быть богатым – путь к величию». В Китае марксизм и капитализм, как оказалось, вполне совместимы. В отличие от китайского, советский марксизм так и не приспособился к западному капитализму и упрямо противостоял ему вплоть до внезапного распада Советского Союза.

Маркс – слишком значительная фигура, и поэтому невозможно просто отбросить марксизм, который всегда влиял на понимание его мысли. Вопрос об отношении Маркса к марксизму всегда был важен для понимания позиции Маркса. Он стал еще более важным после распада Советского блока в 1989 г. и упадка «официального» марксизма на Западе.

Отношения Маркса к марксизму и марксизма к Марксу асимметричны. Вообще говоря, позиция Маркса возникает из философии и остается философией во вполне верифици-

руемом смысле: Маркс имел философское образование, соответствующее лучшим академическим стандартам Германии XIX в., где в 1841 г. он получил степень доктора философии. Он прекрасно разбирался в философии и был способен применять философские идеи в смежных областях, таких как политическая экономия. У него были твердые познания в области философии, в том числе о современных немецких идеалистах, таких как Фихте и особенно Гегель, а также о философах древности (в частности, об Аристотеле), которых он читал на древнегреческом языке. Позже именно благодаря знанию философии Маркс смог прийти к глубокому пониманию политической экономии, которое сделало возможным его новаторский анализ современного капитализма.

Марксизм, претендующий на философскую сложность и изощренность, на самом деле отличается философской наивностью. Он всегда с подозрением относился к философии, которую связывал с капитализмом и социальным угнетением. Энгельс, создатель марксизма, не имел специального философского образования. Он не обнаруживает ни понимания основных философских идей, ни глубокого понимания большинства философских проблем. Изобретение марксизма произошло во многом благодаря влиянию Шеллинга на Энгельса. Шеллинг, в молодости бывший соседом Гегеля по комнате, но впоследствии ставший его противником, утверждал, что отрицательная философия Гегеля не может постичь действительности, которая постигнута в его собственной положительной философии. Энгельс применил эту схему к пониманию отношения Маркса (и марксизма) к философии.

В работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», написанной через несколько лет после смерти Маркса, Энгельс доказывал, что классическая немецкая философия (которая была идеалистической, а не материалистической) достигла своей высшей точки и завершения в Гегеле, но оказалась не способна разрешить поставленные ею проблемы. Маркс же с помощью Фейербаха пришел от гегелевского идеализма к материализму

и будто бы разрешил проблемы немецкого идеализма, поскольку сумел перешагнуть границы философии. Известно, что Ленин видел в марксизме наследника учений Маркса, и тем самым он подтвердил справедливость мысли Энгельса, что марксизм дает правильное истолкование Маркса. Вмешательство Ленина привело к трем результатам. Марксизм был легитимирован как «официальный» наследник Маркса, идеи которого он продолжал интерпретировать в политической плоскости. Отсюда следовало, что Маркс – не философ, а философия является лишь буржуазной идеологией. И только марксизм, воплощавший точку зрения класса пролетариев, достиг истинного понимания капитализма.

Марксистская точка зрения на Маркса преобладала на протяжении десятилетий. Она подкреплялась рядом факторов, включая авторитет Энгельса, «официальную» поддержку политического марксизма, а также отсутствие интереса со стороны западных философов, которые лишь с удовольствием осуждали и Маркса, и марксизм, представлявших с марксистской точки зрения одно целое. Запоздалая публикация нескольких принципиально важных текстов Маркса, таких как «Экономическо-философские рукописи 1844 года» и «Grundrisse», а также изменение политического климата делают необходимым новое исследование отношения между Марксом и марксизмом – исследование, которое позволит восстановить действительные взгляды Маркса.

Эта книга призвана внести некоторый вклад в восстановление действительной позиции Маркса. Прошло время, когда политический марксизм мог расцениваться как философски значимый и когда философские проблемы могли разрешаться политическими деятелями из политических соображений. Настало время для издания произведений Маркса, которое должно отвечать высочайшим критериям современной науки и подходить к Марксу на основании его трудов, а не того, что говорят о них политики. Необходимо отставить марксизм в сторону и изучать непосредственно произведения Маркса, чтобы установить и оценить его позицию, которая слишком часто в основном или даже всецело рассматривалась сквозь призму марксизма.

Книга включает в себя шесть глав и начинается с тщательного исследования отношения между Гегелем, Марксом и марксизмом. В следующих трех главах обсуждаются ранние сочинения Маркса, потом его произведения переходного периода, когда он продумывал свои взгляды и подходил к своему анализу капитализма, и, наконец, его зрелые экономические работы, включая «Капитал». В последних двух главах снова рассматривается отношение Маркса к Гегелю на основании нового прочтения собственных текстов Маркса. В главе, посвященной новой оценке отношения Маркса к Гегелю, содержится сравнительный анализ ряда тем. Даже при наличии важных различий теоретическая связь между этими двумя мыслителями остается столь прочной, что Маркса следует охарактеризовать как гегельянца, а не как пост- или антигегельянца. В последней главе этот вывод распространяется на отношение Маркса к идеализму. Вслед за Кантом немецкий идеализм продолжает кантовский конструктивистский поворот – его коперниканскую революцию. Если ядром немецкого идеализма является конструктивизм, если Гегель – идеалист, приверженный конструктивизму, и если Маркс – гегельянец, то Маркса следует понимать как последнего из великих немецких идеалистов, находящегося не вне, а внутри великой традиции немецкого идеализма.

Остается поблагодарить моих российских коллег и друзей. Я давно с интересом слежу за работами академика Т.И. Ойзермана, который долгие годы был видным представителем советского марксизма. Я благодарю своего близкого друга академика Владислава Лекторского, благодаря которому стало возможным появление этой книги в русском переводе. Надеюсь, она будет полезна для российского философского сообщества, которому после ухода со сцены «официального» марксизма предстоит усвоить теории Маркса в ходе происходящей сегодня философской дискуссии. Я должен также поблагодарить Ирину Борисову за тщательную работу над переводом книги.

*Том Рокмор
Январь 2010 г.*

Введение

Эта книга, являющаяся введением в философские теории Карла Маркса (1818–1883), адресована широкой читающей публике, интересующейся их реконструкцией после конца политического марксизма¹. Новое введение является оправданным благодаря новым обстоятельствам, которые создают необходимые условия, позволяющие совершенно по-новому понять теории Маркса. Около 30 лет назад Дэвид Маклеллан, превосходный знаток Маркса и марксизма, опубликовал очень хорошую книгу, знакомя-

---

¹ Я хочу исключить неверное понимание, поэтому позвольте мне сказать со всей возможной определенностью, что хотя марксизм как политический подход сегодня мертв, марксизм как интеллектуальная установка все еще остается весьма интересным. В формирующейся области аналитического марксизма вслед за работами Дж. А. Коэна в последнее время появляется много серьезных исследований. Я имею в виду работы таких авторов как Джон Рёмер, Йон Элстер, Ален Вуд, Шон Сэйерс и Рой Баскар. Дж. А. Коэн (Cohen) написал об истории (*Karl Marx's Theory of History: A Defense*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1978). Джон Рёмер (Roemer) исследовал экономическую теорию (*Analytical Foundations of Marxian Economic Theory*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981). Йон Элстер (Elster) предложил подход к марксизму с точки зрения теории рационального выбора (*Making Sense of Marx*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985). Шон Сэйерс (Sayers) исследовал взаимодействие между диалектикой и теорией познания (*Reality and Reason: Dialectic and the Theory of Knowledge*. Oxford: Blackwell Publishers, 1985). Рой Баскар (Bhaskar) разработал критико-реалистический подход к философии науки (*Dialectic: The Pulse of Freedom*. London: Verso, 1993). Ален Вуд (Wood) написал исторически насыщенное систематическое исследование жизни и творчества Маркса (*Karl Marx. L.: Routledge and Kegan Paul, 1981*).

щую с жизнью и творчеством Маркса¹. Он отметил, что она — первая после 1918 г., когда Меринг издал свою биографию Маркса, а с тех пор вышли в свет переписка Маркса и Энгельса и несколько ранее не публиковавшихся сочинений Маркса. И вот теперь, после исчезновения политического марксизма, пожалуй, впервые стало возможно предложить работу, где показывается, что Маркс не только начал мыслить в русле немецкой философской традиции, но остался в нем и в позднейшие годы.

То, что эта работа адресована широкой аудитории, само по себе еще не свидетельствует о ее банальности и примитивности. Если исследование представлено в простой и самодостаточной форме, то даже неспециалист сможет вникнуть в него настолько, чтобы затраченные усилия не оказались напрасными. Нет оснований полагать, что введение должно быть своего рода философской халтурой, автор которой нисходит до читателей.

Все, что связано с Марксом, вызывает споры, за исключением, пожалуй, того, что он чрезвычайно известен и является одним из самых значительных современных авторов, что его идеи продолжают влиять на современный мир, а теории остаются удивительно полезными для его понимания. Конечно, мир сильно изменился по сравнению с Европой XIX ст., когда жил и работал Маркс. И все же многие нынешние проблемы похожи на те, что существовали во времена Маркса, и поэтому многие его идеи применимы к миру, в котором мы живем. Утверждение, что не только Маркс, но и его теории «мертвы»², кажется примерно таким же точным, как и мысль о конце идеологии³. Ве-

---

¹ *McLellan D.* Karl Marx: His Life and Thought. N. Y.: Harper and Row, 1973.

² *Benoist J.-M.* Marx est mort. P.: Gallimard, 1970.

³ *Bell D.* The End of Ideology. N. Y.: Collier Books, 1962.

роятно, его книги сохраняют свою ценность до тех пор, пока жив капитализм¹. Похоже, кроме того, что все больше людей, которые никогда не ассоциировались с Марксом или марксизмом, подобно французскому философу Жаку Деррида (1930–2004), начинают осознавать важность теорий Маркса для понимания современного мира².

Маркс с помощью своих теорий хотел диагностировать и смягчить несовершенства современного экономического либерализма. Очевидно или, во всяком случае, должно быть очевидно, что марксизм как политическая позиция оказался неудачной исторической альтернативой либерального капитализма. После скоропостижной смерти советского блока (1989) и распада Советского Союза (1991) закончилось противостояние тоталитарного марксизма и либерального капитализма, которое было главным фактором влияния на протяжении большей части XX в. В результате современный промышленно развитый мир невольно оказался в ситуации пари Паскаля, но только применительно к либеральной экономике и либеральным демократическим принципам. В период работы над этой книгой современный экономический либерализм фактически не имел реального соперника в промышленно развитом мире. Однако и после краха марксизма современный либерализм не стал более способен к решению основных социальных проблем современной жизни, которые были осознаны даже до того, как Маркс начал писать. В «Манифесте коммунистической партии» Маркс и Фридрих Энгельс (1820–1895) призвали, между прочим, к введению прогрессивного подоходного налога и бесплатного образования.

---

¹ *Cassidy J.* The Return of Karl Marx // *The New Yorker*. 1997, 20 and 27 October. P. 255.

² *Derrida J.* *Spectres de Marx, l'état de la dette, le travail du deuil et la nouvelle internationale*. P.: Editions Galilée, 1993.

По большей части эти цели достигнуты, во всяком случае во многих промышленно развитых странах, хотя все еще встречаются поборники фиксированного подоходного налога и сторонники мнения, будто богатые уже отдают больше, чем того требует справедливость. Однако многие проблемы сохраняются и возникают новые. Родоначальник современной политической экономии Адам Смит – прекрасно осознавал наличие бедности, хотя и полагал, что даже беднейший рабочий находится в лучшем положении, нежели счастливейший из дикарей¹. Великий немецкий философ Г. В. Ф. Гегель, который критиковал либерализм уже в начале XIX столетия², сожалел о неспособности упразднить бедность³, что остается истиной и сегодня, и предупреждал о распространении мстительной разоренной черни (Röbel)⁴.

Проблема бедности, которая никогда не была разрешена, является настоящим бельмом на глазу либерализма не только в бедных и развивающихся странах, но и в современном промышленно развитом мире. Американская экономика до последнего времени почти десятилетие росла невиданными с эпохи Второй мировой войны темпами, однако увеличивалась и доля семей с доходом ниже официально установленного минимума, углублялась пропасть между богатыми и бедными, а значительная часть американского населения до сих пор не располагает страховым покрытием медицинских расходов. О правах человека много говорят, но, как ни удивительно, не достигнуто согласия

---

¹ *Smith A.* The Wealth of Nations / Ed. E. Cannan. N. Y.: Modern Library, 1937. P. lviii.

² *Smith S. B.* Hegel's Critique of Liberalism: Rights in Context. Chicago: University of Chicago Press, 1989.

³ *Hegel G. W. F.* Philosophy of Right / Trans., with notes by T. M. Knox. L.: Oxford University Press, 1967. P. 150.

⁴ *Ibid.* P. 149.

относительно желательности, не говоря уже о справедливости всеобщего медицинского страхования. Несмотря на развитие, бедность сохраняется. Хотя развитие оказалось во многих отношениях полезным, оно явно не принесло свободы¹. Можно утверждать, что сегодня, после заката политического марксизма, в эпоху, когда в обозримом будущем в большинстве промышленно развитых стран не предвидится альтернативы экономическому либерализму, теории Маркса являются как никогда более уместными.

В отличие от большинства других теорий, предшествующих и последующих, теории Маркса не поддаются простой рубрикации, поскольку относятся к философии, истории, политической экономии, социологии, теории литературы и к другим областям. Они стали предметом оживленнейшего обсуждения на самых разных языках и с еще более разных точек зрения. Одному человеку, даже если б он захотел, давно уже не по силам осмыслить эту дискуссию, выливающуюся в разные формы – от увесистых томов до комиксов². В настоящее время, когда о Марксе написано очень много, было бы иллюзией полагать, будто его позиция в целом, не говоря уже о дискуссии о ней, может быть исчерпана в небольшой книге. Столь же иллюзорным было бы стремление дать нейтральную характеристику столь спорной фигуры.

Мой подход в этом исследовании будет строго философским по двум основным причинам. Во-первых, я философ по образованию и складу ума, а значит лучше всего готов к выработке широкого философского подхода к произведениям Маркса. Во-вторых, я убежден, что, как ни парадоксально, именно философское измерение теорий Маркса является сегодня, пожалуй, наиболее важным и наименее признанным не только его последователями-марксистами

---

¹ *Sen A. Development as Freedom*. N. Y.: Alfred A. Knopf, 1999.

² *Rius. Marx For Beginners / Trans. R. Appignanesi*. N. Y.: Pantheon, 1976.

тами, но и самыми пронизательными его критиками – немарксистами и антимарксистами.

Позвольте мне разъяснить это утверждение. Всякий подход к Марксу должен начинаться с его отношения к марксизму. Марксизм понимают по-разному, он представляет собой собрание теорий, непосредственно основывающихся не на взглядах Маркса, а на взглядах Энгельса, его близкого друга и коллеги¹. С самого возникновения марксизм неустанно твердил о нерушимой связи между Марксом и марксизмом. По историческим причинам политический марксизм, который распространился по миру после большевистской революции в России, многим казался надежным залогом лучшей жизни, а некоторым – обещанием блестящего будущего². Но политический марксизм пришел к внезапному, непредвиденному, зачастую горькому концу в большей части мира после развала советского блока в конце 1980-х гг. Сегодня коммунизм, правивший некогда в более чем половине мира, остается у власти лишь в нескольких странах, таких как Северная Корея, Куба, Вьетнам, а прежде всего в огромной стране, весьма отличной от всего, о чем непосредственно знал или даже писал Маркс, – в Китайской Народной Республике. Нет оснований полагать, что коммунизм триумфально вернется в близком или даже далеком будущем, как и нет, конечно, оснований верить, что за исключением Китая, где коммунизм остается у власти, он снова станет серьезным политическим игро-

---

¹ Я согласен с Рубелем, который пишет: «Le marxisme n'est pas venu au monde comme un produit authentique de la maniere de penser de Karl Marx, mais comme un fruit legitime de l'esprit de Friedrich Engels» [«Марксизм явился в мир не как подлинный продукт манеры мышления Карла Маркса, а как законный плод ума Фридриха Энгельса» (*франц.*). – *Перев.*] (*Rubel M. Point de vue: A Propos du thème: 'Engels fondateur' // Marx. critique du marxisme. P.: Payot, 1974. P. 19).*

² *Zinoviev A. L'avenir radieux / Trans. W. Berelowitch. Lausanne: L'Age d'homme, 1978.*

ком на мировой сцене. Если не считать исследования теорий Маркса и их применения к поразительному ряду явлений из области литературы, эстетики, общественных наук, истории и т. д., то эпоха марксизма завершилась. Теперь мы вступили в постмарксистский период, и можем (чего не могли раньше) начать понимать Маркса по-новому, не оглядываясь на марксистские интерпретации, которые долго главенствовали в дискуссиях и марксистов, и немарксистов.

О реконструкции Маркса

Идея реконструкции принадлежащих к прошлому автора, теории, позиции или точки зрения, конечно, хорошо знакома. Писаная история предлагает ряд вариаций на тему реконструкции прошлого. Говорят, что история стремится формулировать истинные суждения о прошлом¹. Иногда даже полагают, что история подобна естественным наукам². Однако это неправдоподобно, поскольку исторические события не повторяются и явно не подчиняются естественным законам. Более слабая, более правдоподобная точка зрения заключается в том, что независимо от того, можем ли мы знать истину об истории, существуют лучшие или худшие способы ее написания.

Поскольку прошлое уже произошло, проблема заключается в установлении того, что собственно произошло и как оно должно быть понято. Упомянем два различных подхода к восстановлению прошлого. Некоторые полагают, что прошлое можно каким-то образом восстановить, не

---

¹ *Murphey M. G.* Our Knowledge of the Historical Past. Indianapolis, IN: Hackett, 1980. P. 1.

² *Hempel C.* The Function of General Laws in History // Readings in Philosophical Analysis / Ed. H. Feigl and W. Sellars. N. Y.: Appleton-Century-Crofts, 1949. P. 459–471.

имея никакой точки зрения, например путем описания, которое просто сообщает о нем, но не интерпретирует. По мнению других, прошлое можно восстановить только руководствуясь точкой зрения, т. е. обязательно интерпретируя то, что сообщается. Речь идет о том, можно ли и нужно ли писать историю с определенной точки зрения – или можно и нужно довольствоваться, например, описанием, которое якобы не связано с интерпретацией.

Согласно Иоганну Готфриду Гердеру (1744–1803), всякое утверждение об обладании знанием основывается на превалирующей точке зрения, или мировоззрении¹. Эта идея, соотносящая претензию на знание с историческим моментом, с тем, где мы находимся в настоящее время, широко оспаривается. Так, известный немецкий историк Леопольд фон Ранке (1795–1886) считает необходимым восстанавливать прошлое точно таким, каким оно было². Вслед за Ранке еще более известный немецкий философ Мартин Хайдеггер (1889–1976) подчеркивает, что необходимо рассматривать важные философские проблемы, в его случае – вопрос о смысле бытия, в том виде, в каком они будто бы были первоначально выражены³. Французский философ Жан Поль Сартр (1905–1980) в своей незаконченной работе пытался реконструировать целое жизни и творчества французского романиста Гюстава Флобера (1821–1880)⁴. Эти и другие авторы имплицитно признают,

---

¹ *Herder J. G. Auch eine Philosophie der Geschichte zur Bildung der Menschheit.* Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1967.

² См. обсуждение: *Iggers G. G. The Theoretical Foundations of German Historicism II: Leopold von Ranke // The German Conception of History: The National Tradition of Historical Thought from Herder to the Present.* Middletown, CT: Wesleyan University Press. P. 63–89.

³ *Heidegger M. Being and Time / Trans. J. Macquarrie and E. Robinson.* Evanston, IL: Harper and Row, 1961.

⁴ *Sartre J.-P. Idiot de la famille.* 3 vols. P.: Gallimard, 1971.

что можно описывать события прошлого, не прибегая к интерпретации.

Я убежден, напротив, что невозможно разделить описание и интерпретацию, поскольку всякое описание есть интерпретация. Невозможно описывать теории Маркса, не выбирая важных мыслей в его текстах, т. е. не интерпретируя их. Единственная проблема, возникающая в этой связи, заключается в том, как следует – если признавать, что всякое описание является также интерпретацией – подходить к позиции Маркса. Как следует ее описывать? Как ее интерпретировать? Есть ли разница?

Пять условий понимания философских взглядов Маркса

С учетом возможностей, открывшихся после краха официального марксизма, для успешной реконструкции философских идей Маркса необходимо выполнить пять условий – т. е. рассмотреть следующие темы: 1) марксизм, 2) Гегель, 3) политическая экономия, 4) Марксова модель современного индустриального общества и 5) конкретный вклад Маркса в философию. Позвольте мне выложить карты на философский стол, так сказать, прямо в начале этого исследования. В силу обстоятельств идеи Маркса тесно связаны с марксизмом, политическим движением, которое возникло под влиянием Маркса и которое всегда претендовало и претендует на привилегированное отношение к его теориям. Марксизм представляет точку зрения на позицию Маркса, которая широко и без тщательного исследования принимается марксистами, не-марксистами и даже анимарксистами, но, я уверен, затемняет, трансформирует, искажает и делает недоступными его основные философские идеи.

Интересно, что даже самые знающие, самые талантливые интерпретаторы Маркса и марксизма обычно не могут

провести границу или по крайней мере достаточно отчетливую границу между Марксом и марксистами¹ и поэтому продолжают интерпретировать Маркса через его последователей. Такой подход, конечно, беспрецедентен и нежелателен. Никому не приходит в голову понимать Платона через платоников или Канта – через кантианцев. Очевидно, что лучше прочитать собственные произведения автора (если, конечно, мы ими располагаем), нежели полагаться на то, что говорит о них кто-то другой, сколь угодно знающий и благонамеренный.

Очевидно, что лучший путь к уяснению взглядов Маркса – чтение его трудов. Однако поскольку огромная литература о Марксе отражает глубоко укоренившееся марксистское понимание его позиции и поскольку в этой литературе все еще редко проводится четкое различие между Марксом и марксизмом², полезно будет сначала обратиться к марксизму – расчистить площадку, так сказать, – и только потом перейти к Марксу. Значит, первой задачей (хотя и трудно выполнимой сейчас, спустя более чем столетие после смерти Маркса) должно быть проведение четкого различия между Марксом и теми, кто хочет выступать от его имени; если это удастся, то за Маркса смогут говорить его тексты.

Второе условие предполагает давно уже запоздалую полную переоценку отношения Маркса к Гегелю. Почти все, кто пишет о Марксе, чувствуют себя обязанными сказать что-то о Гегеле. Но часто они говорят мало, иногда

---

¹ Так, автор лучшей на сегодня истории марксизма Колаковский, если оставить в стороне несколько риторических жестов, не видит фундаментального различия между Марксом и марксизмом, см.: *Kolakowski L. Main Currents of Marxism. 3 vols. / Trans. P. S. Falla. Oxford: Clarendon Press, 1978.*

² Например, в новой работе Брудни при рассмотрении теорий Маркса не делается различия между Марксом и Энгельсом: *Brudney D. Marx's Attempt to Leave Philosophy. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1998.*

предельно мало и в большинстве случаев – не очень содержательно. Ведь часто они сами недостаточно знают об исключительном значении Гегеля, не могут достаточно обдумать или в силу обстоятельств хорошо понять его. Между тем Гегель – не просто философ, которому возражал Маркс, ошибки которого Маркс исправил: скорее, идеи Гегеля образуют основу и уток ткани зрелых теорий Маркса¹. Общеизвестно, что Гегель был одним из немногих настоящих философских гигантов, создателем философской теории, чрезвычайно влиятельной на протяжении долгого времени. Когда Маркс выковывал свои концептуальные инструменты, Гегель господствовал в философской дискуссии, причем меру его влияния сегодня трудно себе представить. Теории Маркса формировались в более широком контексте гегелевской позиции, которого он не избегал, не мог избежать – даже мы сегодня, пожалуй, не можем его избежать². По разным причинам даже самые компетентные марксисты обычно представляют дело так, будто Маркс просто расшатывал или по крайней мере вышел за рамки гегелевской позиции, как минимум – отбросил теории Гегеля (полагая, что они не позволяют постичь социальную реальность), что совпадало с его общей тенденцией к отходу от философии³.

---

¹ Одним из многих примеров является работа Джеральда Коэна о понимании Марксом истории. Рассмотрение Гегеля здесь практически ограничивается короткой первой главой очень большой книги, см.: *Cohen G. A. Op. cit.*

² *Bernstein R. J. Praxis and Action: Contemporary Philosophies of Human Activity. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1971.*

³ Наиболее компетентный в области философии марксист XX века Георг Лукач в своей новаторской книге, где он буквально открывает отношение Маркса к Гегелю, доказывает, что философ Гегель предлагает лишь мифологическое видение истории, которое Маркс заменяет обращением к действительной человеческой истории: *Lukács G. History and Class Consciousness / Trans. R. Livingstone, Cambridge, MA: MIT Press, 1973.*

Теории Маркса не следует рассматривать также в соответствии с позитивистской научной моделью, как разрешающие философские проблемы во внефилософской, научной плоскости. Такой позитивистский подход просто препятствует рациональному пониманию позиции Маркса, хотя и представляет ее в наилучшем (согласно позитивистским канонам) свете. Марксово критическое отношение к Гегелю, которое само по себе было прекрасным образцом концептуального столкновения двух мощнейших умов XIX ст., проявилось сразу же, как только он начал писать. Критика Гегеля остается центральной темой в работах Маркса от начала и до конца. Собственные теории Маркса надо рассматривать как результат занимавшей его всю жизнь задачи – критически переосмыслить, продумать, усвоить, разработать далее и довести до конца некоторые важнейшие гегелевские идеи о современном обществе. Понимать Маркса в том смысле, будто он находится «вне» взглядов Гегеля и прямо противостоит им, – серьезная ошибка. Скорее, Маркс остается «внутри» философии Гегеля, развивает некоторые его взгляды, а в то же время критикует или опровергает другие, которые он может понимать или не понимать.

Гегель – философский колосс, но он лишь философ. Говоря, что Маркс в конечном счете является гегельянцем, я не имею в виду, что Маркс – только философ. Свидетельством того, что Маркс – мыслитель высочайшего уровня, является то, что его теории просто невозможно втиснуть в границы философии, экономики, политики или какой-то другой единственной области. Как лишь немногие другие, он мыслит широко и постоянно переступает искусственные границы. Здесь и далее в этой книге я употребляю термин «экономика» в широком, ныне непривычном смысле – для обозначения дисциплины, которая в новое время получила важнейший импульс от Адама Смита и которая для Маркса, но не для наших современников, неотделима от политики как таковой.

Философскую сторону позиции Маркса невозможно отделить от ее экономической стороны. Поэтому третье ус-

ловие для понимания позиции Маркса предполагает понимание того, что влияние Гегеля – абсолютно решающее для Марксовой критики политической экономии. Кант – мыслитель, чуждый истории, а Гегель – мыслитель глубоко исторический. Основное различие между Кантом и Гегелем заключается в повороте последнего к истории. Послекантовский немецкий идеализм все больше обращается к истории, следуя в русле Французской революции. Глубоко историческая точка зрения Гегеля обуславливает Марксову историческую критику политической экономии. С начала 1840-х гг. Маркс подробнейшим образом изучает труды современных экономистов. Позже он никогда не свернет с этого пути в процессе выработки собственной позиции. Размышляя над политической экономией, он формулирует много интересных возражений. Но свою центральную идею – о внутренне историческом характере политической экономии, что бы ни говорили и ни думали о ней ее теоретики, – он берет у Гегеля.

Четвертое условие предполагает понимание того, что та самая историческая перспектива, которая определяет Марксову критику политической экономии, определяет и природу Марксовой альтернативной теории современного индустриального общества. Политическая экономия исследует индустриальное общество начиная с промышленной революции. Маркс предлагает объяснение современного индустриального общества, основанное на исторически преходящей форме частной собственности, на частном владении средствами производства, которое он, как и другие, считает определяющей характеристикой капитализма. Главной идеей его альтернативной экономической теории является не теория стоимости, не понимание товара, не концепция отчуждения и даже не теория товарного фетишизма. Ею является, скорее, та основная мысль, идущая от Адама Смита и развитая отчасти Гегелем, что современное общество есть переходная стадия, возникающая из стрем-

ления индивидов удовлетворить свои потребности в рамках экономической структуры капиталистического мира.

Эти четыре условия должны быть выполнены, для того чтобы сегодня с запозданием начать восстанавливать подлинного Маркса, точнее – для того чтобы уяснить пятое условие, т. е. его самостоятельный вклад в философскую дискуссию. Марксистская точка зрения на Маркса, принятая столь широко и безоговорочно, крайне затрудняет оценку его идей как сколько-нибудь философских, какими они просто не могли бы быть, если бы он отошел от философии. И философские идеи Маркса не могут быть поняты изолированно, как если бы его теория была *sui generis*, т. е. в конечном счете не была связана с предшествующей и последующей дискуссией. Мы сможем сформулировать и изучить их в том случае, если поймем, как они возникли в полемическом контексте его времени.

Я сосредоточусь на реконструкции философских идей Маркса не в их оппозиции более широкому гегельянскому контексту, а, скорее, в их причастности последнему. Нет согласия относительно того, что есть философия. Разные философы неизбежно по-разному понимают то, чем они занимаются. Различные понимания природы философии очевидно поведут к различному выбору из огромного корпуса сочинений Маркса тех, что релевантны для философской трактовки его позиции. Выбор текстов в любом случае с необходимостью отражает мое понимание философии и формы, в какой она представлена или не представлена в разных работах Маркса. Другие выборки, другие трактовки и другие оценки философии Маркса можно исключить разве что принудительно. Действительно, одним из подтверждений успешного выполнения задачи, поставленной в этой книге, может быть то, что со временем она сможет вызвать к жизни другие строго философские понимания позиции Маркса.

Гегель, Маркс и марксизм

Ближайшей задачей является установление различия между Марксом и марксизмом, поскольку только так мы можем вновь поставить вопрос об отношении Маркса к его философским корням, в частности – об отношении к Гегелю. Для этого нам потребуется охарактеризовать марксизм и провести границу между Марксом и его последователями – марксистами.

Марксизм, идущий от Энгельса, определяется неким объяснением отношения Маркса к Гегелю, которое в свою очередь порождает точку зрения, будто Маркс оставил Гегеля позади. Я полагаю, что марксистский взгляд на Маркса в значительной мере неточен и что он мешает лучшему пониманию позиции Маркса, в том числе его вклада в философию. Я намерен доказать, что, для того чтобы «вновь открыть» Маркса, следует по возможности полностью освободить его от марксизма, в том числе от первого марксиста, Энгельса. Это даст нам намного более разностороннее и совершенно иное понимание отношения Маркса к Гегелю, позволит выявить устойчивую зависимость Маркса от главных идей Гегеля. По причинам, которые будут разъяснены ниже, я считаю Маркса одним из самых значительных, но наименее понятых философов. Поскольку Маркса понимают главным образом в марксистских тер-

минах, то якобы преувеличенное утверждение, что марксизм есть череда неверных пониманий теорий Маркса¹, не лишено доли истины.

О различии между Марксом и марксизмом

Марксизм никак нельзя назвать простым. На самом деле, он в высшей степени сложен, спорен, многогранен и потому с трудом поддается краткому описанию. Разные авторы понимают марксизм по-разному. Согласно Перри Андерсону, марксизм важен как масштабный чисто интеллектуальный феномен, как теория исторического развития и как политический призыв к борьбе². Однако все три основания сомнительны. Во-первых, есть другие масштабные теории, которые не получают одобрения. Во-вторых, в некотором важном смысле марксизм, предлагающий теорию познания как отражения, является антиисторическим. И, в-третьих, многочисленные политические призывы к борьбе с полным основанием остаются без ответа.

Было бы явной ошибкой просто осудить марксизм, который бывал политически могущественным, иногда – просвещающим, но и политически вредным во многих отношениях³, иногда – интеллектуально креативным, но очень часто – интеллектуально ничтожным или даже хуже того. Но философия Маркса – другое дело. Я убежден, что мар-

---

¹ *Henry M. Marx: A Philosophy of Human Reality* / Trans. K. McLaughlin. Bloomington: Indiana University Press, 1983. P. 1.

² *Anderson P.* In the Tracks of Historical Materialism. Chicago: University of Chicago Press, 1984. P. 86–87. Критику см.: *Giddens A.* A Contemporary Critique of Historical Materialism. L.: Macmillan, 1982. См. также: *Wright E. O.* Giddens's Critique of Marxism // *New Left Review*. March–April 1983. № 138. P. 11–35.

³ *The Black Book of Communism: Crimes, Terror, Repression* / Ed. S. Courtois, N. Werth, J.-L. Panné, A. Paczkowski, K. Bartosek and J.-L. Margolin. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999.

ксизм склонен затушевывать и даже скрывать философские заслуги Маркса. Это происходит по ряду причин. Марксисты настаивают на единстве Маркса и марксизма, полагая, что вместе взятые они составляют единое общее мировоззрение; марксисты признают наукой марксизм и даже позицию Маркса; марксисты говорят о разделении труда между Марксом и Энгельсом, которого часто характеризуют как философа марксизма, и т. д.

Термин «марксизм», который не использовался при жизни Маркса, впоследствии стали привычно употреблять для обозначения точки зрения или совокупности точек зрения, якобы общих для Маркса и его последователей. Впервые, видимо, термин был использован русским философом-марксистом Георгием Валентиновичем Плехановым (1856–1918) вскоре после смерти Маркса – для характеристики позиции, якобы общей для Маркса и его эпигонов. Ученик Плеханова, Владимир Ильич Ленин (1870–1924), главный деятель русской революции, в политическом и даже, пожалуй, теоретическом отношении – самый влиятельный марксист XX ст., определяет марксизм как «систему взглядов и учения Маркса»¹. Это каноническое определение предполагает сложное отношение между Марксом и марксизмом: марксизм неразрывно связан с «официальным» источником, взглядами Маркса и авторитетно утверждается как таковой. Такой подход приближается к следующей позиции: если вы хотите знать, в чем заключается теория Маркса, то следует изучать марксистов, а не Маркса: они расскажут вам то, что вам нужно знать. Этот подтекст не был утрачен позднейшими марксистами. Политический наследник Ленина, Иосиф Сталин (1879–1953), отмечая

---

¹ *Lenin V. I. The Teachings of Karl Marx. N. Y.: International Publishers, 1930. P. 10. [Цит. по изданию: Ленин В. И. Карл Маркс (Краткий биографический очерк с изложением марксизма) // Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Изд-во полит. лит., 1969. Т. 26. С. 50. – Перев.]*

различие между периодами, когда действовали Маркс и Ленин, утверждает, что «ленинизм является дальнейшим развитием марксизма»; в конкретных условиях «эпохи империализма и пролетарской революции... ленинизм есть теория и тактика пролетарской революции вообще, теория и тактика диктатуры пролетариата в особенности»¹.

Высвобождение Маркса из пут марксизма сопряжено с многочисленными трудностями. Одна из них – многообразное, различное, устойчивое, повсеместное распространение влияния Маркса через марксизм в поразительном ряде интеллектуальных областей. Понятый как интеллектуальное движение, марксизм предполагает распространение идей Маркса во все более широкое поле социальных явлений буквально без исключений. Неполный перечень, составленный без особого порядка, включает в себя: литературу², литературную теорию³, политическую экономию⁴, социологию⁵, историю⁶, историографию⁷, политическую теорию⁸, ре-

---

¹ *Stalin J.* Foundations of Leninism. N. Y.: International Publishers, 1939. P. 10, 11. [Цит. по изданию: *Сталин И. В.* Об основах ленинизма: Лекции, читанные в Свердловском университете. М.: ТЕРРА, 1991. С. 5, 4. – Перев.]

² См., например: *Caudwell C.* Illusion and Reality: A Study of the Sources of Poetry. L.: Macmillan, 1917.

³ См., например: *Eagleton T.* Criticism and Ideology. L.: Verso, 1985.

⁴ См., например: *Baran P.* The Political Economy of Growth. N. Y.: Monthly Review Press, 1973.

⁵ См., например: *Pappenheim F.* The Alienation of Modern Man. N. Y.: Monthly Review Press, 1959.

⁶ См., например: *Thompson E. P.* The Making of the English Working Class. N. Y.: Vintage, 1963.

⁷ См., например: *Rakitov A.* Historical Knowledge / Trans. H. C. Creighton. Moscow: Progress Publishers, 1982.

⁸ См., например: *Wittfogel K. A.* Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power. New Haven, CT: Yale University Press, 1957.

лигию¹, этику², философию науки³, психологию⁴, этнологию⁵ и т. д., в целом список областей, где находят применение идеи Маркса, просто поражает. В противоположном понимании – не как интеллектуальный подход к той или иной области, а как политическая тенденция – «марксизм» обозначает сложное политическое движение, порожденное стремлением выработать приемлемое понимание политических целей и политического действия.

Марксизм разделяется, вообще говоря, на официальный, который в советский период, закончившийся с распадом Советского Союза, был постоянно связан с политической ортодоксией, а потому не имел склонности к концептуальному обновлению, – и на неофициальный, который, поскольку никогда не имел отношения к политической ортодоксии, всегда был гораздо более живым⁶. «Официальный» марксизм, особенно «официозные» воплощения марксистской философии, часто сводился к весьма нудным изложениям политически санкционированной точки зрения, лишенным подлинной философской остроты⁷ и не представляющим сколько-нибудь серьезного философского интереса. Неофициальная марксистская теория часто оказывалась намного более живой, поскольку применяла и

---

¹ См., например: *Machovec M. A Marxist Looks At Jesus*. Philadelphia: Fortress Press, 1976.

² См., например: *Lukes S. Marxism and Morality*. Oxford: Oxford University Press, 1987.

³ См., например: *Lektorsky V. A. Subject, Object, Cognition / Trans. S. Syrovatkin*. Moscow: Progress Publishers, 1980.

⁴ См., например: *Sève L. Man in Marxist Theory and the Psychology of Personality / Trans. J. McGreal*. Brighton: Harvester Press, 1978.

⁵ См., например: *Sebag L. Marxisme et structuralisme*. P.: Payot, 1964.

⁶ См. изложение мировоззрения марксизма в работе ведущего представителя советского марксизма: *Ойзерман Т. И. Научно-философское мировоззрение марксизма*. М.: Наука, 1989.

⁷ Там же.

развивала идеи Маркса – интересно, часто пронизательно и временами завораживающе. Приведу один пример – Георг Лукач в одной из важнейших философских работ XX ст. предлагает новаторское прочтение Маркса как философа-гегельянца¹.

Марксизм всегда настаивал на совершенной непрерывности между Марксом и марксизмом. Эта идея, присутствующая повсеместно в марксистских текстах, воспроизводится в немногих имеющихся историях марксизма². В 1908 г. Плеханов утверждает: «марксизм, это – целое мировоззрение»³. Во время русской Революции марксизм на деле стал всеохватывающим самостоятельным мировоззрением⁴, сильно отличающимся от всего того, что содержится в философских произведениях Маркса. Подобное марксистское мировоззрение позже составило фундамент так называемого государственного социализма в Советском Союзе и странах-союзницах.

Политическая история марксизма связана с несколькими Интернационалами, которые можно охарактеризовать очень кратко⁵. Термин «интернационал» происходит от интернационального характера марксизма. Международное

---

¹ *Lukács G. History and Class Consciousness: Studies in Marxist Dialectics / Trans. R. Livingstone. Cambridge, MA: MIT Press, 1971.*

² Пока имеются лишь две работы по истории марксизма: *Vranicki P. Geschichte des Marxismus / Trans. S. Rummel and V. Wiedmann. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1972; Kolakowski L. Main Currents of Marxism. 3 vols. / Trans. P. S. Falla. Oxford: Clarendon Press, 1978.*

³ *Plekhanov G. V. Fundamental Problems of Marxism. N. Y.: International Publishers, 1969. P. 21. [Цит. по изданию: Плеханов Г. В. Основные вопросы марксизма. СПб., 1908. С. 1. – Перев.]*

⁴ Согласно Макинтайру, марксизм в этом отношении можно сравнить с христианством, см.: *MacIntyre A. Marxism and Christianity. Notre Dame, IN: University of Notre Dame Press, 1988.*

⁵ *Cole G. D. H. The Development of Socialism During the Past Fifty Years. L.: University of London Press, 1952.*

Товарищество рабочих (1864–1876) было федерацией рабочих организаций Западной и Центральной Европы, основанной рабочими Лондона и Парижа. Хотя Маркс и Энгельс не были его инициаторами, они играли в нем важные руководящие роли. Первый Интернационал отличился борьбой с анархистами во главе с Михаилом Бакуниным (1814–1876), которая привела в итоге к его расколу и роспуску.

Маркс умер в 1883 г., вскоре после распада Первого Интернационала и до возникновения следующего. Второй Интернационал (1889–1914) был учрежден на Международном рабочем конгрессе в Париже в июле 1889 г. как свободная федерация партий и профессиональных союзов. После смерти Энгельса в 1895 г. главными теоретиками были Плеханов, учитель Ленина и основатель русского марксизма, и Карл Каутский (1854–1938). Этот последний, выдающийся теоретик Второго Интернационала, отстаивал детерминистическую и естественнонаучную форму материализма. Второй Интернационал прекратил существование накануне Первой мировой войны, поскольку его члены приняли решение отказаться от противоборства.

Третий Интернационал (1919–1943), называвшийся также Коммунистическим Интернационалом или Коминтерном, был основан победившими большевиками в Москве в 1919 г. Ленин определил его «основные задачи» как «признание диктатуры пролетариата и советской власти вместо буржуазной демократии»¹. Ленин преждевременно скончался в 1924 г. По инициативе Сталина, ставшего позже советским диктатором, Лев Троцкий (1879–1940), со-

---

¹ *Lenin V. I. Collected Works. 45 vols. Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1960–1963. Vol. 31. P. 197–198. [Цит. по изданию: Ленин В. И. Тезисы об основных задачах второго конгресса Коммунистического Интернационала // Полн. собр. соч. 5-е изд. М.: Изд-во полит. лит., 1981. Т. 41. С. 197. – Перев.]*

ратник Ленина по борьбе, был исключен из Коминтерна в 1927 г. и впоследствии убит в изгнании. Коминтерн, поддержавший сталинские чистки¹, принял решение о самороспуске в июне 1943 г. на том основании, что международное коммунистическое движение уже не могло управляться из единого центра.

Четвертый Интернационал (1938) был основан по инициативе Троцкого и его единомышленников. Он продолжает упорно противопоставлять себя Второму и Третьему Интернационалам, считая их контрреволюционными.

Энгельс и марксистский взгляд на Маркса

Утверждение, что Маркс и Энгельс стояли на одних позициях, верно применительно к политическим взглядам, но неверно по отношению к философии². «Позитивизм», который является альтернативным названием для сциентизма, или идея, что наука и только наука дает ключ к решению всех проблем, вообще говоря, представляет собой убеждение, что все важные вопросы знания могут быть решены на научных, т. е. внефилософских, основаниях. Антипозитивизм означает отказ от позитивизма. Философские теории Маркса, которые мы подробно обсудим ниже, в основах своих сформировавшиеся под влиянием немецкого идеализма, особенно Гегеля, были антипозитивистскими³.

---

¹ *Medvedev R. A. Let History Judge: The Origins and Consequences of Stalinism* / Trans. C. Taylor; Ed. D. Joravsky and G. Haupt. N. Y.: Vintage, 1978.

² Колаковский детально анализирует философские различия между Марксом и Энгельсом, но не видит их важности для решения вопроса о единстве между Марксом и марксизмом: *Kolakowski L. Main Currents of Marxism*. Vol. 1. P. 399–420.

³ Это необходимо отметить, поскольку в некоторых местах Маркс характеризует свои работы как не философские из-за их эмпирического характера, а значит предполагает противоположность между эмпирическим и философским.

Энгельса сегодня назвали бы позитивистом. В типично младогегельянском духе Энгельс полагал, что философия закончилась на Гегеле. Изображая марксизм как чуждую философии науку, он считает, что имеются научные ответы на философские вопросы. Значимая и частая ошибка, основополагающая для марксистского понимания марксизма, заключается в утверждении, что Маркс и марксизм, или Маркс и Энгельс, придерживаются одинаковых или по меньшей мере очень близких философских взглядов.

Что такое «марксистская философия»? Далекий от обозначения «вдохновения», идущего от Маркса, этот термин неясен, не поддается определению, имеет смысл главным образом как политическая характеристика, постоянно изменяемая по политическим причинам. Подобно красоте, марксизм, включая марксистскую философию, зависит от точки зрения наблюдателя. По политическим причинам марксистская философия часто ассоциировалась с официальной доктриной. Когда в 1923 г. венгерский марксист Георг Лукач (1885–1971) опубликовал книгу «История и классовое сознание», она была справедливо расценена как блестящий марксистский философский трактат. Однако автор отрекся от своей книги уже в следующем году, когда после перевода «Материализма и эмпириокритицизма» Ленина на европейские языки ее справедливо посчитали несовместимой с ленинскими взглядами, которым по политическим причинам отдали пальму первенства¹.

Если иметь в виду теорию, то минималистская точка зрения на марксизм предполагает включение в него двух главных учений: диалектического материализма и исторического материализма. В этом отношении имеется водораздел, четкое различие между Марксом и марксизмом. Ни

---

¹ *Rockmore T. Irrationalism: Lukács and the Marxist View of Reason. Philadelphia: Temple University Press, 1992.*

одно из этих учений не обнаруживается в сочинениях Маркса, где их часто находили, если требовалось – то путем изменения написанных текстов. Эти учения обязаны своим происхождением главным образом Энгельсу, основоположнику марксизма.

Философия и наука часто рассматриваются как два главных компонента марксизма. Диалектический материализм воспринимается как марксистская философия, а исторический материализм – как (каноническая) марксистская наука. Сталина, а не Маркса, почитают как автора «Диалектического и исторического материализма»¹. Отчасти следуя по стопам Сталина, вплоть до распада Советского Союза учебники по марксистской философии традиционно состояли из введения и двух частей: пространного обсуждения диалектического материализма и еще более пространного обсуждения исторического материализма². В таких учебниках диалектический материализм и исторический материализм в их совокупности характеризуются как философские основы марксизма-ленинизма, а вместе с тем так называемая философия диалектического материализма непоследовательно называется марксистско-ленинской философией³.

Как материализм соотносится с позицией Маркса? Материализм – учение, которому отчетливо привержен Энгельс, но отнюдь не столь отчетливо – Маркс. Хотя применительно к мысли Маркса обычно употребляется термин «материализм», Маркс, как ни удивительно, отнюдь не является материалистом ни в каком из общепринятых смыслов этой позиции. Под «материализмом» обычно понима-

---

¹ *Stalin J.* *Dialectical and Historical Materialism.* N. Y.: International Publishers, 1940.

² *Основы марксистской философии: учеб.* М.: Изд-во полит. лит., 1963.

³ Там же. С. 4.

ется мнение, что путем анализа все может быть сведено в конечном счете к мельчайшим частицам, скажем атомам или субатомным частицам вроде кварков и т. д. Эта точка зрения, корни которой несомненно уходят в древнегреческую мысль, лежит в основании значительной части современной науки, основывающейся на атомарной теории материи. Согласно Энгельсу, термин «материализм» обычно обозначает примат независимого внешнего мира. Материализм и реализм – взаимосвязанные теории. Реалисты полагают, что знание есть знание реального, как бы оно ни определялось, а материалисты утверждают, что только материя реальна. Научный реализм есть, в общих чертах, учение о том, что имеется независимая реальность и что науке удастся постигать реальность¹.

Энгельс, выступая против идеализма, выработал отчетливо реалистическую позицию. В работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» он утверждает, что основной проблемой философии является отношение мышления к бытию. По его мнению, имеется только две возможности: или утверждать, вместе с идеалистами, что мышление предшествует бытию, или же утверждать, вместе с материалистами, что бытие предшествует мышлению. Энгельс предпочел вторую позицию, исходя из того, что мышление есть продукт материи. Он придерживался также реалистической точки зрения на познание. Согласно Энгельсу, познание заключается в правильном отражении независимой реальности².

Теория познания как отражения (*Wiederspiegelungstheorie* – от немецкого *Spiegel*, зеркало), которая выражает от-

---

¹ См., например: *van Fraassen B. The Scientific Image. Oxford: Clarendon Press, 1980.*

² См. об этом во второй главе («Идеализм и материализм») работы Энгельса: *Engels F. Ludwig Feuerbach and the Outcome of Classical German Philosophy / Ed. C. P. Dutt. N. Y.: International Publishers, 1941. P. 20–32.*

ношение сознания к независимому миру, имеет солидного философского предшественника в традиционном британском эмпиризме. Английский философ Фрэнсис Бэкон (1561–1626) полагал, что при соответствующих условиях сознание отражает мир¹. Во времена не столь далекие эта точка зрения возвращается у раннего Людвиг Витгенштейна (1889–1951) в виде так называемой «образной» теории познания². Для наших целей достаточно подчеркнуть, что теория познания как отражения, которая впоследствии была принята целым рядом марксистов, не имеет основания в сочинениях Маркса. Маркс также никогда не говорит о различии между материализмом и идеализмом как центральной или хотя бы в каком-то смысле центральной философской теме³.

Термин «диалектический материализм»⁴ (часто употребляется сокращение – «диамат») не встречается ни в сочинениях Маркса, ни в трудах Энгельса⁵. Видимо, впервые

---

¹ Bacon F. *The New Organon* / Ed. F. Fulton. Indianapolis, IN: LLA, 1960.

² Wittgenstein L. *Tractatus Logico-Philosophicus* / Trans. D. F. Pears and B. F. McGuinness. L.: Routledge and Kegan Paul, 1961.

³ Изощренная аргументация в защиту теории познания как отражения содержится в книге: Sayers S. *Reality and Reason: Dialectic and the Theory of Knowledge*. Oxford: Blackwell Publishers, 1985.

⁴ Детальное исследование, сфокусированное на советской точке зрения, см. в книге Густава Веттера: Wetter G. *Dialectical Materialism: A Historical and Systematic Survey of Philosophy in the Soviet Union*. L.: Routledge and Kegan Paul, 1958.

⁵ Это вызывает замешательство – ведь, как полагает Сталин, марксизм есть соединение двух доктрин, а они между тем никогда не упоминаются «по имени» предполагаемыми отцами-основателями марксистского мировоззрения. Часто делались попытки «впечатать» эти доктрины в канонические тексты. Пренебрегая тем фактом, что «... Фейербах...» Энгельса был издан отдельными частями в 1886 г. и в виде книги впервые появился в 1888 г., т. е. до того, как эти термины вошли в употребление, редактор MEW утверждает, что этот том «gibt eine systema-

его употребил Иосиф Дицген в работе, опубликованной в 1887 г., т. е. после смерти Маркса, а впоследствии – Плеханов в работе «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (1891)¹. Диалектический материализм часто называют философией марксизма. Сталин называет его «мировоззрением марксистско-ленинской партии»². Согласно Гесту, «единственное мировоззрение, которое имеет научные основания в виде всей совокупности имеющегося человеческого знания»³, возникло в результате «отрицания» гегелевской философии⁴. Советский учебник по марксистской философии характеризует диалектический материализм как современную научную философию, имеющую широкую базу⁵.

Диалектический материализм понимается обычно как гибрид механистического материализма эпохи научной

---

tische Darstellung der dialektischen und historischen Materialismus» [«содержит систематическое изложение диалектического и исторического материализма» (нем.). – Перев.], см.: Marx-Engels-Werke. Bd. 21. Berlin: Dietz, 1962. S. 579. (Прим. 22). Подхватив этот вымысел, редактор английского перевода дал главе 4 энгельсовского «...Фейербаха...» заглавие «Диалектический материализм», хотя в немецком тексте главы не имеют заглавий; см.: Engels F. Ludwig Feuerbach... P. 42. Сей избыток политического рвения был молчаливо устранен в недавнем издании собрания сочинений Маркса и Энгельса, осуществленном тем же издателем: Marx/Engels. Collected Works. Vol. 26. P. 381.

¹ Kline G. L. The Myth of Marx's Materialism // Philosophical Sovietology: The Pursuit of a Science / Ed. H. Dahm, T. J. Blakeley, and G. L. Kline. Dordrecht: D. Reidel, 1988. P. 182. (Прим. 44).

² Stalin J. Dialectical and Historical Materialism. P. 5. [История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. С. 99. – Перев.]

³ Guest D. A textbook of dialectical materialism. L.: Lawrence & Wishart, 1939. P. 23.

⁴ Ibid. P. 103.

⁵ См.: Основы марксистской философии: учеб. С. 647.

революции и Просвещения и гегелевской диалектической формы идеализма. Каноническими источниками диалектического материализма являются работы Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке» и «Анти-Дюринг»¹, три переработанных главы которого собственно и составили брошюру «Развитие социализма...». «Анти-Дюринг» содержит последовательное изложение установки, якобы общей для Маркса и Энгельса, охарактеризованной как «диалектический метод» и «коммунистическое мировоззрение» Маркса и самого Энгельса. Марксисты часто утверждают, что диалектический материализм был впервые сформулирован в Марксовой «Нищете философии» и в «Манифесте коммунистической партии»². По мнению Энгельса, они с Марксом были единственными, кто применил концепцию диалектики, почерпнутую в послекантовском немецком идеализме, в качестве материалистической концепции природы и истории³.

Утверждение Энгельса об их общем видении материалистической диалектики является тенденциозным и явно ложным. Маркс и Энгельс имели весьма различные точки зрения на диалектику. Энгельс применил диалектику к природе в своей последней, незаконченной работе «Диалектика природы»⁴, но такой подход не имеет и следа в сочинениях Маркса.

Согласно Энгельсу, заслуга Маркса заключается в распространении диалектики на познание истории. Однако, поскольку Гегель первым применил диалектику к истории,

---

¹ Евгений Карл Дюринг (Dühring; 1833–1921), немецкий экономист и социалист, преподавал в Берлинском университете в 1863–1877 гг.

² Engels F. Herr Eugen Dühring's Revolution in Science (= Anti-Dühring) / Trans. E. Burns. N. Y.: International Publishers, 1970. P. 13.

³ Ibid. P. 155.

⁴ Engels F. Dialectics of Nature / Trans. and ed. C. P. Dutt. N. Y.: International Publishers, 1940.

читавший Гегеля Маркс научился диалектическому подходу к историческим явлениям раньше, чем они встретились с Энгельсом. Эта констатация серьезно отличается от «официального» утверждения, что Энгельс и Маркс вместе создали единую общую позицию. Хотя Маркс никогда не употребляет термин «исторический материализм» (в распространенном сокращении – «истмат») применительно к собственной теории, этот термин регулярно употребляется, особенно в западных кругах, для обозначения марксистской науки.

Отношение между диалектическим материализмом и историческим материализмом остается неясным у Энгельса и последующих марксистов. Признавая первенство Маркса, который будто бы заложил основания их «общей» теории путем открытия основных принципов экономики и истории¹, Энгельс справедливо полагает, как я докажу далее, что творчество Маркса является самостоятельным. Сталин просто переворачивает это утверждение и заявляет, что Марксова теория исторического материализма основывается на диалектическом материализме Энгельса. Согласно Сталину, «исторический материализм есть распространение положений диалектического материализма на изучение общественной жизни»². Поскольку исторический материализм вытекает из диалектического материализма, Сталин полагает, что Энгельс, а не Маркс является основателем марксизма, который составляет основание даже позиции Маркса. Такое понимание отношений между Марксом и Энгельсом не просто ошибочно, но и невозможно, даже абсурдно. Ведь оно ошибочно предполагает, что Энгельс, ученик Маркса, открыл теории Маркса (которые на самом

---

¹ *Engels F. Ludwig Feuerbach*. P. 42. (Прим. 1).

² *Stalin J. Dialectical and Historical Materialism*. P. 5. [История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). С. 100. – Перев.]

деле его вдохновляли в его творчестве), поскольку позиция Маркса содержится в марксизме.

Эта марксистская точка зрения на отношения между Марксом и Энгельсом, а значит между Марксом и марксизмом, широко и совершенно некритически воспроизводится во всей марксистской, немарксистской и антимарксистской дискуссии. Дело обстоит так, как если бы те, кто интересуется, или, напротив, не интересуется Марксом, или даже враждебен к нему, были вправе прибегать к ненаучной, предвзятой аргументации. Марксисты стремятся избавиться от философии, которую они часто рассматривают как идеологию; немарксисты, удовлетворенные ролью философов, любят отрицать этот статус за марксизмом, последователи которого тоже обычно отказываются от него в качестве характеристики собственных взглядов. Философ-марксист Плеханов описывает (обычную) точку зрения на социализм у Маркса и Энгельса: социализм – «не только экономическое, но и универсальное учение»¹. Согласно советскому учебнику по марксизму, в теории исторического материализма марксизм формулирует «научные» законы общественного развития².

Энгельс часто говорил, что Марксу принадлежит не философская, научная составляющая марксизма. Несколько важных суждений было высказано Энгельсом в его знаменитой речи на могиле Маркса и в небольшой книжке о Фейербахе. В хвалебной речи Энгельс великодушно, но ошибочно сравнивает Маркса с Дарвином. Он утверждает, что Маркс «открыл закон развития человеческой истории», предполагающий, что экономика предшествует всему остальному, а также «особый закон движения современного капиталистического способа производства и порожденного

---

¹ *Plekhanov G. V. Fundamental Problems of Marxism. P. 21. (Прим.).*

² Основы марксистской философии: учеб. С. 647.

им буржуазного общества»¹. Это утверждение ошибочно, поскольку Маркс никоим образом не претендует на открытие, раскрытие или формулирование законов движения капитализма, который он детально изучает и для открытия анатомии которого он так много сделал. Однако, по мнению Энгельса, Маркс – в качестве ученого, а не философа – открыл основные законы истории вообще и современного капитализма в частности.

Энгельс развил свои мысли о заслугах Маркса в брошюре о Фейербахе, где он четко разграничил философию и науку о социальной реальности. Согласно Энгельсу, Фейербах, предложивший новую религию как противовес гегелевской философии, остался в рамках этой философии. Но впоследствии она была преодолена посредством «науки о действительных людях и их историческом развитии»². Философия не годится для решения ближайших задач, поскольку она просто заменяет реальные связи исторических событий тем, что происходит в голове философа³. Подобно религии, философия – лишь своего рода идеология⁴, которая не может играть законной роли по отношению к природе или истории⁵. В «Анти-Дюринге» Энгельс, не используя термин «исторический материализм», описывает материалистическое понимание истории, будто бы открытое Марксом, как точку зрения, согласно которой производство товаров является базисом общества⁶. Однако, как выяснит-

---

¹ *Engels F. Speech at the Graveside of Karl Marx // The Marx-Engels Reader / Ed. R. C. Tucker. N. Y.: Norton, 1972. P. 681. [Цит. по изданию: Энгельс Ф. Похороны Карла Маркса // Соч. М., 1961. Т. 19. С. 350, 351. – Перев.]*

² *Engels F. Ludwig Feuerbach. P. 41. [Цит. по изданию: Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Соч. М., 1961. Т. 21. С. 299. – Перев.]*

³ *Ibid. P. 47.*

⁴ *Ibid. P. 55.*

⁵ *Ibid. P. 59.*

⁶ *Engels F. Anti-Dühring. P. 32, 33, 292.*

ся ниже, вполне можно утверждать, что, по мнению Маркса, производство товаров действительно является базисом современного общества, и признавать вместе с тем, что эта идея является в сущности философской.

В. И. Ленин

Эдм. Маркс

Г. В. Плеханов

М. И. Ситов

К. В. Фирсов

Л. И. Яковлев

Маркс и Энгельс

Главное основание для мнения, что Маркс и Энгельс являются соавторами единой общей теории, заключается в их тесном общении. Примерно на тех же основаниях можно думать, что люди, живущие в одной квартире, должны мыслить одинаково. Однако продолжительное общение, даже прямые заявления об общей приверженности единой позиции, еще не гарантируют того, что два писателя придерживаются сходной, а тем более одной и той же совокупности (философских) идей.

Источником этого марксистского мифа являются, несомненно, тесные дружеские отношения между Марксом и Энгельсом, которые завязались в 1840-х гг., когда они встретились, и продолжались около сорока лет до кончины Маркса. Поскольку Маркс посвятил себя главным образом исследованиям, Энгельс в течение многих лет был главным источником финансовой поддержки для Маркса и его семьи. Конечно, отношения между ними не сводились к деньгам. Уже отмечалось, что у Маркса и Энгельса была общая политическая программа, которую вкратце можно охарактеризовать как полное и повсеместное освобождение трудящихся. Они сотрудничали в работе над рядом произведений, в числе которых – знаменитый «Манифест коммунистической партии», философски важная «Немецкая идеология», философски менее важное «Святое семейство», а также «Анти-Дюринг», где Энгельс подверг критике Дюринга – своего немецкого современника.

Вспомним также легкий литературный стиль Энгельса, его неизменную склонность давать простые ответы на часто очень сложные философские вопросы, которые обсуждались на протяжении тысячелетий. Одним из примеров является проблема отношения между мышлением и бытием, которая была предметом споров начиная с V в. до н. э., когда была сформулирована Парменидом¹. Энгельс, самоучка в области философии, задал тон для поколений политических марксистов, которые, конечно, в основном хотят решать проблемы, особенно философские проблемы, а не заниматься их бесконечным обсуждением по примеру профессиональных философов. Поскольку Энгельс не интересовался философскими тонкостями, почти не возникает сомнений относительно его позиции по конкретным вопросам и лишь изредка ощущается необходимость перечитать тот или иной фрагмент, чтобы уловить его смысл. У Маркса был талант к поразительным афоризмам, но чаще он писал в знакомом тяжеловесном, унылом стиле немецкого профессора, каковым поначалу и хотел стать. Его тексты не только вознаграждают вдумчивость, но и требуют ее. Они трудны для понимания, требуют длительного сосредоточения и большого интеллектуального багажа, ненужного для легкой пищи, предлагаемой Энгельсом. Поэтому естественно, что читатели даже при жизни Маркса обращались к Энгельсу как источнику знаний об их якобы общей позиции. Это стало еще более естественным после смерти Маркса, когда его слава продолжала расти. Энгельс как его литературный душеприказчик был еще активен и мог высказать «авторитетные» суждения о том, что они оба имели в виду под идеями, вызывающими споры. Так, в известном

---

¹ Относительно недавно эта проблема была рассмотрена в книге: *McDowell J. Mind and World*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1995.

письме к Йозефу Блоху он говорит о себе и Марксе как об одном целом: «Маркс и я отчасти сами виноваты в том, что молодежь иногда придает больше значения экономической стороне, чем это следует»¹.

Доступ к философским идеям Маркса затруднен еще и потому, что Энгельс говорит о разделении умственного труда между ними. Рассмотрим следующий важный отрывок из его книги о Фейербахе (1888), которая появилась через пять лет после смерти Маркса. Размышляя о собственной роли в создании того, что он просто и незатейливо называет «теорией», Энгельс пишет: «Огромнейшая часть основных руководящих мыслей, особенно в экономической и исторической области, и, еще больше, их окончательная четкая формулировка принадлежит Марксу»². Здесь содержится намек на то, что Энгельс и Маркс создали общую теорию, заслугу формулировки которой Энгельс скромно (но, я уверен, справедливо) признает главным образом за своим более талантливым коллегой. Кроме того, утверждая, что заслуга Маркса в их общем деле связана с экономикой и историей, Энгельс подразумевает, что Маркс был политико-экономом, интересовавшимся историей. В таком случае вклад Маркса в общую теорию следует искать именно в этой области, а не в философии; поэтому, намекает Энгельс, он, Энгельс, был философом в их содружестве. Этот подтекст часто прочитывался. Плеханов, например, утверждает, что окончательную форму «философские взгляды Маркса-Энгельса» получили в первой части «Анти-Дюринга» Энгельса³.

---

¹ The Marx-Engels Reader. P. 762. [Ф. Энгельс – Йозефу Блоху [21–22] сент. 1890, цит. по изданию: Соч. М., 1965. Т. 37. С. 396. – Перев.]

² Engels F. Ludwig Feuerbach. P. 42. (Прим.). [Цит. по изданию: Энгельс Ф. Людвиг Фейербах... С. 300. (Прим.). – Перев.]

³ Plekhanov G. V. Op. cit. P. 23. [Цит. по изданию: Плеханов Г. В. Цит. соч. С. 4. – Перев.]

Суждение, что Энгельс был философом, а Маркс – экономистом, долго препятствовало пониманию философских взглядов Маркса. Это суждение основано отчасти на неверном понимании философского базиса каждого из них. Маркс изучал философию в университете и получил докторскую степень. Энгельс не был бакалавром. Он занимался философией лишь от случая к случаю, у него просто не было соответствующего образования, не говоря уже о философском таланте, которые позволили бы ему создавать собственные высококлассные философские труды. Он не обладал также тонким пониманием философских теорий и чисто философской изобретательностью Маркса. Как философ он был в лучшем случае талантливый любитель, интересующимся философскими темами. Однако поколения марксистов, у которых тоже как правило не было хорошего философского образования, обращались за философскими идеями к Энгельсу и тем самым отвлекались от Маркса. Например, подсчитано, что Ленин в своей ранней работе «Материализм и эмпириокритицизм», которая была его главным философским произведением, несколько сотен раз цитирует Энгельса и лишь однажды – Маркса¹.

О текстах Маркса

Нет ничего необычного в том, что научное издание трудов серьезного мыслителя вроде Маркса выходит лишь длительное время спустя после его смерти. Вспомним Гегеля. Хотя он умер в 1831 г., хотя он привлек к себе огромное внимание, полное собрание его трудов так и не появилось, а вышли в свет несколько научных изданий, причем всякий раз неполных. Однако публикация нового, пусть

---

¹ *Wolfe B. Marxism: One Hundred Years in the Life of a Doctrine.* [N. p.]: Delta, 1967.

даже полного издания его сочинений вряд ли существенно изменит наше знание о них. В лучшем случае оно даст информацию, которая может заинтересовать ученых и обеспечить их материалом для научных споров.

Другое дело – сочинения Маркса, поскольку публикации, появившиеся после его смерти, серьезно изменили наше представление о его взглядах. Сам Маркс опубликовал сравнительно немного работ, особенно по философии. Однако его философская позиция может оказаться самым важным аспектом его мысли – как бы ни было это удивительно для тех, кто вырос на марксистском мифе о Марксе – политико-экономе. Когда он умер в 1883 г., марксистская традиция уже набрала ход благодаря неустанным усилиям его ближайшего сотрудника, Энгельса. Многие из того, что сегодня рассматривается как важнейшие философские работы Маркса, вышло в свет лишь позже, после того, как марксистская точка зрения на Маркса уже сформировалась. Другие его работы так и не были опубликованы или были замолчаны, если противоречили марксистскому взгляду на Маркса, или же не были включены даже в так называемые «официальные» собрания сочинений Маркса. А некоторые работы Маркса претерпели переложение для приведения их в соответствие с конкретным предвзятым взглядом или отретушированы, чтобы текст соответствовал определенным представлениям о нем, и все это значительно затруднило адекватное обсуждение¹.

Сочинения, появившиеся лишь после смерти Маркса (некоторые из них существенно важны для понимания его философских идей), включают не только последние тома

---

¹ Примером обычая марксистов ретушировать тексты с целью устранения всего того, что противоречит их точке зрения на эти тексты, в данном случае – для избавления от следов гегелевского идеализма, является работа Дика Ховарда: *Howard D. On Deforming Marx: The French Translation of Grundrisse // Science and Society. Autumn 1969. P. 358–365.*

«Капитала» и «Теории прибавочной стоимости», позднейшие, скорее экономические работы, – но и «Парижские рукописи», т. е. основной текст с точки зрения развития мыслей Маркса о философском гуманизме; и «Немецкую идеологию», где впервые эксплицитно разрабатывается влиятельное понимание идеологии, подспудно присутствовавшее в более ранних сочинениях; и «Тезисы о Фейербахе» в их первоначальной форме, где Маркс формулирует поразительно краткую, но богатую сумму некоторых центральных положений своей позиции; и «Grundrisse» – произведение, которое сегодня часто расценивается как не просто центральный, но даже единственный важнейший текст во всем корпусе его трудов, но который вроде бы был совершенно неизвестен Энгельсу¹. Очень трудно найти хотя бы одного современного мыслителя, относительно которого общепринятый взгляд, концептуальный консенсус возник до публикации не просто одного, но целого ряда его важнейших текстов. Эти сочинения принадлежат к корпусу текстов Маркса. Они играют ключевые роли в установлении позиции Маркса, представление о которой в корне изменяется в зависимости от знания или незнания этих работ.

Политический элемент, который Маркс усматривал в так называемой буржуазной мысли, никогда не отсутствовал полностью в оценках его теорий и его текстов. Блестящим примером является спор о правильном понимании диалектики. Деборинцы (сторонники Абрама Деборина (1881–1963)), проигравшая сторона в споре о правильном понимании диалектики, который шел между деборинцами и механистами в конце 1920-х – начале 1930-х гг., не просто проиграли в споре. Они лишились работы, а в некоторых случаях – жизни².

---

¹ Marx K. The Grundrisse / Ed. and trans. D. McLellan. N. Y.: Harper and Row, 1971. P. 2. (Предисловие Д. Маклеллана).

² Kolakowski L. Main Currents of Marxism. Vol. 2. P. 63–76; Nikolai Bucharin and Abram Deborin. Kontroversen über dialektischen und mechanistischen Materialismus / Ed. O. Negt. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1974.

В марксистских изданиях основных текстов Маркса имеется заметный политический элемент. Поэтому не случайно, что если в брошюре о Фейербахе Энгельс утверждает, что только Маркс смог отделить рациональное зерно в гегелевском методе от его идеалистических одеяний, то политически ортодоксальный редактор в своем примечании утверждает, что и Ленин мог это сделать¹.

Попытки выпустить критическое издание сочинений Маркса до сих пор не были успешными, часто – явно по политическим причинам. Многочисленные собрания сочинений Маркса часто включают также сочинения Энгельса². Другие сочинения Маркса просто замалчивались, поскольку противоречили официальной политической линии в то или иное время. Ни одна попытка опубликовать полное собрание сочинений Маркса и Энгельса до сих пор не увенчалась успехом, да и, возможно, никогда не увенчается. Сначала в Москве начиная с 1927 г. была предпринята попытка издать такое собрание на языках оригиналов (*Marx-Engels Gesamtausgabe*); второе русское издание вышло в 1955 г., издание, подготовленное в Германской Демократической Республике, фактически было «завершено», но ни в коей мере не является полным; издание текстов на английском языке осуществляется начиная с 1975 г.

Ко времени написания этой книги инициативы по изданию собрания сочинений Маркса и Энгельса неизменно основывались на русском издании. Давиду Борисовичу Рязанову, революционеру-большевику, довелось стать редактором и предпринять первое полное издание сочинений Маркса, так называемое MEGA (=Marx-Engels-Gesamtausgabe); он был директором Института Маркса-Энгельса

---

¹ *Engels F. Ludwig Feuerbach*. P. 78. (Прим.).

² Например, в издании: *The Writings of the Young Marx on Philosophy and Society* / Ed. L. D. Easton and K. H. Guddat. Garden City, NY: Doubleday, 1967, – имеется небольшой текст Энгельса (P. 384–386).

в Москве, разогнанного в ходе сталинских чисток в 1930-х гг.¹ Потом его заменил В. Адоратский, но запланированное 40-томное издание было доведено только до 12-го тома. Более недавнее, но все-таки неполное издание сочинений Маркса и Энгельса, опубликованное в бывшей Германской Демократической Республике, так называемое MEW (=Marx-Engels-Werke), основывается на втором русском издании и выходило по решению и под руководством Центрального комитета Социалистической Единой партии Германии².

Не случайно некоторые важнейшие сочинения Маркса, сейчас расцениваемые компетентными исследователями как центральные, без всяких объяснений не включались даже в так называемые полные собрания сочинений Маркса и Энгельса. «Grundrisse» появились в Москве в двух выпусках в 1939 и 1941 г., однако были включены лишь в официальное издание сочинений Маркса и Энгельса (MEW), опубликованное в бывшей Германской Демократической Республике примерно через тридцать лет после того, как они были впервые по-немецки опубликованы на Западе³. «Парижские рукописи» Маркса, которые были впервые изданы в России в 1929 г., так же как две его ранних статьи о Гегеле, принципиально важные (как выяснится ниже) для понимания экономической направленности его критики Гегеля и написанные даже до его знакомства с Энгельсом, были включены в это издание только в дополнительном томе (Ergänzungsband) в 1968 г.

---

¹ Wolfe B. D. *An Ideology in Power. Reflections on the Russian Revolution*. N. Y.: Stein and Day, 1970. P. 274. См. воспоминания, связанные с его обвинением: Medvedev R. A. *Let History judge: The Origins and Consequences of Stalinism*. N. Y.: Vintage, 1975. P. 152–159.

² См.: Marx-Engels-Werke. Berlin: Dietz Verlag, 1970. Bd. 1. S. ix.

³ Рукописи составили 42 том, который вышел в свет только в 1983 г.

Маркс, Энгельс и тексты Маркса

Философия – совместное предприятие в том ограниченном смысле, что всякая точка зрения развертывается в лоне философской традиции, которая уже всегда здесь, так сказать. Однако из-за немногочисленности случаев совместного написания текстов известными авторами редко возникают трудности, связанные с установлением их индивидуальных взглядов. С идеями Маркса дело обстоит не так просто, поскольку в ходе продолжавшегося долгие годы сотрудничества с Фридрихом Энгельсом они вместе написали некоторое число текстов.

На практике тексты Маркса и Энгельса часто воспринимаются так, как будто они принадлежат воображаемому гибриднему автору Марксу-Энгельсу, что отражает заявленную непрерывность между Марксом и марксизмом. Поэтому не случайно МЭВ началось с сочинений, написанных после встречи Маркса с Энгельсом в августе 1844 г., поскольку до этого времени знаменитый двуглавый интеллектуал не существовал. В предисловии к дополнительному тому МЭВ, включающему в себя ранние сочинения Маркса и Энгельса, а именно написанные до их встречи, они названы «двумя основателями научного коммунизма»¹. Прозрачное политическое намерение заключается здесь в том, чтобы отстоять политический вымысел о Марксе и Энгельсе как равных сооснователей единой теоретической сущности. В советский период вымысел об абсолютном единстве между Марксом, Энгельсом и тем, кто был у власти в данный конкретный момент, приводил к рождению автора-чудовища, именуемого Марксом-Энгельсом-Лениным, Марксом-Энгельсом-Лениным-Сталиным, Марксом-

---

¹ *Marx K., Engels F. Ergänzungsband. Schriften. Manuskripte. Briefe bis 1844 // Marx-Engels-Werke. Berlin: Dietz Verlag, 1968. S. v.*

Энгельсом-Сталиным, Марксом-Энгельсом-Лениным-Мао, Марксом-Энгельсом-Мао и т. д. В любом случае в разные периоды последний персонаж в цепочке утверждался в качестве законного наследника марксистской традиции, а на практике выступал ее последним и якобы надежным истолкователем.

Поскольку большинство наблюдателей не видят существенной разницы между политическими и философскими взглядами Маркса и Энгельса, участники марксистской дискуссии склонны представлять себя сооснователями марксизма¹. Однако смешение Маркса и Энгельса не является ни необходимым, ни даже полезным. Один из тезисов, отстаиваемых в этой книге, заключается в том, что как философ Маркс вполне самостоятелен и что его философские взгляды действительно заслуживают серьезного отношения к себе.

Об интерпретации текстов Маркса

Интерпретация теорий Маркса часто страдает от общего марксистского подхода, который, даже в сознании недоктринированных читателей, противопоставляет Маркса философии, препятствуя тем самым пониманию Маркса в контексте классической немецкой философии. Настаивая на коренном различии между идеализмом и материализмом, марксизм со времени Энгельса предполагает необходимость подобного различия между Марксом и философской традицией. Это различие часто понимают как различие между не-наукой и наукой, причем марксизм претендует на статус науки, понимаемой в духе современного естествознания. Тем самым предлагается подход к Марксу и марксизму, основанный на коренном различии

---

¹ *Kolakowski L. Main Currents of Marxism. Vol. 1: The Founders.*

между Марксом и марксизмом как наукой – и философией в любых ее формах. Такой подход достигает вершины в попытке Луи Альтюссера (1918–1990), французского ортодоксального марксиста, дать «научное» прочтение «Капитала», как если бы предшествующие прочтения были ненаучными, недостойными имени «научный», а значит ложными¹.

Так называемое «научное» прочтение текстов Маркса, рекомендуемое Альтюссером, предполагает возможность выхода за рамки простой интерпретации ради понимания сочинений Маркса на более глубоком, имманентном уровне. Этот подход есть разновидность идеи, знакомой из новой критики строгого правового конструктивизма², заключающейся в том, что интерпретация не нуждается в отсылке к контексту, в котором возникают тексты, и даже не должна на него ссылаться.

Интерпретируя Маркса, полезно будет рассмотреть его отношение к немецкой идеалистической традиции по двум основным причинам. Во-первых, как контекстуалист Маркс настаивает на связи мысли со средой. Понимать его мысль иначе, нежели как через ее связь с контекстом, в котором она возникает, значит понимать ее вопреки ее сущности. Видимо, при интерпретации данной позиции надо следовать выдвинутым ею критериям. Во-вторых, Марксо-

---

¹ *Althusser L., Balibar E. Reading Capital. L.: New Left Books, 1970.*

² Судья Верховного суда Антонин Скалиа, полагающий, что судьи должны избегать всяких отсылок к истории законодательства при интерпретации статутов, является представителем так называемого текстуализма. См.: *Scalia A. A Matter of Interpretation: Federal Courts and the Law / With commentary by A. Gutman, G. S. Wood, L. H. Tribe, M. A. Glendon, and R. Dworkin. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1998.* Паразитально сходство между его точкой зрения и философскими взглядами Хайдеггера: они тоже основываются на истолковании, коренящемся в установлении изначального смысла слов, в котором формируется текст.

вы теории сформировались в качестве отклика на другие теории, которые обсуждались в его время и которые полезно принять во внимание, чтобы понять его намерения.

Понять Маркса наилучшим образом – значит учесть время и место его жизни с точки зрения, обеспечиваемой нашим временем и местом. Всякое прочтение Маркса должно осуществляться с нашей нынешней выигрышной точки зрения. Невозможно сделать больше этого, и необходимо признать возможность других прочтений его теорий. Политически мотивированная мысль о существовании одного и только одного правильного прочтения, только одного пути к пониманию его позиции, которая лежит в основании якобы «научного» альтюссеровского понимания Маркса, является просто несостоятельной.

Гегель как путь к Марксу

Спорное отношение Маркса к Гегелю необходимо упомянуть заранее, а потом периодически подвергать переоценке. Однако лишь дальше в этой книге, после обсуждения главных (философских) идей Маркса, можно будет попытаться дать более полную оценку этого отношения. Я уверен, что его часто неверно понимают по доктринальным причинам, касающимся предполагаемого коренного различия между позицией Маркса и предшествующей философией, и потому, что те, кто интересуется Марксом, часто мало интересуются Гегелем и не знают его идей.

Влияние Энгельса на марксизм препятствует правильному пониманию отношения Маркса к Гегелю. Энгельс постоянно трактует Гегеля так, как если бы его философия была донаучной околесицей. Обсуждая в небольшой книге о Фейербахе переход от гегельянской школы к «материалистической точке зрения», Энгельс замечает: «Они решились без сожаления пожертвовать всякой идеалистической

выдумкой, которая не соответствует фактам, взятым в их собственной, а не в какой-то фантастической связи. И ничего более материализм вообще не означает»¹. В другом месте Энгельс утверждает, что заслуга Маркса заключается в вышелушивании истинной идеи из ее гегелевской оболочки. «Маркс был и остается, — пишет он, — единственным человеком, который мог взять на себя труд высвободить из гегелевской логики то ядро, которое заключает в себе действительные открытия Гегеля в этой области ... в том простом виде, в котором он [диалектический метод. — Перев.] и становится единственно правильной формой развития мысли»². Две эти точки зрения несовместимы. Первая предполагает коренное различие, т. е. «разрыв», между Гегелем и Марксом; вторая же — что Маркс остается гегельянцем. Первая точка зрения формулируется чаще, энергичнее и остается более влиятельной. Если же говорят не о ложности гегелевских идей, а о возможности дать им дальнейшее развитие, то такая точка зрения приближается к точному описанию отношения Маркса к его предшественнику.

Политические деятели, которые определяли развитие марксизма, нечасто интересовались такими философскими тонкостями или обладали достаточной компетентностью, чтобы судить о них. Ленин, гораздо чаще ссылавшийся на Энгельса, чем на Маркса, сурово критиковал Гегеля в своей ранней работе «Материализм и эмпириокритицизм» (1908). Позже он занял гораздо более тонкую позицию в «Философских тетрадах» (1914–1915), где обсуждал «Науку логики» Гегеля более детально и составил себе более положительное впечатление о Гегеле, которого стал

---

¹ Engels F. Ludwig Feuerbach. P. 43. [Цит. по изданию: Энгельс Ф. Людвиг Фейербах... С. 301. — Перев.]

² См. написанный Энгельсом обзор работы Маркса «К критике политической экономики», опубликованный в «Das Volk» (1895) и перепечатанный в «Людвиге Фейербахе...» (P. 78).

рассматривать как необходимый шаг на пути к пониманию Маркса¹.

В отличие от ленинского более позднего и более милостивого отношения к Гегелю последующие марксисты склонны к энгельсовской более схематичной и негативной точке зрения, согласно которой великого философа-идеалиста надо просто преодолеть. Советский учебник по марксизму призван был представить взгляды Маркса и Энгельса, модернизированные усилиями Ленина. Фактически он основывается на ленинской ранней, более негативной оценке Гегеля. Вариации этого подхода широко распространены вне ортодоксальных марксистских кругов. Том Боттомор и Максимильтен Рубель, отвергающие будто бы господствующую точку зрения, согласно которой Маркс просто наполняет гегелевскую философию истории фактическим содержанием, полагают, что Маркс основывается не на Гегеле, а на доступных ему современных исторических источниках².

Маркс частично сам виноват в постоянном обесценивании важности его отношения к Гегелю. В знаменитом замечании в послесловии ко второму немецкому изданию «Капитала»³ (к которому мы вернемся ниже) он невнятно утверждает, что его метод прямо противоположен гегелевскому. Начиная с Энгельса поколения марксистов расценивали теорию Маркса как результат «переворачивания» ге-

---

¹ Недавно была сделана попытка понять Ленина как серьезного мыслителя, чьи идеи имеют философскую значимость: *Anderson K. Lenin, Hegel, and Western Marxism*. Urbana: University of Illinois Press, 1995.

² См. введение к изданию: *Karl Marx: Selected Writings in Sociology and Social Philosophy* / Ed. T. Bottomore and M. Rubel. N. Y.: McGraw-Hill, 1964. P. 1, 4. По мнению Боттомора и Рубеля, произведения Маркса позволяют говорить о влиянии Сен-Симона, которое до сих пор оставалось незамеченным.

³ *Capital*. Vol. I. P. 20.

гелевской философии. Англо-американская аналитическая философия, возникшая из восстания против британского идеализма и традиционно скептически относящаяся к Гегелю, обычно воспринимает Маркса без учета, или без должного учета, Гегеля¹. Даже Лукач, чья весьма тонкая трактовка Гегеля является главным источником так называемого гегельянского марксизма, продолжает настаивать на коренном различии между марксизмом и Гегелем².

Отношение Маркса к Гегелю по ряду причин важно для понимания собственных теорий Маркса. Во-первых, великие философы вроде Канта и Гегеля надолго изменяют ход философской дискуссии. Гегель безусловно является великим философом, одним из величайших философских умов. Когда Маркс занялся писательским трудом, Гегеля невозможно было не заметить. Если он и не решил всех проблем, то по крайней мере во многом определил интеллектуальный фон, изменил лексику и дал полезные подсказки, которыми Маркс воспользовался при решении серьезных проблем.

Вторая причина – тесные контакты Маркса с младогегельянами. Гегельянство не умерло, хотя и быстро трансформировалось, когда Гегель скоростижно скончался во время эпидемии холеры в 1831 г. Вскоре после его смерти школа распалась на три основных группы: одну из них составляли гегельянцы-центристы, или так называемые старогегельянцы, другую – правые гегельянцы, а третью – левые, так называемые младогегельянцы.

---

¹ Основатель аналитического марксизма Коэн написал важную работу о теории истории Маркса. В этой работе видны его малый интерес к Гегелю и малое понимание его философии. В этом смысле Коэн – типичный представитель аналитического марксизма. См.: *Cohen G. A. Karl Marx's Theory of History: A Defence*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1978.

² *Lukács G. The Young Hegel: Studies in the Relation between Dialectics and Economics* / Trans. R. Livingstone. Cambridge, MA: MIT Press, 1976.

Все представители этих различных направлений опирались на теории Гегеля. Все они были убеждены, что своей системой Гегель привел философию к высшей точке и завершению. Великий немецкий поэт Генрих Гейне, ученик Гегеля и друг Маркса, сказал от лица всех гегельянцев: «Наша философская революция окончена. Гегель завершил ее великий цикл»¹. Однако, как и надо было ожидать, представители разных направлений в гегельянстве сделали весьма различные выводы из системы Гегеля.

Распаду гегельянской школы предшествовал богословский спор. Давид Ф. Штраус, автор влиятельной книги «Жизнь Иисуса», опубликованной в 1835–1836 гг., в результате чтения Гегеля пришел к выводу, что воплощение имело место не в единичной личности, а во всем человеческом роде. Споры, вызванные появлением книги Штрауса, привели к разделению их участников на сторонников центристского, правого и левого течений в гегелевской школе.

Старогегельянцы – философские центристы – пытались, и не без трудностей, отстоять систему в том виде, в каком ее оставил Гегель. Однако они оказались в сложной ситуации, помешавшей им осуществить их намерения; одним из моментов ее был спор, вызванный книгой Штрауса. Правые и левые гегельянцы были разделены их отношением к Гегелю, а также другими академическими, политическими и религиозными обстоятельствами. Тогда, как и сейчас, религия была связана с политической властью и противодействовала изменениям. Гегельянцы правого крыла, акцентировавшие религиозный элемент в гегелевской мысли, служили в университетах. За исключением профессора права Эдуарда Ганса, гегельянцы левого толка, нивелировавшие религиозный элемент в гегелевской мысли, не при-

---

¹ *Heine H. Religion and Philosophy in Germany / Trans. J. Snodgrass. Albany: State University of New York Press, 1986. P. 156.*

надлежали к университетам. Правые гегельянцы подчеркивали религиозный элемент в системе Гегеля, левые же стремились его элиминировать¹.

Религия и политика издавна взаимосвязаны. Хотя разделение гегелевской школы произошло по богословским причинам, различия между правыми и левыми гегельянами часто оказывались политическими. Несколько упрощая, можно сказать, что разрыв между этими двумя направлениями был обусловлен разным истолкованием блестящего афоризма Гегеля, сформулированного в предисловии к «Философии права»: «Что разумно, то действительно, и что действительно, то разумно»². Правые гегельянцы даже сегодня часто склонны принимать сложившуюся ситуацию, тогда как левые гегельянцы, такие как Маркс, вообще говоря, подчеркивают несовершенство действительного мира, который не является достаточно разумным и который необходимо сделать более разумным. Правые довольствуются действительным миром, каков он есть, и часто преклоняются перед прошлым. Левые отказываются от мира, каков он есть, в пользу будущего, лучшего мира и отрицают превосходство прошлого. Первые полагают, что положение дел уже является разумным, благим – даже признают его лучшим из всех возможных; вторые считают действительность неразумной, хотят преобразовать ее.

Заслуга левых гегельянцев, которых часто называют младогегельянами, состояла в распространении демократических идей и в пробуждении интеллектуального сознания в Германии. Однако до Маркса, который тоже был младогегельянцем, им не удавалось преобразовать фило-

---

¹ О «гегельянской левой» см.: *Kolakowski L. Main Currents of Marxism. Vol. I. P. 81–96.*

² *Hegel G. W. F. Philosophy of Right / Trans. with notes by T. M. Knox. L.: Oxford University Press, 1967. P. 10.* [Цит. по русскому переводу: *Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. С. 53. – Перев.*]

софские идеи в политическое движение. К младогегельянцам, помимо Штрауса, принадлежали братья Бруно и Эдгар Бауэры, Людвиг Фейербах, оказавший серьезное влияние на Маркса, Арнольд Руге, с которым Маркс сотрудничал, Моисей Гесс и Август фон Цешковский. Руге (1802–1880), который в 1838–1841 гг. был редактором «Hallische Jahrbücher», способствовал консолидации гегельянства как политического движения. Польский граф Цешковский (1814–1894) учился в Берлине у Михелета. Он отказался от «стандартного» истолкования гегелевской идеи, что философия интересуется только прошлым, и полагал, что философия решительно повернута к будущему. Отвергнув философию как созерцание, он способствовал преобразованию ее в форму действия. Эта тенденция была поддержана Гессом (1812–1875), который вслед за Гегелем¹ предсказал социальную революцию, которая будет результатом растущего противоречия между бедностью и богатством.

Третья причина заключается в том, что хотя Маркс был глубоко погружен в сочинения Гегеля, его отношение к Гегелю, о котором по меньшей мере упоминают все исследователи Маркса, редко подвергается детальному исследованию². Маркс собирался разъяснить это отношение, но так

---

¹ В «Философии права» Гегель посвящает бедности §§ 241–246 (pp. 148–150). В устном прибавлении к написанному тексту он отмечает: «Важная проблема уничтожения бедности – одна из самых тревожных проблем, волнующих современное общество» (*Hegel G. W. F. Philosophy of Right*. P. 278).

² Назову некоторые из многочисленных исследований: *Colletti L. Marxism and Hegel*. L.: New Left Books, 1975; *Fetscher I. The Relation of Marxism to Hegel // Karl Marx and Marxism*. L.: New Left Books, 1970; *Hook S. From Hegel to Marx: Studies in the Intellectual Development of Karl Marx*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1966; *Hyppolite J. Studies on Marx and Hegel / Ed. and trans. J. O'Neill*. N. Y.: Harper and Row, 1969; *Korsch K. Marxism and Philosophy*. L.: New Left Books, 1970; *Marcuse H. Reason and Revolution: Hegel and the Rise of Social Theory*. N. Y.: Oxford

и не разъяснил. В письме к Энгельсу периода работы над проектом, результатом которого стал «Капитал», он сообщил, что хочет в конце концов написать небольшую книгу о том, что осталось от метода Гегеля, но книга так и не была написана¹. Энгельс, который изучал отношение Маркса к Гегелю, изучил его плохо. Его краткое разъяснение отношения собственных и Марксовых теорий к гегельянству, данное в работе о Фейербахе, с философской точки зрения слишком слабо и содержит лишь указание на то, в чем, как он полагает, заключается это отношение².

Наконец, никто не отрицает, что теории Маркса обнаруживают влияние идей Гегеля во многих различных отношениях и на многих уровнях, включая прямое обсуждение гегелевских сочинений, дальнейшее развитие таких гегелевских тем, как отчуждение и объективация, использование гегелевских категорий вроде различия между явлением и действительностью или сущностью, применение идей отрицания и противоречия к истории и т. д. С первых и до последних сочинения Маркса отражают интерес их автора к Гегелю и влияние Гегеля на его мысль.

University Press, 1941; *Negt O. Aktualität und Folgen der Philosophie Hegels*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1970; *Riedel M. Hegel und Marx // System und Geschichte*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1974; *Cöster O. Hegel und Marx: Struktur und Modalität ihrer Begriffe politisch-sozialer Vernunft in terms einer «Wirklichkeit» der «Einheit» von «allgemeinem» und «besonderem Interesse»*. Bonn: Bouvier, 1983.

¹ «Если бы когда-нибудь снова нашлось время для таких работ, я с большим удовольствием изложил бы... в доступной здравому человеческому рассудку форме то *рациональное*, что есть в методе, который Гегель открыл, но в то же время и мистифицировал» (Marx to Engels. January 14, 1858 // *Collected Writings*. Vol. 40. P. 248. [Цит. по русскому переводу: Маркс – Энгельсу. 14 янв. 1858 г. // Соч. М., 1962. Т. 29. С. 212. – Перев.]).

² Сокрушительную критику (со стороны коллеги-марксиста) энгельсовского понимания важнейшего кантовского понятия вещи в себе см.: *Lukács G. History and Class Consciousness*. P. 131–133.

Интерес к Гегелю возник у Маркса очень рано, прежде чем он начал писать, и постоянно сохранялся во всех его сочинениях. Он является главной темой знаменитого письма Маркса к отцу, написанного в 1837 г., после двух лет учебы в университете. Здесь юный Маркс настаивает на невозможности обойтись без философии, сообщает, что он уже ознакомился с Гегелем «от начала до конца», упоминает о необходимости избежать концептуальных перегибов гегелевской теории (эта задача будет занимать его в течение всей оставшейся жизни) и пишет, что уже попытался разработать философию права, т. е. как раз то, что составляло задачу гегелевской «Философии права»¹.

Маркс и «Философия права» Гегеля

В знаменитом предисловии к работе «К критике политической экономии» Маркс отмечает, что прежде всего он предпринял критический разбор гегелевской «Философии права»². Поэтому полезно будет сказать несколько слов об этой книге. Я убежден, что Марксовы теории, включая теорию современного индустриального общества, должны рассматриваться как продуманная реакция на гегелевскую теорию политической формации, вызванной к жизни промышленной революцией, которая привела к современному капитализму. Будет уместно в качестве введения в теорию Маркса суммировать некоторые главные аспекты работы Гегеля «Философия права». Это позволит показать, что Марксова теория капитализма складывается в результате дальнейшей проработки некоторых тем, затронутых в «Философии права» Гегеля.

---

¹ The Writings of the Young Marx on Philosophy and Society. P. 40–50.

² MEW. Bd. 29. S. 262; CW. Vol. 29. P. 261.

Гегель написал лишь четыре книги: «Феноменологию духа» (1807), «Науку логики» (1812, 1816), «Энциклопедию философских наук» (1817, 1827, 1831) и «Философию права» (1821). «Феноменология» – первая и, пожалуй, величайшая книга Гегеля, введение и вместе с тем первая часть его системы, содержит то, что он называет наукой об опыте сознания. «Логика», как и «Феноменология», – очень трудная и неясная работа. В ней не идет речи о старой аристотелевской логике, которая произвела настолько большое впечатление на Канта, что он посчитал ее исчерпанной темой, – и не рассматривается новая математическая логика, возникшая в конце XIX в. благодаря трудам немецкого философа Готлоба Фреге (1848–1925) и его коллег. Скорее в ней идет речь о том, что Гегель называет сознающим понятием; для которого нет различия между понятием и содержанием. «Энциклопедия...», которую часто рассматривают как «официальный» источник этой знаменитой системы философии, представляет собой не более чем собрание разных утверждений, которые вместе взятые содержат намеки на форму системы, но не саму систему. Последняя книга Гегеля, «Философия права», как и «Энциклопедия...», была написана как учебник для студентов Гегеля – т. е. представляет собой совокупность пронумерованных параграфов – и появилась в Берлинский период жизни Гегеля, который продолжался с 1818 г. до его неожиданной смерти в 1831 г., последовавшей, когда он был на пике славы как самый значительный из живущих философов и в Германии, и в мире.

«Философия права», последнее сочинение Гегеля, является дальнейшим развитием обсуждения объективного духа, которое началось в его ранних текстах. Это область, где дух становится «конкретным» в отношениях права, морали, нравственной жизни и на уровнях семьи, гражданского общества и государства. Этой теме Гегель отводит не-

сколько страниц в «Энциклопедии...», а более детальному анализу она подвергается в «Философии права». Обсуждение права, морали, нравственности и семьи начинается в «Феноменологии духа», а потом продолжается, в менее исторической и более систематической форме, в «Энциклопедии...».

С композиционной точки зрения четвертая великая книга Гегеля состоит из 360 пронумерованных параграфов, часто сопровождаемых устными прибавлениями, аутентичность которых порой сомнительна. Книга включает в себя предисловие, введение и три части, посвященные «Абстрактному праву», «Моральности» и «Нравственности». Последние две части снова продолжают темы, рассмотренные раньше, в «Феноменологии...», где Гегель критикует Кантову абстрактную теорию нравственности и излагает собственный, отличный от кантовского, взгляд на этику. Эта тема разворачивается для трех уровней – семьи, гражданского общества и государства.

Метод, примененный Гегелем в «Философии права», в «Энциклопедии...» описывается им как восхождение от абстрактного к конкретному. Движение идет от понятия воли, следовательно от понимания человеческого существа как действующего в обществе, через его осуществление на уровне формального права, к моральности и нравственности, его самой конкретной форме, соединяющей формальное право и моральность. Далее обсуждение начинается на уровне семьи, самой естественной и наименее развернутой формы проявления права, прослеживает его экстерииоризацию, или конкретную манифестацию, на дальнейших уровнях гражданского общества и, наконец, на уровне государства.

Слово «право» (нем. *Recht*), которое Гегель употребляет в юридическом смысле, имеет несколько значений. Обычно оно понимается как «совокупность правил, регламенти-

рующих отношения между членами одного и того же общества». Гегель в своей работе понимает термин «право» во внутреннем (с точки зрения его теории) смысле. В прибавлении, или устном примечании, он отличает свое понимание права (лат. *ius*) от гражданского права, рассматриваемого как формальное. В его понимании термин «право» получает более широкое значение, включающее гражданское право, этот аспект понятия теснейшим образом связан с правовыми факторами, а также с моральностью, нравственностью и даже всемирной историей.

В самом общем виде гегелевское понимание права связано со свободной волей и ее осуществлением, что предполагает переход к практике. Гегель, признающий вслед за Аристотелем, что всякая деятельность нацелена на благо, считает, что недостаточно мыслить благо внутри сознания. Оно должно быть осуществлено также путем перехода от субъективного желания к внешнему существованию, так что благо получает форму не только в нашем духе, но также и прежде всего – в нашей жизни. Как ранее Аристотеля и впоследствии – Маркса, Гегеля интересует то, каким образом наши идеи осуществляются в жизни. Согласно Гегелю, если философия есть изучение разумного, то разные уровни общества, которое достигает высшей формы в государстве, оказываются практической средой для реализации разумного элемента в истории.

Изображая государство как разумное, Гегель полагает, что всякое государство представляет фазу осуществления разума, или розы на кресте современности. Но никакое конкретное государство не является полным воплощением разума. Часто встречающееся возражение, что зрелый Гегель считает таковым просто прусское государство своего времени как кульминацию исторических исканий, свидетельствует о серьезном непонимании его позиции. Уже на первой странице Гегель отмечает, что проблемой «Фило-

софии права» является не только идея права, но и ее осуществление¹, которое он также видит в развитии идеи, или разумного элемента всякого предмета исследования, в том, что он называет «имманентным развитием самого предмета»². Другими словами, Гегеля интересует здесь степень, до которой через систему права, через существование современного государства фактически осуществилось царство свободы, которое грезились Канту в его идее царства целей, или, говоря гегелевским языком, та степень, до которой мир духа порожден им самим «как некая вторая природа»³.

Моменты гегелевского текста соответствуют логическим моментам развития абсолютно свободной воли как непосредственной в форме абстрактного или формального права, затем как субъективной индивидуальности, связанной с идеей моральности, стоящей над и против общности, и наконец в нравственности, где общественное благо не только постигается, но и осуществляется на трех уровнях — семьи, гражданского общества и государства⁴. Центральным для позиции Гегеля является то, что общественное благо не может быть осуществлено через абстрактную моральность, но может быть осуществлено только конкретно, в различных институтах, характеризующих современное государство.

Философская политическая экономия, промышленная революция и Адам Смит

Конечно, Гегель — не первый философ, внимательно исследовавший экономические основы общества. Философы

---

¹ *Hegel G. W. F. Philosophy of Right. P. 14. (§ 1).*

² *Ibid. P. 14. (§ 2).*

³ *Ibid. P. 20. (§ 4).*

⁴ *Ibid. P. 35–36. (§ 33).*

неизменно интересовались этой темой начиная с античности. Задолго до Маркса Платон уже трактует экономические проблемы как моральные проблемы, затрагивающие общественную жизнь индивидов¹. В «Государстве» он подчеркивает, что стражи не должны иметь ни серебра, ни золота, ни частной собственности²; настаивает, что разделение труда должно обеспечивать справедливость в государстве, которую он обосновывает экономически³. В диалоге «Законы», который не был известен при его жизни, Платон изменяет свои более ранние экономические взгляды и признает, что добродетель несовместима с большим богатством⁴. Хотя он по-прежнему настаивает на жесткой специализации, или разделении труда, он также утверждает, что деньги способны развращать, сковывая экономическую активность и интересы граждан.

Сравнительно с Платоном суждения Аристотеля об экономике более скудны. Аристотель кратко обсуждает деньги в контексте экономического взаимодействия в «Никомаховой этике»⁵ и чуть более подробно – наживание денег в «Политике»⁶, отмечая, что деньги доставляют равенство благодаря соизмеримости. Он подчеркивает различия между искусством наживания собственности или приобретения собственности, существующим как по природе, так и не по природе, связанным с появлением и накоплением денег, – и организацией домохозяйства, которая не связана с наличием денег. Трактат «Экономика», принадлежность которого Аристотелю считается спорной, содержит иссле-

---

¹ *Barker E.* Greek Political Theory: Plato and His Predecessors. L.: Methuen, 1961. P. 190–192.

² *Plato.* Republic 417A.

³ *Ibid.* 423D.

⁴ *Plato.* Laws 742E-74 3A.

⁵ *Aristotle.* Nicomachean Ethics V, 5.

⁶ *Aristotle.* Politics I, 8-11.

дование роли экономической науки в обеспечении средствами и поддержании домохозяйства. Поэтому не случайно Маркс, хорошо знакомый с работами греческих предшественников, часто обращается к Аристотелю в «Капитале».

В эпохи между античностью и Гегелем произошла промышленная революция и зародилась современная экономика, или современная политическая экономия, в трудах Адама Смита и других представителей шотландской школы¹. Промышленная революция, начавшаяся в Англии после 1750 г. и позже распространившаяся на весь промышленно развитый мир, привела к глубоким и долговременным изменениям в современной жизни. Быстрое распространение промышленного производства и в сельском хозяйстве, и в промышленности объединило современную науку и деньги ради удовлетворения потребностей в таких удобствах, как хлопчатобумажная одежда из Индии, керамические блюда, металлические котелки и сковороды и т. д. Оно определялось развитием различных отраслей промышленности благодаря изобретениям и возросшему спросу, которые повлияли на текстильную и металлургическую промышленность, а также (вследствие изобретения паровой машины)² возросшему спросу на уголь, необходимый для работы новоизобретенных плавильных печей и паровых машин. Текстильная промышленность развивалась благодаря изобретению различных прядильных машин (Джеймс Харгривз изобрел прядильную машину периодического действия между 1764 и 1767 гг.; Ричард Аркрайт – водяную бумагопрядильную машину в 1769 г.;

---

¹ Маркс детально исследует промышленную революцию в главе «Машины и крупная промышленность» (*Capital*. Vol. 1. Ch. 15).

² Маркс справедливо утверждает, что паровая машина не была причиной промышленной революции, поскольку, наоборот, создание рабочих машин сделало необходимой революцию в паровой машине. См.: *Capital*. Vol. 1 // *CW*. Vol. 35. P. 375.

Сэмюэл Комптон – мюль-машину в 1778 г.), ткацких машин (Эдмунд Картрайт изобрел ткацкий станок в 1785 г.) и волокноотделителя в Соединенных Штатах (Эли Уитни в 1793 г.). Металлургическая промышленность прошла ряд этапов от плавки руды с коксом вместо древесного угля (Абрахам Дарби, 1709) через изобретение пудлинговой печи для переплава чугуна в железо (Генри Корт, 1784) до открытия бессемеровского конвертера для передела жидкого чугуна в литую сталь (Генри Бессемер, 1858). Паровая машина, изобретенная Томасом Ньюкоменом в 1712 г. (Маркс ошибочно относит ее изобретение к концу XVII в.)¹, была серьезно усовершенствована Джеймсом Уаттом в 1769 г. Однако в то время как некоторые люди благодаря прогрессу промышленности становились чрезвычайно богатыми, а их требования к удобству повышались, соответствующие стандарты неизменно понижались для других людей, особенно заводских рабочих, которые становились все беднее в результате масштабных экономических депрессий (особенно в 1789–1821, 1828–1832, 1837–1842 гг. и в 1848 г.).

Современный капитализм, как мы знаем, есть продукт промышленной революции, которая, начавшись в Англии после 1750 г., с тех пор постоянно распространялась по всему миру. Если Джон Локк (1632–1704) – великий философ современного капитализма, то Адам Смит (1723–1790) – его великий политико-эконом. Локку мы обязаны отчетливым обоснованием частной собственности, т. е. частного владения средствами производства, центрального отношения современного капитализма². Согласно Локку, частная собственность оправданна, поскольку человек имеет абсо-

---

¹ См.: *Capital*. Vol. 1 // *MEW*. Bd. 23. S. 398; *CW*. Vol. 35. P. 378.

² У Локка в этом отношении все еще есть много сторонников. См. свежий пример: *Nozick R. Anarchy, State and Utopia*. Oxford: Blackwell Publishers, 1984.

лютое право¹ на то, что заработал своим трудом². Адаму Смиту мы обязаны обоснованием той мысли, которая актуальна и сегодня, что простого существования современного общества достаточно для создания лучшего мира для всех нас, в сущности – лучшего мира, какой только возможен в действительности.

Томас Гоббс (1588–1679), первый великий английский политический философ и автор «Левиафана...» (1650), утверждает, что различие индивидуальных интересов порождает войну всех против всех (*bellum omnes contra omnes*), и жизнь человека в этом состоянии, согласно знаменитому выражению Гоббса, является «беспросветной, тупой и кратковременной»³. Точка зрения Гоббса, впоследствии составившая фундамент экономической теории Адама Смита, заключается в том, что каждый человек руководствуется только собственным частным интересом. Исходя

---

¹ Мысль Локка, что право собственности является абсолютным, противоречит мнению древних греков, согласно которому право собственности – лишь общественное установление, не являющееся ни абсолютным, ни неотъемлемым, см.: *Barker E. Greek Political Theory*. P. 371.

² «Что бы... человек ни извлекал из того состояния, в котором природа этот предмет создала и сохранила, он сочетает его со своим *трудом* и присоединяет к нему нечто принадлежащее лично ему и тем самым делает его своей собственностью» (*Locke J. Two Treatises of Government / Intro. and notes by P. Laslett*. N. Y.: New American Library, 1963. P. 329. (The Second Treatise... § 27). [Цит. по русскому переводу: *Локк Д. Соч.*: В 3 т. М.: Мысль, 1988. Т. 3. С. 277. – *Перев.*]). Это можно понять в том смысле, что когда человек делает что-то частью самого себя, он делает это своим собственным или «собственно» своим, где «собственный» и «собственность» – однокоренные слова. См. также: *Ibid.* P. 340–341. (§ 44); P. 330. (§ 28); P. 329. (§ 27); P. 341. (§ 45).

³ Или полностью: «И жизнь человека, беспросветная, тупая и кратковременная» (*Hobbes T. Leviathan / Ed. C. B. Macpherson*. Harmondsworth: Penguin Books, 1974. P. 186. (Part I. Ch. 13). [Цит. по русскому переводу: *Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Соч.*: В 2 т. М.: Мысль, 1991. Т. 2. С. 153. – *Перев.*]).

из той же посылки о различии индивидуальных интересов, Смит приходит к гораздо более оптимистическому выводу, чем Гоббс, на том основании, что если каждый человек трудится ради собственных личных целей, то выигрывает общество в целом, а следовательно каждый человек. В отличие от Гоббса, Адам Смит утверждает, что каждый преследует только собственные частные интересы и вместе с тем невольно служит, не желая и не зная того, интересам всех, общему интересу. Более реалистично настроенный Гегель позже признал, что индивиды преследуют собственные интересы, однако не сказал, что это полезно для всех¹.

Рассуждение Смита, ведущее к упомянутому выводу, содержится в его великой книге «Исследование о природе и причинах богатства народов...». Когда в 1776 г. Адам Смит, шотландский философ-моралист и друг Дэвида Юма, опубликовал свою эпохальную книгу, промышленная революция уже вступала в свои права. В этой книге Смит предлагает последовательную аргументацию, которая придает упорядоченность и смысл новому возникающему миру торговли и промышленности, порожденному промышленной революцией, и тем самым закладывает фундамент современной экономической мысли, который с тех пор остается незыблемым.

По общему признанию, Адам Смит сформулировал лишь три основных принципа, важных для современной экономической теории². Прежде всего, главным психологическим стимулом для индивида является корыстный интерес. Этот принцип находит широкое практическое подтверждение. Далее, естественный порядок в мире таков, что различные выражения своекорыстия увеличивают об-

---

¹ Hegel G. W. F. *Philosophy of Right*. P. 124. (§ 187).

² Smith A. *The Wealth of Nations* / Ed. E. Cannan; Intro. M. Lerner. N. Y.: Modern Library, 1937. P. viii.

щественное благо. Этот принцип, который принимается на веру, не был и явно не может быть проверен на практике. Но он очевидно «удобен» для тех, кто получает неадекватно большие доли экономического богатства. Наконец, из сказанного следует, что лучшая программа действий заключается в том, чтобы предоставить экономический процесс самому себе; этот вывод выражается с помощью таких синонимов как *laissez-faire*, экономический либерализм или экономическое невмешательство. Результатом ее применения является нерегламентированная и индивидуалистическая форма капитализма – о таком капитализме английский историк Томас Карлейль (1795–1881) метко сказал: «анархия плюс констебль».

Экономический анализ Адама Смита гармонирует с оптимизмом, характерным для шотландского Просвещения, эпохи, к которой он принадлежал и хронологически, и интеллектуально. К этой эпохе принадлежали такие видные философы, как моралист Фрэнсис Хатчесон (1694–1746), великий философ-эмпирик Дэвид Юм (1711–1776) и моралист Адам Фергюсон (1723–1816)¹. В отличие, скажем, от Гоббса, известные философы этой эпохи единодушно выражали полную уверенность в светлом будущем человечества². В этом смысле Смит отличается оптимистическим пониманием собственно экономических перспектив человеческих существ второй половины XVIII ст.

---

¹ *Ferguson A. Essay on the History of Civil Society. Edinburgh, 1767.* Эта книга была переведена на немецкий язык в 1768 г. и, вероятно, повлияла на гегелевское понимание гражданского общества (*die bürgerliche Gesellschaft*). Согласно Францу Розенцвейгу (*Rosenzweig F. Hegel und der Staat. Munich; Berlin, 1920. Vol. 2. P. 118*), этот термин стал общеупотребительным главным образом благодаря появлению перевода книги Фергюсона.

² *Waszek N. Man's Social Nature: A Topic of the Scottish Enlightenment in its Historical Setting. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1986.*

Очевидная трудность, с какой сталкивается подход Смита, связана с обоснованием положения, что ничем не сдерживаемая деятельность современного капитализма является благом для всех, кто к нему причастен. В начале книги Смит подходит к этой проблеме, развивая идеи Готфрида Вильгельма Лейбница (1646–1717) и Бернара Мандевиля (1630–1733). Великий немецкий философ Лейбниц в «Монадологии» (1714) отстаивает принцип достаточного основания, согласно которому ничто не происходит беспричинно¹. В теологическом применении это положение приводит к идее, что наш мир – лучший из возможных миров. В памфлете «Басня о пчелах, или Пороки частных лиц – блага для общества» (1705, 6-е изд. 1729) английский философ Мандевиль доказывал, что добродетель, или альтруизм, вредна для общества, тогда как порок, или поступки, совершенные только из эгоистических соображений, благотворен.

Возможно, Смит следовал Мандевилью, когда утверждал, в свою очередь, что усилий каждого индивида достаточно для облегчения его положения². Обоснованием этого утверждения является его знаменитая теория невидимой руки: работая на себя, каждый человек невольно наращивает общественное благо. Во фрагменте, справедливо ставшем знаменитым, Смит пишет: «Но годовой доход любого общества всегда в точности равен меновой стоимости всего годового продукта его труда или, вернее, именно и представляет собой эту меновую стоимость. И поскольку каждый отдельный человек старается по возможности употреблять свой капитал на поддержку отечественной промышленности и так направлять эту промышленность,

---

¹ Различные формулировки этого принципа см. в «Монадологии» (§§ 31, 32, 33, 36).

² *Smith A. The Wealth of Nations. P. 508.*

чтобы продукт ее обладал наибольшей стоимостью, постольку он обязательно содействует тому, чтобы годовой доход общества был максимально велик. Разумеется, обычно он не имеет в виду содействовать общественной пользе и не сознает, насколько он содействует ей. Предпочитая оказывать поддержку отечественному производству, а не иностранному, он имеет в виду лишь свой собственный интерес, и осуществляя это производство таким образом, чтобы его продукт обладал максимальной стоимостью, он преследует лишь свою собственную выгоду, причем в этом случае, как и во многих других, он невидимой рукой направляется к цели, которая совсем и не входила в его намерения; при этом общество не всегда страдает от того, что эта цель не входила в его намерения»¹.

Однако Смит мыслил более реалистично, чем многие его последователи: он понимал, что промышленный капитализм является благотворным не для каждого в равной мере, и даже вообще не для каждого; и что производящие прибыль, включая бедных, сами должны получать прибыль по крайней мере в виде нормальной еды, одежды и крова².

Реакция: Луи

Гегель и экономика

Хотя Гегель не первым среди философов обратился к экономике, он был первым в этом отношении в традиции послекантовского идеализма, к которой принадлежал и хронологически, и интеллектуально. Кант, насколько я знаю, никогда не обсуждал политическую экономию, но делал упор на моральном измерении общественной жизни. Шел-

---

¹ Ibid. P. 423. [Цит. по русскому переводу: *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Изд-во соц.-экон. лит., 1962. С. 331–332. – Перев.]

² Ibid. P. 79.

линг интересовался наукой, и он тоже не обнаруживал интереса к экономике. Фихте по крайней мере интересовался экономикой, хотя, видимо, не был знаком с современной политической экономией. Он создал теорию «Замкнутого торгового государства» (1800), которое рассматривал как автономную политическую и экономическую реальность. Гегель был осведомлен не только о текущих событиях, но и о современном состоянии экономической теории. Всю жизнь он интересовался всем и вся в том, что касается действительных общественных обстоятельств и политической сферы. Уже в 1800–1802 гг. он работал над статьей, опубликованной лишь после его смерти под заглавием «Германская конституция»¹. В 1817 г., незадолго до переезда в Берлин, он опубликовал большой обзор с чудовищным заглавием «Оценка опубликованных обсуждений в связи с парламентом королевских государств Вюртемберга в 1815–1816 гг.»². Больше всего его интересовали события в Англии. Даже до переезда в Йену в 1799 г., еще оставаясь во Франкфурте, он следил за дебатами в английском парламенте. Он изучал «Богатство народов» Смита и написал комментарий (не сохранившийся) на книгу сэра Джеймса Стюарта «Исследование основ политической экономии»³. Работая над этим комментарием, Гегель следовал по стопам своего младшего коллеги И. Г. Гамана (1730–1788), немецкого философа, приятеля Канта⁴. Хотя имя Стюарта

---

¹ *Hegel G. W. F. The German Constitution // Hegel's Political Writings / Trans. T. M. Knox. Oxford: Oxford University Press, 1964. P. 143–242.*

² *Hegel G. W. F. Beurteilung der im Druck erschienenen Verhandlungen in der Versammlung der Landstände des Königsreichs Württemberg im Jahr 1815 und 1816 // Heidelbergerische Jahrbücher der Literatur. 1817.*

³ По словам Розенкранца, Гегель работал над этим комментарием с 19 февраля по 16 мая 1799 г.: *Rosenkranz K. G. W. F. Hegel's Leben. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1972. P. 86.*

⁴ Согласно Гаману, глубиной понимания политической экономии Стюарт превзошел других, в частности Фергюсона. См.: *Briefwechsel / Hrsg. von W. Ziesemer und A. Henkel. Wiesbaden: Insel-Verlag, 1956. Bd. 2. S. 418, цит. по: Joachim R. Hegel and the French Revolution: Essays on*

затерялось в истории, он считался в свое время довольно важным источником для Маркса, который часто ссылается на него и пишет о нем как о первом британском экономисте, создавшем правильную систему современной, или буржуазной, политической экономии¹.

Гегелевское глубокое знание политической экономии сыграло важнейшую роль для его философских теорий². Изучение взглядов мыслителей шотландского Просвещения позволило ему превзойти греческую экономическую мысль, особенно в его концепции гражданского общества (*die bürgerliche Gesellschaft*)³. Эта тема, проходящая через все его сочинения, возникает у него очень рано, например в отрывке о народной религии, относящемся к началу 1790-х гг.⁴, и появляется в его работах все чаще, когда в йенский период (1799–1807) он начинает изучать политическую экономию.

С точки зрения Гегеля, гражданское общество располагается между семьей и государством. Аристотель жил в эпоху греческого города-государства (*polis*), поэтому он, естественно, размышлял о политической экономии применительно к домохозяйству. В позднейшие времена, после промышленной революции, Гегель, что столь же естественно, проводит более четкую грань между гражданским обществом и государством. Он рассматривает гражданское общество одновременно как момент государства и как вид

---

the *Philosophy of Right* / Trans. R. D. Winfield. Cambridge, MA: MIT Press, 1982. P. 88. (n. 33).

¹ *Marx K.* A Contribution to the Critique of Political Economy // *Collected Works*. Vol. 29. P. 297.

² *Lukács G.* The Young Hegel.

³ *Waszek N.* The Scottish Enlightenment and Hegel's Account of Civil Society. Dordrecht: Kluwer, 1988.

⁴ Типичным ранним примером является его замечание, что христианские заповеди составляют первое основание правового кодекса гражданского общества: *Fragmente über Volksreligion und Christentum* (1793–1795) // *Hegel G. W. F. Werke in zwanzig Bänden / Hrsg. von E. Moldenhauer und K. M. Michel.* Frankfurt am Main: Suhrkamp. 1971. Bd. I. S. 61.

государства, в котором экономическая деятельность, направленная на удовлетворение человеческих потребностей, регламентируется судебной системой (с целью защиты частной собственности), а также полицейскими и корпоративными средствами. Прилагательное *bürgerlich* (от *Bürger*) обозначает, в противоположность гражданину, или *Staatsbürger*, городского жителя, который при этом не принадлежит ни к знати, ни к пролетариату (в этом смысле немецкий термин аналогичен французскому *bourgeois*). Гражданское общество есть общество, или *Gesellschaft*, поскольку оно функционирует по собственным правилам, находясь вне семьи и внутри государства.

В «Философии права» Гегель рассматривает анатомию гражданского общества в знаменитом разделе «Система потребностей». Рассуждая о системе потребностей, Гегель дает краткий анализ экономических оснований современного свободного общества с точки зрения его способности, как действующей общественной системы, соответствовать действительным человеческим потребностям. Разъяснение «системы потребностей» представляет первую из трех характеристик гражданского общества – его посредничество между семьей и государством. Гражданское общество включает также дискуссии о защите собственности, рассматриваемой как действительность принципа свободы, через систему правосудия, меры предосторожности против непредвиденных обстоятельств и обеспечение частных интересов средствами полиции и корпорации, или корпоративных структур.

В «Феноменологии...» Гегель подходит к человеческому индивиду как к осуществляющему себя в предметах и через предметы, которые обнаруживают субъективную волю в объективной форме. В «Философии права» он развивает эту идею в изложении концептуальных основ современного либерального государства. В начале книги,

в разделе «Потребление вещи», он отмечает, что в процессе и результате присвоения вещь становится моей и приобретает положительное отношение ко мне, удовлетворяя моим потребностям¹. В анализе «Системы потребностей» Гегель сразу же отмечает, что индивидуальная личность достигает объективности, или удовлетворения, через вещи, которые принадлежат к труду и являются его результатами. «Особенность, – отмечает он, – ...достигает своей объективности, т. е. своего *удовлетворения*, посредством (а) внешних предметов, являющихся также *собственностью* и продуктом других потребностей и *воль*, и (б) посредством деятельности и труда как того, чем опосредуются обе стороны»².

Гегель понимает политическую экономию как специфически современную науку, рассматривающую удовлетворение через вещи и труд. Его точка зрения весьма далека от нормативного взгляда на экономику, который ныне преобладает и согласно которому экономист ограничивается простой картографией динамики функционирования современной экономики³, хотя при случае и вмешивается в эту динамику. По Гегелю, который, подобно Аристотелю и Марксу, усматривает неразрывную связь между экономикой и этикой, политическая экономия описывает удовлетворение человеческих потребностей. Гегель – политический реалист, у него нет иллюзий относительно воздействия современного общества на индивидов. Хотя он болезненно воспринимает современную неспособность справиться с повсеместной нищетой и другими подобными

---

¹ *Hegel G. W. F. Philosophy of Right*. P. 49–52 (§§ 59–64); esp. p. 49 (§ 59).

² *Ibid.* P. 126. (§ 189). [Цит. по русскому переводу: *Гегель Г.В.Ф. Философия права*. М.: Мысль, 1990. С. 234. – Перев.]

³ Этот подход является преобладающим, но не общепринятым. См. более социально ответственный подход: *Sen A. Poverty and Famines*. New Delhi: Oxford University Press, 1999.

проблемами, точная формулировка основ политической экономии не является его главной заботой.

После этого вводного рассуждения Гегель сразу же разделяет обсуждение на три части, для того чтобы рассмотреть базовые, или жизненно важные, потребности (*Bedürfnis*) и их соответственное удовлетворение (*Befriedigung*) в современном буржуазном обществе, появляющемся с началом промышленной революции, — характер труда, необходимого для решения этой задачи, — и имущество (*Vermögen*). Далее он рассматривает разделение на три класса применительно к экономическим возможностям, а потом предлагает анализ понятия удовлетворения.

Согласно Гегелю, удовлетворение человеческих потребностей касается не только отдельного индивида, но всех членов общества¹, которое вообще вращается вокруг потребностей и средств их удовлетворения². Потребности являются и естественными (по природе) и не-естественными (не по природе), какова духовная потребность в освобождении (*Befreiung*), хотя так называемое состояние природы не может быть возвращено иначе, чем через труд³. Отдаленно следуя за Локком, полагавшим, что труд создает ценность⁴, и предвосхищая Марксову трудовую теорию стоимости, Гегель делает различие между трудом, который сообщает ценность предметам, и потребительной стоимостью⁵. Разделение труда просто доводит до максимума зависимость людей друг от друга⁶, а в результате оказывается, что удовлетворение субъекта связано с удовлетворением потребностей других⁷.

---

¹ *Hegel G. W. F. Philosophy of Right. P. 127. (§ 192).*

² *Ibid. P. 127–128. (§ 193).*

³ *Ibid. P. 128. (§ 194).*

⁴ *Locke J. The Second Treatise of Government. P. 343–344. (§ 50).*

⁵ *Hegel G. W. F. Philosophy of Right. P. 128–129. (§ 196).*

⁶ *Ibid. P. 129. (§ 198).*

⁷ *Ibid. P. 129–130. (§ 199).*

Гегель отличает собственность (Eigentum) от имущества, или капитала (Vermögen)¹. Он утверждает, что последний представляет трудовые возможности для каждого, а тем самым имеет тенденцию к преумножению². Капитал разделяет общество на три главных класса: связанных с сельским хозяйством, с промышленностью и гражданским служением³. Он полагает, что классовая принадлежность определяется природными данными, рождением и другими факторами. Он признает, что неудавшееся интегрирование индивидов в структуру общества приводит к нестабильности⁴. На основании своего анализа он заключает, что индивид сообщает себе действительность только в отношении и через отношение к конкретной сфере потребностей, т. е. в практической области⁵.

Гегель о собственности

Поскольку я уверен, что позиция Маркса определяется различием между его и гегелевским взглядами на собственность, полезно будет рассмотреть в целом соответствующую концепцию Гегеля. В «Философии права» Гегель изучает развитие идеи абсолютно свободной воли на трех уровнях: как непосредственной, или абстрактной, воплощенной во внешней вещи; затем как возвращающейся в самое себя, или внутренней; затем, наконец, как единства этих двух абстрактных моментов, в котором идея не только понята, но и осуществлена в нравственности на уровнях семьи, гражданского общества и государства. Собственность рассматривается на уровне абстрактного права, на

---

¹ Ibid. P. 116. (§ 170).

² Ibid. P. 129, 130. (§ 199).

³ Ibid. P. 231. (§ 202).

⁴ Ibid. P. 132–133. (§ 206).

⁵ Ibid. P. 133–134. (§ 207).

котором абсолютно свободная воля является абстрактной и непосредственной (§§ 41–72). Гегель придерживается общеправового, юридического подхода к собственности, сфокусированного на обладании или владении собственностью. В том, что касается собственности, отношения между людьми строятся на основании договоров. В первом подразделе Гегель подробно анализирует собственность, а потом обращается к договорам и преступлениям против собственности. Обсуждение собственности состоит из общего обзора, за которым следуют три части: приобретение собственности (вещи), потребление вещи, отчуждение собственности.

Индивидуальная свобода принимает так называемую внешнюю форму вещи, в которой человек реализует право на воплощение собственной воли. Владение есть наличие власти над вещью. Собственность есть не только удовлетворение потребностей, но кроме того – «воплощение свободы»¹. В этом смысле собственность есть частная собственность². Поскольку индивидуальная воля осуществляется через собственность, собственность становится частной собственностью. Сумма собственности, которой владеет индивид для удовлетворения своих потребностей, не имеет значения для прав.

Получение предмета во владение тоже происходит в трех формах, соответственно тому, как человек физически присваивает предмет, создает его или обозначает его как свой собственный. Первый процесс – непосредственный, но временный. Второй – способ, каким человек дает форму тому, что существует как внешний объект. Эта форма владения предполагается в производстве товаров, типичном для современного индустриального общества, и, как выяснится ниже, в Марксовой теории отчуждения. В примечаниях

---

¹ Ibid. P. 42. (§ 45).

² Ibid. P. 45. (§ 46).

нии о рабстве Гегель говорит, что человек не есть естественная сущность, которая может быть порабощена, поскольку мы не являемся свободными от природы. Мы лишь становимся свободными вследствие осознания свободы, которое ведет к борьбе за признание в отношениях между господином и рабом¹.

В разделе о потреблении вещи Гегель подчеркивает, что индивидуальная воля осуществляется в вещи и через вещь, которая изменяется, разрушается или потребляется. Полное, неограниченное потребление предполагает отношение владения, в отличие от частичного или временного потребления вещи. Ценность есть всеобщее свойство вещи, или потребление, которое она может получить. Маркс развивает эту идею в своей концепции потребительной стоимости.

Обсуждая отчуждение (*Entäusserung*) собственности, Гегель развивает точку зрения, которая предвосхищает Марксову. Гегель, понимающий отчуждение как прекращение чьей-то собственности, сначала подчеркивает, что можно отчуждать только собственность, или объект, в котором воплощена чья-то воля. К тому же личность человека или самосознание неотчуждаемо, поскольку оно не является предметом. Только вещи или продукты человеческих существ могут быть отчуждены – путем передачи кому-то в употребление моих способностей или моего времени, в результате чего я сам отделяюсь от того, что я делаю. Гегель высказывает важную мысль: «Отчуждая целое моего времени, кристаллизировавшегося в моем труде и во всем, что я произвел, я передал бы в собственность другому субстанции своего бытия, свою всеобщую деятельность и действительность, свою личность»². Хотя в итоге Гегель не сформулировал теорию отчуждения, характерного для

---

¹ Ibid. P. 48. (§ 58).

² Ibid. P. 54. (§ 67).

современного индустриального общества, он безусловно создал для нее концептуальный базис. Маркс развивает гегелевскую идею, что человек «кристаллизуется» в собственном труде, в капитализме – в производстве товаров, и кладет ее в основание своей теории отчуждения в современном индустриальном обществе.

Маркс и Гегель: предварительные выводы

Наше обсуждение достигло точки, в которой можно сделать некоторые предварительные выводы. Гегель безусловно создал развитую теорию современного общества, в том числе – удовлетворения естественных и не естественных, или социальных, человеческих потребностей. Его теория основывается на определенном понимании человеческих существ, которые, удовлетворяя свои потребности через деятельность, создают сеть отношений между собой, вещами и другими людьми. Часто даже не догадываются – и, несомненно, не могут догадаться, если полагают, что философы вообще и, в частности, Гегель не интересуются конкретными общественными явлениями¹ – до какой степени Гегель в «Системе потребностей» схватывает суть проблемы и до какой степени современный либеральный капитализм способен удовлетворять человеческие потребности. Как выяснится ниже, Маркс идет в том же направлении.

Это приводит к трем предварительным выводам, которые здесь могут быть лишь названы, но не доказаны.

1. Начнем с того, что всякое исследование теорий Маркса, в котором его отношение к Гегелю не принимается

---

¹ Согласно Боттомуру и Рюбелю, придерживающимся шаблонной марксистской точки зрения, Гегель не старался и не мог объяснить действительные общественные явления: *Marx K. Selected Writings in Sociology and Social Philosophy*. P. 6. По крайней мере, можно доказать, что это не входило в непосредственные намерения Гегеля.

в расчет или расценивается как всецело или преимущественно отрицательное, обнаруживает неверное понимание его ближайших истоков в немецкой философской традиции. Позиция Маркса неотделима от философии, строится на ее фундаменте, а не на ее отрицании. Ниже мы проанализируем это более детально.

2. Теории Маркса можно интерпретировать в терминах философии Гегеля, однако всякой попытке такого рода должен предшествовать очерк позиции Маркса. Если я прав в том, что Маркса интересуют практически те же проблемы, что и Гегеля в «Философии права», в частности в ее знаменитом разделе «Система потребностей», тогда о теоретических нововведениях Маркса можно судить по тому, в каких отношениях он отличается от Гегеля, видоизменяет или превосходит его теории¹.

3. Вопреки утверждениям марксистов, включая самого знающего из них, Лукача, Маркс не был в глубине души антигегельянцем. В главном он был скорее гегельянцем. На самом деле, он – безусловно величайший ученик Гегеля, а поскольку Гегель – немецкий философ идеалист, Маркс является даже (в каком смысле – нам еще предстоит уточнить) немецким идеалистом. Поэтому упорное стремление марксистов противопоставить материализм идеализму, а Маркса – Гегелю, является серьезной ошибкой. Но доводы, требующиеся для доказательства этих тезисов, будут приведены в этой книге далее, по мере установления основных элементов теорий Маркса.

---

¹ Интерес к этому подходу имеется и у других исследователей. Например, Н. Автономова полагает, что Маркс делает все еще мистическую позицию Гегеля более конкретной: Автономова Н. С. Рассудок, разум, рациональность. М.: Наука, 1988. С. 87–90.

2.

Ранние работы Маркса

Как и Гегель, Маркс обладал острым историческим чутьем и неизменно связывал идеи с временем и местом их возникновения. Так же мы должны подходить и к собственным идеям Маркса. Полезно сделать несколько общих замечаний о жизни и творчестве Маркса, а потом остановиться на тех обстоятельствах, которые позволяют уловить главные линии его важнейших с философской точки зрения работ.

Жизнь и творчество Маркса

Карл Маркс родился в Трире, находящемся в прусской земле Рейнланд, 5 мая 1818 г. третьим из девяти детей, а умер 14 марта 1883 г. в Лондоне, где жил в добровольном изгнании¹. Его отец Генрих Маркс (1787–1838) был юристом. И отец, и мать Генриетта (в девичестве Пресбург; 1787–1863) происходили из старых известных религиозных еврейских родов, среди их предков были раввины. По социальным обстоятельствам отец Маркса принял протестан-

---

¹ Сведения о жизни Маркса я беру из многочисленных второисточников, особенно из прекрасной книги Максимилиана Рюбеля и Маргарет Маналь: *Rubel M., Manale M. Marx Without Myth: A Chronological Survey of His Life and Work*. N. Y.: Harper and Row, 1976.

тизм вскоре после рождения Маркса. Дети были крещены в 1824 г., когда Карлу Марксу было шесть лет, а их мать приняла крещение в 1825 г.

Маркс вырос в Трире, расположенном в долине Мозеля. В 1835 г. он окончил местную гимназию. Отсюда он поступил в университет, учился сначала в Бонне, а потом в Берлине. В Берлине он проводил время в обществе молодых левых интеллектуалов, которые интересовались Гегелем и принадлежали к так называемому *Doktorclub*. В университете Маркс получил докторскую степень по философии, а потом занялся журналистикой, которая долгое время была для него единственным источником существования – если не считать материальной помощи друзей, особенно Фридриха Энгельса.

В начале 1843 г. начался период жизни в изгнании, вдали от родины; сначала Маркс отправился в Париж, где снова встретил Энгельса, который быстро стал его близким другом и постоянным соавтором. Вскоре он перебрался в Брюссель, ненадолго останавливался и в других местах, а затем отправился в Лондон, где прожил остаток жизни.

Маркс обладал поразительной умственной энергией. Он начал писать вскоре после окончания университета, и остановила его только смерть. Его сочинения поначалу были журналистскими, потом стали философскими, но очень скоро начали принимать все более заметный экономический оттенок. Общий характер его творчества оставался не вполне известным в течение многих лет, поскольку многие самые важные его произведения не были опубликованы при его жизни. Из-за их запоздалого появления точное представление о корпусе его сочинений стало возможным только сравнительно недавно.

Давно известно, что Маркс написал несколько философских текстов о Гегеле и гегельянстве. Но полагали, что впоследствии он оставил философию и обратился к эконо-

мике, в которой получил, как принято считать, свои главные результаты. Его сочинения по экономике достигают кульминации во все более детальной критике политической экономии. Шедевром Маркса долго считали начало «Капитала», первый из трех запланированных томов (ему не удалось завершить другие), который появился в 1867 г. Относительно недавно стало ясно, что «Капитал» есть лишь толика более обширного проекта. Его главная сохранившаяся часть – собрание рукописей, известных как «Grundrisse» – стала доступна широкому читателю только в начале 1950-х гг. Еще один текст, который появился в 1930-е гг. и лишь позже был переведен на английский язык, известен как «Парижские рукописи» (поскольку он был написан в Париже), или как «Экономическо-философские рукописи» (по двум его темам), или как «Рукописи 1844 г.» (по дате написания). После опубликования этого текста развитая в нем блестящая концепция отчуждения, не уступающая, пожалуй, никакой другой философской концепции, привлекла внимание к Марксу, которого до тех пор мало обсуждали, вызвала пересмотр интерпретации его теорий и породила горячий спор о так называемом марксистском гуманизме.

Ранние произведения

Часто говорят, что позиция Маркса соединяет в себе влияния, идущие от немецкой философии, французского социализма и английской политической экономии¹. В молодости Маркс получил прекрасное философское образование, а политической экономией и социализмом заинтересовался позже. Даже утверждая, что впоследствии он ото-

---

¹ См., например: *Lenin V. I. The Teachings of Karl Marx*. N. Y.: International Publishers, 1930. P. 10.

шел от философии, все же признают, что источником его взглядов является сложное отношение к философии Гегеля.

Отношение Маркса к Гегелю напоминает отношение Гегеля к Канту. Критическая философия Канта неотрывна от осуществления им так называемой коперниканской революции в философии, которая аналогична революции, совершенной Коперником в астрономии. Она равносильна «конструктивистскому» эпистемологическому подходу, центральному для позиции Канта, согласно которому мы можем знать только то, что в некотором неопределенном смысле «конструируем», «производим» или «делаем». За немногими важными исключениями (Гаман и Гердер; Соломон Маймон, 1754–1800) философствующие современники Канта полагали, что он был прав, но не смог проработать свою точку зрения достаточно детально. Позднейший немецкий идеализм (Фихте, Шеллинг, Гегель) следует рассматривать как нацеленный на продолжение, углубление и завершение совершенного Кантом коперниканского поворота, если не в согласии с буквой, то по крайней мере в согласии с духом его учения.

Проводя четкую грань между мышлением и историей, Кант полагал, что философию необходимо начать сначала, поскольку, согласно его критериям, философия, достойная этого имени, до него никогда не существовала. Другие думают, что позднейшие мыслители опираются на своих предшественников. Говорят, Ньютон видел дальше, чем другие люди, поскольку мог опираться на гигантов. Гегель тоже относился к своим предшественникам более великодушно и снисходительно, чем Кант. Гегель прекрасно знал предшествующую философскую традицию, и обычно он стремился использовать для своих построений то полезное, что остается в теориях предшественников. Его усилия по развитию, доведению до полноты и в этом смысле завершению кантовского коперниканского поворота достигают

высшей точки в философской теории современного государства как среды для удовлетворения человеческих потребностей.

Подобно Гегелю в его отношении к Канту, Маркс подхватывает, критикует, исправляет и развивает далее позицию Гегеля. Маркс обсуждает гегелевские темы, применяет гегелевские идеи к конкретным проблемам, критикует Гегеля в процессе поисков собственного философского голоса, выявляет важнейшие нити рассуждения в рамках более широкой гегелевской позиции, в целом – борется за то, чтобы усвоить и переосмыслить главенствующее философское течение того времени. Не существует очевидного способа отделить критику гегелевской позиции от происхождения и становления собственной позиции Маркса. Пожалуй, это очевиднее всего в ранних сочинениях Маркса, скажем, предшествующих «Немецкой идеологии», в то время, когда Маркс ищет свой путь и когда он еще не начал долгую критику традиционной политической экономии, которая постоянно занимала его во время работы над «Капиталом». Однако интеллектуальный поединок с Гегелем не заканчивается в ранних текстах Маркса, но буквально неослабно продолжается даже в его позднейших – преимущественно экономических – сочинениях, включая «Grundrisse», «К критике политической экономии», «Капитал».

Три главных темы, которые повсеместно присутствуют в поздних сочинениях Маркса, появляются уже в его ранних текстах: критика Гегеля, критика традиционной политической экономии и формирование собственной позиции. Эта взаимосвязанные темы невозможно отделить одну от другой: критическое обсуждение Гегеля и уже существовавшей политической экономии позволяет Марксу сформулировать собственную позицию; интерес к политической экономии позволяет ему критиковать Гегеля; а интерес к Гегелю помогает критиковать существующую политиче-

скую экономию. Эти три темы идут рядом в его ранних работах, которые в этом отношении отличаются только мерой преобладания той или иной из этих трех тем.

Какие же работы имеются в виду под «ранними произведениями Маркса»? Ответ предопределяется сложными проблемами, связанными с развитием и непрерывностью мысли Маркса. Имеются разногласия относительно того, что следует включить в число ранних сочинений и даже – детально обсудить в этой связи. В MEW, например, поначалу были опущены существенно важные «Парижские рукописи» (1844) и в то же время – помещены ранние тексты – две статьи о Гегеле, одна – о еврейском вопросе и еще одна – о короле Пруссии (все они написаны в одном и том же году). Дополнительный том к этому изданию включает «Парижские рукописи», заметки для докторской диссертации, докторскую диссертацию, а также текст, написанный в 1835 г. семнадцатилетним автором. Боттомор, с другой стороны, включает в свое издание ранних работ Маркса статью о еврейском вопросе, статью о Гегеле и «Парижские рукописи»¹. Роберт Такер помещает все это и вдобавок – «Немецкую идеологию» и «Тезисы о Фейербахе»². Поскольку я делаю акцент на философской стороне позиции Маркса, я буду комментировать те тексты, которые теснейшим образом иллюстрируют мое понимание Марксова восприятия и освоения философских тем, и при этом особое внимание уделю его отношению к Гегелю.

Гегельянство в диссертации Маркса

Как известно, младогегельянцы полагали, что в системе Гегеля философия пришла к своему завершению. Хайдег-

---

¹ *Marx K. Early Writings / Trans. T. B. Bottomore. N. Y.: McGraw-Hill, 1964.*

² *The Marx-Engels Reader / Ed. R. C. Tucker. N. Y.: Norton, 1972.*

гер убежден, что необходимо овладеть философией Гегеля, присвоить и «преодолеть» ее, что Гегеля просто нельзя оставить в стороне, если только философии суждено выжить¹. В начале 1840-х гг., больше полутора столетий тому назад, Маркс тоже связывал свой проект с необходимостью побороть, присвоить и «преодолеть» Гегеля. Марксисты обычно наскоро расправляются с Гегелем одной-двумя выверенными фразами. Но упомянутая установка Маркса по отношению к Гегелю остается постоянной составляющей его работ с начала и до конца, как если бы диалог с Гегелем был для него никогда не отступающей задачей².

Интерес к Гегелю, заметный уже в письме Маркса к отцу, является главной темой в его ранних работах. Осенью 1835 г. Маркс поступил в Боннский университет, где начал изучать право. Через год несистематических занятий (а в тот год он обручился со своей будущей женой, Женни фон Вестфален (1814–1881), брат которой был его одноклассником в Трире), Маркс перешел в Берлинский университет, где продолжил заниматься правом. В Берлине он изучал не только юриспруденцию, но и философию и историю. Став членом *Doktorklub*, он познакомился с другими людьми, весьма сочувствующими гегельянству, в том числе с братьями Бауэрами, Карлом Фридрихом Кёппеном (1808–1863), который позже стал историком и преподавал в Берлине, и Адольфом Рутенбергом. Бруно Бауэр (1820–1886) впо-

---

¹ Heidegger M. *The Basic Problems of Phenomenology* / Trans. A. Hofstadter. Bloomington: Indiana University Press, 1982. P. 178.

² Лукач, предложивший наиболее детальную ортодоксально-марксистскую трактовку формирования идей молодого Маркса в 1840–1844 гг., утверждает, в традиционном духе, что позиция Маркса действительно начинает формироваться с попытки усвоить гегелевскую философию, причем эта попытка постоянно направлена на выявление и разрешение противоречий в идеях Гегеля: Lukács G. *Der junge Marx: Seine philosophische Entwicklung von 1840–1844*. Pfullingen: Neske, 1965. P. 7, 9.

следствии преподавал протестантскую теологию в университетах Берлина и Бонна, но был уволен за радикальные взгляды. Его брат Эдгар (1820–1886) был активным участником революции 1848 г. в Германии, потом эмигрировал в Англию и вернулся в Пруссию только после политической амнистии 1861 г.

Отец Маркса умер в мае 1838 г., не дожив года до того, как Маркс приступил к работе над докторской диссертацией об Эпикуре, которого Гегель едва упоминает. Диссертация в конечном счете включила и Демокрита, которого Гегель довольно детально обсуждает в «Лекциях по истории философии». Летом 1839 г., продолжая свои исследования, Маркс прослушал лекционный курс Бруно Бауэра. Маркс подал диссертацию 4 апреля 1841 г., и 15 апреля ему была присвоена докторская степень по философии.

В диссертации Маркса содержится совершенно гегельянская трактовка темы «Различие между натурфилософией Демокрита и философией Эпикура» (*Differenz der demokritischen und epikureischen Naturphilosophie*). Краткий текст – около 80 печатных страниц, но часть рукописи утрачена – был посвящен его будущему тестю. Работа разделяется на две главных части, включающих характеристику различных взглядов Демокрита и Эпикура в области натурфилософии, затем более подробное рассмотрение различий в их взглядах в области физики и, наконец, разбор критики Плутархом суждений Эпикура о богах.

В диссертации сильное влияние Гегеля обнаруживается в обращении Маркса к таким темам, как различие, философия природы и самосознание. В философии Гегеля понятие различия (*Differenz*) играет важную роль. По Гегелю, задача философии заключается в осознании, но также в преодолении различия в объединяющей и единой концептуальной структуре. Точка зрения Гегеля первоначально сформировалась в ходе обсуждения различия между фило-

софскими теориями Фихте и Шеллинга, которые были тогда виднейшими представителями послекантовского идеализма, чьи позиции, по мнению Гегеля, были формами одной истинной философской системы¹.

Философия природы, которая была важной темой, когда Маркс готовил свою диссертацию, с тех пор уступила место философии науки. Досократики пытались найти начало вещей и создали первые космологии. Так, Фалес полагал, что все есть вода, Анаксагор считал предельным объясняющим началом ум, и т. д. Во времена Канта философские теории природы стали называться натурфилософией (*Naturphilosophie*). Кант отрицал, что мы можем воспринимать природу в целом, и полагал, что рассудок является источником законов природы². Он обстоятельно рассматривал проблемы натурфилософии, например в «*Метафизических началах естествознания*» (1786)³. Кантовское исследование натурфилософии является важной темой для позднейшего немецкого идеализма, хотя Фихте в этом отношении составлял заметное исключение. Философское размышление о природе является главным элементом раннего творчества Шеллинга. В «*Энциклопедии философских наук*» Гегель сделал философию природы одной из трех главных частей своей формальной системы философии⁴.

Согласно Гегелю, переход от сознания или осознания другого, например осознания предмета, к самосознанию, или осознанию себя, к тому, что Гегель называет самодос-

---

¹ *Hegel G. W. F. The Difference between Fichte's and Schelling's System of Philosophy / Trans. H. S. Harris and W. Cerf. Albany: State University of New York Press, 1977.*

² *Kant I. Critique of Pure Reason / Trans. W. Pluhar. Indianapolis, IN: Hackett, 1996. P. 172. (A 127).*

³ *Metaphysical Foundations of Natural Science // Kant I. Philosophy of Material Nature / Trans. J. W. Ellington. Indianapolis, IN: Hackett, 1985.*

⁴ *Hegel G. W. F. Hegel's Philosophy of Nature / Trans. A. V. Miller. Oxford: Clarendon Press, 1970.*

товерностью, является предварительным необходимым условием развития разума. В «Феноменологии духа» Гегель связывает развитие самосознания с отношением господина и раба. Кроме того, он соотносит расцвет философских теорий, определяемых самосознанием (таких как стоицизм, скептицизм и несчастное сознание в средневековом христианстве) с преобладающими общественными условиями.

В диссертации Маркс изучает послеаристотелевскую философию, которая, как полагали младогегельянцы, находилась в ситуации, аналогичной их собственной ситуации, когда в системе Гегеля философия, казалось, достигла своей кульминации и, с точки зрения некоторых наблюдателей, завершения. В отличие от других послегегелевских мыслителей, таких как Кьеркегор или Ницше, Маркс не стремится здесь ни низложить философию, ни даже уйти от нее. Аристотелевский период в греческой философии, полагает он, приходит к разделению на эпикурейство, стоицизм и скептицизм, с одной стороны, и александрийское умозрение – с другой. Маркс вслед за Гегелем характеризует первые три философии как принадлежащие самосознанию.

Хотя теории Эпикура и Демокрита различны, они держатся одинаковой натурфилософии. Маркс напоминает об общем согласии относительно того факта, что Эпикур просто перенимает физику Демокрита¹. Тщательно изучив взгляды двух философов и литературу о них, как это сделал до него Гегель, и используя гегелевскую терминологию, Маркс доказывает, что позиции этих философов отличались по всякой важной проблеме, поскольку Эпикур – скептик, а Демокрит – догматик². Их объединяет приверженность атомизму, но они понимают его по-разному. Ут-

---

¹ *Marx K. Difference Between the Democritean and Epicurean Philosophy of Nature // Marx K., Engels F. Collected Works. N. Y.: International Publishers, 1975. Vol. 1. P. 38.*

² *Ibid. P. 45.*

верждение Маркса, что Эпикур доводит атомизм до его последнего завершения в форме абстрактной индивидуальности¹, согласуется с точкой зрения Гегеля². Поскольку Гегель мало говорит о физике Демокрита, Маркс впервые отмечает, что для Демокрита приверженность атомизму служит ключом к эмпирическому изучению природы вообще³.

Диссертация Маркса – содержательное и тщательное исследование, написанное одаренным молодым философом, находившимся под явным влиянием Гегеля, прекрасно знавшим предмет и читавшим источники на языке оригинала. Это работа многообещающего молодого человека. В других обстоятельствах она была бы опубликована в виде книги соответственно обычной практике в немецких академических кругах – что Маркс и планировал сделать в качестве твердого шага к будущей научной карьере.

Фейербах и ранняя критика Гегеля

Хотя Маркс работал над диссертационным исследованием в Берлине, завершенная диссертация была представлена в университет Йены в начале апреля 1841 г., и там же чуть позже он получил степень доктора философии. Видимо, причина заключалась в том, что в Йене, в отличие от Берлина и Бонна, публичная защита диссертации не была обязательным условием и плата была меньше, чем в Бонне или Берлине.

В 1840-х гг. у новоиспеченных философов, даже самых талантливых, не было шансов найти работу. Несмотря на

---

¹ Ibid. P. 73.

² Hegel G. W. F. *Phenomenology of Spirit* / Trans. A. V. Miller. Oxford: Oxford University Press, 1977. P. 123. (§ 202).

³ Marx K. *Difference Between the Democritean and Epicurean Philosophy of Nature*. P. 73.

тяжелый и драчливый характер, молодой Маркс производил большое впечатление на своих знакомых. Моисей Гесс – впоследствии видный пропагандист немецкого социализма, сотрудничавший с Марксом и Энгельсом, в одном из писем 1841 г. охарактеризовал 23-летнего Маркса как величайшего и единственного подлинного современного философа¹.

Получив степень, Маркс уехал из Бонна обратно в Трир. Он надеялся начать научную карьеру, но политический климат этому не способствовал. Одним из факторов была отставка младогегельянца и товарища Маркса Бруно Бауэра, который потерял место преподавателя за то, что произнес тост в левом духе. Возможно, Маркс вместе с Бауэром сочинили памфлет, опубликованный анонимно в ноябре 1841 г. под заглавием «Трубный глас Страшного суда над Гегелем, атеистом и Антихристом»². Маркс настолько заинтересовался ситуацией Бауэра, что в ноябре 1842 г. написал статью в защиту Бауэра и академической свободы от критики некоего д-ра О. Ф. Группе (1804–1876), публициста и философа-идеалиста³. Маркс сохранил

---

¹ В письме к писателю Бертольду Ауэрбаху (2 сент. 1841 г.): «Величайший, пожалуй единственный настоящий философ, живущий сегодня ... д-р Маркс ... еще очень молод, и он собирается нанести смертельный удар средневековой религии и политике. В нем соединяются острейший ум с самой глубокой философской серьезностью: вообразите Руссо, Вольтера, Гольбаха, Лессинга, Гейне и Гегеля, соединенных в одном лице – именно соединенных, а не собранных вместе – и вот вам д-р Маркс», цит. по: *Rubel M., Manale M. Marx Without Myth*. P. 21.

² Степелевич приписывает авторство Бауэру. См.: *Bauer B. The Trumpet of the Last Judgment / Trans. L. Stepelevich*. N. Y.: Mellen Press, 1989. Возможное сотрудничество Маркса и Бауэра в написании этого и других текстов обсуждается также в книге: *Rosen Z. Bruno Bauer and Karl Marx*. The Hague: Martinus Nijhoff, 1977. P. 129–130.

³ *Marx K. Noch ein Wort über: Bruno Bauer and die akademische Lehrfreiheit von Dr. O. F. Gruppe*. Berlin 1842 // MEW. Ergänzungsband. S. 381–384; *Yet Another Word on Bruno Bauer and die Akademische Lehrfreiheit by Dr. O. F. Gruppe* // CW. Vol. 1. P. 211–214.

интерес к этому вопросу, поскольку закончил статью «Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции» (которая была написана в первые месяцы 1842 г., а вышла только в 1843 г.), цитатой из Тацита: «Что за редкое удовольствие думать, что хочешь, и говорить, что думаешь»¹.

Поскольку перспективы академической карьеры не были радужными, в апреле 1842 г. Маркс отправился в Бонн и стал редактором газеты «Die Rheinische Zeitung», издававшейся в Кёльне, соседнем городе, расположенном неподалеку от границы с Голландией. Здесь он продолжал ратовать за свободу и даже заметил, что свобода составляет сущность человеческого существа², а несвобода равносильна смерти³. Маркс понимал связь между свободой от цензуры и свободой, хотя еще и не связывал свободу с экономическими условиями. Он также начал знакомиться (через статьи Гесса и других) с идеями различных французских социалистов, в частности К.-А. де Рувруа (1760–1825), графа Сен-Симона, более известного просто как социалист-утопист Сен-Симон. В Кёльне он начал читать и Людвига Фейербаха (1804–1872), своего современника, который поначалу был гегельянцем, а потом стал суровым критиком Гегеля.

Критические статьи Маркса, которые в сущности были его первыми текстами по экономическим вопросам, быстро привлекли внимание цензоров, и в результате весной 1843 г. правительство закрыло газету и Маркс остался без

---

¹ *Marx K.* Bemerkungen über die Preussische Zensurinstruktion // MEW. Bd. 1. S. 25; Comments on the Latest Prussian Censorship Instruction // CW. Vol. 1. P. 109–131.

² *Marx K.* Debatten über die Pressfreiheit und Publikation der Landständischen Verhandlungen // MEW. Bd. 1. S. 51; Proceedings of the Sixth Rhine Province Assembly. Debates on Freedom of the Press and Publication of the Proceedings of the Assembly of the Estates // CW. Vol. 1.

³ *Marx K.* Debatten über die Pressfreiheit... S. 61.

работы. В мае Маркс побывал в Дрездене, где обсудил с немецким радикалом и писателем Арнольдом Руге идею совместного издания немецко-французских ежегодников («Deutsch-französische Jahrbücher»). В конце мая он отправился в Кройцнах, где начал работать над исследованием идеи государства в «Философии права» Гегеля, а 19 июня 1843 г. женился на Женни фон Вестфален, с которой к тому времени они были обручены уже семь лет. В октябре молодожены уехали в Париж, где оставались до февраля.

По ряду причин краткое пребывание в Париже оказалось решающим для будущей жизни Маркса. В Париже Маркс продолжил занятия политической экономией, начатые недавно в Кёльне. Именно в Париже в августе 1844 г. он снова встретился с Фридрихом Энгельсом, и завязавшаяся здесь дружба продолжалась до смерти Маркса. В парижский период жизни Маркса появился единственный выпуск «Deutsch-französische Jahrbücher». Именно в Париже он сформулировал в общих чертах свое понимание современного индустриального общества, которое впоследствии было им развито и расширено, но в сущности не изменилось. Здесь же, в Париже, неспособность Маркса содержать семью путем регулярных заработков стала хронической проблемой, несмотря даже на то, что в мае 1844 г. родилась его первая дочь, Женни. Шаткое положение семьи Маркса подвигло Г. Ф. Клессена (1813–1883) – немецкого либерала, поддерживавшего газету, которую Маркс недолго редактировал в Кёльне, – заговорить об открытии национальной подписки в пользу Маркса¹. И, наконец, в Париже Маркс познакомился с другими выдающимися личностями, которые позже сыграли некоторую роль в его жизни, – с французским рабочим и впоследствии

---

¹ Rubel M., Manale M. Marx Without Myth. P. 47.

экономистом Пьером Жозефом Прудоном (1809–1865), русским анархистом М. А. Бакуниным (1814–1876), известным русским писателем Александром Герценом (1812–1870), великим немецким поэтом Генрихом Гейне (1797–1856) и т. д.

В единственном выпуске ежегодника, работа над которым ненадолго соединила Маркса с Руге, прежде чем Маркс выступил против бывшего соратника (так постоянно складывались его непростые отношения почти со всеми сотрудниками, за исключением Энгельса), были опубликованы две важных ранних статьи Маркса и статья Энгельса. Статьи Маркса были введением в критику политической философии Гегеля и представляли собой резкий отклик на две опубликованных в 1843 г. статьи Бруно Бауэра об отношениях между иудаизмом и христианством; а напечатанная здесь же статья Энгельса «Наброски к критике политической экономии» оказала влияние на Маркса.

Завершив диссертацию, Маркс продолжил занятия философией, хотя их направление изменилось. В диссертации он обсуждал другие теории в широких рамках гегелевской системы. В двух других текстах этого периода он начал критику самой этой системы, которая продолжалась во всех его позднейших сочинениях. Сначала он проанализировал параграф за параграфом один раздел «Философии права» Гегеля, а вскоре после этого сделал более широкий критический разбор всей книги. В промежутке между двумя критическими рассмотрениями идей Гегеля Маркс нашел время для критического исследования взглядов своих товарищей-младогегельянцев. Хотя впоследствии Маркс неизменно использовал гегелевские идеи, он никогда не переставал критиковать Гегеля.

В письме к Руге в начале 1842 г. Маркс упоминает, что планирует написать критическую статью о гегелевской

теории права¹. «К критике гегелевской философии права» — обширное незаконченное сочинение, в котором Маркс довольно детально исследует гегелевскую концепцию государства. Еще до написания этой работы Маркс начал читать Фейербаха, который явно повлиял на его мысли. Спорное утверждение Штрауса, что воплощение совершилось не в единственном индивидуе, а во всем человеческом роде, вскоре привело к дальнейшей критике христианства со стороны Бруно Бауэра и Фейербаха. Бауэр полагал, что истинным результатом гегельянства является атеизм, а не пантеизм или теизм. Фейербах был некогда студентом Гегеля и видного протестантского теолога Фридриха Эрнста Даниэля Шлейермахера (1768–1834), наиболее известного в качестве создателя современной религиозной герменевтики (истолкования текстов Священного Писания).

Фейербах написал замечательную книгу «Сущность христианства»², в которой, пользуясь методом так называемой трансформационной критики, «перевернул» обычную точку зрения на отношение между Богом и человеческим существом. Он предвосхитил Зигмунда Фрейда (1856–1939), доказывая, что человеческие существа создают идею Бога³, который не является «создателем» человеческих существ. В книге «Основные положения философии будущего» (1843)⁴ он применил метод трансформационной критики к философии Гегеля. Он признает истинным правый, консервативный взгляд на философию Гегеля как на

---

¹ См. письмо Маркса к Арнольду Руге, датированное 5 марта 1842 г.: CW. Vol. I. P. 382.

² *Feuerbach L. The Essence of Christianity / Trans. G. Eliot. N. Y.: Harper and Row. 1957.*

³ *Freud S. The Future of an Illusion // The Freud Reader / Ed. P. Gay. N. Y.: Norton, 1989. P. 685–721.*

⁴ *Feuerbach L. Principles of the Philosophy of the Future / Trans. M. Vogel. Indianapolis, IN: LLA, 1966.*

теологию и подвергает ее радикальному пересмотру с левых позиций в строго антропологическом ключе. Тайной теологии является антропология, и точно так же тайна гегелевской спекулятивной философии состоит в том, что она есть теология, которая заменяет действительный материальный мир абстрактным анализом, другими словами – заменяет человеческую реальность теологической формой философии. Вопреки тем, кто доказывал, что в системе Гегеля философия пришла к завершению, Фейербах предлагает новую философию, задуманную как осуществление философии Гегеля. Он полагает, что прежняя философская традиция достигает кульминации в Гегеле и что посредством критики Гегеля новая философия станет осуществлением гегелевской¹.

Фейербах утверждает, что позиция Гегеля является в сущности мистифицированной формой теологии, а значит, необходимо с антропологической точки зрения показать, что человек, а не Бог – корень человека. В работе «К критике гегелевской философии права» Маркс развивает фейербаховскую критику Гегеля. Здесь Маркс впервые критикует Гегеля, поэтому эта работа служит стандартом, по которому следует судить о всей позднейшей Марксовой критике Гегеля. Язык и форма рассуждения здесь явно принадлежат многообещающему профессиональному философу или хорошему аспиранту. Все рассмотрение, которое основывается на очень близком к тексту исследовании одной части гегелевской книги и формально состоит из пронумерованных параграфов, соответствующих параграфам у Гегеля, свидетельствует о намерении размышлять вместе с Гегелем – но против Гегеля. Читая таким образом Гегеля, Маркс вступает в критический диалог с предшественником, и этот диалог явно, а чаще скрыто продолжается во

---

¹ Ibid. P. 31. (§§ 19, 20).

всех позднейших работах Маркса. Здесь отсутствуют какие-либо упоминания других авторов, хотя Маркс постоянно ссылается на исторические явления для проверки философских формулировок Гегеля. Маркс не готовил этот текст для опубликования, в нем встречаются повторения и его трудно читать. Автор работы оставляет впечатление чрезвычайно способного мыслителя, пытающегося выработать собственные взгляды в полемике с гегелевской теорией современного общества, которая была тогда наиболее влиятельной философской концепцией.

Главный упрек Маркса заключается в том, что гражданское общество на самом деле представляет собой нечто совершенно иное и более важное, чем думал Гегель. Хотя Гегель постулирует тождественность интересов индивидов и государства, Маркс утверждает, что единственным и важнейшим фактором в гражданском обществе и благодаря ему является частная собственность. Следовательно, не государство определяет гражданское общество, но скорее гражданское общество и, прежде того, институт частной собственности определяют государство.

Краткого резюме будет достаточно для обозначения некоторых важных моментов в рассуждении Маркса. Все его исследование вращается вокруг тезиса, что Гегель неверно формулирует неразрешимое противоречие, поскольку, вероятно, недооценивает роль частной собственности. В самом начале своей работы Маркс обозначает якобы неудачу Гегеля в разрешении действительных неувязок в его модели государства и упрямо повторяет эту мысль с различными акцентами на протяжении всего своего текста. Но он меньше говорит об идее частной собственности, которая является главным камнем преткновения.

Вначале Маркс отмечает, что, по Гегелю, так называемая конкретная свобода состоит в постулированном тождестве между частными интересами семьи и гражданского

общества и общими интересами государства¹. Гегель формулирует «неразрешимую *антиномию*», если воспользоваться кантовским термином, обозначающим конфликт разума, или противоречие (III, 6). Вместо разрешения противоречия Гегель предлагает лишь «логический, пантеистический мистицизм» (III, 7; [Соч. 1, 224]). Это обнаруживается в замене действительного субъекта идеей, в сведении субъекта к воображаемому предикату (III, 8). Семья и гражданское общество в действительности образуют государство, а Гегель ошибочно полагает, что они производятся идеей (III, 8–9). Маркс резюмирует свою методологическую критику, в фейербаховском духе обвиняя Гегеля в перестановке субъекта и предиката: «Факт, из которого исходят, берется не как таковой, а как мистический результат» (III, 9; [Соч. 1, 226]). Одним словом, Гегелю не удается уловить специфику происходящего (III, 12). Вместо того чтобы постичь логику государства, он использует государство как пример предзаданной логики (III, 18). Ошибка Гегеля, настаивает Маркс, заключается в превращении идеи государства в мистический субъект, поскольку он не исходит из действительных, человеческих субъектов (III, 23). В результате Гегель скрывает противоположность между частной собственностью (*Privateigentum*, от немецкого *privat* – «частный» и *Eigentum* – «собственность»), частными интересами и интересами государства (III, 49). Он ошибочно полагает, что государство есть высшая форма свободы, тогда как на самом деле оно является слепой природной необходимостью (III, 56). Он не конструирует органического единства, которое является его целью (III, 58), поскольку рассматривает лишь субъективную свободу

---

¹ Marx K. Contribution to the Critique of Hegel's Philosophy of Right // CW. Vol. 3. P. 5. Последующие ссылки на эту работу приводятся в скобках в тексте.

(III, 62). Сословия (Stände), или социальные классы, занимаются не общим делом, а своим собственным (III, 63). Хотя Гегель понимает отделенность гражданского общества от политического государства, он ошибочно настаивает на единстве государства и гражданского общества (III, 74). Сословия, которые Гегель рассматривает как посредников между монархом и исполнительной властью, или монархом и народом, противопоставляются гражданскому обществу (III, 92). Иллюзия, будто государство есть центральная власть, разбивается о скалу частной собственности, которая обуславливает государство (III, 100). Гегель делает чудовищное утверждение, что государство есть действительность нравственной идеи, когда на самом деле нравственная идея – это религия частной собственности (III, 102). Характеризуя государство как монарха, Гегель не понимает государства, поскольку не понимает роли частной собственности (III, 108). Ставя гражданское общество в зависимость от предшествующей ему идеи, Гегель не улавливает его действительного эмпирического содержания (III, 116). Политическое представительство не отделено от гражданского общества, как полагает Гегель, но является скорее его политическим выражением (III, 123).

Энгельс справедливо расценивал этот незавершенный анализ гегелевской философии права как решающий момент в обращении Маркса к политической экономии¹. Для наших целей здесь важны два момента. Во-первых, мы должны спросить, оценивает ли Маркс Гегеля по заслугам

---

¹ «Отправляясь от гегелевской философии права, Маркс пришел к убеждению, что не государство, изображаемое Гегелем “венцом всего здания”, а, напротив, “гражданское общество”, к которому Гегель относился с таким пренебрежением, является той областью, в которой следует искать ключ к пониманию процесса исторического развития человечества» (*Engels F. Marx // SW. P. 60–61*). [Цит. по русскому переводу: *Энгельс Ф. Карл Маркс // Соч. Т. 16. С. 378–379. – Перев.*]

или же его критика основывается на неправильном понимании гегелевской позиции. Во-вторых, мы должны спросить, остается ли Маркс, несмотря на критику Гегеля, гегельянцем – и если остается, то до какой степени; и тем самым – спросить о значении Марксовой критики Гегеля для его собственной формирующейся теории.

Тексты великих философов во вторичной литературе обычно понимаются по-разному. В своей критике Маркс исходит из правого, теологического понимания позиции Гегеля, которую опровергает своим левым, антитеологическим ее пониманием. Правая интерпретация, от которой отталкивается и Фейербах в своей трансформационной критике Гегеля, обычно представляет гегелизм замаскированной формой теологии, где Бог является главным действующим началом. Согласно Марксу, Гегель ошибочно заменяет действительного субъекта в обществе, определяемом частной собственностью, вымышленным субъектом, или государством как манифестацией Бога¹. Разногласие между Гегелем и Марксом заключается в как будто различном понимании ими роли и места института частной собственности.

Было бы неверно утверждать, что Маркс сосредоточивает внимание на частной собственности, которую Гегель каким-то образом упускает из виду. В «Философии права» Гегель начинает обсуждение абстрактного права, или правовых отношений, с пространного разъяснения аспектов института частной собственности, который он понимает как средство удовлетворения потребностей. Различие за-

---

¹ Такого рода критика часто высказывается марксистами, она позволяет им установить различие между Марксом и Гегелем на том основании, что гегелевское понимание исторического субъекта является в конечном счете теологическим, а значит вымышленным. См., например: *Lukács G. History and Class Consciousness / Trans. R. Livingstone. Cambridge, MA: MIT Press, 1971. P. 83–222.*

ключается в оценке роли частной собственности. Усматривая ее правовое значение в контексте человеческих потребностей, Гегель не улавливает еще одной ее роли – как движущей силы гражданского общества. Он справедливо полагает, что политическая экономия начинается с потребностей и труда¹, но не замечает особой экономической роли частной собственности. Заслуга Маркса заключается в распространении гегелевского анализа частной собственности, ограниченной у Гегеля правовыми рамками, на экономическое измерение общества. В позднейших работах Маркс развивает свое понимание экономической роли частной собственности в современном государстве.

Снова о ранней критике Гегеля: «К еврейскому вопросу»

В более поздних работах Маркс продолжил и значительно углубил свой теоретический поединок с Гегелем, однако никогда уже не разбирает позицию Гегеля столь детально. Сражаясь с Гегелем, Маркс критиковал не только своего предшественника, но и современников – младогегельянцев. Критика младогегельянцев возвращает его к Гегелю. Она начинается с критики Бруно Бауэра в ранней статье, получившей продолжение несколько лет спустя в «Святом семействе».

Статья «К еврейскому вопросу», к сожалению, имеет антисемитский оттенок, который часто критиковали².

---

¹ *Hegel G. W. F. Hegel's Philosophy of Right / Trans. with notes by T. M. Knox. London: Oxford University Press, 1967. P. 126. (§ 189).*

² Возможно, отношение Маркса к евреям было вызвано тем, что он крестился и стал протестантом. Антисемитские высказывания встречаются во многих работах Маркса. Так, он говорит о евреях, которые живут в порах средневекового общества (CW. Vol. 28. P. 411); называет Лассаля еврейским негром (nigger) в письме к Энгельсу 30 июля 1862 г.;

Маркс начинает формулировать здесь теорию гражданского общества по ходу разбора позиции Бауэра. Влияние Фейербаха очевидно в упоминаниях о родовой жизни и родовом бытии. Эти два понятия Фейербах употребляет в «Сущности христианства», а Маркс еще раз использует их в знаменитой концепции отчуждения в «Парижских рукописях».

Маркс строит свое рассуждение как ответ Бауэру, своему товарищу-младогегельянцу, который в ранее вышедшей статье утверждал, что политическая эмансипация немецких евреев требует политической эмансипации человечества¹. Маркс возражает, что Бауэр не исследовал отношение между политической эмансипацией и человеческой эмансипацией. По мнению Маркса, первая есть только этап в осуществлении последней. Следовательно, теория человеческой эмансипации, которая отсутствует у Бауэра, поскольку тот интересуется только политической эмансипацией, еще должна быть сформулирована.

Отвечая Бауэру, Маркс начинает разрабатывать свою концепцию человеческого существа, которая предполагалась его ранней критикой Гегеля, и обращается для этого к идеям Фейербаха и Руссо. Он перенимает фейербаховское понимание родовой жизни, которая достигает совершенства в политическом государстве, а не в гражданском обществе, где каждая личность является частной личностью (В 13; III, 153–154). Маркс, вероятно, имеет в виду различие между правами человека, которые ограничиваются от-

---

пишет о евреях, существующих в порах польского общества (в первом томе «Капитала» (CW. Vol. 35. P. 90)); говорит, что товары есть деньги в духе и истине – «...евреи внутреннего обрезания» (Ibid. P. 165), что является аллюзией на Рим 2: 29; упоминает о еврее, который продаст фартинг за гинею (Ibid. P. 173), и т. д.

¹ Дальнейшее рассмотрение взглядов Бауэра содержится в «Святом семействе» (гл. 6, часть b).

дельно взятым индивидом, и правами гражданина. Руссо, как известно, отстаивает надуманное понимание человека в естественном состоянии, предшествовавшем современному обществу, как свободного, а следовательно счастливого. Принимая эту точку зрения, Маркс утверждает, что человеческая эмансипация означала бы, как он выражается, восстановление человеческого мира, будто бы разрушенного современной жизнью, и человеческих отношений, предполагаемых идей родовой жизни (В 31; III, 168).

Вторая, более краткая и менее интересная часть рассуждения Маркса тоже, к сожалению, несет на себе антисемитский оттенок. Маркс рисует здесь постыдный образ так называемого «действительного еврея», который, в отличие от бауэровского якобы «еврея субботы», едва ли является похвалой как еврейскому народу (который Маркс представляет в карикатурном виде), так и самому автору. Главная мысль, которую Маркс оставляет без доказательства, заключается в том, что мирским богом еврейства являются деньги. Подобно Гегелю (в «Феноменологии духа»), но не упоминая его имени, Маркс доказывает, что иудейство – ущербная форма христианства. В отличие от Гегеля, Маркс прямо утверждает, что евреи могут быть эмансипированы путем эмансипации человечества от еврейства (В 40; III, 174).

**Еще раз о ранней критике Гегеля:
«К критике гегелевской философии права:
Введение»**

В этом раннем тексте о Гегеле Маркс возвращается от критики младогегельянца Бауэра к критике его великого предшественника. Речь идет о проблеме человеческого самоосуществления, центральной для гегелевской «Филосо-

фии права»; обсуждение содержит замечания о религии (эта тема уже обсуждалась в ответе Бауэру) и ряд колких комментариев о философии. Предполагаемая неспособность Бауэра осмыслить условия действительной человеческой свободы здесь снова возникает как основное возражение в Марксовой критике гегелевского понимания современного государства.

Маркс полагал, что философия не разрешила свои проблемы, и не соглашался с коллегами-младогегельянцами, утверждавшими, что философия завершается системой Гегеля. Пожалуй, самым интересным аспектом рассуждения Маркса является его мысль о том, что философия перестанет существовать, когда выполнит свою задачу. Кант полагал, что предшествующая философия была догматической, т. е. недостойной называться философией, но что в его критической системе предшествующая философия достигла своей цели. Подобно Канту, Маркс думает, видимо, что у философии есть особые задачи и что после их выполнения философия станет ненужной.

В начале статьи продолжается полемика против религии, начатая в ответе Бруно Бауэру, т. е. до обращения к Гегелю. Снова в духе Фейербаха Маркс утверждает, что религия как человеческий продукт есть не более чем иллюзорное осуществление человеческого существа. Эта позиция очевидно предвосхищает концепцию идеологии, разработанную позже в «Немецкой идеологии». Маркс явно использует гегелевское различие между ложным, или иллюзорным, и правильным пониманием социальной действительности, а потом формулирует знаменитое суждение «религия есть опиум народа» (В 44; III, 175; [Соч. 1, 415]). Отвергая возможность нейтральной философии, Маркс полагает, что философия занята главным образом осуществлением собственно человеческого блага. Критика религии разоблачает религиозное отчуждение, и точно так же зада-

ча философии заключается в разоблачении мирской формы человеческого самоотчуждения (В 44; III, 176).

Это утверждение имеет двойкий смысл. Вначале, следуя фейербаховскому предположению о параллельности критики религии и философии, Маркс проводит различие между (традиционной) философией, которая является в лучшем случае социально нерелевантной, и другой философией, находящейся на службе у истории¹. Первая просто хранит существующее положение дел, примером чего является гегелевская («официальная», так сказать) теория государства. Отсюда следует, что человеческое отчуждение может быть смягчено путем отрицания ложного образа современного общества. Маркс убежден, что отчуждение происходит по нашей вине, и полагает, как и Фейербах, что решение действительных общественных проблем заключается не в религии, а в нас самих.

Какое же применение получает попытка решать проблемы человеческого самоотчуждения путем критики философии? Маркс отвечает, что Германия отстает в развитии сравнительно с Францией и Англией и что немцы все еще живут в философии и философией – что философия есть идеальное продолжение немецкой истории (В 48; III, 179), и прежде всего – гегелевская «Философия права» (В 50; III, 181). Отличие от более ранней Марксовой критики Гегеля заключается здесь в утверждении, что Гегель воплощает высшую точку современного немецкого самопонимания.

Рассматривая две реакции на философию Гегеля, Маркс предлагает третью возможную реакцию. По его мнению, «*практическая* политическая партия» в лице его товари-

---

¹ Это различие стало принципиально важным в разновидности неомарксизма, известной как Франкфуртская школа, см. о традиционной и критической теории: *Horkheimer M. Critical Theory / Trans. M. J. O'Connell and others. N. Y.: Herder and Herder, 1972. P. 188–243.*

щей-младогегельянцев ошибается, требуя «отрицания философии», которое на самом деле не может произойти ранее того, как она осуществится в действительности (В 50; III, 181; [Соч. 1, 420]). Почему? Потому, что на карту поставлена замена ложного философского понимания общественного мира истинным. Напротив, так называемая теоретическая партия, гегельянцы правого толка повинны в противоположной ошибке: они полагают, что можно превратить философию в действительность ни при этом не упразднить её (В 51; III, 181).

Итак, Маркс высказал два суждения: философия не может быть упразднена ранее ее осуществления в действительности, и она не может быть осуществлена в действительности и при этом сохраниться. Поскольку же, как мы помним, немецкая философия есть выражение немецкого самосознания, философия решает конечную, разрешимую задачу и после ее разрешения вроде бы должна перестать существовать. Маркс имеет в виду понимание философии, весьма далекое от понимания ее как концептуальной борьбы соперничающих взглядов, – он лелеет романтическую идею, что окончательное решение проблемы человеческого самоотчуждения достигается или по крайней мере приводится в движение через критику философии. Если исходить из того, что Маркс стоит на позициях философии, то можно заключить, что он намерен решить проблемы, с которыми имеет дело философия, с помощью философии другого рода.

И вот Маркс применяет свою точку зрения – что философия не может быть упразднена, если она не осуществилась в действительности – к гегелевской «Философии права», в которой Гегель, как заявляет Маркс в духе Фейербаха, не сумел принять в расчет *действительного человека* (В 51; III, 181). Утверждая, что задача, поставленная в философии Гегеля, может быть решена через практическую

деятельность (В 52; III, 181), Маркс опять-таки думает, что теоретические задачи могут решаться практически и что проблема человеческого самоотчуждения подлежит практическому решению. Снова солидаризируясь с Фейербахом, Маркс формулирует незабываемое суждение: «Быть радикальным – значит понять вещь в ее корне. Но корнем является для человека сам человек» (В 52; III, 182; [Соч. 1, 422]). Решение заключается в понимании того, что люди должны изменить условия, мешающие им удовлетворить свои потребности в том, что они делают. Переключаясь на сравнение себя с Мартином Лютером (1483–1546), великим протестантским теологом и инициатором протестантской Реформации, Маркс утверждает, что современная революция начинается в мозгу философа, т. е. в его собственной голове. Продолжая аналогию, он утверждает, что нынешний *status quo* в Германии разобьется о философию (а значит, надо думать, о его собственную философию) (В 53; III, 182).

Обсуждая еврейский вопрос, Маркс утверждал, что, вопреки мнению Бауэра, политическая эмансипация в практическом плане невозможна без человеческой эмансипации. Теперь, распространяя свою аргументацию, он выдвигает контрутверждение, что человеческая эмансипация становится не утопической, а практической только в том случае, если она осуществляется классом, представляющим общество в целом. Отсюда следует, что по крайней мере в Германии положительная возможность эмансипации зависит от наличия в гражданском обществе класса, «который может возродить себя лишь путем *полного возрождения человека*» (В 58; III, 186; [Соч. 1, 428]).

Здесь следует отметить два момента. С одной стороны, Маркс просто постулирует необходимость возникновения особого класса, который путем освобождения всех классов

предположительно упразднит классовую структуру общества. Это равноценно философской «дедукции» условия действительной человеческой самоэмансипации. Словом, Маркс формулирует, как он считает, действительные условия человеческой эмансипации, без которой, по его мнению, невозможна политическая эмансипация. С другой стороны, он пока не говорит, что упомянутый класс существует, но скорее – что он только зарождается в Германии в результате развития современного капитализма. Главная мысль заключается в том, что нормальное развитие индустриального общества приведет к концу некоего конкретного образа жизни. Какого же именно? Образа жизни, определяемого институтом частной собственности, или частного владения средствами производства, которое, поскольку средства производства принадлежат капиталистам, неприемлемо для пролетариата.

Маркс резюмирует революционный смысл своего философского анализа, который нацелен не только на описание, но и на изменение социального status quo: он утверждает, что философия реализуется в действительности через пролетариат. Вспомним, что, с точки зрения Маркса, немецкая философия представляет высшую, но все еще неадекватную форму самосознания. Он полагает, что человеческая свобода, которая была целью Гегеля, может быть осуществлена через упразднение пролетариата, который в свою очередь упразднит классовую структуру общества; и наоборот, пролетариат, чье существование вытекает из классовой структуры, может быть упразднен только путем осуществления цели философии (В 59; III, 187).

Предисловие к «Парижским рукописям»

Пребывание Маркса в Париже было особенно плодотворным, если иметь в виду зарождение его оригинальных

теорий. До приезда во Францию его критика Гегеля и младогегельянцев позволяла думать, что однажды он создаст собственную значительную теорию. В Париже он очень быстро сформулировал первый вариант своей позиции, которую впоследствии существенным образом расширил, но по сути оставил без изменения.

Ранние тексты Маркса, что вполне понятно, недостаточно совершенны, не свободны от скачков от темы к теме. В «Парижских рукописях» Маркс еще не заговорил своим взрослым голосом. Но в целом это собрание текстов представляет собой поразительно зрелое, более проработанное обсуждение, которое, с учетом его запоздалой публикации, оказалось решающим для понимания позиции Маркса. С философской точки зрения здесь имеется пять важных тем. Во-первых, Маркс формулирует в общих чертах концепцию современного общества, которую обдумывал в ходе критики Гегеля и гегельянства. Уже через год после начала выработки своих идей он приходит к той самой позиции, которая получает последнюю, но все еще неполную формулировку в «Капитале». Во-вторых, Маркс продолжает здесь критику Гегеля, но не столько «Философии права», сколько «Феноменологии духа». В-третьих, в отличие от более ранних подходов периода кратковременной деятельности на посту редактора газеты, Маркс здесь впервые прямо критикует политическую экономию, анализ которой постоянно предполагался, но не находился на первом плане в его ранних работах. Его аргументация свидетельствует об огромном прогрессе в понимании этой темы сравнительно с разрозненными замечаниями в предыдущих работах. В-четвертых, Маркс более детально обсуждает отношение между философией и политической экономией, которое является центральным для понимания связи между ранними и последующими его работами, а значит – для понимания сущности его проекта. В-пятых, здесь с полной отчет-

ливостью обнаруживается так называемый гуманистический элемент в мысли Маркса, который просматривался в его сочинениях, например, благодаря его вниманию к предполагаемой связи между политической эмансипацией и человеческой эмансипацией и который широко обсуждался в обширной литературе¹.

«Парижские рукописи» (или, как мы уже отметили, «Экономическо-философские рукописи», или иначе – «Рукописи 1844 года»), названные так редактором, а не Марксом, включают в себя три взаимосвязанных рукописи, содержащие анализ политической экономии (тема проходит через весь текст), теорию отчуждения (в первой рукописи), во многом перекликающуюся с понятием отчуждения в предшествующих сочинениях Маркса, детальную критику Гегеля (в третьей рукописи) и критику политической экономии. Поскольку работа осталась незаконченной, чтение ее нередко затруднительно. Для нее характерны длинные цепочки цитат, главным образом из сочинений предшествующих экономистов, таких как Смит, но также и Дэвид Рикардо (1772–1823), которого Маркс неизменно считает и здесь, и позже самым значительным современным экономистом, и промышленник и экономист Жан Баптист Сэй (1767–1832), испытавший влияние Смита, и др. Цитаты часто заслоняют главную линию аргументации. Но в целом эти рукописи – мощная и оригинальная работа, то раннее произведение, где Маркс спустя всего несколько лет после получения докторской степени по философии заговорил свежим и самобытным голосом. Нельзя сказать, что здесь зарождается зрелая позиция Маркса, которая в действительности коренится в его первоначальной критике Гегеля, а точнее, непонимания этим философом экономической

---

¹ См., например: *Socialist Humanism* / Ed. E. Fromm. Garden City, NY: Anchor, 1966.

роли частной собственности. Однако прежде всего в этих рукописях можно отчетливо различить ее главные линии, которые будут развиты и углублены, но останутся по существу теми же в позднейших работах Маркса.

Связь с Гегелем очевидна в предисловии, которое взято из третьей рукописи. Маркс здесь напоминает о своей более ранней критике гегелевской «Философии права» и выражает намерение опубликовать ряд отдельных критических работ о праве, морали, политике и т. д., которые так и не были написаны. Затем он говорит о желании показать внутреннюю связь между различными частями единого замысла, а также подвергнуть критике гегелевскую спекулятивную трактовку соответствующих предметов.

Маркс знаком с работами предшественников, высоко оценивает критику политической экономии в работах Гесса и Энгельса и критику Гегеля у Фейербаха. При всех заслугах Фейербаха (действительная) критика Гегеля еще остается задачей. Фейербах – хотя и критически мыслящий, но все же – теолог. Его теологическая критика является продолжением взглядов Гегеля, а значит, не порывает с ними окончательно. Маркс в этой работе все еще опирается на Фейербаха, но с готовностью критикует его в позднейших сочинениях, особенно в знаменитых «Тезисах о Фейербахе». Явная недостаточность фейербаховской критики Гегеля делает эту тему важной для Маркса – и в «Парижских рукописях», и в последующих работах.

В рукописях 1844 года Маркс намечает основные моменты собственной позиции, которая во всяком случае включает три части: критику современного индустриального общества и его понимания в (традиционной) политической экономии; критику Гегеля; и альтернативную экономическую теорию индустриального общества, которая основана, как пишет Маркс, на работах Гесса и Энгельса. Гесс – один из учредителей кельнской газеты, которую

Маркс недолго редактировал, и в этом контексте его роль велика, поскольку он делает важное различие между социализмом и коммунизмом.

Энгельс и экономическая точка зрения Маркса на современное общество

Всякий очерк позиции Маркса в области политической экономии должен начинаться с Энгельса. «Наброски к критике политической экономии»¹ (1843) Энгельса произвели глубокое и длительное впечатление на Маркса. Впоследствии Маркс четырежды ссылается на эту статью Энгельса в первом томе «Капитала».

Энгельс критикует политическую экономию с социалистической точки зрения. Вначале он отмечает, что политическая экономия возникла как естественное следствие распространения торговли. Поскольку, согласно Энгельсу, современная экономика имеет те же предпосылки, что и современная торговля, он намерен исследовать ее основные категории, с тем чтобы выявить в них противоречия, или концептуальные неувязки (III, 421)². Вслед за традиционной политической экономией Энгельс отмечает, что торговля, являющаяся непосредственным результатом феномена частной собственности, которой она обуславливается, опосредует потребности через куплю и продажу (III, 422). Стоимость, определяемая торговлей, имеет как абстрактную, или реальную, так и меновую формы (III, 422). Со-

---

¹ *Engels F. Outlines of a Critique of Political Economy // CW. Vol. 3. P. 418–443.*

² Важно отметить, что здесь Энгельс понимает противоречие в кантовском смысле как понятийную путаницу относительно того или иного предмета, а не в гегелевском смысле – как противоречие, имманентное явлениям, каково в теории Маркса внутреннее противоречие капитализма.

гласно экономистам, цена товаров включает земельную ренту, стоимость сырья и капитал; а «капитал и труд тождественны» (III, 427; [Соч. 1, 554]; перевод с изменением). Обоснование этого положения экономисты видят в том, что капитал есть не что иное, как накопленный труд (III, 430).

Переходя к выводам, Энгельс утверждает, что с точки зрения политической экономии все зависит от возрастания изначального отделения капитала от труда, или различия между капиталистом и рабочим (430). Частная собственность превращает людей в товар (III, 439–440). Конкуренция противопоставляет капитал капиталу, труд труду, все более усиливая поляризацию, так что в итоге средний класс исчезает, поскольку мир разделяется на миллионеров и нищих (III, 441).

Анализ политической экономии в «Набросках...» Энгельса берет на вооружение и разрабатывает Маркс в своей концепции современного общества. В отличие от Энгельса, у которого обсуждение ограничивается критикой современной политической экономии, Маркс формулирует более широкую, всеохватывающую позицию – теорию современного индустриального общества.

Подобно Энгельсу, Маркс исследует традиционные категории современной либеральной политической экономии, в данном случае – труд, капитал и землю. В первой рукописи он рассматривает заработную плату, прибыль и ренту, т. е. категории, исследуемые «ортодоксальными» экономистами и Энгельсом, – а также отчуждение. Вторая рукопись посвящена частной собственности. В третьей рукописи рассматриваются частная собственность и труд, частная собственность и коммунизм, затем потребности, производство и разделение труда, деньги, а потом представлена дальнейшая критика Гегеля.

Три раздела первой рукописи, посвященные базовым категориям традиционной политической экономии, при-

мерно равны по объему. Доказывая, что современный капитализм не отличается стабильностью, но, напротив, является внутренне неустойчивым, Маркс повсюду ссылается на Адама Смита, а в позднейших работах все больше выдвигает Рикардо как наиболее значительного современного экономиста, который один, по мнению Маркса, заслуживает уважения. В разделе «Заработная плата» рассматривается борьба, основанная на различии интересов, между капиталистом, или владельцем средств производства, и рабочим, и между рабочими за дефицитные рабочие места, — борьба, ведущая к сокращению заработной платы или доходов до нижайшего возможного уровня. Подобно товару, рабочий зависит от предложения и спроса. В борьбе между рабочим и капиталистом последний владеет преимуществом.

Согласно Марксу, нормальное функционирование современного общества оказывается не полезным, а пагубным для рабочего и капиталиста, но прежде всего для рабочего. Позже в «Капитале» он развивает эту идею путем подробного анализа участи английского рабочего. Говоря современным языком, когда экономика находится не на подъеме (а в состоянии рецессии или спада), рабочие теряют рабочие места. Это представляется довольно очевидным. Но в здоровой экономике или даже во время экономического бума в том случае, если количество рабочих превышает количество рабочих мест, индивидуальный рабочий страдает в различных отношениях, например из-за растущего разделения труда, диктуемого возросшим спросом. Капиталисты тоже не защищены от превратностей капитализма, поскольку конкуренция среди них прореживает их ряды, что неблагоприятно влияет на зависящих от них рабочих. Следовательно, во всех случаях — и в хорошие, и в дурные времена — современное индустриальное общество не помогает, а скорее вредит рабочим.

Маркс усматривает смысл этого утверждения в том, что капитализм фактически низводит рабочих до способности к труду, которая одна и интересует потенциальных нанимателей. Основываясь на многочисленных цитатах, он заключает, что для экономистов рабочий равноценен алчности, толкающей к увеличению капитала, деланию денег. Рабочий принижается до роли средства соответствующей деятельности и интересен лишь в этом качестве; поэтому впоследствии Маркс станет называть его «рабочей силой».

После анализа заработной платы Маркс переходит к теме «Прибыль на капитал». Обсуждение подразделяется на разделы о капитале, прибыли, капиталисте, отношении капитала к труду и конкуренции среди капиталистов. Вначале он устанавливает отношение тождественности, или эквивалентности, между тремя элементами – рабочими, капиталистами и капиталом. Рабочий является источником трудовой деятельности, производящей богатство для капиталиста, человека, владеющего средствами производства, например заводом, а финансовая форма, какую принимает богатство, есть капитал. Богатство не появляется ниоткуда. Оно возникает как продукт в условиях свободной экономики, в которой посредством труда производятся товары для продажи. Работа, или труд, – эти термины являются эквивалентами немецкого слова *Arbeit* – есть источник роста стоимости, денежной формой которой является капитал: «капитал есть *накопленный труд*» (В 85; III, 247; [Соч. 42, 60]). Раньше Маркс признал частную собственность главным фактором для понимания современного индустриального общества, теперь же его подход претерпевает серьезное изменение, поскольку он устанавливает связь между частной собственностью и индивидуальными человеческими существами. Поскольку труд является основой капитала, а капитал находится в частном владении, собствен-

ник средств производства буквально владеет «продуктами чужого труда» (В 85; III, 246; [Соч. 42, 59]).

Определив капитал, Маркс рассматривает его отличие от заработной платы. Капиталисты не являются филантропами, они естественно заинтересованы в получении прибыли от производственного процесса. Теоретически прибыль максимальна, когда не только торговая цена покрывает ренту и все другие производственные расходы, но и предельно сокращается заработная плата рабочего. Вообще говоря, владелец средств производства получает прибыль двумя способами: через разделение труда и через увеличение доли труда сравнительно с долей сырья в продукте, поскольку, в отличие от стоимости сырья, стоимость труда может быть снижена.

Подраздел об отношении капитала к труду полностью образован цитатами из работ Смита и Сэя, которые по отдельности и вместе взятые подтверждают ту мысль, что владелец капитала инвестирует его только для того, чтобы увеличить имевшуюся вначале сумму денег, что представляется достаточно очевидным. В замечаниях о накоплении капитала Маркс говорит об антагонизме между заработной платой и прибылью, которые находятся в отношении обратной зависимости. Общество может защитить себя от капиталистов только посредством конкуренции между ними. Такая конкуренция, вызываемая тем фактом, что капиталы имеются у многих людей, обычно ведет к концентрации экономического могущества в руках немногих. Конечно, мелкие капиталисты находятся в худшем положении в противостоянии с более богатыми, которые выигрывают благодаря массовости, например благодаря массовым и более дешевым закупкам, и т. д.

Обсуждение земельной ренты начинается с идеи, подчерпнутой Марксом у Сэя, но выдвигавшейся и Пьером Жозефом Прудоном (1809–1865): собственность начинает-

ся с грабежа. Не соглашаясь с экономистами вроде Адама Смита, которые понимают ренту как производную от плодородия или местоположения земли, Маркс полагает, что она определяется борьбой между арендатором и земельным собственником. Их интересы различны, интересы землевладельца противоположны интересам арендатора, и т. д. Более важным является тот факт, что различие между капиталистами и земельными собственниками постепенно исчезает, потому что капиталисты стремятся завладеть землей, которая потом становится промышленной собственностью, поскольку капитализм захватывает все общество. При нормальном развитии событий останутся только два класса «рабочий класс и класс капиталистов» (В 113; III, 266; [Соч. 42, 80]). Этот прогнозируемый результат будет триумфом денег, которые, превращая земельную собственность, или землю, исторически являвшуюся первой формой частной собственности, в обычный товар, заменяют прежние общественные формы капитализмом. Это будет, замечает Маркс, «господством мертвой материи над людьми» (В 115; III, 267; [Соч. 42, 82]).

В центре Марксовой концепции современного индустриального общества находится частная собственность, о которой он пишет в оставшейся части очень короткой второй рукописи. Вначале он подчеркивает воздействие капитала на индивидуума, который, поскольку люди вынуждены удовлетворять свои потребности в обществе, низводится до положения рабочего. Капитал – действительный субъект капитализма – не только производит товары, но буквально производит человека *в качестве товара* (В 138; III, 284). Это отношение к капиталу является внутренне дегуманизирующим, поскольку прибыль увеличивается путем снижения заработной платы.

Отношение частной собственности содержит в себе отношение частной собственности как труда, как капитала и

как их взаимодействия. Существование частной собственности, разделяющей людей соответственно особым типам труда в современном обществе, которые призваны удовлетворять потребности людей, ведет к «производству человеческой деятельности как труда» (В 139; III, 285; [Соч. 42, 102]). В этом смысле отдельные индивидуумы играют одну и ту же роль, в которой утрачиваются все особенности. Наоборот, через производство предметы, которые производятся только для того, чтобы быть проданными, в результате этого процесса превращаются в капитал. Далее Маркс утверждает, что такая же борьба противопоставляет капитал земле, движимый капитал – недвижимому капиталу, или развитую частную собственность – неразвитой частной собственности, приводя в конечном счете к победе капиталиста над земельным собственником.

Третья рукопись, в которой Маркс рассматривает ряд аспектов частной собственности, начинается с важного утверждения: «Субъективная сущность частной собственности ...это – труд» (В 147; III, 290; [Соч. 42, 108]) как источник капитала. Маркс хвалит Смита, понявшего связь частной собственности с сущностью человека, однако подчеркивает, вопреки Смигу, что результатом труда является не только прибыль для владельцев средств производства, но и человеческое отчуждение для тех, кто лишен такой собственности.

Далее Маркс переходит к отношению между частной собственностью и коммунизмом. Существующая в современном обществе противоположность между трудом и капиталом, или между рабочим и капиталистом, не является постоянной, поскольку в конечном счете непостоянно само современное индустриальное общество, которое есть просто позднейшая стадия общественного развития. Капитализм, характеризующийся отношением частной собственности, в принципе будет заменен коммунизмом, главная

характеристика которого – отсутствие частной собственности. Заметим, что Марксово философское понятие коммунизма и позднейшие формы действительного коммунизма не имеют ничего общего, за исключением названия.

Маркс различает две формы коммунизма, которые являются последовательными стадиями развития. Первая стадия, которую он называет грубым коммунизмом, близка к тому, что сегодня назвали бы государственным капитализмом. Он характеризуется всеобщностью отношения частной собственности, распространением категории рабочего на всех людей, отрицанием человеческой личности и нивелированием, «исходящим из *представления* о некоем минимуме» (В 153; III, 295; [Соч. 42, 115]). Источник данной концепции коммунизма не ясен. Можно предположить, что Маркс имеет в виду первобытный коммунизм, изображенный в «Государстве» Платона. Трудно не заметить пророческое сходство этой концепции коммунизма с «действительным» коммунизмом, который возник после революции в России. Сходство укрепляется благодаря утверждению Маркса, что в этой первоначальной форме коммунизма все еще царит некая форма частной собственности, которая типична для разновидностей государственного капитализма, существовавших в XX в.

Вторая форма коммунизма характеризуется упразднением частной собственности, которое преодолевает отчуждение и квалифицируется как «*подлинное присвоение человеческой сущности человеком и для человека*» (В 155; III, 296; [Соч. 42, 116]). Это утверждение основывается на различии, соответствующем этапам развития общества, между индивидуумом как простым рабочим, который способен удовлетворять лишь основные потребности, связанные с поддержанием его существования, и совершенно развитым индивидуумом. В принципе те, кто удовлетворяет свои потребности в рамках экономической действитель-

ности современного индустриального общества, которое лишь отчуждает их и делает несчастными, поскольку затрудняет или даже останавливает их развитие, смогут развиваться как личности при коммунизме. Маркс самонадеянно утверждает, что вторая фаза коммунизма есть «решение загадки истории» (В 155; III, 296–297; [Соч. 42, 116]), и это отдаленно напоминает гегелевскую идею, что человеческая история есть осуществление идеи свободы.

Это утверждение нелегко интерпретировать. Один его возможный смысл заключается в том, что коммунизм есть «законченное сущностное единство человека с природой» (В 157; III, 298; [Соч. 42, 118]), в котором, помимо простого удовлетворения основных потребностей, преодолев давление узаконенной частной собственности, люди могут использовать природный мир для дополнительных человеческих целей. Другой возможный смысл предполагает связь с производимыми нами предметами. Маркс лирически замечает, что для людей, освободившихся от экономического давления, природа не просто полезна, но служит средством развития отношения к вещи ради вещи и, поскольку мы производим предметы, также и к нам самим. Он полагает, что «предметы... становятся для него [человека] утверждением и осуществлением его индивидуальности [по той убедительной причине, что они суть] ...его предметы» (В 161; III, 301; [Соч. 42, 121]). Очевидной предпосылкой является то, что человек становится индивидуумом только в соответствующих условиях посредством деятельности, результатом которой является конкретное проявление человеческих способностей в «опредмечивании человеческой сущности» (В 162; III, 302; [Соч. 42, 122]).

Анализ условий и смысла перехода от капитализма (определяемого отношением частной собственности) к формам коммунизма (обобществляющего или преодолевающего

го частную собственность) заканчивается замечанием, что «коммунизм не есть цель человеческого развития, форма человеческого общества» (В 168; III, 306; [Соч. 42, 127]). Даже коммунизм есть просто еще одна переходная фаза в поэтапной эволюции человеческого общества, но Маркс ничего не говорит о том, что должно наступить после коммунизма.

После обсуждения частной собственности Маркс переходит к замечаниям о соотношении потребностей, производства и разделения труда, а затем непосредственно к деньгам. Он высказывает два соображения – о деньгах в современном обществе и о разделении труда. Ядром современного общества является не что иное, как «потребность в деньгах» (В 168; III, 306; [Соч. 42, 128]). При капитализме деньги, которые выступают не более чем средством для достижения цели, являются скорее «подлинной силой и единственной целью» (В 177; III, 314; [Соч. 42, 136]), целью современной жизни.

Разделение труда, безусловно оправданное экономически, препятствует всестороннему развитию индивидов. Говоря языком Фейербаха, Маркс характеризует разделение труда и обмен как «наглядно отчужденные выражения человеческой деятельности, как родовой деятельности, и человеческой сущностной силы, как родовой сущностной силы» (В 187; III, 321; [Соч. 42, 144]).

Будучи, бесспорно, высокообразованным человеком, Маркс интересовался классической литературой. Известно, что каждый год он перечитывал по-гречески классические греческие пьесы и по-английски – произведения Шекспира. В разделе о деньгах Маркс цитирует и комментирует длинный фрагмент из «Тимона Афинского» Шекспира. Его очевидный вывод опять-таки заключается в том, что в современном индустриальном обществе буквально все вращается вокруг денег и продажи ради денег.

Теория отчуждения

Я остановился на некоторых основных аспектах принятого Марксом экономического анализа, причем во всех трех рукописях, не прерывая ход аргументации, для того чтобы рассмотреть чрезвычайно важное рассуждение об отчуждении, вставленное в заключительную часть первой рукописи. После публикации «Парижских рукописей» стало ясно, что понятие отчуждения является центральным у молодого Маркса и, я уверен (хотя это и спорно), также в его позднейших работах. Термин «отчуждение» встречается в произведениях Маркса повсюду – от ранней критики Гегеля, например в работе «К критике гегелевской философии права»¹ и в очерке «К еврейскому вопросу»², и до «Капитала»³.

Понятие отчуждения в смысле отделения, которое может быть преодолено путем восстановления единства, имеет долгую и сложную родословную⁴. Начнем с того, что оно отчетливо присутствует в христианской теологии с ее идеей человеческого искупления через Иисуса Христа и возвращения к Богу. Варианты этой идеи встречаются в философии Нового времени. Первая глава трактата Руссо «Об общественном договоре» (1762) начинается со знаменитого наблюдения: «Человек рождается свободным, но повсюду он в оковах»⁵. Здесь в светской форме выражена

---

¹ CW. Vol. 3. P. 79, 100.

² Marx K. Early Writings. P.19, 39.

³ См. обсуждение: *Oilman B.* Alienation: Marx's Conception of Man in Capitalist Society. Cambridge: Cambridge University Press, 1976; *Mészáros I.* Marx's Theory of Alienation. L.: Merlin, 1970.

⁴ *Schacht R.* Alienation. Garden City, NY: Doubleday, 1971.

⁵ *Rousseau J.-J.* The Social Contract / Ed. L. G. Crocker. N. Y.: Washington Square Press, 1971. P. 7. [Цит. по русскому переводу: *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре. Трактаты. М.: Канон-пресс; Кучково поле. 1998. С. 198. – Перев.]

христианская концепция грехопадения, отпадения от первичного состояния благодати, согласно Руссо – от мифического естественного состояния, которое просто забыто в современном обществе. Первым из немецких идеалистов об отчуждении упомянул Фихте, который мимоходом невнятно говорит о потребности Я, или человеческого индивида, в преодолении всех ограничений для достижения самоидентичности¹.

У Гегеля понятие отчуждения получает серьезное развитие. В «Феноменологии...» он проводит важное различие между опредмечиванием и отчуждением. Опредемечивание есть способ, каким индивид «конкретизирует» себя в производстве предмета, тем самым создавая отношение между собой как действующим и собой во внешней или опредмеченной форме, буквально как предметом. Опредемечивание не должно, но может приводить к отчуждению, к следующему этапу, который наступает из-за разделения или расщепления субъекта, или человеческого индивида, который, можно сказать, отделяется от самого себя. Опредемечивание имеет более широкий смысл, нежели отчуждение, и является условием последнего.

Отчуждение – главная тема сочинений Гегеля. Он понимает феноменологию как рефлексивное рассмотрение мира, в котором люди опредмечивают себя в том, что они делают, например в производственной деятельности, в которой и через которую они осознают себя². Он обсуждает многочисленные различные типы отчуждения. Религия от-

---

¹ «Это чужеродное [то, что нельзя вывести из внутренней сущности Я. – Перев.] неизбежно находится в борьбе со стремлением Я быть совершенно тождественным» (*Fichte J. G. The Science of Knowledge / Ed. and trans. P. Heath and J. Lachs. N. Y.: Cambridge University Press, 1982. P. 233–234*). [Цит. по русскому переводу: *Фихте И. Г. Основа общего наукоучения // Соч.: В 2-х т. СПб.: Мифрил, 1993. Т. 1. С. 265. – Перев.*]

² *Hegel G. W. F. Phenomenology of Spirit. P. 21. (§ 36)*.

кровения, например, заставляет нас осознать себя, поскольку люди дают конкретную форму своим верованиям, а значит таким образом возвращаются к самим себе¹. Знаменитый гегелевский анализ отношения между господином и рабом², который явно повлиял на Марксово понимание капитализма, часто рассматривается как метафора современного индустриального общества с его борьбой между капиталистами и рабочими. Мы осознаем себя в том и через то, что делаем. Рабы, слуги, рабочие, все наемные работники, зависящие от господ, собственников и хозяев в том, что касается труда и даже самой жизни, существуют в том и через то, что они делают ради получения средств существования. По мнению Гегеля, раб или вообще любой индивид, находящийся в подчинении, достигает первоначального, минимального самосознания в продуктивной деятельности³. Присваивающий продукт господин буквально присваивает, а значит отчуждает рабов, однако последние, достигая по крайней мере минимального самосознания, осмеливаются швырнуть сковывающие их кандалы своим господам.

В «Философии права», где Гегель подробно обсуждает отчуждение собственности⁴, он следует за Локком, полагавшим, что наша собственность создается нашим трудом⁵. Гегель замечает, что собственность является моей – а следовательно, может быть отчуждена – только потому, что «я вкладываю в нее мою волю»⁶. Он доказывает далее, по-

---

¹ Ibid. P. 457. (§ 755).

² Об отношении господина и раба см.: Ibid. P. 111–119. (§§ 178–196).

³ Ibid.

⁴ Hegel G. W. F. *Philosophy of Right*. P. 52–57. (§§ 65–71).

⁵ Locke J. *Two Treatises of Government* / Ed. P. Laslett. N. Y.: Mentor, 1965. P. 332–333. (The Second Treatise... § 32).

⁶ Hegel G. W. F. *Philosophy of Right*. P. 52. (§ 65). [Цит. по русскому переводу: Гегель Г. В. Ф. *Философия права*. М.: Мысль, 1990. С. 121. – Перев.]

разительно предвосхищая концепцию отчуждения Маркса, что работающая на другого личность «отчуждает» себя в форме своей работы, в которой она превращается в собственность другого: «Отчуждением посредством работы *всего* моего конкретного времени и тотальности моей продукции я сделал бы собственностью другого их субстанциальность, мою *всеобщую* деятельность и действительность, мою личность»¹.

В разделе об отчуждении Маркс блестяще развивает эту гегелевскую тему. Следуя в общих чертах идеям Гегеля, Маркс исходит из различия между опредмечиванием и отчуждением². Он отступает от Гегеля в двух отношениях. Во-первых, он более отчетливо связывает отчуждение с современным индустриальным обществом. Во-вторых, он полагает, что люди в принципе смогут развиваться как индивидуумы в будущем коммунистическом обществе благодаря опредмечиванию, которое больше не будет вести к отчуждению.

Вообще говоря, Маркс различает четыре формы отчуждения начиная с отчуждения рабочего от продукта его труда в двух смыслах – в физическом смысле, как внешнего ему, и в не физическом смысле, как чуждого его саморазвитию. Отчуждение несет с собой ряд последствий для индивида, таких как: изнурение, истощение в процессе производства предмета; утрата самого себя, поскольку продукт труда принадлежит не рабочему, а владельцу средств производства; и фейербаховское переворачивание, поскольку человек, производящий предмет, зависит от последнего, например в средствах существования.

---

¹ Ibid. P. 54. (§ 67). [Там же. С. 123. – Перев.]

² Лукач, проникательно «переоткрывший» Марксову теорию отчуждения, прочитав его поздние сочинения до опубликования «Парижских рукописей», к сожалению, смешивает отчуждение с опредмечиванием, см.: *Lukács G. History and Class Consciousness*.

В том же духе Маркс утверждает, что рабочий отчуждается от своей производственной деятельности, поскольку не имеет возможности свободного развития в процессе этой деятельности, например развития способностей, присущих ему как человеческому существу. Рабочий является свободно действующим не в производственном процессе, а только при выполнении «животных функций» – при «еде, питье, в половом акте» (В 125; III, 274; [Соч. 42, 91]) и т. д. Отсюда следует, что человек, вынужденный вести жизнь рабочего, низводится до уровня животного, которое способно поддерживать свое физическое существование, но, безусловно, не способно достичь в своем развитии более высокого уровня.

Основываясь на этих двух определениях отчуждения, Маркс выводит третье его определение. В современном обществе рабочий отчуждается от родовой жизни. Сама возможность проявления способностей, присущих лицу как человеческому существу, блокируется той ролью, какую большинство из нас вынуждено играть в процессе производства ради удовлетворения наших потребностей. Ведь труд служит для рабочего лишь «средством для поддержания *своего существования*» (В 127; III, 276; [Соч. 42, 93]). Маркс утверждает далее, что рабочий отчуждается от своего тела, от внешней природы, от сознательной жизни и от человеческой жизни вообще, тогда как все перечисленное призвано служить для личности способом удовлетворения других желаний, выходящих за рамки самых основных потребностей.

На основе первых трех форм отчуждения Маркс постулирует четвертый и последний тип отчуждения. Индивиды отчуждаются не только от самих себя, но и от других людей, а следовательно, как он говорит, от «человеческой сущности» (В 129; III, 276; [Соч. 42, 95]), или от человеческой жизнедеятельности. Поскольку в процессе производ-

ства индивиды относятся друг к другу как расходуемые единицы, а не как действительные человеческие существа, имеет место общая отчужденность в человеческих отношениях вообще.

Критика Гегеля в «Парижских рукописях»

В «Парижских рукописях» критика философии Гегеля достигает кульминации в последней части третьей рукописи, где Маркс рассматривает концепцию диалектики в «Феноменологии...» и «Науке логики», т. е. в двух главных книгах Гегеля, и также отношение младогегельянцев к диалектике. Эта часть незаконченной работы сбивает с толку, она не вполне проработана, но весьма богата мыслями, хотя никакая интерпретация не поможет нам избавиться от содержащихся в ней противоречий. Мое изложение будет несколько упрощенным, поскольку таким образом я смогу предложить, пожалуй, более последовательную интерпретацию, чем, строго говоря, допускает сам текст.

Маркс начинает с младогегельянцев и сразу формулирует три тезиса (В 197; III, 328). Во-первых, философия есть не что иное, как выраженная в мыслях религия, а следовательно, просто другой способ существования отчуждения человеческой сущности. Утверждая, что философия есть своего рода религия, Маркс тем самым принимает сторону Фейербаха в критике Гегеля, который в «Феноменологии духа» различает философию и религию на том основании, что религия связана с представлениями, а философия — с понятиями. Во-вторых, Фейербах утверждает «*истинный материализм и реальную науку*» в качестве основного принципа общественного отношения человека к человеку (В 197; III, 328; [Соч. 42, 154]). Остается неясным, как «материализм» здесь и в других сочинениях Маркса

связан (если вообще связан) с пониманием материи, а следовательно, чем он отличается, скажем, от какой-то другой науки или даже философии. В-третьих, Фейербах преодолел так называемое отрицание отрицания, т. е. гегелевскую диалектику, посредством покоящегося на самом себе принципа, или отношения человеку к человеку, упомянутого во втором пункте.

Если современное общество можно рассматривать как ряд общественных отношений, согласно Фейербаху, то гегелевское понимание исторического процесса является в лучшем случае его абстрактным выражением (В 198; III, 329). Маркс иллюстрирует это положение на примере гегелевской «Феноменологии...», в которой усматривает две основных ошибки. Во-первых, Гегель рассматривает различные темы (например, богатство, государственную власть и т. д.) абстрактно, или в мысленной форме. Отсюда понятен не критический идеализм позднейших гегелевских произведений. Во-вторых, в результате он превращает то, что является на самом деле результатом человеческой деятельности, в «продукты абстрактного духа», или в «мысленные сущности» (В 202; III, 332; [Соч. 42, 158]).

В сущности, поскольку философия или, по крайней мере, гегелевская философия представляет собой абстрактный и неудовлетворительный подход, не соответствующий ее предмету, в данном случае – человеческой истории, она искажает конкретную действительность. Маркс хочет добиться большего и предлагает вдумчивое изложение полученных Гегелем результатов в терминах философии Фейербаха, с тем чтобы разъяснить, чего, по его мнению, Гегель сумел достичь (В 202; III, 332–333). Он фокусируется на гегелевской концепции «диалектики отрицательности как движущего и порождающего принципа» человеческой истории. Эту идею Маркс впоследствии разовьет и сделает основой собственного экономического подхода к совре-

менному индустриальному обществу в контексте человеческой истории. Благодаря диалектике отрицательности, полагает Маркс, Гегель ухватывает сущность процесса самопорождения человека, природу труда и человека как результата его собственного труда.

Следуя установленному Фейербахом различию между людьми как родовыми существами, или членами человеческого рода, и родовыми силами, или способностями людей как человеческих существ, Маркс утверждает, что человек становится человеком только путем осуществления своих способностей и что это осуществление, в свою очередь, требует сотрудничества между человеческими индивидами. Маркс резюмирует свое рассуждение о философии Гегеля (неявно подразумевающее раздел «Система потребностей» в «Философии права») в пяти пунктах, которые можно просто перечислить.

Гегель стоит на точке зрения современной политической экономии.

Гегель рассматривает труд как сущность человека.

Гегель видит не только положительную, но и отрицательную сторону труда.

Человек становится человеком в процессе труда и через труд; но Гегель, который не понимает действительного отчуждения человеческой сущности, рассматривает исторический процесс только как движение сознания, мышления.

Поэтому философия Гегеля не выходит за рамки абстракции, мышления.

В этих суммарных замечаниях Маркс признает, что Гегель не игнорирует, а скорее специально принимает во внимание современную политическую экономию. Но он обвиняет своего великого предшественника в том, что тот не подверг критике современную политическую экономию. По мнению Маркса, Гегель не понял, что ее средствами невозможно оценить, каким способом и до какой сте-

пени индивиды удовлетворяют свои потребности в гражданском обществе. Поэтому Маркс утверждает, что при всем внимании Гегеля к политической экономии его позиция остается абстрактной.

Маркс развивает это последнее утверждение в замечаниях об анализе абсолютного знания в последней главе «Феноменологии духа». Трактат Гегеля содержит теорию знания, вершиной которого является знание в полном (абсолютном) смысле. Теория абсолютного знания (*absolutes Wissen*) не проста для понимания – ведь Гегель написал соответствующую главу очень быстро, чтобы заручиться финансовой гарантией своевременного издания книги¹. Достаточно сказать, что гегелевская концепция знания призвана была исправить кантовское теоретическое, априористское понимание чистого разума, оторванное от контекста. Взамен Гегель предлагает практическую, апостериорную модель «не чистого» разума, зависящего от его контекста. В критической философии Кант стремится сформулировать общие условия опыта и познания для всех разумных существ, включая людей. Он представляет проблему познания как проблему осознания предметов, данных в опыте. Гегель полагает, что осознания предмета недостаточно для познания, требующего также осознания этого осознания, или самосознания. В «Феноменологии духа» он характеризует действительные условия самосознания как составную часть процесса познания.

Развертывая свою критику Гегеля, Маркс переосмысливает самосознание, бывшее для Гегеля условием познания, как если бы оно было гегелевским определением сущности человека. Далее он переносит проблему удовлетворения

---

¹ См. разд. «Абсолютное знание» в книге: *Rockmore T. Cognition: An Introduction to Hegel's Phenomenology of Spirit*. Berkeley: University of California Press, 1997. P. 179–194.

человеческих потребностей в обществе, которую Гегель рассматривает в «Философии права», в контекст «Феноменологии духа». Вначале Маркс еще раз утверждает, что поскольку человек равнозначен самосознанию, предмет есть просто опредмеченное самосознание. С этой точки зрения действительное отчуждение человеческой сущности есть не больше и не меньше, чем отчуждение самосознания. Маркс полагает, что именно к этому в конечном счете приводит «Феноменология духа», и последовательно разъясняет свою мысль путем восьмишаговой реконструкции гегелевского трактата. Здесь нам незачем вдаваться в детали – достаточно отметить, что Гегель, по Марксу, сводит действительный предмет к форме самосознания, или «чистому созданию» (В 206; III, 335; [Соч. 42, 162]).

Марксова критика, основанная на гегелевском понимании человека как созерцательного существа, предполагает другое понимание человека, которое он излагает по образцу важного фихтевского *Wissenschaftslehre* («Grundlage der gesamten Wissenschaftslehre», 1794)¹. Не удивительно, что Маркс обращается к Фихте. Влияние Фейербаха видно всюду в ранних работах Маркса, Фейербах же испытал влияние Фихте. Маркс полагает, как и Фихте, что человек в качестве природного существа имеет способности и влечения и удовлетворяет свои потребности с помощью внешних предметов. Критикуя Гегеля, Маркс утверждает, что так называемое не предметное бытие, или чистый предмет мысли, есть небытие, «ничтожество» (В 207; III, 337; [Соч. 42, 165]). Продолжая свое изложение, Маркс обращается к Фейербаху, следующему за Фихте, и утверждает, что человек есть человеческое природное существо, т. е. существующее для самого себя существо и потому родовое суще-

---

¹ *Rockmore T.* Fichte, Marx and the German Philosophical Tradition. Carbondale: Southern Illinois University Press, 1980.

ство. Однако не ясно, почему Маркс считает это понимание человеческого существа в корне отличным от того, которое он сам приписывает Гегелю. Ведь Маркс признает, что Гегель правильно понимает человека как создающего себя через труд.

После пассажа о человеческом существе Маркс возвращается к Гегелю и предлагает еще одну формулировку своего основного возражения. Он пишет (возможно, имея в виду «Феноменологию духа»), что способ, каким существует сознание, – это знание, и привлекает внимание к двойной ошибке Гегеля. С одной стороны, предмет сводится к мысли; а с другой – люди осуществляют себя лишь в духовном мире, как говорит Фейербах – в религии или теологии. Это возражение основывается, на мой взгляд, на том, что Маркс не видит различия между религией, которую Гегель критикует за когнитивную ограниченность, и утверждением им когнитивной значимости общественной структуры, или духа. Маркс следует здесь фейербаховскому правому, по существу религиозному, прочтению Гегеля и утверждает, что Гегель предлагает лишь иллюзорное решение действительной проблемы. Но Маркс говорит новое слово, утверждая, что гегелевское осмысление права, нравственности, религии и т. д. сводит действительного человека к абстрактному понятию.

В заключение Маркс утверждает, что Гегель предлагает мысленное, а не действительное преодоление отчуждения человеческой сущности из-за его абстрактного понимания человеческого существа. Если использовать более привычный язык, это равнозначно решению проблемы в теории, а не на практике. Гегель ошибочно понимает процесс исторического развития в таких синонимичных терминах, как «Бог», «абсолютная идея» и т. д., которые низводят действительного субъекта, действительных мужчин и женщин, до всего лишь предиката некоего мистического субъекта.

Сочинения Гегеля содержат лишь логический, абстрактный, но безуспешный подступ к действительному миру.

Гуманизм, философия и политическая экономия

Темы гуманизма, с одной стороны, и отношения между философией и политической экономией, с другой, являются взаимосвязанными в произведениях Маркса. Его ранние работы, особенно «Парижские рукописи», часто ассоциируются с пониманием гуманизма, весьма далеким от политических крайностей правящего марксизма, столь талантливо разоблаченных, например, русским писателем Александром Солженицыным¹. Интерес к проблеме гуманизма в теории Маркса, часто связанный с отсутствием гуманизма в марксистской политической практике, после выхода в свет «Парижских рукописей» быстро привел к росту интереса к Марксу и марксизму. Если говорить о марксизме, термин «гуманизм» обычно связан с критикой находящегося у власти ортодоксального, жесткого марксизма чаще всего – молодыми интеллектуалами², а также со стремлением сформулировать собственно марксистское понимание человеческого индивидуума³. У Маркса «гуманизм» связан с антропологической концепцией человеческого существа как основания для понимания современного общества.

Гуманизм, в отличие от гуманности, или общей любви к человечеству, поощрявшейся уже в римские времена Марком Тулием Цицероном (103–43 гг. до н. э.) и Марком Те-

---

¹ В художественно-историческом произведении «Архипелаг ГУЛАГ».

² См., например: *Kolakowski L. Toward a Marxist Humanism: Essays on the Left Today / Trans. J. Zielenko Peel. N. Y.: Grove Press, 1968.*

³ См., например: *Schaff A. Marxism and the Human Individual / Trans. O. Wojtasiewicz. N. Y.: McGraw-Hill, 1970.*

ренцием Варроном (116–27 гг. до н. э.), понимается по-разному. Можно выделить три вида гуманизма, в том числе: возрождение изучения античной классики (*studia humanitatis*), начавшееся в Европе, точнее – в Италии в XIV в.; создание философии, признающей ценность и достоинство человека; и признание общественной полезности таких интеллектуальных философских поисков.

Возрождение классической литературы приветствует французский писатель Франсуа Рабле (1494–1553) в романе «Гаргантюа и Пантагрюэль» (1532), где идет речь о возрождении гуманитарных исследований, важности изучения древних языков (особенно греческого), роли книгопечатания и т. д. Понятый как внимание к человеческому существу, гуманизм касается таких тем, как свобода, натурализм, историческая перспектива, религия и наука. Философский интерес к гуманизму присущ широкому кругу мыслителей – от ранних представителей философии Нового времени (каковы, например, Пико делла Мирандола (1463–1494) и Людовик Вивес (1492–1540)) и британских философов – приверженцев эмпиризма (таких как Фрэнсис Бэкон (1561–1626), Джон Локк (1632–1714), Джордж Беркли (1685–1753) и Дэвид Юм (1711–1776)), которые основывали свои взгляды на знание на понимании человеческого индивида, – до послекантовских немецких философов – Фихте, Гегеля и Фейербаха.

Кант представляет субъекта познания, если говорить его специальным языком – первоначальное трансцендентальное единство апперцепции, как просто понятие, в корне отличное от человеческого существа. Фихте и затем Гегель переосмысливают проблему познания в терминах действительных человеческих существ. Фейербах углубляет поворот послекантовской философии к философской антропологии, базирующей философию на теории человеческой личности. Фейербах подчеркивает, что разум – это

человеческий разум, что всякое знание есть человеческое знание¹, и доказывает, что антропология – универсальная наука².

Маркс для себя интересовался классиками, но не имел отношения к их возрождению. Его позиция является гуманистической во втором и третьем смыслах. С одной стороны, его концепция человеческих существ, кратко говоря – приверженность философской антропологии, служит фундаментом его понимания политической экономии, а следовательно – и современного индустриального общества. С другой – Маркс не отбрасывает, а скорее создает философию в гегелевском смысле – как осуществление человеческой свободы.

В русле традиционной политической экономии, Маркс разворачивает свою теорию как категориальный анализ труда, капитала и земли. Вслед за Адамом Смитом, в частности, Маркс утверждает, что работа, или труд, является центральной категорией современной политической экономии. С помощью категорий труда и частной собственности можно разработать и все другие релевантные категории. Так, капитализм основывается на отношении частной собственности (или частного владения средствами производства), сущностью которой является труд. Другими словами, с точки зрения Маркса, человеческое существо в качестве рабочего является предельным источником частной собственности, которая представляет собой объективный результат труда.

В фундаменте этой точки зрения находится понимание человеческих существ как удовлетворяющих свои потребности посредством труда в рамках современного индустри-

---

¹ Feuerbach L. Principles of the Philosophy of the Future. P. 66–67. (§ 50).

² Ibid. P. 70. (§ 54).

ального общества. Маркс переосмысливает гегелевскую концепцию гражданского общества. В отличие от Гегеля, который рассматривает частную собственность, определяющую характеристику капитализма, как абстрактное право, в специфически правовом контексте, Маркс, следуя не только Гегелю, но и современной политической экономии, подходит к частной собственности как к отношению в экономической структуре современного общества.

Поскольку частная собственность является предметным двойником субъективной человеческой деятельности, Марксов подход к капитализму в современном обществе и к современному обществу основывается на предварительно разработанной теории человека как принципиально деятельного существа. Вслед за Гегелем (хотя этой точки зрения придерживался уже представитель традиционной политической экономии Адам Смит) Маркс формулирует концепцию человеческих существ как сущностно деятельных, удовлетворяющих свои потребности в обществе, прежде всего – в гражданском обществе, природа и само существование которого определяются частной собственностью.

Основные элементы теории Маркса следует понимать с учетом его интерпретации и критики философии Гегеля. Под влиянием Фейербаха Маркс настойчиво возражает против произведенной Гегелем замены человеческих существ как действительных субъектов истории будто бы вымышленным субъектом. Фейербаховское правовое, теологическое прочтение Гегеля серьезно искажает позицию последнего. Фихте корректирует Канта, рассматривая действительного субъекта познания как человеческое существо, и эта идея получает мощное развитие у Гегеля. Философия Гегеля не так уж далека от позиции Фейербаха, вопреки мнению самого Фейербаха и Маркса. Высказанная в «Феноменологии духа» мысль о религии как, в сущности, че-

ловеческом феномене, действительно предвосхищает основной тезис Фейербаха¹.

Маркс отличается от Гегеля, но стоит на его плечах, развивая послекантовское понимание субъекта как человеческого существа, действующего в обществе. В большей степени, чем Гегель и любой другой мыслитель, Маркс — философ современного индустриального общества. Его позиция накрепко связана с анализом конкретной, но переходящей стадии общества, переходящей — с точки зрения Маркса, для которого частная собственность есть лишь момент в развитии человеческого общества.

Маркс разрабатывает как теорию современного индустриального общества, или капитализма, так и теорию условий развития человеческих существ как индивидуумов. Говоря просто, он утверждает, что посредством своей деятельности люди производят: продукты для продажи на рынке; капитализм, или совокупность общественных отношений между людьми, которые объединены, но также разделены отношением частной собственности; самих себя как рабочих и других — как капиталистов. Его точка зрения предполагает различие между типами человеческой деятельности, видами потребностей и стадиями развития общества. Он утверждает, что люди пытаются решать задачи, неразрешимые в современном обществе, где они могут в лучшем случае удовлетворить свои основные потребности, но не развить свои индивидуальные или собственно человеческие способности. Он утверждает, далее, что они смогут решить эти задачи при коммунизме, когда человеческая деятельность перестанет быть просто трудом, превратится в то, что за отсутствием лучшего термина можно назвать свободной человеческой деятельностью.

---

¹ *Hegel G. W. F. Phenomenology of Spirit. P. 127. (§ 209).*

Начавшись с Канта, немецкая философия получила развитие в идеалистических теориях Фихте, Шеллинга и Гегеля. Часто говорят, что Маркс стоит на позициях «материализма». Марксизм, заявляющий это от имени Маркса, обычно определяет себя как материализм, причем материализм и идеализм понимаются как противоположности, которые не могут быть истинными одновременно. В наше время аналитическая философия тоже часто конституируется как опровержение идеализма. «Идеализм» означает разное для разных наблюдателей. Пожалуй, невозможно найти такое употребление этого термина, при котором он годился бы для характеристики столь разных мыслителей как Платон, отчасти – Декарт и Лейбниц, безусловно – Беркли, немецкие идеалисты и британские идеалисты. Аналитическая философия связывает «идеализм» с сомнением в существовании внешнего мира – такое сомнение высказал ирландский философ Джордж Беркли. Не без основания подозревают, что такое сомнение не чуждо и британскому идеалисту Ф. Брэдли (1846–1926). Это подозрение привело к массовому опровержению идеализма многими аналитическими философами на протяжении XX ст. (такими как Д.Э. Мур (1873–1958), Бертран Рассел (1872–1970), Людвиг Витгенштейн (1889–1951) и др.). Еще одно, совершенно иное понимание идеализма берет начало в философии Канта. Оно заключается в утверждении (к нему мы вернемся ниже), что познание обусловлено тем, что мы в некотором смысле производим или конструируем то, что познаем. Если понимать под «идеализмом» ту мысль, что субъект в некотором смысле производит свой мир и самого себя, то Маркс безусловно является идеалистом. Ничто не свидетельствует о том, что Маркс основывает свои теории на каком-то определенном понимании материи. Если признать его позицию материалистической, то окажется, что его так называемый материализм не только совместим с немецким идеализмом, но является просто еще одной его формой.

3.

Произведения Маркса переходного периода

Когда по не зависящим от него причинам Маркс был вынужден уехать из Парижа, он продолжал работать и написал несколько текстов. Разделение развития некоей теории на различные стадии всегда является произвольным. Здесь имеет смысл исходить из того, что к переходным сочинениям Маркса относятся и те работы, что были написаны в соавторстве с Энгельсом, и многие другие тексты, единственным автором которых был Маркс. Они приобретали все более экономический характер, но все же явно сохраняли философский оттенок, присутствующий по крайней мере в «Grundrisse».

«Тезисы о Фейербахе»

Маркс жил в Париже с конца 1843 г. В результате давления прусского правительства на прусских граждан во Франции в январе 1845 г. Маркс и другие политически активные немцы были вынуждены или прекратить свою политическую деятельность, или покинуть страну. Маркс решил уехать в Брюссель. Ему довелось прожить в Брюсселе – если не считать кратковременных поездок в Париж и Германию – чуть больше трех лет, с февраля 1845 г. по март 1848 г. Вскоре после переезда Маркса в Брюссель ту-

да прибыл Энгельс для продолжения их совместной работы. К значительным произведениям этого периода относятся: «Святое семейство, или Критика критической критики» (большая книга, где Энгельс написал лишь около дюжины страниц); написанная ими вместе «Немецкая идеология», которая не была опубликована при их жизни; исследование идей Прудона, написанное Марксом; и знаменитый «Манифест коммунистической партии» (окончательный вариант которого принадлежал Марксу) – текст, представляющий собой научный анализ и одновременно – призыв к революционному действию.

Работы Маркса в этот период тесного сотрудничества были, как и большинство ранних и поздних работ Энгельса, остро полемическими. «Святое семейство», написанное в конце 1844 г. и опубликованное в начале 1845 г., является первым совместным произведением Маркса и Энгельса. Здесь они критикуют некоторых своих современников-младогегельянцев, прежде всего Бруно Бауэра, бывшего коллегу Маркса по «*Rheinische Zeitung*». В лучших своих сочинениях Маркс – проницательный автор, внимательный и восприимчивый к различным нюансам в работах других мыслителей, способный к блестящим догадкам. Эта книга, напротив, состоит почти из одной полемики, из ряда упрощенческих суждений, лишена нюансов предыдущих и последующих сочинений Маркса, предлагает скорее разоблачение, нежели разъяснение, полна хлестких противоположений. Одним из многих примеров является утверждение в первом предложении предисловия, что у реального гуманизма (который уже обсуждался в «Парижских рукописях») нет более опасного врага, чем спиритуализм, или спекулятивный идеализм (IV, 7). Еще один пример – столь же упрощенческая часто цитируемая критика Шелиги (псевдоним Франца фон Цихлина (1816–1900)), прусского офицера и младогегельянца. Гегель тоже достаивается

насмешки – поскольку якобы утверждает, что созерцание различных плодов приводит к идее плода как сущности соответствующих действительных вещей (IV, 57–58).

Однако при всех многочисленных изъянах этой книги ее значимость определяется тем, что в ней получают дальнейшее развитие темы, затронутые раньше – в «Парижских рукописях», например отчуждение и социализм. Здесь отчетливо устанавливается связь между потребностью возникающего класса пролетариев избавиться от оков капитализма (она обсуждалась в «К критике гегелевской философии права: Введение»), потенциальной нестабильностью капитализма и анализом отчуждения в «Парижских рукописях». Отношение частной собственности, базирующееся на противоречии между пролетариатом и деньгами, несет в себе тенденцию к снятию или упразднению частной собственности, т. е. к упразднению условия собственного существования. Почему? Потому что в обществе, основанном на частном владении средствами производства, каждый подвергается отчуждению. В разделе об отчуждении, которое формулируется в терминах Гегеля, устанавливается квазигегелевское различие между ощущением бессилия у рабочих и чувством силы у капиталистов, создающим у последних лишь иллюзорную видимость (*Schein*) подлинно человеческой жизни (IV, 46–47). Отчуждение останется постоянной темой в сочинениях Маркса вплоть до «Капитала».

Помимо исследований и авторской работы Маркс и Энгельс в брюссельский период весьма активно занимались политикой. В этот период они вместе основали корреспондентский комитет (позже он стал частью Коммунистической лиги) для мобилизации рабочих в социалистических целях. Маркс даже написал Прудону, которого хорошо знал по Парижу, приглашая его к сотрудничеству в этом проекте. Однако уже вскоре Маркс, отличавшийся крайней

неуживчивостью, подверг Прудона безжалостной критике в книге «Нищета философии», которую он один написал в начале 1847 г. и опубликовал чуть позже в том же году.

Даже в кратком обзоре позиции Маркса невозможно обойти вниманием знаменитые «Тезисы о Фейербахе». Они были написаны Марксом в Брюсселе в 1845 г. и впервые опубликованы Энгельсом в слегка измененном виде в качестве приложения к его небольшой книге о Фейербахе в 1888 г. Текст Маркса в его авторском изводе не был известен до 1924 г., когда вышел в свет в Москве. Мы рассмотрим оригинальный текст Маркса, отличающийся от текста, переделанного и изданного Энгельсом. Текст Маркса краткий – весьма краткий, если вспомнить о его склонности к написанию пространных сочинений: он занимает чуть больше двух страниц и состоит из одиннадцати еще более кратких тезисов. Утверждение Энгельса, что эта работа Маркса содержит «гениальный зародыш нового мировоззрения»¹, означает, что это мировоззрение стало складываться после написания «Парижских рукописей». Но суждение Энгельса предполагает, что в теоретическом развитии Маркса имелся разрыв, наличие которого так и не было доказано.

Этот текст важен как сжатое изложение позиции Маркса и свидетельство его попытки (предпринятой, но не столь очевидной, уже в «Парижских рукописях») дистанцироваться от Фейербаха, чье влияние очевидно в его более ранних произведениях. Фейербах – который никогда не отличался заботой о точности выражения – отмечает в «Основных положениях философии будущего», что раз-

---

¹ *Engels F. Ludwig Feuerhach and the Outcome of Classical German Philosophy / Ed. C. P. Dutt. N. Y.: International Publishers, 1941. P. 8. [Цит. по изданию: Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1961. Т. 21. С. 371. – Перев.]*

личия между материализмом, эмпиризмом, реализмом и гуманизмом незначительны¹. В «Парижских рукописях» Маркс следует Фейербаху, хотя и в самом общем смысле. Он пишет, что коммунизм есть натурализм (В 155; III, 296). Далее он утверждает, что натурализм или гуманизм отличается как от идеализма, так и от материализма и является объединяющей их истиной (В 206; III, 336). Позже он утверждает, что теоретический гуманизм вытекает из критики религии, а практический гуманизм – т. е. коммунизм – станет результатом снятия частной собственности (В 213; III, 341). Здесь Маркс определяет свою позицию как гуманизм, или реальный гуманизм, о котором он упоминает в начале «Святого семейства», но в любом случае считает его далеким от идеализма и материализма. Это по меньшей мере не позволяет считать Маркса последовательным материалистом, каковым его зачастую считают марксисты. Материализм неожиданно выступает на первый план в «Тезисах о Фейербахе», где Маркс (пожалуй, несправедливо) приписывает Фейербаху приверженность созерцательному материализму, а затем критикует эту позицию с выигрышной точки зрения нового материализма.

Здесь и в некоторых позднейших произведениях Маркс говорит о материализме, например в «Немецкой идеологии», написанной им в соавторстве с Энгельсом. Что это – изменение терминологическое или изменение теоретическое? Материализм происходит из точки зрения, развитой Демокритом и Лукрецием, взгляды которых Маркс исследовал в своей диссертации и согласно которым все существующее является исключительно материальным. Эта античная точка зрения с тех пор получила много разных выражений, включая упомянутый выше марксистский тезис,

---

¹ *Feuerbach L. Principles of the Philosophy of the Future / Trans. M. Vogel. Indianapolis, IN: LLA, 1966. P. 23. (§ 15; прим. 1).*

а Энгельс утверждал первенство материи относительно сознания. Марксово обсуждение материализма в этом тексте не имеет явной связи с этим марксистским тезисом.

Идеи, сформулированные Марксом в «Тезисах...», согласуются с его более ранними работами. Среди них – критика Гегеля за его будто бы мистифицированную теорию истории. Они включают, далее, критику политической экономии за отрицание влияния экономических условий жизни на человека. Отрицать это влияние – значит просто не замечать проблематичность долговременной стабильности современного индустриального общества. Маркс утверждает здесь (как и в «Парижских рукописях»), что рекомендуемый им тип материализма исходит из действительного, а не воображаемого в теории положения дел.

Замечания Маркса касаются различия между теоретическим положением и установлением практического различия. Последнее основывается на внимании к действительному миру и укоренено в нем. Как и повсюду в своих работах, Маркс подчеркивает, что хочет установить действительное различие и занят не только теорией, но и практикой (*praxis*).

Поскольку «Тезисы...» стали предметом широкого и всестороннего изучения и поскольку их содержание относительно доступно, мы можем ограничиться их кратким рассмотрением. Следует упомянуть два конкретных тезиса. Ученые спорят о шестом тезисе, где критикуется фейербаховское понимание человеческой сущности; в этой связи возникают вопросы о преемственном развитии позиции Маркса¹. Маркс утверждает, что в своем понимании религии Фейербах «сводит религиозную сущность к *человеческой сущности*», которая между тем не есть абстракт, при-

---

¹ См. новую работу: *Sayers S. Marxism and Human Nature*. L.: Routledge, 1999.

сущий отдельному индивиду, а является «совокупностью всех общественных отношений» (GI 122; V, 4; [Соч. 3, 3]). Этот упрек, который порождает вопросы об эволюции отношения Маркса к Фейербаху и его собственного отношения к эссенциализму¹, отсылает к теории человеческого индивидуума, согласно которой воспитание полностью вытесняет природу². Такого рода точка зрения широко распространена в марксизме³. Независимо от того, придерживался ли подобной позиции Маркс, сама по себе она отнюдь не безупречна. По-видимому, нереалистично думать, что генетическая наследственность не играет никакой роли в том, каким человек становится. Более совершенная теория должна постулировать объединение природы и воспитания, в котором природа не подавляется в угоду воспитанию.

Кульминацией рассматриваемой работы является одиннадцатый тезис, где Маркс вновь излагает точку зрения, которой он неизменно придерживался, именно что философия должна быть философией действия и стремиться к изменению существующего положения дел ради осуществления свободы человека в мире, подмятом либеральным капитализмом. В этом знаменитом тезисе Маркс справедливо указывает на пассивность большинства философов, которые, если и не являются действительно равнодушными к другим людям, все же находятся на обочине истории, не вмешиваясь в ее ход: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его» (GI 123; V, 5; [Соч. 3, 4]).

---

¹ Bernstein R. J. Praxis and Action: Contemporary Philosophies of Human Activity. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1971. P. 68–72.

² Sève L. Man in Marxist Theory and the Psychology of Personality / Trans. J. McGreal. Brighton: Harvester Press, 1978.

³ См., например: Ibid.

«Немецкая идеология»

Книга с ужасным заглавием – «Немецкая идеология. Критика новейшей немецкой философии в лице ее представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Штирнера и немецкого социализма в лице его различных пророков» – была написана Марксом и Энгельсом в Брюсселе в период с весны 1845 г. до лета 1846 г. Впервые она полностью опубликована только в 1932 г. в Москве¹. После того как дармштадтский издатель Герман Леске аннулировал подписанный договор, Маркс и Энгельс не смогли найти другого издателя. Позже Маркс написал, что они предоставили рукопись «грызущей критике мышей» (XXIX, 264). Необходимо опять-таки подчеркнуть, что (как и «Парижские рукописи» и «Grundrisse») эта книга не вошла в первое собрание сочинений, имевшееся в период формирования марксизма.

По сравнению со «Святым семейством» «Немецкая идеология» – работа чуть более спокойная, чуть менее полемическая, в большей степени исторически ориентированная. По прошествии времени возникает вопрос: почему Маркс, расценивавший идеи своих современников – младогегельянцев как в основном незначительные, считал необходимым так часто повторять и столь подробно обосновывать это мнение? Как и в других полемических работах Маркса (и особенно Энгельса), в этой книге есть большие фрагменты, содержащие утомительную критику современников – малозначительную уже в то время, а потом почти забытую. Сегодня это растянутое исследование объемом почти в 600 страниц представляет интерес по двум основ-

---

¹ Отдельные части этой книги были опубликованы раньше. Например, в сентябре 1847 г. в ежемесячнике «Westphälisches Dampfboot» вышла глава о книге Карла Грюна «Die soziale Bewegung in Frankreich und Belgien» (1845).

ным причинам: оно позволяет понять последовательное развитие мысли Маркса и отчетливо уяснить очень важное понятие идеологии.

«Немецкая идеология» содержит дальнейшую критику Бруно Бауэра, любимого мальчика для теоретического битья, весьма детальную критику Штирнера и критическое рассмотрение идей так называемых пророков немецкого социализма (таких как Карл Грюн и доктор Георг Кюльман). Младогегельянец Макс Штирнер (таков псевдоним Иоганна Каспара Шмидта, 1806–1956) отстаивал индивидуализм в крайней форме. Его главная работа «Единственный и его собственность» (*Der Einzige und sein Eigentum*, 1845), содержащая анархистские и нигилистические обертоны, обнаруживает отчетливые следы влияния Фихте и предвосхищает концепцию сверхчеловека Фридриха Ницше (1844–1900). В 1840-е гг. Карл Грюн (1817–1887) исповедовал так называемый истинный социализм. Георг Кюльман (1812–?), изображавший себя пророком и проповедовавший истинный социализм в Швейцарии, впоследствии был разоблачен как агент австрийского правительства.

За исключением некоторых отдельных озарений, самые интересные фрагменты этой работы находятся в ее первой части, которая посвящена критике Фейербаха, представлению общей позиции Маркса и Энгельса и (в процессе критики немецкой идеологии) – основных моментов нового понимания идеологии. Для понимания позиции Маркса важно проследить отношение этого текста к его предыдущим произведениям. Усматривая здесь зародыш нового мировоззрения, Энгельс предполагает разрыв между ранними и позднейшими текстами Маркса, поскольку в этой книге ими обоими будто бы впервые была создана новая, другая теория¹. Согласно этому тезису, который является

---

¹ *Engels F. Ludwig Feuerhach... P. 7.*

основным элементом марксизма, имеется разрыв между ранними и последующими сочинениями Маркса, связанный с его разрывом с философией.

Эта идея получает самое всестороннее развитие в работах французского философа-марксиста Луи Альтюссера. Французский философ науки Гастон Башляр (1884–1962) предложил концепцию эпистемологического разрыва (*coupure épistémologique*), пытаясь объяснить фундаментальные научные прорывы историческим разрывом между научными эпохами. Альтюссер применяет эту идею к Марксу, выделяя два предположительно непрерывных периода в его развитии: в первый период ранний Маркс оставался немецким философом, а во второй период поздний Маркс начиная с «Немецкой идеологии» порвал со своей ранней позицией и сформулировал теорию марксистской науки, несовместимой с философией и оставляющей философию позади¹.

Речь идет о том, было ли теоретическое развитие Маркса непрерывным или же имело разрыв (как думают Альтюссер и Энгельс)². Убеждение Энгельса, что теория Маркса может быть понята как мировоззрение³, обычно признают истиной и марксисты, и немарксисты⁴. В качестве

---

¹ *Althusser L. For Marx / Trans. B. Brewster. N. Y.: Vintage, 1970.*

² Критику точки зрения Альтюссера см.: *Kolakowski L. L'esprit révolutionnaire. Brussels: Editions Complexe, 1978. P. 158–185.* (гл. «Le Marx d'Althusser»).

³ С этой точкой зрения согласен немарксист Джон Макмёртри, см.: *McMurtry J. The Structure of Marx's World View. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1978.*

⁴ Редактор нового издания «Немецкой идеологии» Артур просто повторяет утверждение Энгельса. См. введение к книге: *Marx K., Engels F. The German Ideology. Part One / Ed. and intro. C. J. Arthur. N. Y.: International Publishers, 1970. P. 5.* См. также: «Именно в «Немецкой идеологии» материалистическая концепция истории, исторический материализм, была впервые сформулирована как целостная теория» (CW, Vol. 5. P. xiii):

аргумента в пользу этого положения часто указывают на якобы имеющийся разрыв между ранними и поздними работами Маркса. Современный марксист и сторонник этого тезиса Ч. Дж. Артур непоследовательно придерживается двух противоречащих друг другу идей. С одной стороны, он утверждает, что в «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс порывают со своими современниками, но также и с «их немецким философским прошлым»¹. С другой стороны, он полагает, что основная идея этой работы заключается в том, что человек создает себя посредством труда, а эту идею он находит уже в «Парижских рукописях» и позже, в «Капитале»². Однако Маркс (вместе с Энгельсом) продолжает развивать здесь основные идеи «Парижских рукописей» и добавляет новые. Поскольку же последний текст является философским, такова и «Немецкая идеология». Мысль о самопроизводстве человеческих существ посредством труда не свидетельствует о разрыве с немецким философским прошлым. Она составляет основную часть гегелевской позиции, которая, согласно логике этой интерпретации, в таком случае не может считаться философской.

Помимо дальнейшего развития философской позиции, впервые сформулированной в «Парижских рукописях», главным философским достижением авторов «Немецкой идеологии» является теория идеологии, основанная на Марксовой концепции отчуждения. Последний термин восходит к работам А. Л. К. Дестюта де Траси (1754–1836), которого интересовала наука об идеях³. Понятие идеологии с тех пор разрабатывалось чрезвычайно активно⁴. К на-

---

¹ См. введение в: *Marx K., Engels F. The German Ideology. Part One.* P. 21.

² Ibid.

³ *Destutt de Tracy A.-L.-C. Eléments d'idéologie.* Brussels, 1801.

⁴ *Barth H. Truth and Ideology / Trans. F. Lilge.* Berkeley: University of California Press, 1976.

стоящему времени предложено около 100 различных теорий идеологии, причем многие из них противоречат друг другу. Развитие этого понятия привело к возникновению связанных с ним дисциплин, например социологии знания¹.

Главные философские идеи «Немецкой идеологии» сформулированы в относительно короткой первой части под заглавием «Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений». Авторы уделяют мало внимания собственно Фейербаху. Они намечают теорию идеологии и вместе с тем более подробно обрисовывают то, что принято называть материалистической теорией истории. В «Парижских рукописях» Маркс представляет полностью гегелевскую точку зрения на человека как производящего общество и самого себя. Начиная с Канта немецкая философия вращается вокруг теорий сознания и самосознания. С точки зрения Канта, который понимает субъекта только как логическое условие познания, сознание автономно, а значит – не соотносится со временем и местом жизни его носителя. Гегель, напротив, понимает субъекта как действительное человеческое существо (или несколько человеческих существ), и сознание его не автономно, но зависит от окружающего его общества. В «Немецкой идеологии» предлагается вариант этого подхода, сознание здесь связывается не с обществом вообще, а более узко – с экономической деятельностью в рамках гражданского общества.

В «Науке логики» Гегель формулирует различие между сущностью и явлением, которое далее он подразделяет на истинную (*Erscheinung*) и ложную (*Schein*) формы. В идеологии ложное явление принимается за истинное описание, и нечто в этом роде Маркс считает типичным для религии

---

¹ Mannheim K. *Ideology and Utopia* / Trans. L. Wirth and E. Shils. N. Y.: Harcourt, Brace and World, 1936.

(в работе «К критике гегелевской философии права: Введение»). Подобно Гегелю, Маркс и Энгельс в рассматриваемой работе и Маркс – в других произведениях придерживаются эссенциалистского подхода к истине. Идеология есть теория производства ложного сознания, которое нацелено на то, чтобы ввести в заблуждение людей относительно природы наблюдаемого ими общественного мира.

В предисловии авторы делают три утверждения. Во-первых, люди постоянно руководствуются ложными представлениями о себе самих и о том, что их окружает. Во-вторых, эти представления берут на вооружение некоторые философы, вроде младогегельянцев, которые бросают всю свою мощь на борьбу с тенями. И в-третьих, данная работа призвана разоблачить этих философов. Остается неясным, направлена эта работа (что, видимо, действительно так) против младогегельянцев или же она должна дискредитировать философию в целом.

Первое и второе утверждения – что люди неверно понимают самих себя и что это неверное понимание разделяется некоторыми философами – основываются на теории идеологии, которая, в свою очередь, основывается на теории современного индустриального общества, уже намеченной в общих чертах в «Парижских рукописях». По сравнению с этим более ранним произведением Маркса, «Немецкая идеология» содержит дальнейшее развитие и уточнение базовой «продуктивистской» модели капитализма, согласно которой последний определяется частной собственностью на средства производства. В отличие от «Парижских рукописей» и почти всех важнейших текстов Маркса до «Капитала» включительно, основное внимание уделяется здесь не собственно экономическим взглядам, а подробному разъяснению различных исторических явлений. Среди последних – стадии общественного развития в терминах изменяющейся природы частной собственности-

сти, разделение труда и т. д. Еще одно различие заключается в том, что здесь мало обсуждаются идеи Гегеля, которые при случае критикуются, но все же остаются на заднем плане. А прямо в фокусе находятся, скорее, предполагаемые нестыковки у младогегельянцев, бывших соратников Маркса.

Анализ начинается с утверждения, что младогегельянцы считают себя «волками», а на самом деле так и отошли от Гегеля. Его система не была подвергнута серьезной критике, поскольку до сих пор критика замыкалась на религии (III, 28–29). Философы до сих пор просто не сумели понять отношение немецкой философии к немецкой действительности, понимаемой как ее материальная среда (III, 30).

До этого момента обсуждение согласуется с Марксовой ранней критикой Гегеля за неверное объяснение природы общественной действительности. Критики Гегеля, как говорит Маркс о Фейербахе в «Тезисах о Фейербахе», не могут вырваться из тисков его системы. Они не могут подвергнуть ее должной критике, поскольку не способны даже предварительно сформулировать вопрос об отношении философии к общественной действительности. Отсюда следует заключить, что философию надо понимать как общественную деятельность в общественном контексте, и именно эта идея выдвигается в «Феноменологии...» Гегеля. После этих критических замечаний обсуждение разделяется на две части – на общую теорию общественной действительности и более частную теорию общественного сознания. Первая описывается в общих чертах как теория современного индустриального общества с экономической точки зрения, т. е. с точки зрения производства, той же, что и в «Парижских рукописях». Общественное сознание рассматривается как особая форма производства, т. е. как производство наших идей о мире, в котором мы живем.

Теория современного индустриального общества начинается с попытки авторов охарактеризовать человеческие

существа, которые отличаются от животных тем, что производят необходимые им жизненные средства (III, 31) посредством экономической деятельности. Значит, из всех живых существ только люди заняты экономической деятельностью, которая является их главной отличительной чертой; они осуществляют ее в гражданском обществе ради удовлетворения собственных потребностей. Существует важное различие между философским изображением жизни и самой жизнью, которая начинается за границами спекулятивного мышления (III, 37). Освобождение человека не может ограничиваться его мыслями, но должно происходить в действительной истории (III, 38). Хотя Фейербах критикует Гегеля, он не схватывает исторического характера действительности (III, 39), поскольку пренебрегает историей (III, 41). Действительные проблемы требуют действительных решений, и философские проблемы могут быть сведены к эмпирическому факту (III, 39) – но только в том случае, если проблемы сами являются эмпирическими, о чем Маркс раньше писал во введении к работе «К критике гегелевской философии права».

Очерченная точка зрения предполагает понимание исторического развития экономического мира, которое теперь появляется. Главным шагом является попытка объяснить историю через экономику. Поскольку люди подвижны в первую очередь необходимостью удовлетворять свои потребности, история должна быть понята в терминах производства и обмена, точнее – «[экономического] производства средств, необходимых для удовлетворения этих потребностей» (III, 42; [Соч. 3, 26]). Процесс производства является одновременно естественным, поскольку отвечает требованиям человеческой природы, и «общественным в том смысле, что имеется в виду сотрудничество многих индивидов, безразлично при каких условиях, каким образом и для какой цели» (III, 43; [Соч. 3, 28]).

Как и в «Парижских рукописях», эта стадия современного индустриального общества определяется пониманием человеческих существ. Как и в названном более раннем тексте, воздействие различных исторических стадий развития общества на разных индивидов обнаруживается путем соотнесения общественных стадий с человеческим развитием. Капитализм характеризуется разделением труда, которое с функциональной точки зрения эквивалентно частной собственности и ведет только к отчуждению. Коммунизм (теоретически) приведет к общественному движению, неизвестному современному индустриальному обществу. При капитализме жесткие экономические факторы вынуждают индивидов играть конкретные роли, тогда как при коммунизме человек сможет играть много различных ролей, не будучи принужден к какой-либо одной роли как единственной форме деятельности (III, 47). Напоминая более ранние размышления о пролетариате в «К критике гегелевской философии права: Введение», данная работа тоже содержит утверждение, что отчуждение может быть преодолено в результате формирования класса лишенных собственности людей, который через революцию (III, 48) приведет к бесклассовому обществу (III, 52–53).

Переходя к выводам, Маркс и Энгельс утверждают (как Маркс последовательно утверждал и в более ранней критике Гегеля), что исключение из истории отношения человеческого существа к природе лишает историю ее действительной основы (III, 55). Гегель якобы виновен в этой ошибке, поскольку оставляет историю в сфере духа (III, 55). Однако не ясно, что именно они имеют в виду. Если они хотят сказать, что Гегель каким-то образом обходит вниманием общественное состояние, то они сами просто обходят вниманием гегелевское обсуждение конкретных исторических явлений, включая политическую экономию.

Рассмотрение исторического развития общества с экономической точки зрения увенчивается здесь следующими

три характерными утверждениями. Во-первых, все исторические коллизии «коренятся в противоречии между производительными силами и формой общения» (III, 74; см. также 85–87; [Соч. 3, 74]), другими словами – в несоответствии между производительными силами и организацией общества. Во-вторых, история есть не что иное, как летопись развития производительных сил (III, 82). В-третьих, производительные силы в конечном счете зависят не от индивидов, а от частной собственности, главного института капитализма (III, 86–87).

До сих пор Маркс и Энгельс характеризовали современное индустриальное общество как место, где человеческие потребности удовлетворяются путем человеческой деятельности в экономическом процессе, который разворачивается в гражданском обществе. Хотя эта базовая теория и принимает здесь намного более отчетливую форму, сама она, включая многие ее главные аспекты, уже содержалась в предшествующих произведениях Маркса. Сравнение показывает, что Маркс и Энгельс серьезно обновили ее, применив ту же самую модель производства, основу модели современного индустриального общества, к проблеме ложного сознания в их теории идеологии.

Сознание – центральная тема немецкой философии. Кант в своей теории познания предлагает очень общее объяснение условий осознания и познания предметов опыта. Теория идеологии не противоречит точке зрения Гегеля, а скорее продолжает и расширяет ее. В заслуженно знаменитом разделе «Феноменологии...», посвященном отношению господина и раба¹, которое мы уже неоднократно упоминали и которое часто рассматривалось как метафора современного индустриального общества, Гегель обсуждает

---

¹ См. анализ в новой книге: *Williams R. Hegel's Ethics of Recognition*. Berkeley: University of California Press, 1997. P. 46–68. (Гл. 3. Recognition in the Phenomenology of Spirit).

действительные условия сознания и самосознания. Маркса и Энгельса интересует не сознание, а ложное сознание, или идеология. Если философию нужно понимать в ее общественном контексте и если немецкая философия обычно создает ложный или ошибочный образ этого контекста, то его ложная природа требует объяснения. Теория идеологии объясняет ложное сознание как побочный продукт или последствие социально искаженной организации современного общества.

Теория идеологии, которая в «Немецкой идеологии» не столько разработана, сколько намечена, и не столько обоснована, сколько заявлена, остается незавершенной. Она начинается с установления частичной аналогии между идеями и товарами. Наши идеи – продукты, которые, в отличие от товаров, прежде всего непосредственно связаны с материальной деятельностью (III, 36). Это предполагает, что подобно производимым нами продуктам сам тип наших идей определяется характером общества, в котором мы живем. Это означает, далее, что при определенных условиях идеи могут отделяться от условий, в которых они произведены. Хотя некоторые идеи являются отчужденными, или ложными, будучи связаны с общественными условиями, в которых они возникают, это не означает, что все идеи являются ложными. Это важно, поскольку более простое утверждение, что все идеи являются ложными, было бы непоследовательным применительно к самому себе.

Утверждение, что идеи являются ложными из-за их вплетенности в общественный контекст, основывается на расширительном истолковании модели производства, лежащей в основе Марксовой теории отчуждения. Вспомним – в «Парижских рукописях» Маркс доказывает, что частная собственность на средства производства приводит к отчуждению продукта и рабочего. Этот аргумент теперь распространяется на другие явления благодаря положению, что следующим результатом является отчуждение идей.

Данное утверждение основывается на двух тезисах. С одной стороны, идеи определяются обществом, в котором они возникают. Зависимость идей от общества не является ни всеобщей, ни неизменной, но имеется лишь при их возникновении. Это сужение универсальности суждения позволяет утверждать, что некоторые (не все) идеи определяются их отношением к общественному контексту. С другой стороны, идеологические идеи определяются далее как ложное выражение общественного контекста, который они не позволяют постичь. Ведь идеология доставляет перневетнутый образ – подобно обратному изображению предметов на сетчатке глаза или в камере-обскуре (III, 36).

Распространяя метафору переворачивания, Маркс и Энгельс сравнивают идеологический и неидеологический подходы к пониманию нашего мира и нас самих. Первый подход широко распространен в немецкой философии, которая спускается с небес (от абстракций) на землю, или к эмпирической действительности. Новый, правильный подход означает, что следует подниматься с земли (от конкретного положения и деятельности подлинных людей) на небо (там же).

Обосновывая рекомендуемый ими подход, Маркс и Энгельс рассматривают отношение сознания к жизни. Неверно считать, что сознание определяет жизнь, из которой оно возникает и которой обуславливается как ее продукт, напротив – «жизнь определяет сознание» (III, 37; [Соч. 3, 25]). Считать, что сознание не зависит от жизни, значит считать, что наше окружение и нас самих можно понять с абстрактной точки зрения, расположенной вне общества, тогда как правильный подход должен принимать в расчет общественный контекст. Но не все формы материализма равноценны. Фейербах, который, как утверждают Маркс и Энгельс, пренебрегает историей, осуществляет лишь идеологический анализ мира, в котором мы живем (III, 41).

Более распространенная точка зрения заключается в том, что сознание – общественный продукт (III, 44), т. е. оно всегда «не чистое». Оно никогда не является «чистым», поскольку никогда не является полностью оторванным от общества, в котором оно возникает; ложные представления о чистом сознании создают философы вроде Канта, автора знаменитой «Критики чистого разума». Это предполагает базовую противоположность между идеализмом и тем, что характеризуется как материализм. Первый неверно объясняет практику из идей. Правильный же подход ведет к объяснению идей, в таких областях, как мораль, религия или философия, исходя из практики (III, 54).

Рассмотренная теория идеологии важна не только с теоретической точки зрения, как верное объяснение отношения идей к ситуации, в которой они возникают, но и практически. Идеи невозможно оценить изолированно, не принимая во внимание их источник, полагают Маркс и Энгельс, не только тип общества, но даже идеи правящего класса всегда являются правящими идеями (III, 59). Идеология, или ложное сознание, – это не просто неспособность постичь истинную сущность общественного мира. Она играет важную роль в установлении и утверждении господства владельцев средств производства над всеми остальными посредством ложного изображения общественного мира и них самих.

«Нищета философии»

Экономический подход в работах Маркса намечается ранее «Парижских рукописей», достигает нового уровня в этом произведении и становится все более заметным в «Немецкой идеологии» и последующих работах. Энгельс и другие марксисты полагают, что «Немецкая идеология» знаменует разрыв с предыдущими работами Маркса и

представляет новое мировоззрение. Но было показано, что этот текст продолжает и развивает общую теорию современного индустриального общества, уже намеченную в «Парижских рукописях». Постепенное развитие этой теории продолжается в критике Прудона в «Нищете философии».

Эта книга выносит на суд публики частные споры между Прудоном и Марксом во время пребывания последнего в Париже. Когда сформировались собственные взгляды Маркса, их отличие от взглядов Прудона стало более резким. Маркс и Энгельс уже упоминали Прудона в «Святом семействе». В разделе, написанном Марксом, Прудон уважительно характеризуется как писатель, не просто действующий в интересах пролетариата, но и являющийся его частью (IV, 41). Его работа о собственности расценивается как заслуга французского пролетариата (там же). Но он подвергается критике за то, что будто бы хочет решить проблему экономического отчуждения в сфере современного экономического либерализма (IV, 43), т. е. за неприятие коммунизма.

«Система экономических противоречий, или Философия нищеты»¹ Прудона появилась в декабре 1846 г., когда Маркс жил в Брюсселе. В 1846 г. Прудону было 37 лет, он постепенно становился ведущим французским теоретиком радикальной политики. Марксу тогда было 29 лет, прежде чем обратиться к радикальной политике, он получил университетское образование и уже глубоко погрузился в экономические теории, которых, как он полагал, Прудон в сущности не понимал. Никогда не медливший с ответом Маркс дал его в письме к русскому помещику и либеральному критику П. В. Анненкову (1812–1887), с которым по-

---

¹ *Proudhon P.-J. System of Economic Contradictions or Philosophy of Poverty (Système des contradictions économiques ou Philosophie de la misère) / Trans. V. Tucker. Boston: Tucker, 1888.*

знакомился в 1846 г. в Брюсселе¹. Содержавшаяся в письме Маркса критика Прудона быстро разрослось до публичной критики книги бывшего друга.

Хотя Прудон оказал некоторое влияние на Маркса, два упомянутых текста отражают различие, фактически коренную противоположность между двумя авторами: Прудон – французский антикоммунист, по большей части самоучка, привержен анархизму и не приемлет авторитетов, а сторонник коммунизма Маркс – профессиональный немецкий философ. Прудон был сыном крестьянина, зарабатывал на образование наборщиком в типографии, потом выиграл стипендию, позволившую ему учиться в Париже. Здесь он подружился с Марксом, имевшим на него влияние; впоследствии они разорвали отношения. Прудон подружился также с русским анархистом Бакуниным и с известным русским писателем Александром Герценом (1812–1870), оба они стали его учениками. Прудон критиковал коммунистических мыслителей того времени, хотя и критиковал частную собственность, основанную на эксплуатации. Он известен как основатель анархизма – политической доктрины, отстаивающей упразднение политического контроля одних людей над другими².

Прудон заинтересовал Маркса своим совершенно своеобразным анализом современного индустриального общества. Политическую экономию оба они изучали самостоятельно. Как и Маркс, Прудон полагал, что политическая экономия – верный путь к пониманию современного общества. Прудон учил о необходимости революционной деятельности, поскольку она ведет к реформированию общества. Эта точка зрения резко расходилась с позицией Мар-

---

¹ См. письмо Маркса к Анненкову от 28 дек. 1846 г.: MEW. Bd. 27. S. 68–72; CW. Vol. 38. P. 95–106.

² См., например: *Woodcock G. Anarchism: A History of Libertarian Ideas and Movements. Cleveland: Meridian, 1970.*

кса, полагавшего, что революционное действие ведет к коммунизму, качественно, а не степенью отличающемся от капитализма.

Для того чтобы понять реакцию Маркса на работу Прудона, полезно кратко рассмотреть некоторые аспекты расплывчатой теории этого французского мыслителя. В первой главе «Системы экономических противоречий...» Прудон различает традиционную политическую экономию и социализм, или утопию, и выступает за их примирение. Ближайшая задача заключается в том, чтобы использовать потребительную стоимость с целью увеличения человеческого благосостояния и свободы (51)¹. Нормальное прогрессирующее экономическое развитие проходит две стадии, включая присвоение мира и его естественных ценностей, затем ассоциацию и распределение посредством труда вплоть до достижения полного равенства (52). Равенству препятствует внутренний антагонизм между двумя формами стоимости – потребительной стоимостью, или полезностью продукта, и меновой стоимостью, или тем, сколько денег он принесет на рынке, которые находятся в постоянном противостоянии (58). Собственность внутренне противоречива, поскольку включает в себя право на присоединение и исключение, установление цены труда и отрицание труда, спонтанный общественный продукт и распад общества, институт справедливости и кражу (213).

Принцип, что всякий труд должен давать излишек, означает, что собственность приобретается только путем кражи у других (78). Ошибка современного социализма заключается в увековечивании религиозных мечтаний, веду-

---

¹ *Proudhon P.-J. Système des contradictions économique; Marx K. Misere de la philosophie. Réponse à la Philosophie de la misère de M. Proudhon / Ed. J.-P. Peter. P.: Union Generale d'Editions, 1964. P. 52.* Все цитаты из работы Прудона приводятся по этому тому, ссылки даются в основном тексте в скобках с указанием номера страницы.

щих к утопизму, тогда как настоящая тайна кроется в политической экономии (86). Проблема состоит в том, что труд ведет не к обогащению бедных, но к собственному отрицанию (91). Нищета, являющаяся результатом труда, лишь возрастает из-за внедрения машин в ходе промышленной революции (112). До сих пор различные формы социализма были лишь утопическими (133). Решение заключается в том, чтобы поставить капитал в зависимость от людей, а не наоборот (180).

Прудон пророчески возражал против коммунизма на тех основаниях, что он не разрешит, но лишь воспроизведет противоречия политической экономии, заменив индивида коллективным индивидом (250). Он доказывал, что коммунисты, имеющие глубинную склонность к диктатуре (287), не столько мыслят, сколько просто веруют (288). Настоящее решение заключается не в увековечении существующего положения дел и не в утопизме, а скорее, как туманно говорит Прудон, в «законе обмена, теории взаимности». Прудон требует «системы гарантий, растворяющей старые формы гражданского и коммерческого обществ и удовлетворяющей всем условиям действительности, прогресса и справедливости, указанным критикой, – общества, которое является не только обычным, но и действительным, которое превращает дробное разделение в инструмент науки, которое упраздняет порабощенность машинами и предвосхищает кризисы, вызванные их появлением, которое делает конкуренцию выгодной и превращает монополию – в гарантию для каждого» (304–305).

Прудон подчеркивает, что философия и политическая экономия не могут быть разделены, поскольку политическая экономия есть философия (208). Мысль, что книга Маркса важна только как предвосхищение его позднейшей критики политической экономии, основывается на ошибочном представлении, будто ответ французскому коллеге

лишь предвосхищает диалектическую и критическую теорию, которая была развита Марксом впоследствии. Напротив, главные элементы этой теории содержались уже в «Парижских рукописях». Книга Прудона едва успела появиться, как Маркс уже начал отвечать на нее на отличном французском языке, и его работа вышла в 1847 г.

За исключением Гегеля и Рикардо, Маркс обычно не умел уважать тех, с кем не соглашался. Чуть более уважительный тон Маркса при обсуждении Прудона в более ранней работе «Святое семейство» здесь уступает место конфронтационной, колкой, часто ироничной трактовке позиции французского коллеги-социалиста. Ответ Маркса Прудону сформулирован в книге «Нищета философии. Ответ на Философию нищеты г-на Прудона». Хотя эта книга — по большей части полемическая, она важна также, и не в последнюю очередь, как первая работа Маркса, явно направленная только на политическую экономию. В кратком предисловии Маркс, который называет себя здесь немцем и экономистом, подчеркивает, что не ограничится Прудоном, но обратится к немецкой философии и политической экономике. Это ясный намек (был ли он необходим?) на то, что возможность отозваться о Прудоне, относительной мелкой фигуре, является в лучшем случае предлогом для Маркса. Он пользуется случаем, для того чтобы продолжить серьезное обсуждение философии и политической экономики, которые главным образом и повлияли на него в попытке понять и преобразовать современное индустриальное общество.

Эта небольшая книга объемом чуть больше ста страниц разделена на две главы, где рассматриваются соответственно понятие стоимости и метафизика политической экономики. В более краткой первой главе под заглавием «Научное открытие» обсуждается понимание Прудоном экономической стоимости. Эта тема будет занимать Маркса до «Капитала» включительно. Как раньше с Гегелем, Маркс

здесь цитирует и комментирует цитаты из книги Прудона и широкого круга работ политико-экономов.

Нескольких указаний будет достаточно, чтобы обозначить Марксову оценку знакомства Прудона с современной экономической теорией. Анализируя отрывок о предложении, Маркс замечает, что Прудон забыл о спросе (VI, 115). Пересказав рикардовскую влиятельную теорию ренты, он указывает на отношение между научной интерпретацией действительной экономической жизни у Рикардо и соответствующим утопическим переистолкованием ее у Прудона (VI, 124). Согласно Марксу, эгалитарные следствия, выводимые Прудоном из теории Рикардо, основываются на существенном смешении двух различных способов определения стоимости товаров (VI, 127). Упомянув о своем экономическом подходе к истории, Маркс утверждает, в противоположность Прудону, что цивилизация как таковая основывается на внутреннем противоречии, или «антагонизме» (VI, 132). В будущем обществе – надо думать, при коммунизме – отсутствие классов положит конец классовой борьбе, а производство будет основываться уже не на требуемом времени, а на общественной полезности (VI, 134). Однако Маркс реалистически замечает, что в нынешнем обществе свободный рынок, порождающий общественную нищету, порождает и прогресс (VI, 137). Обращая внимание на философские основы своего анализа, Маркс полагает, что рынок означает обмен не продукта или продуктов, а труда (VI, 143). Деньги – не вещь, а общественное отношение (VI, 145). Вместо преодоления капитализма мифический анализ Прудона ведет лишь к системе общественных отношений, основанных на антагонизме между различными классами (VI, 159).

В более пространной второй главе Маркс обращается к «Метафизике политической экономии» для выявления противоречий в экономических взглядах Прудона. Некор-

ректно утверждая, что для Гегеля философия сводится к методу¹, Маркс резюмирует метод Прудона в семи замечаниях. Такой подход позволяет Марксу критиковать взгляды Прудона так же, как философию Гегеля, которая будто бы составляет их основание, и в то же время сформулировать важную мысль о категориальных интерпретациях опыта.

Категориальный подход к опыту восходит к Аристотелю. В трактате «Категории» (от греч. *kategoria* – «предикат») он выделяет десять категорий, или предикатов. Кант впоследствии сожалел, что аристотелевские категории не составляют единства, и в «Критике чистого разума» предпринял дедукцию категорий. Он доказывал, что двенадцать неподвижных и неизменных категорий в совокупности укоренены в структуре человеческого рассудка. Гегель в «Науке логики» предлагает совершенно другой категориальный подход.

Критикуя Прудона, Маркс имеет в виду гегелевскую концепцию категорий, альтернативу которой он ищет. Начиная с рассуждения Прудона об экономических категориях, Маркс отмечает, что экономисты в своем понимании современного общества основываются на ряде неподвижных, неизменных, вечных категорий. Он высказывает важную мысль, что категории не первичны, а вторичны, они – теоретическое выражение действительной человеческой жизни (VI, 162). Категории не являются самостоятельными, они зависимы: они порождаются человеческой жизнью и описывают ее, жизнь предшествует ее (теоретическому)

---

¹ Это утверждение некорректно, поскольку гегелевская критика Канта за отрыв метода от содержания не позволяет самому Гегелю делать так же, не противореча собственной установке на обратное. См. упомянутую критику: *Hegel G. W. F. The Encyclopedia Logic: Part I of the Encyclopedia of the Philosophical Sciences with the Zusätze / Trans. T. F. Geraets, W. A. Suchting and H. S. Harris. Indianapolis, IN: Hackett, 1991. P. 33–34. (§ 10).*

описанию. Это простое, но важное наблюдение, полагает Маркс, перечеркивается гегелевским логическим подходом, в котором, посредством абстрактного метода, все сводится к логической категории. Отдаленно следуя гегелевскому абстрактному категориальному анализу религии, в котором действительная жизнь низводится до простого представления в сознании, Прудон хочет сделать то же самое в политической экономии. Как философ Прудон полагает, что категории, или теоретические выражения общественных отношений, предшествуют последним, которые он неверно трактует как простые иллюстрации теории (VI, 165). В противоположность философам, таким как Гегель, а также политико-экономам вроде Прудона, Маркс утверждает, что категории не являются неподвижными, поскольку они – лишь *«исторические и преходящие продукты»* (VI, 166; [Соч. 4, 133]).

Маркс последовательно придерживается «холистского» подхода в политической экономии и обвиняет Прудона в обратном. Ограниченность подхода Прудона заключается в «почастном» исследовании политической экономии, тогда как экономические отношения составляют живое целое, с учетом которого может быть понято каждое из них. Прудон не понимает, что общество состоит из совокупности динамических или диалектических отношений (VI, 168). В результате Прудон не имеет дела ни с действительной историей, ни с абстрактной идеей истории, которую Маркс и здесь, и в других местах ставит в вину Гегелю. Взгляд Прудона – скорее вневременной взгляд. Для Прудона нет ничего происходящего (VI, 171), и он обречен прибегнуть к Провидению для объяснения хода истории (VI, 175). Отсюда получается, что политическая экономия приводит к аисторическому пониманию неподвижных характеристик действительности. А с точки зрения Маркса, политическая экономия – историческая наука, которая изучает историче-

ски изменяющиеся отношения общественной жизни. Такие отношения суть не более чем преходящий продукт борьбы, и во время промышленной революции они порождают общество, которое в свою очередь охвачено борьбой между различными общественными классами.

В оставшейся части главы Маркс бегло рассматривает четыре темы: разделение труда и машины, конкуренция и монополия, земельная собственность или рента и стачки и объединения рабочих. Возвращаясь к установке, которой придерживался в первой главе, Маркс подчеркивает ограниченность прудоновского понимания этих тем. Снова используя терминологию Фейербаха, он утверждает, что согласно Прудону, который ставит вещи с ног на голову, разделение труда существует извечно, тогда как в действительности оно есть лишь последствие конкуренции (VI, 183). Разделение труда не может предшествовать фабрике, существование которой оно предполагает (VI, 186). Поправляя Прудона, который считал, что машины являются антитезисом разделения труда, Маркс отмечает, что каждое крупное изобретение в механике ведет к усилению разделения труда (VI, 188).

В ходе обсуждения земельной собственности или ренты Маркс кратко пересказывает и критикует Рикардо, который полагал, что рента, подобно другим производственным отношениям, есть так называемая вечная категория (VI, 202). Он еще более суров по отношению к истолкованию Прудонем рикардовского определения меры ренты, когда Прудон заставляет вмешаться в дело собственника, появляющегося, чтобы «вырвать у *землепашца* весь излишек его продукта над издержками производства». По мнению Маркса, такой подход к проблеме равнозначен ее решению путем «повторения подлежащей объяснению категории с прибавлением к ней еще одного слога» (VI, 199; [Соч. 4, 170]).

Заметки о стачках и коалициях рабочих, написанные в то время, когда профсоюзное движение только начиналось, лишний раз свидетельствуют об интересе Маркса к практическим мерам. Отвергая мнение Прудона, что стачки приведут лишь к повышению цен (VI, 206), Маркс подчеркивает, что крупное производство собирает в одном месте рабочих, которые заинтересованы в улучшении условий труда и жизни. Объединение на экономических основаниях людей, работающих ради средств существования, создает класс, который может защитить свои интересы только политическими средствами. Маркс повторяет свою мысль о том, что пролетариат порождается обществом, основанным на разделении экономических интересов. Борьба между пролетариатом и буржуазией, которая владеет средствами производства, по мнению Маркса, неминуемо приведет к революции, за которой последует возникновение бесклассового общества. Только тогда, когда уже не будет классов, «социальные эволюции перестанут быть политическими революциями» (VI, 212; [Соч. 4, 185]).

«Grundrisse»:

Основы критики политической экономии

Период начиная с 1848 г., ознаменованный политическими изменениями в Европе, изменил и жизнь Маркса. Поскольку политическая ситуация ухудшилась, бельгийская полиция приняла более строгие меры против политических беженцев и политических активистов вроде Маркса. 3 марта до него довели предписание покинуть страну в течение 24 часов и затем выслали во Францию, куда он прибыл 5 марта. В Париже Маркс сразу продолжил политическую деятельность по восстановлению Коммунистической Лиги, планируя вместе с тем издавать в Кёльне новую газету.

ту, которая должна была называться «Neue Rheinische Zeitung». Маркс приехал в Кёльн в апреле, вскоре к нему присоединился Энгельс, а 1 июня вышел первый номер газеты. Тем временем Маркс продолжал политическую деятельность, в конце лета он совершил поездки в Берлин и Вену и в качестве редактора газеты подверг критике государственную политику, в частности призвал к прекращению уплаты налогов. На такого рода провокации власти ответили должным образом: в феврале 1849 г. Маркса дважды вызывали в суд для ответа по обвинению в дискредитации государственного служащего и подстрекательстве к открытому восстанию. 16 мая он получил приказ о высылке на том основании, что его газетные статьи подталкивали к прямому восстанию против государства. Маркс и Энгельс уехали из Кёльна во Франкфурт 19 мая. 1 июня Маркс уехал из Франкфурта в Париж, где немедленно возобновил политическую деятельность. Ему быстро дали понять, что если он хочет остаться во Франции, то должен жить не в Париже, а в департаменте Морбиан в Бретани в северо-западной части страны на атлантическом побережье. 24 августа Маркс, последовав предложению Энгельса, переехал в Лондон, а 15 сентября вслед за ним туда приехали его жена и трое детей. Он прожил в Лондоне до конца жизни в постоянной нужде; семье Маркса часто давал деньги Энгельс, иногда – другие люди. Здесь в тяжелейшей финансовой ситуации человек, который больше всех знал о современном индустриальном обществе, но не мог или не хотел зарабатывать деньги для своей семьи, написал три важнейших текста: «Grundrisse», «К критике политической экономии», первый том сохранившейся рукописи «Капитала».

Оригинальная рукопись огромной работы под заглавием «Grundrisse» объемом 1100 страниц на немецком языке занимала семь тетрадей. Маркс написал ее зимой 1857–1858 г.,

а впоследствии она была утрачена при неясных обстоятельствах. Можно достаточно уверенно предположить, что текст, известный сегодня как «Grundrisse», не только не был закончен, но и вовсе не предназначался для публикации, по крайней мере в том виде, в каком мы его знаем. Работа, которой мы располагаем, представляет собой черновой набросок – она содержит противоречия, местами затянута и скучна, но часто – глубока и даже блистательна. О незавершенности работы свидетельствуют неоднократные обращения к одной и той же или очень сходным темам, различные изложения общего плана, длинные отступления – рассуждения на темы, интересовавшие Маркса в то время, и т. д.

Стиль письма в этом тексте весьма неоднороден. Склонность молодого Маркса, в духе студента-отличника, к (часто подробному) комментированию цепочек цитат из работ того или иного автора еще напоминала о себе в книге о Прудоне. Здесь же Маркс преодолевает эту привычку, предпринимая героическую попытку синтезировать огромный массив материала, собранного в результате вдумчивого чтения источников из целого ряда смежных областей, включая цитаты на разных языках. Сам текст написан большей частью по-немецки, но содержит множество английских предложений и одно французское. Это не удивительно – ведь во время работы над «Grundrisse» Маркс жил в Лондоне, а ранее – в Париже и Брюсселе. Хотя Маркс с головой ушел в экономические материи, часто – ужащающе неинтересные, в этом сочинении обнаруживаются его впечатляющие познания во многих сферах. Оно изобилует цитатами из английских, французских и немецких источников, а также из латинских и греческих авторов, которых Маркс изучал еще в гимназии, сохранив интерес к ним на всю жизнь. Здесь имеются ссылки на многих и многих экономистов, но не менее часто, пожалуй, упоминаются

деятели в других областях – например, Гомер, Аристотель, Аристофан, Цезарь, Катон, Карл II, Карл V, Карл Великий, Данте, Еврипид и т. д.

Не опубликованная при жизни Маркса, книга впервые вышла в свет в Москве (в двух томах – в 1939 г. и 1941 г.), но не продавалась и даже не была известна на Западе¹, где была впервые опубликована в 1953 г. и сразу же привлекла к себе внимание². Порядок, в котором появились рукописи, и даже заглавие работы были предложены русскими издателями³. Важнейшее предисловие к «Grundrisse» опубликовано Карлом Каутским в «Die Zeit» в 1903 г. – т. е. через много лет после смерти Маркса, но намного раньше остальной части книги.

Мы можем отнести этот текст к числу переходных не только по хронологическим соображениям, на основании времени написания: ведь хотя он посвящен в основном политической экономии, как и большинство позднейших сочинений Маркса, в нем все же сохраняется ярко выраженный философский крен. Методологические размышления во введении к книге, принадлежащие к важнейшим и наиболее продуманным текстам Маркса, показывают, что он все еще бьется над трудными проблемами теории общества, которые были отчетливо сформулированы в «Парижских рукописях», а в имплицитной форме – даже раньше.

В «Нищете философии» Маркс – философ по образованию, самостоятельно изучивший политическую экономию,

---

¹ Согласно Росдольскому, не более трех экземпляров этого издания попали на Запад: *Rosdolsky R. Zur Entstehungsgeschichte des Marxschen Kapital. Der Rohentwurf des Kapital, 1857–1858. 2 vols. Frankfurt am Main; Vienna: Europäische Verlagsanstalt, 1968. Vol. 1. P. 7* (Прим.).

² *Marx K. Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie. Frankfurt am Main; Vienna: Europäische Verlagsanstalt; Europa Verlag, 1953.*

³ *Ibid.* P. xiv.

назвал себя немецким экономистом и критиковал французского экономиста-самоучку Прудона, взгляды современных политико-экономов и немецких философов. В «Grundrisse» Маркс по-прежнему апеллирует к науке, которая остается постоянной темой его работ; он полагает, что его сочинение «впервые научно выражает имеющий важное значение взгляд на общественные отношения»¹. Если такова его главная цель, то это замечание свидетельствует, что, по его мнению, только в «Grundrisse» он наконец сформулировал основные аспекты научного взгляда на общественные отношения.

Эта книга – первая из ряда работ Маркса, в заглавии которых имеются слова «критика политической экономии». Известно, что одно время Маркс планировал дать ей заглавие «Критика экономических категорий»². Эту тему он безусловно обдумывал в ранних сочинениях, носивших более явный философский характер, где он намечает критику гегелевского понимания гражданского общества в современном либеральном государстве. Еще отчетливее она обсуждается в «Парижских рукописях», где он возражает Смиту и другим экономистам, которые с излишним оптимизмом говорят о полезных следствиях современного экономического либерализма, и настаивает на негативных следствиях либеральной экономической системы для индивидуальных рабочих, поскольку она нестабильна и обречена на исчезновение.

В «Парижских рукописях» Маркс сформулировал первый вариант теории современного индустриального обще-

---

¹ Письмо Маркса к Лассалю 12 нояб. 1858 г.: MEW. Bd. 29. S. 566; CW. Vol. 40. P. 354. [Соч. Т. 29. М., 1962. С. 462. – Перев.]

² Письмо Маркса к Лассалю 22 февр. 1858 г.: MEW. Bd. 29. S. 550; CW. Vol. 40. P. 268–271.

ства, которую впоследствии развил в ряде текстов в рамках критики политической экономии. «Grundrisse» (форма множественного числа немецкого слова *Grundriss*, означающего «набросок») – работа, которая осталась неопубликованной при жизни Маркса и которая, подобно «Парижским рукописям», не принадлежала к его сочинениям, известным в период формирования марксизма.

«Grundrisse» – итог, как говорил Маркс, пятнадцатилетних исследований, лучшего периода его жизни, продолжавшегося с 1844 г., когда были написаны «Парижские рукописи», до 1857–1858 гг., когда был завершен текст «Grundrisse» в том виде, в каком он дошел до нас¹. Эта книга стала незапланированным результатом желания Маркса (в котором его поддерживал Энгельс²) написать после «Парижских рукописей» двухтомный труд под заглавием «Критика политики и экономики». Договор на эту работу был заключен с Леске 1 февраля 1845 г., незадолго до того, как Маркс под давлением французского министра внутренних дел Гизо уехал из Парижа в Брюссель.

Марксу (не только эрудиту, но и всю жизнь – ненасытному читателю) всегда было крайне трудно вовремя закончить рукопись, предназначенную для публикации. Большинство работ Маркса, которыми мы сегодня располагаем, включая некоторые сочинения, предшествующие «Парижским рукописям», сами эти рукописи, «Grundrisse» и последние тома «Капитала», представляют собой лишь незаконченные черновики. Поскольку Маркс постоянно отодвигал срок сдачи работы, не удивительно, что в феврале 1847 г. у издателя лопнуло терпение и договор был расторгнут. И не удивительно, что когда издатель сообщил

---

¹ Письмо Маркса к Лассалю 12 нояб. 1858 г.

² Письмо Энгельса к Марксу в октябре 1844 г.: MEW. Bd. 27. S. 5-8; CW. Vol. 38. P. 3-6.

о намерении расторгнуть договор, Маркс ответил, что работа вскоре будет закончена¹.

Впоследствии Маркс на какое-то время потерял интерес к этому экономическому проекту, отвлекшись на другие вещи, такие как критика Прудона и написание (вместе с Энгельсом) «Манифеста коммунистической партии». После провала революции 1848 г. он снова заинтересовался этим проектом. Рукописи, составившие эту огромную книгу, были написаны очень быстро, хотя Маркс потратил гораздо больше времени на сбор еще более огромного количества материала. Летом 1850 г. и в течение всего 1851 г. он много читал в Британском музее. В январе 1851 г. Энгельс просил Маркса поторопиться², а в апреле Маркс пишет, что надеется закончить труд примерно через пять недель³. В июне Маркс написал Иосифу Вейдемейеру (1818–1866) (прусскому социалисту, который позже эмигрировал в Соединенные Штаты), что проводит целые дни в библиотеке и надеется закончить текст за 6–8 недель⁴. В январе 1852 г., когда Маркс обратился к Вейдемейеру с просьбой найти американского издателя для его труда⁵, он снова забросил эту работу, хотя и уделил ей немного времени летом того же года. После финансового кризиса 1857 г. Маркс вернулся к этому проекту. В письме к Энгельсу 8 декабря 1857 г. Маркс, ожидавший революции,

---

¹ Письмо Маркса к Карлу Фридриху Юлиусу Леске 1 авг. 1846 г.: MEW. Bd. 27. S. 449; CW. Vol. 38. P. 51.

² Письмо Энгельса к Марксу 29 янв. 1851 г.: MEW. Bd. 27. S. 171; CW. Vol. 38. P. 271.

³ Письмо Маркса к Энгельсу 2 апр. 1851 г.: MEW. Bd. 27. S. 228; CW. Vol. 38. P. 325.

⁴ Письмо Маркса к Иосифу Вейдемейеру 27 июня 1851 г.: MEW. Bd. 27. S. 559; CW. Vol. 38. P. 377.

⁵ Письмо Маркса к Иосифу Вейдемейеру 30 янв. 1852 г.: MEW. Bd. 28. S. 486; CW. Vol. 39. P. 26.

написал: «Я работаю, как бешеный, ночи напролет над подытоживанием своих экономических исследований, чтобы до потопа иметь ясность по крайней мере в основных вопросах»¹.

Все исследователи признают «Grundrisse» исключительно важным текстом, а некоторые – даже ключевой работой Маркса, связующим звеном между ранними «Парижскими рукописями» и «Капиталом», который является, по общему признанию, его незаконченным шедевром. Дэвид Маклеллан, который первым предпринял частичный перевод «Grundrisse» на английский язык (1971), рассматривал этот текст как самое фундаментальное сочинение Маркса, самое сердце его мысли². Мартин Николаус, подготовивший первый полный английский перевод этой книги (1973), видел в ней пробный камень для всякой серьезной интерпретации Маркса³. Редакторы «Collected Works» во время работы над последним (1986) и, пожалуй, самым полным переводом этой книги (здесь многие цитаты восстановлены, деление на параграфы отличается от того, что представлено в переводе Николауса, и т. д.) видят в ней набросок «Капитала», который они расценивают как главное творческое достижение Маркса и гениальное произведение⁴. Чрезвычайную важность этой книги признают все исследователи, и, как отмечает Маклеллан, лишь по иронии судьбы она оказалась последним из важнейших сочинений Маркса, появившихся в английском переводе⁵.

---

¹ MEW. Bd. 29. S. 225; CW. Vol. 40. P. 217. [Соч. М., 1962. Т. 29. С. 185. – Перев.]

² Marx K. The Grundrisse / Ed. and trans. D. McLellan. N. Y.: Harper and Row, 1971. P. 1, 3, 15.

³ Marx K. Grundrisse: Foundations of the Critique of Political Economy (Rough Draft) / Trans. M. Nicolaus. Harmondsworth: Penguin Books, 1973. P. 7.

⁴ CW. Vol. 28. P. xii.

⁵ Marx K. Grundrisse / Ed. D. McLellan. P. 3. (Предисл.)

Маклеллан, Николаус и другие специалисты согласны в том, что «Grundrisse» доставляет ключевые элементы для «Капитала», является более широкой основой последнего. Вариант «Grundrisse», опубликованный в «Collected Works», позволяет трактовать этот текст как первую, приблизительную версию «Капитала»¹. Никто не отрицает преемственности между взглядами, выраженными в «Grundrisse», и взглядами, развитыми в позднейших сочинениях Маркса. Значимость «Grundrisse» для последующих работ Маркса признается с редким единодушием. Однако этот текст тем более важен, что составляет одно целое и с предшествующими сочинениями. «Grundrisse» – важный этап в ряду попыток Маркса (начиная с ранней критики гегелевской «Философии права» на основе экономического понимания частной собственности) подвергнуть критике политическую экономию и сформулировать теорию современного индустриального общества – попыток, получивших продолжение в позднейших его работах.

Критический интерес к политической экономии, возникший у Маркса одновременно с его ранней критикой Гегеля, проявился в полную силу уже в «Парижских рукописях». В предисловии к этой работе он обращает внимание на связи между экономикой и другими областями, такими как право, нравственность, политика и т. д., и вместе с тем утверждает, что его выводы являются результатом внимательного изучения политической экономии. Он также заявляет о намерении дать трактовку этих различных тем в их взаимосвязи, имея в виду теории, развитые впоследствии в «Grundrisse» и «Капитале». После «Парижских рукописей» он продолжил углублять и разрабатывать свой первоначальный план. Согласно Энгельсу, критика буржуазной экономики, начатая Марксом в 1840-е гг., была закончена

---

¹ CW. Vol. 28.

только в конце 1850-х¹. Однако это неверно, поскольку она продолжается в «Капитале», первый том которого появился в 1867 г. и который не был завершен.

Утверждение, что в «Grundrisse» Маркс не бросает, а продолжает и развивает выразившееся уже в «Парижских рукописях» стремление сформулировать теорию современного индустриального общества, указывает на идейную непрерывность ранних и поздних сочинений Маркса. Этот тезис широко оспаривается в литературе. Компетентный исследователь Сидни Хук настаивает на том, что в сочинениях Маркса наблюдается скорее прерывность, чем непрерывность². На самом же деле преемственность между «Grundrisse» и предыдущими сочинениями является глубокой и существенно важной.

Начнем с неизменного внимания Маркса к Гегелю, Прудону и Рикардо. В «Grundrisse» Маркс концентрируется на критике этих трех мыслителей, которые интересовали его и раньше. Устойчивый интерес Маркса к Прудону в «Grundrisse» объясняется тем, что в период после революций 1848 г. тот безусловно был виднейшим социалистом. В «Парижских рукописях» Маркса интересует не столько Рикардо, сколько Смит. В позднейших работах Маркс уделяет все больше внимания Рикардо, чья влиятельная теория ренты является частью его собственной теории прибавочной стоимости. Критикуя Прудона в «Ниццете философии», Маркс подробно рассматривает теорию стоимости Рикардо. Гегель, занимавший центральное место в первоначальном формировании Марксовой теории современного индустриального общества, сохраняет свое влияние в его последующей разработке этой темы.

---

¹ MEW. Bd. 6. S. 593.

² Hook S. From Hegel to Marx: Studies in the Intellectual Development of Karl Marx. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1966. P. 4.

Фердинанд Лассаль (1825–1864), немецкий юрист и социалист, деятельный участник рабочего движения и автор труда о Гераклите, в 1851 г. написал Марксу, что жаждет видеть на своем рабочем столе «детище Рикардо, ставшего социалистом, и Гегеля, ставшего экономистом»¹. Письмо Лассаля оказалось пророческим – в нем предсказано, какое направление примут исследования Маркса на подходах к «Grundrisse». Придя к выводу, что Лассаль незаконно воспользовался его произведениями как источником бездумного плагиата, Маркс разоблачил его в предисловии к первому изданию «Капитала». Критикуя Рикардо, Маркс пересматривает его традиционную экономическую теорию в собственных социалистических целях; критикуя Гегеля, он также заимствует некоторые гегелевские идеи для создания общей теории современного индустриального общества.

Наблюдается также важная вербальная преемственность, указывающая на то, что Маркс заглядывал в свои еще не опубликованные «Парижские рукописи» при подготовке «Grundrisse». Замечено, что Маркс в начале главы о капитале в «Grundrisse» почти буквально повторяет пассажи (возможно, частично переработав «Парижские рукописи») о потребности, родовом бытии, параллелях между религиозным и экономическим отчуждением и т. д.

Другим элементом непрерывности является отношение к Гегелю. В январе 1958 г. в письме к Энгельсу Маркс замечает, что на его метод обработки материала повлияло то, что он вновь случайно пролистал гегелевскую «Науку ло-

---

¹ Письмо Ф. Лассаля от 12 мая 1851 г., цит.: *Marx K. Grundrisse* / Ed. D. McLellan. P. 5. [Письма Фердинанда Лассаля к К. Марксу и Ф. Энгельсу / С прим. Ф. Меринга; Пер. В. А. Шанина под ред. А. Финн-Енотаевского. СПб.: Литературное дело, 1905. С. 30. – Перев.]

гики», которую прислал ему Фердинанд Фрейлиграт (1810–1876), немецкий поэт и член Коммунистической лиги¹. Утверждение, что в этот период интерес Маркса к Гегелю и остаточное употребление им гегелевской терминологии были лишь поверхностными, опровергается его неоднократным обращением к Гегелю в «Grundrisse» начиная с введения. Даже правоверный марксист Николаус признает, что при всей критике в адрес Гегеля Маркс разделял главное стремление своего предшественника – понять меняющуюся экономическую систему современного индустриального общества².

Еще одним выражением преемственности является трактовка отчуждения. Часто утверждают, что после «Парижских рукописей» Маркс больше не интересовался этой темой, но это мнение полностью опровергается его неизменным вниманием к проблеме отчуждения и сохранением ранней терминологии в его поздних сочинениях³.

Из писем Маркса известно, что поначалу он хотел разделить проект, результатом которого стали «Grundrisse», на шесть книг, посвященных следующим темам: 1) капитал; 2) земельная собственность; 3) наемный труд; 4) государство; 5) международная торговля; 6) мировой рынок. Это разделение упоминается в письме к Лассалю, написанном до завершения рукописи⁴, а также в письме к Энгельсу⁵.

---

¹ Письмо Маркса к Энгельсу 16 янв. 1858 г.: MEW. Bd. 29. S. 259.

² Marx K. Grundrisse: Foundations of the Critique of Political Economy (Rough Draft) / Trans. M. Nicolaus. P. 30.

³ О проблеме неизменности интереса Маркса в позднейших произведениях к проблеме отчуждения в см.: Mészáros I. Marx's Theory of Alienation. L.: Merlin, 1970. P. 217–227. См. типичные пассажи об отчуждении в «Grundrisse»: P. 162, 455, 515, 779, 831.

⁴ Письмо Маркса к Лассалю 22 февр. 1858 г.

⁵ Письмо Маркса к Энгельсу 2 апр. 1858 г.: MEW. Bd. 29. S. 312; CW. Vol. 40. P. 298.

Другая рубрикация книги дается во введении (N 105; XXVIII, 45; M 43) и в самом тексте (напр.: N 22; XXVIII, 160). То, что впоследствии стало «Капиталом», представляет собой только одну из шести задуманных книг.

Рукопись «Grundrisse», которой предпослано предисловие, разделена всего на две главы, первая из которых относительно короткая (о деньгах), а следующая, посвященная капиталу, намного более пространная. Предисловие впоследствии было изъято Марксом по той причине, что следует двигаться от частного к общему, а значит от опыта – к суждениям о нем¹. Это согласуется с предпочтением эмпирического анализа, которое выработалось у Маркса в отталкивании от Гегеля и выразилось уже в предисловии к «Парижским рукописям».

Состоящее из четырех частей введение к «Grundrisse» полезно тем, что позволяет понять намерения Маркса в процессе работы. Оно начинается с общих и более конкретных замечаний о производстве (в первых двух частях), продолжается общими комментариями о методе и завершается более общими замечаниями о том, что следует из этой точки зрения.

Экономисты (Смит и Рикардо) и философы (Руссо) исходят из независимых индивидов, которые будто бы существуют в природе. Марксово обсуждение производства или, точнее, материального производства начинается с «общественно-определенного производства индивидов», поскольку они существуют в общественной группе, которая после промышленной революции XVIII ст. принимает форму гражданского общества. Вслед за Аристотелем² Маркс ут-

---

¹ MEW. Bd. 13. S. 7.

² «Из всего сказанного явствует, что государство принадлежит к тому, что существует по природе, и что человек по природе своей есть существо политическое» (*Aristotle. The Politics / Trans. and intro.*

верждает, что человек есть *zoon politikon* (от греч. *zoein*, означающего «живое», и *polis* – «город» или, в расширительном смысле, «общество», так что буквально – «общественное существо», которое живет и развивается в государстве, в обществе). Производство как человеческая деятельность тоже является общественным. Поскольку всякое производство – производство особого рода и в определенной социальной ситуации, оно никогда не является общим. Не соглашаясь с экономистами – интересно, по меньшей мере, что он не включает себя в их число, – Маркс утверждает, что они представляют производство так, как будто оно следует так называемым сверхисторическим, вечным законам (между прочим, то же возражение он ранее выдвинул против Прудона), а распределение – как совершенно случайное. Маркс критикует этот антиисторический подход по двум основаниям: за разрыв между производством и распределением и за непонимание того, что должны существовать общечеловеческие законы не только производства, но и распределения. Он резюмирует свое несколько путаное рассуждение явно эмпиристским утверждением, что то, что называют всеобщими условиями производства, суть не более чем абстрактные моменты, которые в чистой форме не имеют никакого соответствия в действительности.

Экономисты, математики и даже философы обычно работают с абстракциями. Во второй части введения Маркс указывает на глубокое сходство между гегельянством, которое основывается на отвлеченных понятиях, и обычным интересом экономистов к абстрактным идентичностям. Он начинает с доказательства того, что производство есть

Т.А. Sinclair. Harmondsworth: Penguin Books, 1970. P. 28). [Цит. по русскому переводу: *Аристотель. Политика* // Соч.: В 4-х т. М.: Мысль, 1984. С. 378. (Пер. С. А. Жебелева). – *Перев.*]

также потребление. Поскольку рабочий потребляет свои способности и сырье в процессе производства, производство есть потребление; и напротив, потребление, предполагающее питание, оказывается производством. Кроме того, производство и потребление приводят друг к другу. В результате экономисты приходят к троякой идентичности, поскольку производство и потребление суть одно и то же; каждое из них выступает средством для другого, одно вызывается другим. Поскольку экономическая теория в итоге оказывается гегельянской, то, отмечая, что гегельянцы трактуют производство и потребление как идентичные, Маркс критикует экономическую теорию. С точки зрения Маркса, отвергающего абстрактную идентичность, производство и потребление не идентичны, но являются скорее двумя сторонами одного процесса, который начинается с первого и приводит к последнему.

Распределение располагается между производством и потреблением. Рассматривая взаимосвязь между производством и распределением, Маркс отмечает, что первое определяется последним. Другими словами, производство зависит от распределения, которое принимает различные формы применительно к продуктам, средствам производства и членам общества. Отсюда следует, что производство невозможно трактовать отдельно от распределения. Получается, что производство является не вечной истиной, а функцией от общих исторических условий.

Далее Маркс довольно бегло обсуждает обмен и обращение. Обращение есть определенный момент обмена, опосредствующий момент между производством и распределением. Маркс показывает, что обмен принадлежит к сфере производства и определяется последним. Переходя к общему выводу, он отвергает предполагаемую общегегельянскую тенденцию экономической теории к установлению абстрактных идентичностей, например к отождеств-

лению производства, распределения, обмена и потребления, и формулирует два тезиса: во-первых, эти элементы не идентичны, они суть лишь моменты единого целого; и во-вторых, весь процесс определяется производством. Поскольку производство – всегда конкретное производство, Маркс заключает: «Определенное производство обуславливает, таким образом, определенное потребление, определенное распределение, определенный обмен и *определенные отношения этих различных моментов друг к другу*» (М 33; G 99; XXVIII, 36; [Соч. 46 (1), 36]).

Анализируя понятия производства, потребления, распределения и обмена, Маркс до сих пор доказывал, что экономисты придерживаются абстрактной установки, напоминающей гегельянское упование на абстрактную идентичность. В третьей части введения (под заглавием «Метод политической экономии») Маркс в более общем виде формулирует точку зрения, лежащую в основе его критики того, что можно назвать, за неимением лучшего термина, «экономическим гегельянством». В книге о Прудоне он доказывал, что категории не являются неподвижными, что они – по существу исторические. Теперь он расширяет этот аргумент и утверждает, что познание никогда не бывает прямым или непосредственным, но всегда – опосредствованным категориями и в результате – все более конкретным. Формулируя этот аргумент, он употребляет слово «конкретный» в специфически гегелевском смысле, противоположном более привычному, эмпирическому употреблению; в этом смысле «конкретный» – следствие возрастающего опосредствования. Его формулировка, представляющая собой один из самых полезных методологических пассажей во всем корпусе его работ, вытекает из рассмотрения двух путей, которые мы можем назвать гегельянским и не-гегельянским подходами к экономическим явлениям, представленными соответственно экономистами, принад-

лежащими к более далекому прошлому, и современными экономистами.

Хотя кажется, будто лучше всего начинать с населения, поскольку оно является реальной и конкретной предпосылкой политической экономии, Маркс считает такой подход ошибочным. Ведь население – это абстракция, оно неотделимо от классов, которые в свою очередь формируются обменом, разделением труда и т. д. Начинать с населения – значит начинать с общей идеи целого, или всего лишь воображаемого конкретного, которое при анализе распадается на более простые идеи. В прошлом экономисты обращались к населению как многосторонней совокупности различных отношений. Однако правильный подход представлен позднейшими политико-экономами начиная с Адама Смита, которые исходили из простых понятий, таких как труд, потребность, меновая стоимость и т. д., а заканчивали государством, международным обменом и мировым рынком.

Последний подход Маркс считает правильным, поскольку конкретное является таковым как синтез многочисленных опосредствований, тогда как первый метод приводит лишь к абстрактным определениям. Конкретное предстает как процесс синтеза, как результат, а не как исходный пункт, хотя в действительности оно является отправной точкой наблюдения и осмысления. Маркс утверждает, что мы не можем постигать экономические явления непосредственно, но лишь посредством экономических категорий, используемых в современной политической экономии, словом – в рамках определенной концептуальной конструкции.

Хотя сам Маркс этого не сказал, устанавливаемое им различие можно сравнить с различием между гегелевскими «Наукой логики», где обсуждается движение категорий в рамках сознания, и «Феноменологией духа», где Гегель

выстраивает другие, альтернативные концептуальные рамки. В последней он доказывает, что непосредственное знание или достоверность невозможны, поскольку то, что мы постигаем (и далее слова «абстрактный» и «конкретный» используются иначе, нежели в нормальном словоупотреблении, в котором мышление абстрактно, а непосредственное восприятие мира конкретно), является конкретным, будучи опосредствовано мыслительным процессом. Отвергая точку зрения, приписываемую им Гегелю, Маркс фактически отвергает лишь подход, представленный в «Науке логики», но принимает установку «Феноменологии духа».

Согласно Марксу, теория Гегеля – плод этого последнего метода, и действительность в ней рассматривается как произведение мысли. Возможно, Маркс имеет в виду гегелевскую «Науку логики», которая начинается с абстрактного бытия, лишенного всяких качеств, рассматриваемого как ничто и превращающегося в результате рассуждения в ничто. По Марксу, подход, ведущий от абстрактного к конкретному – тот же подход, что Гегель описывает в «Феноменологии...», – и есть тот способ, каким работает сознание. Но это не является процессом, порождающим конкретное. Здесь, как и в ранних работах Маркса, он ожидает от нас заключения, что Гегель виноват в смешении того, что происходит в сознании человека, того, как человек думает, словом – простой мысли, с тем, что происходит в независимом от сознания внешнем мире. Продолжая критиковать Гегеля, Маркс замечает, что ошибочно принимать движение категорий за действительный акт производства. То, что мы знаем (а это – продукт сознания), есть независимо от знания.

Разъяснив отношение категорий к опыту, Маркс рассматривает отношения между категориями. Простые категории появляются как отношения, и категория есть отношение, предполагающее конкретный субстрат. Простая ка-

тегория, такая как деньги, может существовать раньше конкретной категории. Например, простая категория труда является фактически открытием современной политической экономии. Согласно Марксу, Смит сделал огромный шаг вперед, когда определил труд вообще как источник богатства. Труд вообще предполагает существование определенных видов конкретного труда, не сращенных с определенными индивидами. Это простая абстракция, используемая современной политической экономией в качестве отправной точки, по-настоящему реализуется в самых современных существующих формах буржуазного общества. Отсюда следует, что даже самые абстрактные категории являются продуктом исторических условий. Те же самые категории, что позволяют нам понять современное общество, помогают нам также заглянуть в структуру и производственные отношения общества прошлого. По этой причине, как явствует из знаменитого замечания Маркса, «анатомия человека – ключ к анатомии обезьяны» (М 39; G 105; XXVIII, 42; [Соч. 46 (1), 42]). Хотя ошибочно выстраивать категории согласно их историческим ролям, правильно выстраивать их соответственно их отношениям в современном обществе. Из своей критики ранних экономистов и Гегеля Маркс заключает о правоте позднейших экономистов начиная со Смита. Он рекомендует в качестве правильной процедуры начинать с общих категорий, применимых ко всем стадиям общества, а потом уж переходить к специфическим категориям, которые составляет структуру буржуазного общества. В их числе – капитал, заработная плата и земельная собственность, те самые категории, которые он анализирует в начале «Парижских рукописей» и позже.

Здесь, как и повсюду в своих сочинениях, Маркс подчеркивает основополагающую роль экономики для других общественных явлений. Введение заканчивается рядом

кратких, но важных замечаний об искусстве и культуре. Культура вообще¹, включая искусство, литературу, литературную критику и особенно эстетику², – тема, в разработку которой Маркс и его последователи внесли весьма значительный вклад³. Можно было бы ожидать, что Маркс станет обосновывать жесткий параллелизм между экономическим производством и искусством. А он, напротив, говорит о неравном отношении между ними, намечая в общих чертах интересный подход к эстетике, который не был должным образом исследован. Согласно Марксу, нет абсолютно никакой связи между стадией общественного развития и художественным развитием. Конечно, определенные формы искусства можно соотнести с определенными формами общества⁴. Греческое искусство очевидно предполагает греческую мифологию. Трудно понять, отмечает Маркс, почему каноны художественного произведения, связанные с более ранней общественной стадией, все еще задают модель или критерий после того, как мир Древней Греции ушел в прошлое.

Я достаточно подробно рассмотрел введение, поскольку оно содержит ряд мыслей безусловно философского содержания. Учитывая философский фокус нашей книги, мы можем лишь коснуться основных моментов очень сложного политико-экономического анализа. Основной текст «Grundrisse» начинается с краткой главы о деньгах (объемом 115 страниц, что немного по сравнению с этой огром-

---

¹ См., например: *Williams R. The Sociology of Culture*. Chicago: University of Chicago Press, 1981.

² См., например: *Lukács G. Die Eigenart des Ästhetischen*. 2 vols. Berlin: Aufbau-Verlag, 1987.

³ *Dupré L. Marx's Social Critique of Culture*. New Haven, CT: Yale University Press, 1983.

⁴ См. об этом: *Caudwell C. Illusion and Reality: A Study of the Sources of Poetry*. L.: Macmillan and St. Martin's Street, 1937.

ной книгой, которая в переводе составляет 900 страниц), за которой следует гораздо более обширная глава (более 650 страниц) о капитале. Поскольку Маркс рассматривает деньги и капитал в отдельных главах, он очевидно различает их. Если сказать просто, под «деньгами» он имеет в виду в общем меру меновой стоимости товара. Простое определение товара – продукт, который получает применение или имеет потребительную стоимость, но который можно также обменивать, поскольку он имеет меновую стоимость, например в денежном исчислении (N 881-2). Под «капиталом» он понимает, вообще говоря, частное имущество, такое как физические средства производства, или сырье и т. д., а также производственное отношение в конкретное время и в конкретном месте. Однако в обоих случаях он имеет в виду нечто большее; так, о деньгах он говорит, что они – не вещь, ведь золото и серебро – не деньги, хотя деньги есть золото и серебро. Это скорее общественное отношение, или система общественных отношений, между индивидами, которое принимает форму вещи (N 239; XXXVIII, 171).

Глава о деньгах, противоречивая и потому трудная для понимания, была написана раньше главы о капитале, когда Маркс еще не вполне уяснил себе, что он хочет сказать. В письме, написанном в период работы над книгой, Маркс сообщает, что намерен покончить со своими исследованиями, выработать основные положения политической экономии и написать брошюру о тогдашнем экономическом кризисе¹. Глава начинается с критики в адрес Луи Альфреда Даримона (1819–1902), французского политика, писателя и историка, видного сторонника прудонизма, который предложил систему банковской реформы путем ус-

---

¹ Письмо к Энгельсу 18 дек. 1857 г.: MEW. Bd. 29. S. 232; CW. Vol. 40. P. 224–225.

тановления связи денег с рабочим временем. Развертывая сложную аргументацию, Маркс возражает позже, в главе о капитале, что эта точка зрения не нова. Полстолетием раньше ее предложили, например Джон Грэй (1798–1850), английский экономист и социалист-утопист, и Джон Фрэнсис Брэй (1809–1897), еще один английский экономист и последователь Роберта Оуэна (1771–1858), английского теоретика утопического социализма (N 805; XXIX, 186). Более существенное возражение заключается в том, что стоимость товаров как функция рабочего времени, или количества времени, необходимого для производства продукта, отражает не более чем среднюю стоимость рабочего времени (N 137; XXVIII, 75). Будучи абстракцией, эта последняя никогда не соответствует реальному рабочему времени (N 139; XXVIII, 76–77). Следовательно, было бы иллюзией думать, будто упразднением различия между действительной стоимостью и рыночной стоимостью, т. е. через выражение меновой стоимости и цены как функции рабочего времени, в противоположность тому, как рабочее время овеществляется в товаре (N 138; XXVIII, 76), различие между ценой и стоимостью исчезает.

Эти критические замечания основываются на вводимом Марксом в «Grundrisse» различии между трудом и рабочей силой. Рабочий для поддержания собственного существования предлагает не труд, а рабочую силу, овеществляя себя в форме товара, или продукта, обмениваемого на деньги (N 282-283; XXVIII, 212). Иначе говоря, существует различие между трудом и рабочим временем, а последнее есть количественная форма силы или способности производить товары и тем самым капитал (N 359; XXVIII, 284).

Одной из самых интересных сторон осуществляемого Марксом анализа является его мысль, что отношение между деньгами и стоимостью, которое кажется простым обменом, на самом деле скрывает за собой целый ряд обще-

ственных отношений. Уже в начале главы о капитале Маркс подчеркивает, что меновая стоимость, предпосылка производства, предполагает, что индивид существует только как источник меновой стоимости, чем отрицаются его так называемое природное существование, разделение труда, капитал и т. д. (N 248; XXVIII, 179).

Маркс повторяет эту мысль, которая лежит в основании его понимания современного индустриального общества, намеченного в «Парижских рукописях», во многих местах и в различных формах в «Grundrisse». В отрывке о «рабочих деньгах» он показывает, что общая меновая стоимость выражает общественное отношение, через которое каждое лицо осуществляет свою деятельность в общественной связи и взаимозависимости всех индивидов (N 156–157; XXVIII, 94). Через меновую стоимость общественная связь между людьми преобразуется в общественное отношение в форме вещи (N 157; XXVIII, 94). Дело в том, что в обмене продукты превращаются в меновую стоимость, или деньги, поскольку индивиды вступают в общественные отношения, которых не могут контролировать (N 158; XXVIII, 96). Другими словами, человеческое взаимодействие в производственном процессе производит «чуждую силу», стоящую над индивидами и вне их (N 197; XXVIII, 132). Или, если использовать специальные и не столь пугающие термины, всякое производство есть овеществление индивидов (N 226; XXVIII, 158), которые посредством своего труда производят не только меновую стоимость, но и частную собственность, которая распоряжается трудом (N 238; XXVIII, 170).

В главе о деньгах, которая начинается с рассмотрения защиты Даримоном общепрудонистского взгляда на стоимость как функцию рабочего времени, показывается, что меновая стоимость есть видимая часть ряда общественных отношений между индивидами. Эта тема рассматривает-

ся и в главе о капитале, где Маркс пишет об эксплуатации, имеющей результатом производство прибавочной стоимости.

Эта проблема активно обсуждалась в течение некоторого времени. О ней идет речь уже в ранней небольшой работе о Прудоне. Знаменитое утверждение Прудона, что собственность есть кража, в сущности означает, что поскольку труд производит излишек, то, что мы приобретаем, мы крадем, буквально крадем у других людей. Маркс, считавший Прудона просто плохим экономистом, приходит к сходному выводу на основе более отчетливого понимания экономических явлений. Так, он прямо утверждает, что нынешнее богатство, или современный капитал, основывается на краже чужого рабочего времени (N 705; XXIX, 91), или неоплаченного рабочего времени, отбираемого у рабочего. Он обращается к прибавочной стоимости как нерешенной проблеме, центральной для понимания природы и перспектив современного индустриального общества. В частности, он критикует более ранние подходы к этой проблеме у Смита, Рикардо и других физиократов¹, например у Франсуа Кенэ (1694–1774). Рикардо (а Маркс не упускает случая засвидетельствовать свое уважение к нему, считая позднейших экономистов просто глупцами), просто не улавливает, по мнению Маркса, важность дополнительного, или неоплаченного, рабочего времени в процессе производства (N 126; XXVIII, 252).

Каков источник прибавочной стоимости? Он явно не находится в процессе обмена, поскольку обмениваются по большей части равные стоимости. Значит, его следует искать где-то еще, а именно в процессе обращения, в резуль-

---

¹ Физиократы – экономисты XVIII в., которые отстаивали либеральную сельскохозяйственную политику, полагая, что сельское хозяйство является важным источником национального богатства.

тате которого рабочее время превращается в деньги, а потом в товары. В своем ответе Маркс основывается на понимании отношения между капиталистом, или владельцем средств производства, и рабочим как принципиально неравного, в результате чего рабочий получает меньше, чем капиталист. Рассмотрим процесс обмена, в котором рабочий обменивает количество труда на сумму денег, которые в свою очередь обмениваются на эквивалент в товарах, которые потом потребляются. Этот механизм позволяет рабочему выжить и сохранить трудоспособность, но не обогатиться, приводя его фактически к относительному обеднению. Затрачивая свой труд, он создает богатство капиталиста через накопление капитала, отдавая свою силу, «подобно тому как Исав уступил свое первородство за чечевичную похлебку» (N 307; XXVIII, 233; [Соч. 46 (1), 260]).

Отнюдь не являясь филантропом, капиталист нанимает рабочих ради получения прибыли. Когда он вычитает свои затраты, в том числе заработную плату рабочего, из цены, за которую продает товары, должен оставаться доход, или разница, или, точнее, прибавочная стоимость. Говоря на специальном языке, сумма, отдаваемая в качестве заработной платы рабочему, который производит товар, как бы овеществляя свой труд, меньше, чем торговая цена товара. Прибавочный труд предполагает в качестве своего условия, что «труд, овеществленный в цене труда, меньше того живого рабочего времени, которое было куплено с помощью этого овеществленного труда» (N 321; XXVIII, 246; [Соч. 46 (1), 276]). Капиталист должен получить больше, чем отдает (N 321; XXVIII, 247), поскольку прибавочная стоимость есть не что иное, как стоимость сверх эквивалентной стоимости (N 324; XXVIII, 250). Помня об этом, капиталист присваивает, скажем, в овеществленном виде

весь рабочий день, а взамен дает меньше, скажем, половину рабочего дня (N 334; XXVIII, 259).

Природу прибавочной стоимости можно выразить в терминах прибыли. Капитал есть самовоспроизводящая стоимость, которая имеет тенденцию накапливаться и производить все больший капитал благодаря прибыли. Словом, прибавочная стоимость и есть прибыль (N 746; XXIX, 130). Норма прибыли равна норме прибавочной стоимости. То, что называется «реальной прибавочной стоимостью», измеряется «отношением прибавочного труда к необходимому труду» (N 747; XXIX, 131; [Соч. 46 (1), 415]), или неоплаченного труда – к оплаченному труду. Эту мысль можно выразить простым уравнением: прибавочная стоимость равна соотношению прибавочного труда и необходимого труда (N 764; XXIX – фрагмент опущен; G 650). Однако рабочий, который зависит от капиталиста в отношении работы, вынужденно участвует в процессе накопления капитала как условия удовлетворения своих потребностей.

Прибавочная стоимость очевидно связана с отчуждением. Это понятие, столь важное в «Парижских рукописях», присутствует и в позднейших работах Маркса, хотя здесь происходит смещение акцента. Уже в «Немецкой идеологии» акцент делается на отчужденном отношении между людьми и тем, что они производят, в результате чего они будто бы поработаются чуждой им силой (GI 55; V, 48). Идея, что отчуждение человеческой деятельности и продуктов производит стоящую над ними силу, выражается в разных частях «Grundrisse» исходя из более совершенного понимания политической экономии. В отрывке о капитале Маркс замечает, что посредством труда создается капитал, который есть сила, чуждая труду; и чем больше капитала создает труд, тем больше ему противостоит созда-

ваемый им капитал (N 455; XXVIII, 384). В сложном фрагменте об обмене труда он отмечает, что меновая стоимость, или сумма, за которую можно обменять товар, основывается на обмене овеществленного труда, или труда в форме капитала, на живой труд, или рабочую силу одного или более индивидов. Ту же идею можно выразить как «отношение труда к его объективным условиям – а потому и к создаваемой самим трудом объективности – как к чуждой собственности: *отчуждение [Entäusserung] труда*» (N 515; XXVIII, 438; [Соч. 46 (1), 507]). В следующем отрывке в конце главы о капитале Маркс исследует отчуждение условий труда, обусловленное капиталом. В ходе своего развития капитал все больше противостоит живому труду, или индивидам, как реальная чуждая сила, которая не является исторически необходимой: она необходима только для развития производительных сил. Чудовищное неравенство между рабочими и владельцами средств производства, проистекающее из присвоения «капиталом чужого труда» (N 832; XXIX, 210), не есть простая случайность; оно неотъемлемо от производства в современном индустриальном обществе.

В то время когда Маркс работал над «Grundrisse», в 1850-е гг., вследствие продолжавшейся промышленной революции изобреталось и применялось в производстве все больше машин. Маркс рассматривал автоматизацию, называемую им «автоматической системой машин», как форму, которую принял капитал, с тем чтобы способствовать собственному накоплению (N 6924 XXIX, 82). В результате применения машин рабочий подчиняется им как «живой придаток этой системы машин» (N 693; XXIX, 83; [Соч. 46 (2), 204]). Развитие средств труда путем применения машин способствует развитию капитала. Но оно не улучшает, а лишь ухудшает участь рабочего, который тратит меньше времени на производство одного предмета, с тем чтобы

произвести их как можно больше (N 701; XXIX, 87). Ухудшение положения отдельного рабочего происходит не сразу, но с ростом разделения труда в тот момент, когда машины начинают успешно выполнять все больше и больше механических операций (N 704; XXIX, 90).

Можно было бы подумать, что по мере погружения Маркса в экономические сочинения его ранние революционные настроения должны были умолкнуть или даже исчезнуть. Вспомним, что до того, как Маркс обратился собственно к политической экономии в «Парижских рукописях», он уже рассматривал возможность революционного решения реальных человеческих проблем. В знаменитой работе «К критике гегелевской философии права: Введение» он просто «дедуцировал» понятие пролетариата. В «Парижских рукописях», где его понимание политической экономии еще далеко от позднейшего, достигнутого в период работы над «Grundrisse», он уже обратил внимание на внутреннюю неустойчивость современного индустриального общества. Он сказал здесь о вероятности революционного изменения, ведущего к коммунизму, объяснив ее воздействием капитализма на индивидов. И он предположил, что тенденция к снижению заработной платы «неизбежно ведет к революции» (В 119; III, 270; [Соч. 42, 85]). Доказывая, что по экономическим причинам современное индустриальное общество внутренне неустойчиво, он впоследствии подчеркнул, что отношение частной собственности таит в себе противоречие между отсутствием собственности и собственностью, или между трудом и капиталом, побуждающее к его разрешению (В 152; III, 294). Данное утверждение почти дословно повторяется в «Святом семействе» (IV, 36). Этот подход получает дальнейшее развитие в «Немецкой идеологии», где противоречие между производительными силами и общественными отношениями характеризуется как движущая сила истории (G1 89; V, 74).

В «Grundrisse» Маркс формулирует аналогичную мысль, основываясь на предполагаемой связи между тенденцией к снижению нормы прибыли и революцией. Одно из самых ясных рассуждений встречается в конце главы о капитале, где он доказывает, что в определенный момент развитие средств производства наталкивается на ограничение, обусловленное тенденцией к снижению нормы прибыли. Это утверждение основывается на общем анализе капитала, который по определению производит определенную сумму прибавочной стоимости в форме прибыли. Прибавочная стоимость определяется отношением между прибавочным, или неоплаченным, трудом и оплаченным, или необходимым, трудом. С развитием производительных сил, происходящим, например, через все большее применение машин, роль рабочих уменьшается, а норма прибыли на капитал падает. Маркс утверждает, что этот закон, который до сих пор не был понят, является «важнейшим законом современной политической экономии» (N 748; XXIX, 133; [Соч. 46 (2), 262]).

В определенный момент движимое капиталом развитие производительных сил начинает сдерживать дальнейшее накопление или самовозрастание капитала. Другими словами, возникает возрастающее несоответствие между производительным развитием общества и его наличными производственными отношениями. Происходящее в итоге разрушение капитала следует за падением прибыли, ведущим к ряду кризисов, которые будут сдерживаться, а результатом всего этого процесса будет последний кризис, который, поскольку его невозможно будет сдержать, приведет к низвержению капитализма. В знаменитом отрывке, который заслуживает того, чтобы быть процитированным полностью, Маркс пишет: «Поэтому высшее развитие производительной силы наряду с величайшим увеличением существующего богатства будет совпадать с обесценением

капитала, деградацией рабочего и максимальным истощением его жизненных сил. Эти противоречия приводят к взрывам, катаклизмам, кризисам, во время которых, путем внезапного прекращения труда и уничтожения значительной части капитала, последний насильственно сводится к уровню, на котором он может продолжать функционировать. Конечно, эти противоречия приводят к взрывам, кризисам, при которых внезапное прекращение всякого труда и уничтожение значительной части капитала насильственно возвращают его к тому уровню, на котором он в состоянии ... полностью применять свои производительные силы, не совершая самоубийства. Но эти регулярно происходящие катастрофы приводят к повторению их в большем масштабе, а в конечном счете – к насильственному свержению капитала» (N 750; XXIX, 134; G 636; [Соч. 46 (2), 264]).

Рассмотрим точку зрения Маркса (в «Grundrisse») на перспективы индивидуальных человеческих существ в посткапиталистическом мире. Хотя коммунизм упоминается здесь лишь в связи с другими темами, Маркс полагает, как и в ранних сочинениях, что коммунизм – жизнеспособная будущая альтернатива капитализму, или нынешней форме современного индустриального общества. Он предвидит, что при коммунизме развитие индивидов уже не будет определяться или, по крайней мере, жестко обуславливаться тенденцией капитализма к накоплению богатства. Как это отразится на индивиде – у Маркса так и остается неясным. Вспомним, что в «Парижских рукописях» он несколько романтически уповает на появление после упразднения капитализма нового человечества. В знаменитом фрагменте «Немецкой идеологии», где воображается возможность жизни в будущем обществе, когда не будет разделения труда, той самой практики, которая при капитализме обычно привязывает каждого человека к определенному, ис-

ключительному кругу деятельности, Маркс пишет: «он – охотник, рыбак или пастух, или же критический критик и должен оставаться таковым, если не хочет лишиться средств к жизни, – тогда как в коммунистическом обществе, где никто не ограничен исключительным кругом деятельности, а каждый может совершенствоваться в любой отрасли, общество регулирует все производство и именно поэтому создает для меня возможность делать сегодня одно, а завтра – другое, утром охотиться, после полудня ловить рыбу, вечером заниматься скотоводством, после ужина предаваться критике, – как моей душе угодно, – не делая меня, в силу этого, охотником, рыбаком, пастухом или критиком» (GI 53; V, 47; [Соч. 3, 32]).

В «Grundrisse» различие между рабочим, подчиненным капиталу в современном индустриальном обществе, и рабочим, сбросившим экономическое ярмо при коммунизме, не покидает сознания Маркса. Но он, видимо, не нашел окончательного решения проблемы. Здесь он возвращается, «поверх» «Немецкой идеологии», к более ранним «Парижским рукописям», подчеркивая разностороннее развитие всех человеческих способностей. Это понимается как плодотворная альтернатива господствующей экономической системе, которая заинтересована в индивидах лишь постольку, поскольку их развитие экономически полезно. В ходе обсуждения природы богатства он спрашивает, может ли богатство индивида заключаться в чем-то ином, нежели «выявление творческих дарований» (N 488; XXVIII, 411–412; [Соч. 46 (1), 476]), если судить на основании всего того, чему научила нас предшествующая история, – в противоположность узкому пожертвованию индивидом ради исключительно экономических целей в современном индустриальном мире. В другом месте Маркс подчеркивает, что осуществление этой возможности зависит от предшествующего развития средств производства, поскольку

коммунизм может наступить не до, а лишь после капитализма (N 452; XXVIII, 455–456). В отрывке о конкуренции он отмечает, что при капитализме свободное развитие по определению ограничивается тем, что полезно для капитала (N 652; CW XXIX, 40). А в отрывке о применении машин он пишет, что ограничение рабочего времени обеспечивает развитие индивидуальности, «чему в этих условиях соответствует художественное, научное и т. п. развитие индивидов благодаря высвободившемуся для всех времени и созданным для этого средствам» (N 706; XXIX, 91; [Соч. 46 (2), 214]). Он вновь формулирует эту точку зрения в пассаже о свободном времени, подчеркивая роль капитала в создании необходимых предпосылок для развития людей вне процесса производства. Конечно, это не является целью капитализма, который тем не менее помимо своей воли выступает «как орудие создания условий для общественного свободного времени, для сведения рабочего времени всего общества к все сокращающемуся минимуму и тем самым – для высвобождения всех [членов общества] для их собственного развития» (N 708; XXVIII, 94; [Соч. 46 (2), 217]).

Завершим обсуждение «Grundrisse» кратким замечанием о Гегеле. В более ранних сочинениях Маркс часто комментировал различные аспекты философии Гегеля. Однако в этой огромной работе имя Гегеля встречается редко. В книге едва ли найдется полдюжины прямых ссылок на Гегеля. Дважды он упоминается при обсуждении метода политической экономии в третьей части введения. Один раз Маркс упоминает Гегеля в утверждении, которое примерно в той же форме делается и в более ранних сочинениях, – что Гегель принимает мысль за действительность (N 101; XXVIII, 38). Кроме того, Маркс отмечает (в отрывке об отношении простых категорий к более конкретным), что для Гегеля право, или частная собственность, является основанием философии права (N 102; XXVIII, 39). Еще

в одном отрывке (о стоимости в главе о деньгах) Маркс пренебрежительно замечает, что рыночная стоимость отличается от действительной стоимости постоянными колебаниями, но, «как сказал бы Гегель, не через абстрактное тождество» (N 137; XXXVIII, 75; [Соч. 46 (1), 78]). Далее в этой же главе в пассаже о драгоценных металлах он пишет, что «как сказал бы Гегель, благородные металлы лучше, чем другие, реализуют *металл* как таковой» (N 174; XXVIII, 110; [Соч. 46 (1), 118]). Далее, в главе о капитале, говоря об Адаме Смите, он указывает мимоходом на отношение человеческой деятельности к природе в процессе производства и добавляет: «как правильно об этом сказал Гегель» (N 734; XXIX, 119; [Соч. 46 (2), 247]).

Если основываться только на этих кратких отсылках, то есть основания заключить, что во время работы над «Grundrisse» Маркса больше не интересовал или мало интересовал его знаменитый предшественник, на которого он ссылается между прочим, наравне со многими другими авторами. Кто-то может подумать, что поскольку Маркс, философ по образованию, хорошо знал философию Гегеля, тот факт, что последний иногда приходил ему на ум, когда он работал над «Grundrisse», является источником этих редких упоминаний в книге. Такой вывод был бы ошибочным.

Достаточно очевидно, что даже во введении интерес Маркса к Гегелю выходит за рамки вежливой ссылки на знаменитого философа. Вспомним, что при обсуждении правильного метода, где Маркс сопоставляет подходы предшествующей и современной политической экономии, т. е. расходящиеся в том, с чего следует начинать – с воображаемого конкретного, которое потом может быть аналитически разложено на простые идеи, или с простых идей, на основании которых потом можно строить более сложные, он отдает предпочтение последнему подходу. Приве-

дем рассуждение Маркса, которое в точности соответствует гегелевской точке зрения на конкретное как на обусловленное: «Конкретное потому конкретно, что оно есть синтез многих определений, следовательно единство многообразного. В мышлении оно поэтому выступает как процесс синтеза, как результат, а не как исходный пункт, хотя оно представляет собой действительный исходный пункт и, вследствие этого, также исходный пункт созерцания и представления» (N 101; XXVIII, 38; [Соч. 46 (1), 37]).

Не следует упускать из внимания тот факт, что Маркс здесь критикует Гегеля также за будто бы допускаемое им сращивание философской мысли с миром. Давайте отложим оценку обоснованности этой критики до тех пор, когда мы снова вернемся к отношению Маркса к Гегелю. Здесь же скажем, что хотя Маркс и критикует великого предшественника, он остается в большом долгу перед Гегелем, который помог ему достичь понимания надлежащего подхода к политической экономии. Эту мысль можно сформулировать более строго, если выразить отношение Маркса к Гегелю в более общей форме: Маркс не ограничился детальной критикой позиции Гегеля, он критически воспринял философию Гегеля, которая определяет основные элементы его собственной позиции. Главная идея, в которой Гегель отличается от предшествующих философов и которую Маркс воспринимает, когда критикует буржуазную политическую экономию, заключается в том, что мир, в котором мы живем, является не статическим, а историческим. Марксова критика политико-экономов вроде Адама Смита и Давида Рикардо определяется усвоением и развитием им гегелевской мысли, что экономические отношения – не неподвижные категории, но исторически меняющиеся отношения. Несмотря на несогласие с различными аспектами гегелевских теорий, в некоем глубинном

смысле Маркс остается гегельянцем даже в «Grundrisse», где он обращается к Гегелю лишь от случая к случаю.

Утверждение о влиянии Гегеля на Маркса в том, что касается правильного понимания метода, можно дополнить аналогичным утверждением о Марксовой теории современного индустриального общества. Историческая перспектива, отрицающая статичность или неизменность мира, в котором мы живем, требует объяснения изменения. Гегель постоянно помнит о важности действительной противоположности, на его специальном языке называемой противоречием (от нем. *Widerspruch* – противоречие), которая порождает общественное изменение. Например, в пассаже о нравственности, или абстрактных концепциях должного и недолжного, в «Философии права» он замечает, что эта точка зрения устанавливается через развитие ее внутренних напряженностей, или противоречий¹. Маркс хочет понять капитализм как исторический этап в диалектическом развитии общества и применяет этот подход к экономическим явлениям. Его главное положение начиная уже с «Парижских рукописей», детально развитое в «Grundrisse», заключается, говоря приблизительно, в том, что разделение современного индустриального общества на два основных класса по отношению к частной собственности со временем приведет к упразднению капитализма и замене его коммунизмом.

---

1. Гегель, Философия права, § 112. В оригинале: "Die Forderung der Gerechtigkeit ist die Forderung der Aufhebung der Ungleichheit der Verhältnisse. Die Forderung der Gerechtigkeit ist die Forderung der Aufhebung der Ungleichheit der Verhältnisse. Die Forderung der Gerechtigkeit ist die Forderung der Aufhebung der Ungleichheit der Verhältnisse." (Hegel, Philosophy of Right, § 112).

¹ Hegel G. W. F. Hegel's Philosophy of Right / Trans. with notes by T. M. Knox. L.: Oxford University Press, 1967. P. 77–78. (§ 112).

...и ...

4.

Зрелые экономические сочинения Маркса

Я перехожу теперь к тому, что за неимением более подходящего термина назову зрелыми экономическими сочинениями Маркса. Конечно, если этот термин вообще имеет смысл, он должен включать в себя и «Grundrisse» и, возможно, книгу о Прудоне, поскольку первая из этих книг (если и не вторая) есть уже произведение зрелого автора, полностью овладевшего важнейшими экономическими теориями своего времени и создавшего в основных чертах собственную модель современного индустриального общества. Безусловно, к тому времени, когда Маркс работал над «Grundrisse», его проект приобрел очень твердую, детальную форму в его уме, пусть даже он продолжал разрабатывать его, предпринимая дополнительные исследования. Однако проект, который Маркс полностью продумал в ходе работы над «Grundrisse», принял окончательную форму в работе «К критике политической экономии». Впоследствии Маркс лишь снова сформулировал и развил его далее в «Капитале». В «К критике...», как и впоследствии в «Капитале», он начинает анализ с теории товаров. Имея это в виду и помня, что в его теоретическом развитии не было резких разрывов или прерывности, все же имеет смысл рассматривать работы «К критике политической экономии»

и «Капитал» как принадлежащие к отдельной части корпуса сочинений Маркса – к зрелым экономическим произведениям.

Будет полезно предварительно предупредить о порядке, которого мы будем придерживаться в этой главе. «К критике политической экономии» – работа, важная по двум причинам: из-за знаменитого предисловия к ней, которое часто рассматривается как единственное и самое полезное изложение зрелой позиции Маркса; и из-за того, что здесь Маркс по-новому центрировал свою модель современного индустриального общества вокруг понятия товара, и в таком виде он еще раз подробно изложил ее в «Капитале». Возникает некоторое сомнение в связи с тем, какую из этих двух работ следует выбрать для рассмотрения, и мы предпочтем «Капитал», который содержит более позднее, более развитое, ясное и определенное разъяснение точки зрения Маркса на товары. Для того чтобы избежать повторений, при рассмотрении «К критике политической экономии» я ограничусь главным образом предисловием, а потом перейду к «Капиталу».

«К критике политической экономии»
предисловие к 1-му тому
1859 г.

Предисловие
к «К критике политической экономии»

В феврале 1858 г. Маркс начинает подводить итоги в записных книжках, которые составили «Grundrisse», но так и не были изданы при его жизни. Его работе над задуманной книгой («К критике политической экономии») мешали неизменно тяжелая денежная ситуация, которая вынуждала его искать временных приработков для обеспечения семьи, постоянно жившей в самых стесненных обстоятельствах, и его заболевание гепатитом. Маркс поддерживал контакты с Лассалем, который только что опуб-

ликовал книгу о Гераклите и способствовал тому, чтобы Маркс выпустил свое экономическое исследование у того же берлинского издателя – Франца Дункера. Маркс работал над текстом в августе 1858 г. – январе 1859 г. Хотя он послал книгу издателю 26 января 1859 г., публикация была отсрочена на несколько месяцев, поскольку в печати находился памфлет Энгельса о военной стратегии, «По и Рейн» (Po und Rhein), где доказывается уязвимость естественных границ с военной точки зрения, и еще один памфлет на ту же тему – «Итальянская война и прусская задача» (Der italienische Krieg und die Aufgabe Preussens) Лассаля. Книга Маркса была опубликована в конечном счете в июне 1859 г.

Она совершенно непохожа на «Grundrisse» – настолько, насколько только могут быть непохожи две работы одного автора. Маркс никогда не отличался лаконичностью. По сравнению со многими другими его произведениями, такими как «Grundrisse» и «Капитал», «К критике политической экономии» – поразительно короткая работа, состоящая всего из 150 страниц. Это показывает, что при желании (редко возникавшем) Маркс был вполне способен вместить свою мысль в удобоваримые рамки. Подобно «Grundrisse», эта книга состоит из введения и двух глав о капитале и деньгах, расположенных здесь в обратном порядке. Подзаголовок главы о капитале свидетельствует о том, что эта книга – лишь первая из шести, которые первоначально планировались. В октябре 1859 г., получив от Лассаля вопрос о том, насколько он продвинулся к завершению работы, Маркс начал писать следующий том. В январе и феврале 1860 г. он продолжал работать над книгой. В январском письме 1860 г. он пишет Лассалю, что тому не следует дожидаться окончания работы, и поясняет, что должен написать для завершения сочинения по политической экономии еще пять книг¹. В письме к Энгельсу 3 фев-

---

¹ Письмо Маркса к Ф. Лассалю 30 янв. 1860 г.: MEW. Bd. 30. S. 439; CW. Vol. 41. P. 12.

раля 1860 г. он предполагает, что следующий том будет готов через шесть недель¹. Но последующие части этой работы так никогда и не были опубликованы, если не считать таковыми «Капитал». Ведь предисловие к первому немецкому изданию «Капитала» начинается с утверждения, что он представляет собой продолжение книги «К критике политической экономии», подготовительные исследования для которой были прерваны длительной болезнью автора.

Предисловие Маркса к работе «К критике политической экономии», представляющее собой образец краткости, наряду с «Манифестом коммунистической партии» и «Тезисами о Фейербахе», относится к самым знаменитым текстам из всего корпуса его работ. Здесь он вплотную подходит к разъяснению основных сторон своей общей теории, предлагает полезное разъяснение ее философских аспектов. Учитывая важность этого небольшого сочинения, полезно будет рассмотреть его «близко к тексту», прибегая даже к построчному изложению.

Маркс начинает с заявления, что здесь он рассматривает «систему буржуазной экономики в следующем порядке: капитал, земельная собственность, наемный труд, государство, внешняя торговля, мировой рынок» (XXIX, 261; [Соч. 13, 5]), т. е. тот же набор тем, который уже исследовался в «Grundrisse». Слова Маркса, что он уже завершил ряд монографий, содержащих рассмотрение этих тем, вводят в заблуждение. Монографии не были готовы, когда вышла в свет книга, и хотя Маркс проделал огромную исследовательскую работу, они так никогда и не были закончены.

Замечание о неопубликовании общего введения, которое было вчерне написано, может подразумевать только

---

¹ Письмо Маркса к Энгельсу 3 февр. 1860 г.: MEW. Bd. 30. S. 23; CW. Vol. 41. P. 23.

введение к «Grundrisse». Предупреждение, что читателю нужно будет «восходить от частного к общему» (XXIX, 261; [Соч. 13, 5]), в точности воспроизводит его методологические положения в более раннем введении, согласно которым при правильном подходе следует идти от простых категорий, таких как труд, разделение труда и т. д., к более конкретным категориям, таким как население.

Маркс здесь кратко высказывает мысль, которую развивал начиная с самой ранней критики Гегеля, а именно что экономика в некоем неопределенном смысле первична относительно всех других общественных явлений, которые соответственно нужно понимать в экономических терминах. Правовые отношения и формы государства не могут быть поняты ни из них самих, ни из так называемого «общего развития человеческого духа» (здесь очевидна отсылка к Гегелю), но лишь с учетом того, что они коренятся в «материальных жизненных отношениях» (*materielle Lebensverhältnisse*). Именно это Маркс вслед за Гегелем и французскими и английскими мыслителями XVIII ст. называет гражданским обществом.

Это отношение принято называть отношением надстройки к базису. В таком случае мысль Маркса равноценна утверждению, что надстройка, включая правовые отношения и формы государства, основывается на экономическом базисе, или материальных условиях вообще, и только из них и может быть понята. Маркс суммирует эту мысль в известном выражении, что «анатомию гражданского общества следует искать в политической экономии» (CW XXIX, 262; [Соч. 13, 6]). Мы должны понимать, что употребление Гегелем всеохватывающего термина «гражданское общество» для обозначения «материальных жизненных условий» включает не только политическую экономию, но и другие вещи. Вспомним, что в «Философии права» Гегель подводит под соответствующую рубрику не

только систему потребностей, где он рассматривает некоторые основные понятия политической экономии, но также разделы об отправлении правосудия и полиции. Так что, если обобщить, Маркс имеет в виду, что экономика является главным фактором для понимания современного индустриального общества – и эта позиция знакома нам по современному выражению «Это экономика, тупица».

В одном сложном предложении Маркс описывает здесь принцип, выяснившийся из его исследований философии Гегеля и последующего изучения политической экономии, – принцип, которым, по его утверждению, он руководствовался в своих исследованиях с самого начала, с «Парижских рукописей», и до настоящей работы. В предшествующих сочинениях например в трактовке отчуждения в «Парижских рукописях» и в характеристике обмена в «Grundrisse», Маркс подчеркивал, что ради удовлетворения своих потребностей в современном индустриальном обществе индивиды вступают в процесс, который они не контролируют. Маркс еще раз формулирует ту же мысль в более точных, более информативных словах. Следуя Гегелю, привлекая внимание к отношению между человеческими потребностями и политической экономией, он отмечает три дополнительных аспекта. Во-первых, поскольку экономический процесс не подлежит контролю индивида, последний вынужден отдаваться его течению для удовлетворения своих основных потребностей. Во-вторых, экономические отношения носят не неопределенный, а определенный характер, т. е. принадлежат к тому или иному конкретному типу. В-третьих, конкретный способ, каким отдельный индивид относится к экономическому процессу, т. е. случайная форма, какую принимает это отношение, не является неизменной, но зависит от стадии экономического развития. В важном фрагменте Маркс пишет: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в опре-

деленные, необходимые, от их воли не зависящие отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил» (XXIX, 263; [Соч. 13, 6]).

Как и Гегель, Маркс убежден, что люди удовлетворяют свои потребности посредством экономической деятельности в гражданском обществе. Поскольку продолжающаяся жизнь конкретного человека гораздо важнее всего остального и поскольку продолжение жизни зависит от экономической деятельности, в высшей степени правильно утверждать, что вообще все, что мы делаем, в некотором определенном пока смысле зависит от нашей экономической деятельности. Маркс формулирует эту мысль. Вместо термина «гражданское общество», который у Гегеля обозначает совокупность материальных жизненных условий, Маркс говорит о совокупности производственных отношений. «Совокупность этих производственных отношений [*Die Gesamtheit dieser Produktionsverhältnisse*] составляет экономическую структуру общества, реальный базис [*die reale Basis*], на котором возвышается юридическая и политическая надстройка [*Überbau*] и которому соответствуют определенные формы общественного сознания» (XXIX, 263; [Соч. 13, 6–7]).

Это положение устанавливает порядок первенства между экономической структурой общества (базисом) и всем остальным (надстройкой). Поскольку экономический базис не является неподвижным, поскольку он исторически изменчив, образ жизни человека зависит (или же является функцией) от конкретного способа, каким действительные индивиды удовлетворяют свои потребности. Не случайно, например, рабочие автомобильного завода склонны к определенному образу мысли. То, как они мыслят, определяется тем фактом, что они работают на конкретном производстве в конкретный момент развития современного ин-

дустриального общества. Маркс не приводит здесь конкретных примеров, он высказывает более общую мысль, что надстройка обусловлена экономическим базисом: «Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще» (XXIX, 263; [Соч. 13, 7]).

Модель отношения надстройки и базиса, которую Маркс описывает в рассматриваемой работе, в его прежних сочинениях не была сформулирована таким образом. Однако она подспудно присутствует в «Немецкой идеологии», где утверждается, что сознание определяется жизнью, а значит материальными условиями. Здесь он бьется над тем, чтобы доказать, что сознание определяется жизнью, а не наоборот. Этот тезис было бы невозможно обосновать, если бы имелось в виду, что при любых обстоятельствах сознание определяется жизнью. Но он представляется здравым, если понимать его в том смысле, что сознание определяется жизнью по большей части или изначально, т. е. до рефлексии. Маркс здесь буквально повторяет мысль, высказанную в «Немецкой идеологии»: «Сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» (XXIX, 263; [Соч. 13, 7]).

До сих пор Маркс сформулировал три момента. Во-первых, производственные отношения не зависят от индивидов. Во-вторых, экономический базис «определяет» надстройку. В-третьих, сознание является функцией от экономического базиса. Вместе взятые эти три тезиса обозначают рамки в высшей степени плодотворного понимания людей не только как общественных, но прежде всего как экономических существ. Взамен понимания индивидов как обусловливаемых, скажем, разумной речью или же как сотворенных по образу Божьему Маркс предлагает отчетливо гегельянское понимание человека как *homo economicus*,

в котором побуждение к удовлетворению собственных потребностей определяет то, что он делает, и то, как его надо понимать.

Поскольку второй момент приводит в замешательство, уместно, пожалуй, остановиться на нем особо. Остается неясным, как следует понимать «определение» надстройки базисом. Является ли это отношение однонаправленным? Имеет ли место обратное влияние надстройки на базис? Маркс не разъясняет этого. Видимо, есть основания утверждать, что наши мысли о мире и о нас самих по крайней мере частично формируются экономическими силами. Видимо, есть основания утверждать также, что, узнавая о таких силах, мы можем вмешиваться в их действие различными способами, например путем изменения правил функционирования экономики и т. д. В таком случае можно говорить о модели взаимодействия, в которой базис определяет надстройку, которая в свою очередь определяется базисом.

Остается неясным, что Маркс подразумевает под утверждением, что базис определяет надстройку. В знаменитом письме, написанном после смерти Маркса, Энгельс предполагает модель взаимодействия, но в то же время продолжает настаивать, что экономические факторы в конечном счете являются решающими. «Согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом *в конечном счете* является производство и воспроизводство действительной жизни»¹. Энгельс явно полагает, что не следует переоценивать экономику, поскольку не все можно объяснить экономическими факторами. Однако что же собственно утверждается? Можно ли в конкретной ситуации считать экономику глав-

---

¹ Письмо к Й. Блоху 21 сент. 1890 г.: MEW Bd. 37. S. 465. [Соч. М., 1965. Т. 37. С. 394. – Перев.]

ным объяснительным фактором? Или же всякая ситуация требует особого анализа, в котором экономика не имеет постоянной роли?

Современное индустриальное общество обусловливается капитализмом, который, как далее объясняет Маркс, является неустойчивым. В предшествующих работах Маркс доказывал, что нестабильность капитализма объясняется как его воздействием на индивидов, так и его собственными внутренними противоречиями. Избегая выбора между конкретными моделями, Маркс высказывает здесь более общую, квазигегелевскую мысль, что современное индустриальное общество таит в себе противоречия, которые в определенный момент уже не могут сдерживаться и приводят к его ниспровержению. Возвращаясь к формуле «Немецкой идеологии», он усматривает дестабилизирующий фактор капитализма в несовместимости или, одним словом, в противоречии между тенденцией к развитию производительных сил и способом организации производственных отношений. «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались» (XXIX, 263; [Соч. 13, 7]).

Аргументы, стоящие за этим утверждением, были изложены в «Grundrisse» в форме закона падения нормы прибыли. Та самая экономическая система, которая развивает средства производства, в определенный момент утрачивает жизнеспособность. Падение нормы прибыли приводит к циклу экономических кризисов, а также к дальнейшему отчуждению рабочего, с тем чтобы повысить норму прибыли путем увеличения прибыли на капитал, и т. д. Капитализм определяется накоплением капитала, и когда оно

уже невозможно или невозможно в достаточной степени, тогда частная собственность на средства производства, которая сделала возможным экономический рост, становится помехой. «Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы» (XXIX, 263; [Соч. 13, 7]).

Когда это происходит, капитализм, существование которого зависит от дальнейшего накопления капитала, утрачивает стабильность. В результате происходят кризисы, которые Маркс предвидел в «Grundrisse». Здесь он повторяет это утверждение в других словах: «Тогда наступает эпоха социальной революции» (XXIX, 263; [Соч. 13, 7]). Исходная посылка этого утверждения является двойственной. С одной стороны, капитализм остается стабильным до тех пор, пока происходит накопление капитала. С другой стороны, когда по неотъемлемым от капитализма обстоятельствам норма прибыли, а значит накопление капитала снижается, сама либеральная экономическая система должна уступить место другой экономической системе.

Это утверждение релевантно и для отношения надстройки к экономическому базису. Поскольку политическая экономия имеет основополагающее значение для общественной жизни, общества, организованные по разным экономическим правилам, будут иметь различные надстройки, включая разные типы правовых кодексов, разные типы правления, пожалуй, даже различные формы литературы и философии. Словом, поскольку весь спектр неэкономических явлений, существующих в данном обществе, в конечном счете зависит от его экономического базиса, изменить его экономическую структуру – значит вызвать изменение в его надстройке. «С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке» (XXIX, 263; [Соч. 13, 7]).

Модель базиса и надстройки, с которой Маркс здесь работает, предполагает дальнейшее различие между тремя уровнями: экономического базиса, не экономической надстройки и осознания окружающего общественного мира, включая и надстройку, и базис. Кроме того, имеется различие между изменениями на этих трех уровнях. Возвращаясь к точке зрения «Немецкой идеологии», Маркс трактует сознание как идеологию, что оправданно в том и только том случае, если он имеет в виду первоначальную, нерелективную форму сознания. Иначе эта теория была бы просто непоследовательной. Изменения в экономическом базисе порождают соответствующие изменения в надстройке, на том уровне, на котором индивиды осознают и борются друг с другом за глубокое экономическое преобразование. Напротив, такие области, как право, политика, религия, искусство и философия, что бы ни думали действующие в них лица, не являются автономными, но зависят от ранее сложившихся экономических условий. Всякое изменение экономического базиса поведет к борьбе внутри неэкономической надстройки. «При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественнонаучной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче – от идеологических форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение» (XXIX, 263; [Соч. 13, 7]).

Поскольку господствующая точка зрения на экономическое изменение является идеологической, а значит ложной, необходимо рассмотреть, как следует оценить наше самосознание. Правильный подход заключается в разъяснении явления в терминах более глубокой действительности. Подобно психологу-фрейдисту, который разъясняет очевидные психические явления через глубинно укоренен-

ные, но скрытые психические конфликты, Маркс разъясняет наше осознание самих себя через экономические отношения, которые мы в основном не осознаем. Разница в том, что приверженец глубинной психологии пытается объяснить индивидуальные неврозы, тогда как Маркс намерен объяснить наше понимание развития общества. Поскольку экономические изменения можно изучать научно, характерную для капитализма экономическую борьбу можно объяснить с помощью научного подхода, который заменяет все то, что могут думать о ней индивидуумы. Другими словами, того типа научная теория, что создается в книге Маркса, мыслится как подлинное разъяснение экономического базиса современного индустриального общества, разъяснение, которое срывает покров иллюзии, сотканный вокруг него идеологией, или ложным сознанием. «Как об отдельном человеке нельзя судить на основании того, что сам он о себе думает, точно так же нельзя судить о подобной эпохе переворота по ее сознанию. Наоборот, это сознание надо объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями» (XXIX, 263; [Соч. 13, 7]).

В «Grundrisse», где Маркс утверждал, что в данный момент производительные силы являются препятствием для капитала, он, вероятно, имел в виду, что снижение нормы прибыли поведет к ряду экономических кризисов, которые через неопределенное время будет невозможно сдерживать. Развитие производительных сил очевидно обусловливается производственными отношениями. Различные общественные формации в этом отношении имеют разный потенциал. И точно так же очевидно, что новые производственные отношения не могут возникнуть и, следовательно, не возникают до того, как появились условия для их возникновения. Мысль о возможности перескочить через

некую конкретную ступень, для которой не созрели материальные условия, нереалистична. Маркс уточняет это двоякое утверждение, связывая развитие сил, возможное в данной общественной формации, с появлением новой формации в явно романтическом утверждении о степени, до которой такие силы могут развиваться: «Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества» (XXIX, 263; [Соч. 13, 7]).

Короче говоря, каждая общественная стадия вырабатывает условия для последующей стадии, которая окончательно осуществляется только тогда, когда первая переживает полный цикл развития, осуществив в действительности все те силы, которые предполагают ее существование. Это ведет к заключению, которое, хотя и кажется наивным, прямо вытекает из данной аргументации. Это заключение основывается на установлении равенства между задачами, какие будто бы ставит перед собой человечество, и дальнейшим развитием производительным сил. Соответственно своему объяснению всех неэкономических явлений, одним словом – всей надстройки, с помощью экономической модели, Маркс просто допускает без всяких аргументов, что все человеческие цели могут быть представлены в экономических терминах. Едва ли это так, поскольку, как он впоследствии подчеркивает в «Капитале», действительные человеческие цели находятся вне ограничивающих рамок капитализма. Поскольку, по мнению Маркса, последующая общественная стадия развертывается только тогда, когда осуществились ее материальные условия, то нет человеческой задачи, которую люди не могут решить. «Поэтому человечество ставит себе всегда только

такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо, или, по крайней мере, находятся в процессе становления» (XXIX, 263; [Соч. 13, 7]).

Вполне справедливо. Но важно ясно понять, что собственно утверждает Маркс. Его точка зрения распространяется в лучшем случае на развитие современного индустриального общества. Он безусловно не утверждает, скажем, что доказательство последней теоремы Ферма обязательно будет найдено. Хотя математики, вдохновленные великим французским математиком Пьером Ферма (1601–1665), пытались сформулировать это доказательство на протяжении нескольких столетий, в позиции Маркса нет ничего, что внушало бы оптимизм или пессимизм на сей счет. Его оптимизм относится лишь к дальнейшему развитию производительных сил, для которого он не видит границы, научной или какой-либо другой, за исключением производства материальных условий этого развития.

Общее утверждение Маркса безусловно является весьма смутным. Экономическая формация есть не что иное, как форма собственности, которая появляется одновременно с разделением труда. В «Немецкой идеологии» было выявлено пять форм собственности (см. GI 43 ff.; см. V 32 ff.): племенная собственность (*Stammeigentum*, от немецкого *Stamm*, обозначающего приблизительно «общину людей, произошедших от общего предка», и *Eigentum*, обозначающего «собственность»); античная городская и государственная собственность, когда несколько племен объединились в городе, но рабство сохраняется; феодальная или сословная собственность, обнаруживающая антагонизм между городом и деревней; затем капитализм, который определяется частной собственностью или частным владени-

ем средствами производства; и наконец коммунизм, который будет характеризоваться упразднением частной собственности.

В рассматриваемой работе Маркс детализирует картину, различая четыре формы производства, а также косвенно – пятую форму, коммунистическую. «В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить как прогрессивные эпохи экономической общественной формации» (XXIX, 263; [Соч. 13, 7]). В этом новом списке периодов экономического развития племенная собственность, предшествовавшая образованию античных городов, исчезла и появился азиатский способ производства.

В контексте предисловия этот последний термин понимается в отрицательном смысле как указывающий на неуспешность перехода к современной индустриальной экономике. Марксова точка зрения на азиатский способ производства имела источником ряд газетных статей (1853 г.) об Азии, которые были написаны под влиянием трех лиц: Джеймса Милля (1773–1836) – английского экономиста, философа и историка, автора «Истории Британской Индии» (1821); Франсуа Бернье (1620–1688), французского путешественника и врача, который написал книгу под заглавием «Путешествия, включая описание государств Великого Могола» («Voyages contenant la description des états du Grand Mogol», 1670); и Ричарда Джонса, опубликовавшего «Очерк о распределении богатства и источниках налогообложения» (1831). Чтобы свести концы с концами в 1851–1862 гг. Маркс (иногда в соавторстве с Энгельсом) писал статьи для «New York Daily Tribune». Маркс неизменно полагал, что частная собственность необходима для развития средств производства, и утверждал, что ее отсутствие в Азии было главным источником азиатского экономического застоя. В «Немецкой идеологии» под-

черкивается противоположность между городом и деревней, которая вытекает из отношения частной собственности и вызывает переход к современному индустриальному обществу (GI 69; V 64; [Соч. 3, 50–51]). В «Grundrisse» (хотя термин «азиатский способ производства» там отсутствует) Маркс доказывал, что на Востоке частная собственность заменяется простым владением, поскольку «действительный... собственник – это община» (N 484; XXVIII, 408; [Соч. 46 (1), 471]). Восточный город зависел от сельского хозяйства и деревни вообще. Поскольку частная собственность – условие отделения города от деревни – отсутствует, азиатская история обнаруживает «нерасчлененное единство города и деревни» (N 479; XXVIII, 406; [Соч. 46 (1), 470]).

Настоящий, или буржуазный, способ производства является новейшей, но лишь переходной фазой в развитии способов производства. Он представляет собой последнюю форму производства, основывающуюся на частной собственности, которая будет упразднена, что станет условием перехода к коммунизму. Все формы частной собственности противодействуют полному развитию человеческих индивидов, как показано, например, в «Grundrisse». Как последний способ производства перед исчезновением частной собственности буржуазное производство – последний антагонистический способ производства – создает материальные условия для собственного упразднения и перехода к способу производства, не связанному с частной собственностью. «Буржуазные производственные отношения являются последней антагонистической формой общественного процесса производства, антагонистической не в смысле индивидуального антагонизма, а в смысле антагонизма, вырастающего из общественных условий жизни индивидуумов; но развивающиеся в недрах буржуазного общества производительные силы создают вместе с тем

материальные условия для разрешения этого антагонизма» (XXIX, 263–264; [Соч. 13, 7–8]).

С точки зрения долговременного развития экономический процесс можно разделить на два главных периода соответственно формам производства, существующим до и после исчезновения частной собственности. Вообще говоря, долгая эволюция в форме смены античного, затем феодального и теперь буржуазного способов производства представляет средства для развития материальных условий коммунизма как образа жизни, который в принципе сделает возможным частная собственность благодаря ее исчезновению. Частная собственность является не случайной, а необходимой стадией, которая может завершиться лишь тогда, когда в результате развития производительных сил складываются действительные условия для ее вытеснения. Развитие человеческих существ обуславливается экономическим развитием производительных сил, которое в свою очередь определяется институтом частной собственности. Последняя проходит через различные стадии форм производства, прежде чем будто бы достигнет стадии, когда не будет частной собственности. Поскольку производство в период, когда оно основывается на частной собственности, противодействует полному развитию человеческих индивидуумов, этот период принадлежит к человеческой предыстории, которая соответственно заканчивается с исчезновением частной собственности. Мы должны заключить, что действительная человеческая история начинается после исчезновения отношения частной собственности: «Поэтому буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества» (XXIX, 264; [Соч. 13, 8]).

Я уделил этому предисловию столь пристальное внимание, поскольку широко распространено мнение, что оно содержит изложение основ позднейших, зрелых взглядов

Маркса. В оставшейся части предисловия Маркс говорит о сотрудничестве с Энгельсом, о своих предыдущих сочинениях, занятиях в Британском музее и о своей работе в качестве журналиста. Здесь важны три момента. Первый из них – ссылка на очерк Энгельса «Наброски к критике политической экономии», влияние которого все еще ощущается в книге Маркса 1859 г. Хотя эта книга Маркса более детальна, более основательна и более глубока, нежели все то, что когда-либо написал Энгельс, она все же содержит просто дальнейшую критику политической экономии. Вторым моментом – упоминание о «Немецкой идеологии», в то время еще не опубликованной; Маркс характеризует ее здесь как «критику послегегелевской философии» (XXIX, 264; [Соч. 13, 8]). Третий и, пожалуй, самый удивительный момент – утверждение Маркса, что то, что дважды с промежутком в несколько строк он называет «нашими взглядами» (*unsere Ansicht*) – имея в виду себя и Энгельса, – было впервые представлено в его книжке о Прудоне. Если бы он думал, что общим взглядом была новая экономическая теория, то были бы основания предположить, что в книге о Прудоне Маркс начал более детально, чем в предшествующих сочинениях, излагать собственную альтернативную теорию современного индустриального общества. Однако это предположение тоже маловероятно, поскольку и здесь, и в других работах его альтернативная экономическая теория является продолжением критики Гегеля, а также критики либеральной политической экономии.

«Капитал: Критика политической экономии»

Рассмотрев предисловие к работе «К критике политической экономии», мы переходим к книге «Капитал: Критика

политической экономии». После опубликования первой работы (1859) Маркс старался заработать на жизнь насущную. Несмотря на свое непревзойденное знание современного индустриального общества, Маркс, который был глубоко предан жене и детям, почти не был способен содержать семью. На протяжении девяти лет его доход сводился в основном к поступлениям за статьи в «New York Daily Tribune». Редактор этой газеты Чарлз Дана (1819–1897) в письме подчеркнул, что с уважением относится к журналистской работе Маркса¹. Но впоследствии политические события в США вынудили его сократить число публикуемых статей Маркса, что в свою очередь поставило последнего в тяжелейшее финансовое положение.

В письме к Энгельсу в начале следующего года Маркс признался, что просто не знает, как вывернуться². Он постоянно просил денег у разных людей, включая Энгельса, своих родных, коллег-политиков и т. д. Позже Марксу удалось найти временное облегчение своего положения благодаря другой работе – в качестве корреспондента Венской газеты «Die Presse». Между тем он продолжал политическую деятельность и все глубже уходил в экономические исследования.

В 1862 г. проблемы, вызванные Гражданской войной в Соединенных Штатах, заставили «New York Daily Tribune» отказаться от услуг Маркса в качестве лондонского корреспондента. В результате и без того бедственное денежное положение Маркса стало еще более тяжелым. Для того чтобы прокормить семью, в апреле Маркс был вынужден заложить одежду, которую выкупил лишь в июне.

---

¹ Письмо от 18 марта 1860 г.: MEW. Bd. 14. S. 679; CW. Vol. 31. P. 518–519.

² Письмо Маркса к Энгельсу 29 янв. 1861 г.: MEW. Bd. 30. S. 10; CW. Vol. 41. P. 252.

Однако он продвинулся в своем экономическом исследовании: за год он исписал не менее 13 записных книжек и закончил черновой вариант первого тома «Капитала». В конце года в письме к ганноверскому гинекологу Людвигу Кугельману (1828–1902), державшемуся левых политических взглядов, Маркс сообщает, что его исследование по экономике готово¹.

Вместо того чтобы опубликовать сделанное, в 1863 г. Маркс продолжил свои исследования. Он углубил свое понимание прибавочной стоимости и вернулся к прежнему интересу к технике и истории техники, который был очевиден в «Grundrisse», – хотя его денежные дела продолжали ухудшаться. Он также воспользовался случаем и начал изучать исчисление.

В мае 1864 г. умер старый друг Маркса Вильгельм Вольф (1809–1864), преподаватель и журналист из Бреслау, ставший коммунистом. В завещании Вольф отписал скромную сумму денег Марксу, который смог поэтому на какое-то время выкарабкаться из нищеты. В знак благодарности Маркс посвятил ему первый том «Капитала». Хотя Маркс ненадолго вырвался из финансовых тисков, его здоровье стало ухудшаться. Будучи не в состоянии работать над экономическими сочинениями, в июне он начал изучать анатомию и физиологию. В сентябре Маркса пригласили участвовать в собрании международной рабочей ассоциации, которое привело к учреждению Первого Интернационала; Маркс был выбран членом комитета, отвечающего за написание статута и, впоследствии, декларации о принципах.

В 1865 г. Маркс был занят политической работой. В начале года немецкий издатель Отто Мейснер, распола-

---

¹ Письмо Маркса к Кугельману 28 дек. 1862 г.: MEW. Bd. 30. S. 639; CW. Vol. 42. P. 435.

гавшийся в Гамбурге, согласился опубликовать 800-страничную рукопись по экономике. Соглашение было достигнуто 30 января, и 23 марта Маркс получил договор. В мае того же года он должен был представить текст. 13 марта Маркс жаловался в письме к Энгельсу, что его работа в качестве руководителя Международного товарищества рабочих отнимает много времени. В конце июля Маркс сообщил Энгельсу, что завещанное Вольфом наследство истрачено и что он почти закончил работу над рукописью¹. Поскольку слабое здоровье не способствовало экономическим штудиям, он воспользовался случаем и начал изучать астрономию и (позже, но в том же году) сельскохозяйственную химию. И все же он нашел время и завершил то, что, как он полагал, было окончательным вариантом «Капитала».

В январе Маркс написал Кугельману², что надеется закончить книгу в марте. Но в феврале он снова был болен и неспособен к теоретической работе. В августе его дочь Лаура обручилась с Полем Лафаргом (1842–1911), который позже стал приемным сыном Маркса и основал французское отделение Международного товарищества рабочих. Как всякий любящий отец, Маркс, пожертвовавший своим будущим ради революции, просил Лафарга сообщить о его материальном положении и способности обеспечить будущее дочери³. В ноябре Маркс написал Энгельсу, что скоро отправит «Капитал» издателю Мейснеру⁴. В декабре он

---

¹ Письмо Маркса к Энгельсу 31 июля 1865 г.: MEW. Bd. 31. S. 132; CW. Vol. 42. P. 173.

² Письмо Маркса к Кугельману 15 янв. 1866 г.: MEW. Bd. 31. S. 496; CW. Vol. 42. P. 221.

³ Письмо Маркса к Энгельсу 13 авг. 1866 г.: MEW. Bd. 31. S. 252.

⁴ Письмо Маркса к Энгельсу 10 нояб. 1866 г.: MEW. Bd. 31. S. 263; CW. Vol. 32. P. 332.

сообщил Энгельсу, что рукопись уже у издателя, который пока не приступил к печатанию¹.

Однако рукопись еще не была готова (она была окончательно завершена в 1867 г.). 2 апреля 1867 г. Маркс написал Энгельсу, что рукопись наконец закончена и что он поедет в Гамбург и сам передаст ее издателю². На одолженные у Энгельса деньги Маркс отправился в Гамбург и 12 апреля отдал рукопись Мейснеру. Он сделал остановку в Ганновере, чтобы повидать Кугельмана. Маркс наконец получил корректуру своей книги 5 мая 1867 г., в свой сорок девятый день рождения. Прежде чем вернуться в Лондон, Маркс переговорил с Мейснером и обещал доставить остальные тома. 22 июня, все еще не закончив читать верстку, Маркс отпустил знаменитое замечание о труде, какого потребовала работа над книгой: «Во всяком случае, я надеюсь, что буржуазия, пока она существует, будет помнить о моих карбункулах»³. Маркс завершил предисловие к «Капиталу» 25 июля. Первый тираж книги в количестве 1000 экземпляров был отпечатан 2 сентября.

История публикации «Капитала»

История публикации «Капитала»

История публикации «Капитала» – хороший пример хронической неспособности Маркса, за исключением редких случаев, довести работу до конца. Это огромное произведение, в том виде, в каком оно дошло до нас, состоит из трех толстых томов и еще трех толстых дополнительных

---

¹ Письмо Маркса к Энгельсу 8 дек. 1866 г.: MEW. Bd. 31. S. 266; CW. Vol. 42. P. 336.

² Письмо Маркса к Энгельсу 8 апр. 1867 г.: MEW. Bd. 31. S. 281; CW. Vol. 42. P. 350.

³ Письмо Маркса к Энгельсу 22 июня 1867 г.: MEW. Bd. 31. S. 305; CW. Vol. 42. P. 383. [Соч. М., 1963. Т. 31. С. 259. – Перев.]

томов, посвященных «Теории прибавочной стоимости». Первый том «Капитала» – единственный из этих томов, опубликованный самим Марксом. Рукописи второго и третьего томов были большей частью закончены в 1860-е гг. Маркс умер в 1883 г., примерно через 16 лет после появления первого тома (1867 г.). Но большую часть времени он болел и не мог закончить оставшуюся часть работы. Второй и третий тома, которые не были завершены Марксом, в конечном счете были отредактированы и подготовлены к публикации Энгельсом лишь после смерти Маркса. Энгельс опубликовал в 1885 г. второй том, а в 1894 г. – третий. Он умер в 1895 г., не завершив публикацию литературного наследия Маркса. Запланированный четвертый том «Капитала» между 1905 и 1910 гг. был найден в рукописях Маркса 1861–1863 гг. Карлом Каутским и опубликован в трех томах общим объемом более 1750 страниц¹.

Последующая история публикации «Капитала» свидетельствует о ряде изменений, внесенных как самим Марксом, так и чужой рукой. Маркс активно работал над вторым немецким изданием первого тома «Капитала», который вышел в 1872 г. и в который он внес изменения. Он также подготовил предложения для русского варианта того же тома, который стал первым переводом книги на иностранный язык и вышел в Петербурге в том же году. Более серьезную работу он проделал над французским переводом, который издавался отдельными выпусками с 1872 г. по 1875 г. По сообщению редакторов *Marx-Engels-Werke*, Энгельс сам подготовил перевод первого тома «Капитала»

---

¹ Издание Каутского вызвало ортодоксально-марксистскую критику, которая якобы делала необходимым новое издание: MEW. Bd. 26. S. xiv-xvii. Последовавшее новое немецкое издание тоже базировалось на русском издании, опубликованном Институтом марксизма-ленинизма Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. См. его описание: MEW. Bd. 26. S. xvii-xxiv.

на английский язык, и он вышел в 1887 г. Фактически, как признают редакторы «Collected Works», и как сам Энгельс указывает в предисловии, он редактировал и взял на себя ответственность за перевод, который был подготовлен Сэмюэлем Муром и Эдуардом Эвелингом. Энгельс также редактировал другие немецкие издания этой работы, включая третье издание (1883), на котором основывается английский перевод и в который были внесены изменения, чтобы отразить пассажи, взятые из французского издания 1873 г.; они были внесены и в четвертое немецкое издание 1890 г.¹

Остается открытым вопрос о том, насколько исправления, внесенные в текст Энгельсом, соответствуют намерениям самого Маркса. За невозможностью удостовериться в правдивости утверждений Энгельса, мы вынуждены принять на веру его слова, сказанные в качестве обоснования различных изменений, которые он впоследствии внес в текст. Интересным примером изменения текста является последнее предложение в XV главе 9 отдела первого тома «Капитала», которое выглядит так: «Вместе с материальными условиями и общественной комбинацией процесса производства оно [всеобщее распространение фабричного законодательства] приводит к созреванию противоречий и антагонизмов его капиталистической формы, а следовательно, в то же время и элементов для образования нового и моментов переворота старого общества» (XXXV, 504–505; [Соч. 23, 512]). Это предложение правильно переведено по тексту стандартного немецкого издания (MEW XXIII, 526). В «Collected Works» в примечании сообщается, что оно было добавлено в четвертом немецком издании,

---

¹ Обсуждение спорных эдичионных приемов Энгельса применительно к «Капиталу» см.: *Kline G. L. The Myth of Marx's Materialism // Philosophical Sovietology: The Pursuit of a Science / Ed. H. Dahm, T. J. Blakeley and G. L. Kline. Dordrecht: D. Reidel Publishing, 1988. P. 183–197. (Прилож. I).*

которое было отредактировано Энгельсом после смерти Маркса¹. Еще один пример – около трех страниц, добавленных в некоторых (но не во всех) версиях английского издания ради соответствия четвертому немецкому изданию².

Поскольку этот английский перевод является основой для всех дальнейших английских изданий – включая издание в «Collected Works», где просто воспроизводится английский текст 1887 г., становится ясно, что текст, доступный на английском языке, да и на других языках, местами отличается, и зачастую значительно, от работы, опубликованной самим Марксом. Изменения касаются даже количества глав. Всякий, кто когда-либо заглядывал в немецкий оригинал, знает, что он разделен на двадцать пять глав, которые в английском переводе разрослись до тридцати трех³.

«Капитал» давно уже широко признан шедевром Маркса, его главным трудом по экономике, *terminus ad quem* его экономических исследований. Интересно, следует ли считать это суждение справедливым после запоздалого появления «Grundrisse». Хотя первый том «Капитала» явно ближе к завершенной форме, чем «Grundrisse», широта

---

¹ В относительно новом переводе Б. Фоукс воспроизводит это предложение, не указывая и, может быть, даже не зная, что оно было добавлено Энгельсом, см.: *Marx K. Capital. Vol. 1 / Trans. B. Fowkes. N. Y.: Vintage, 1976. P. 635.*

² См.: *Marx K. Capital. Vol. 1 / Trans. S. Moore and E. Aveling / Ed. F. Engels. N. Y.: International Publishers, 1975. P. 584–587.* Этот отрывок без объяснения опущен в версии первого тома «Капитала», основанной на том же переводе, который появляется в томе 25 «Collected Works».

³ В оригинальном немецком издании имеется лишь семь отделов. Восьмой отдел, который был без всяких объяснений «вырезан» из седьмого отдела оригинального издания первого тома, включает в себя длинную главу 24 из семи подглавок, каждая из которых в переводе становится отдельной главой, наряду с главой 25 оригинала. Неясно, на каких основаниях произведено это изменение в тексте Маркса, и соответствующие основания не разъясняются.

этой последней работы несопоставимо значительнее, чем чрезвычайно широкий, но все же несравнимо более узкий размах первой.

Согласно редакторам Marx-Engels-Werke, Маркс отдал работе над «Капиталом» сорок лет, начиная с первых систематических занятий политической экономией в Париже в 1843 г.¹ Это предполагает, что его сочинения являются шагами в осуществлении единственного проекта, который увенчивается «Капиталом». Конечно, многочисленные идеи, которые появляются в фрагментарной или неразвитой форме в ранних сочинениях, здесь получают детальную или более детальную проработку. И все же эта огромная работа представляет собой лишь маленький незавершенный фрагмент гораздо более крупного проекта, который Маркс наметил для себя в «Grundrisse» и в котором обсуждение капитала должно было составить всего лишь первую из шести книг.

Стиль Маркса здесь ясный, безусловно более ясный, чем в подавляющем большинстве других его работ, – столь же ясный, и явно более интересный, чем в книге «К критике политической экономии». «Капитал» имеет большую педагогическую ценность – пожалуй, превосходя в этом отношении любое другое произведение Маркса. Работая над этой книгой, он очевидно предпринимал большие усилия, чтобы быть понятым и представить свои аргументы в максимально простой форме. Продолжая практику, восходящую к самым ранним его текстам, Маркс здесь обильно цитирует широкий круг разных литературных источников, часто на языке оригинала. Как и раньше, его поразительная эрудиция, которая к этому времени становится просто грандиозной, обнаруживается в многочисленных ссылках, которые, в отличие от некоторых более ранних текстов,

---

¹ MEW. Bd. 23. S. 843. (Прим. 1).

таких как «Парижские рукописи» и «Grundrisse», способствуют – а не мешают – пониманию текста. Внимание Маркса снова концентрируется на Англии, важнейшей стране на мировом рынке, стране наиболее развитого капитализма. Страницы этого труда буквально пестрят конкретными ссылками, выказывающими детальное знание практически любого аспекта английской политической экономии, какой только можно вообразить.

Знаменитое обсуждение машин в главе 15 первого тома свидетельствует о феноменальном проникновении Маркса в эту тему, вполне достойном самого этого научного трактата. Хотя понимание, о котором идет речь, часто игнорируют в научных трудах, оно явно так и не было превзойдено даже во времена не столько далекие, когда история техники и философия техники стали уважаемыми академическими специальностями¹. После неудачного начала (бывшего вместе с тем завершением) академической карьеры Маркс отверг обычные критерии научного исследования, посчитав их просто симптомами искаженной формы общества. Но в «Капитале» он представил образцовое исследование и критику политической экономии, которые полностью отвечают всем нормальным критериям научной работы высочайшего уровня. Непривычная особенность, которая отличает эту работу, – частые ссылки Маркса на свои предшествующие работы и цитирование их. Он как будто уже знал, когда публиковал этот том, что следующие тома скорее всего не выйдут, и хотел «увязать» его со своим огромным к тому времени корпусом сочинений.

«Капитал» – фантастически большая книга, каким бы критериям мы ни следовали: без «Теории прибавочной

---

¹ В новой книге Пит, специалист по проблеме техники, ни разу не упоминает о Марксе, см.: *Pitt J. C. Thinking About Technology: Foundations of the Philosophy of Technology*. N. Y.: Seven Bridges Press, 2000.

стоимости» – три книги которой составляют четвертый том «Капитала» – в нем больше 2000 страниц на немецком языке и намного больше 2000 страниц в недавнем издании в рамках «Collected Works», а «Теория прибавочной стоимости» на немецком языке занимает около 4000 страниц. В ходе исследования экономических теорий Маркса нам потребуется подробно рассмотреть «Капитал», в котором его экономические взгляды достигают высшего и окончательного уровня. В нашем контексте, где особое внимание обращается на философию Маркса, обсуждение ограничится некоторыми главными темами первого тома, опубликованного самим Марксом. Я начну с необычной коллекции предварительных текстов, включающего не менее пяти предисловий и двух послесловий к различным изданиям, в том числе тех, что принадлежат и Марксу, и Энгельсу.

Предисловие и послесловие к «Капиталу»

Полезно будет сосредоточиться здесь на важных предисловии к первому немецкому изданию и послесловию ко второму немецкому изданию – и отказаться от рассмотрения других предварительных материалов, касающихся главным образом деталей последующих изданий и перевода.

Маркс начинает предисловие к первому немецкому изданию с замечания, что эта работа является продолжением сочинения «К критике политической экономии» и что первые три главы содержат новое изложение тем, рассмотренных в упомянутой работе. Подчеркнув, что обсуждение товаров чрезвычайно затрудняет понимание его теорий, он обосновывает свой анализ главным образом английской политической экономии (хотя утверждает, что его теории применимы и к Германии) тем, что Англия является клас-

сической страной «развития тех общественных антагонизмов, которые вытекают из естественных законов капиталистического производства» (XXXV, 9; [Соч. 23, 6]). Другими словами, Маркс утверждает, что противоречия капитализма имеют тенденцию к созреванию. Здесь он характеризует эту ситуацию, говоря о «тенденциях, действующих ... с железной необходимостью» (XXXV, 9; [Соч. 23, 6]). Это предполагает – и, пожалуй, необоснованно, если вспомнить о непрерывных успехах, достигаемых с тех пор современной либеральной экономикой, – что эволюция капитализма должна следовать по предписанному пути, включая подъем и затем неминуемый упадок. Главное различие заключается в том, что поскольку промышленная революция началась в Англии, капитализм здесь достиг наибольшего развития. Маркс характеризует свою цель следующим образом: «открытие экономического закона движения современного общества» (XXXV, 10; [Соч. 23, 10]). Поскольку экономический базис первичен для всего остального и поскольку современное общество рождается в результате промышленной революции, намерение Маркса, которое он осуществляет с удивительной последовательностью, заключается в том, чтобы сформулировать общую экономическую теорию современного индустриального общества.

В предыдущих сочинениях Маркс неизменно основывался в своих теориях на гегелевской идее, что человеческие существа удовлетворяют свои потребности посредством деятельности в рамках гражданского общества. Теория стоимости, обозначенная в сочинениях Маркса начиная с «Нищеты философии», предполагает, что (согласно ее изложению в «Grundrisse») стоимость товара есть функция некоей абстракции, или необходимого для производства продукта среднего рабочего времени, которое лишь случайно совпадает с действительным рабочим временем.

Маркс последовательно обсуждал антагонизм между капиталистом и рабочим, создаваемый и институтом частной собственности. Теперь он подчеркивает, что его интересуют индивиды не как таковые, но скорее лишь постольку, поскольку они воплощают различные интересы современного индустриального общества. Он не интересуется конкретным «капиталистом» или «земельным собственником», лица интересуют его, лишь постольку «они являются олицетворением экономических категорий, носителями определенных классовых отношений и интересов» (XXXV, 10; [Соч. 23, 10]). Словно желая подчеркнуть эту важную мысль, Маркс позже повторяет ее в похожих словах в главе о процессе обмена, где он замечает, что «характерные экономические маски лиц – это только олицетворение экономических отношений, в качестве носителей которых эти лица противостоят друг другу» (XXXV, 95; [Соч. 23, 95]).

Как и предисловие к «К критике политической экономии», Маркс заканчивает рассматриваемое предисловие цитатой из Данте. В более ранней книге, приведя строки, начертанные на вратах ада, которые, по его мнению, были бы уместны также на вратах науки, он предлагает судить его теории непредубежденно и по заслугам. В 1859 г., когда Маркс закончил вышеназванную работу, ему был лишь 41 год, он часто болел, но был еще в расцвете сил, еще мог надеяться, что однажды, может быть даже при его жизни, его взгляды получат серьезное признание со стороны тех, кто способен их понять. Когда всего лишь восемь лет спустя было закончено предисловие к «Капиталу», Маркс, великий мыслитель, значимость которого не может вызывать сомнения, претерпевал судьбу всех самых необычных мыслителей (здесь вспоминается Гегель), поскольку остался практически не замечен своей эпохой, а если и был замечен, то не за свои действительные заслуги. В промежуточный период между «К критике...» и «Капиталом» он уже

не был молодым человеком, но хотя ему было лишь за сорок, он часто болел, и вероятность того, что он закончит свой великий труд, становилась все меньшей. Здесь он снова заканчивает свою работу, выражая желание выслушать научную критику, которую он отличает от общественного мнения. Но на этот раз он дерзко приводит другой отрывок из Данте, в котором великий поэт заявляет о желании идти своей дорогой, что бы ни говорили люди. Не будет большим преувеличением сказать, что, цитируя этот отрывок, Маркс взывал к суду не современников, а истории.

В знаменитом послесловии ко второму немецкому изданию Маркс формулирует три важных мысли: о различии между собственной позицией и политической экономией, о понимании метода и о своем отношении к Гегелю. Все три мысли появляются в контексте его рассуждения о восприятии первого тома «Капитала». В своих сочинениях Маркс обычно не решается точно определить характер собственной точки зрения, предпочитая критиковать других. В ранней критике Гегеля он часто подчеркивает научную природу собственного подхода – и даже, как мы помним, утверждает при случае, например в ходе обсуждения Прудона, что является немецким экономистом. Хотя марксизм часто представлял Маркса политико-экономом, в своей разнообразной критике политической экономии он никогда, насколько я помню, не примеривал этой роли. Здесь он проводит различие между своей точкой зрения и политической экономией, последним великим представителем которой неизменно считает Рикардо.

Согласно Марксу, политическая экономия как наука предполагает в качестве условия своего существования стабильную форму общества, а не переходную историческую фазу. Политическая экономия есть теория современного индустриального общества, или капитализма, которая исключает основополагающее общественное изменение.

Напротив, Марксова точка зрения на развитие общественных антагонизмов в рамках капитализма основывается на предположении, что возникающая классовая борьба преобразует общество. Рикардо наивно полагал, что различные антагонизмы современного промышленного общества (например, заработной платы и прибыли, прибыли и ренты и т. д.) определяются так называемым законом природы. Почему? Потому, что со своей аисторической точки зрения он не мог заметить, что общество изменяется, и часто коренным образом. В этом контексте Маркс высказывает следующее общее замечание о политической экономии: «Поскольку политическая экономия является буржуазной, т. е. поскольку она рассматривает капиталистический строй не как исторически преходящую ступень развития, а наоборот, как абсолютную, конечную форму общественного производства, она может оставаться научной лишь до тех пор, пока классовая борьба находится в скрытом состоянии или обнаруживается лишь в единичных проявлениях» (XXXV, 14; [Соч. 23, 14]).

Вторая мысль, связанная с первой, высказывается Марксом по ходу замечаний о рецензиях и откликах на его книгу. Обсуждая вопросы методологии во введении к «Grundrisse», он подчеркивает, что то, что мы знаем на уровне сознания, обусловлено первичным существованием независимого внешнего мира. Последний познается только посредством его реконструкции в форме конкретной целостности, или целостности мыслей, но не посредством абстрактного, из самого себя развивающегося вонне понятия, или того, что он называет наблюдением и пониманием (N 101; XXVIII, 38). Словом, мы обретаем знакомство с независимым миром посредством взаимодействия или ряда взаимодействий, в ходе которых мы создаем его концепцию.

Маркс стремится не столько сформулировать закон для конкретной группы явлений в конкретный исторический

период, сколько понять их развитие. Приводя длинную цитату из русской рецензии на его книгу (эта цитата занимает две страницы, а весь текст состоит всего лишь из девяти страниц), Маркс высказывает интересное замечание об этой характеристике своей работы. Он отмечает, что описание того, что автор рецензии называет методом Маркса, на самом деле есть описание диалектического метода. Далее он говорит о различии между методом изложения и методом исследования. Следует сначала проанализировать материал, проследить его внутренние связи и лишь потом изобразить то, что он называет его действительным движением. Он имеет в виду, что общественные явления требуют внимательного эмпирического исследования, лишь после которого могут быть сформулированы обобщения. Согласно Марксу, «раз это удалось и жизнь материала получила свое идеальное отражение, то может показаться, что перед нами априорная конструкция» (XXXV, 9; [Соч. 23, 21]).

Эти слова Маркса с легкостью приводят к неверному пониманию. Он очевидно не поддерживает теорию познания как отражения, первооткрывателем которой для марксизма был Энгельс. Он также не утверждает, что в познании сознание буквально отражает независимый мир. Если бы в этом заключалось необходимое условие познания, то никакого познания не было бы. Скорее, он утверждает, если говорить об идеальном постижении эмпирического материала, что мы понимаем предмет так, как если бы он был априорной конструкцией нашего изготовления. Здесь имеется в виду то же, что и в «Grundrisse»: что действительное познание требует, чтобы мы постигали то, что рассматриваем как независимый от сознания внешний мир, единственным возможным способом: путем его реконструкции в сознании.

Эта мысль релевантна для третьего момента, связанного с Марксовым пониманием собственного отношения к Геге-

лю. Маркс безусловно принимает ту форму диалектического метода, которую приписывает Гегелю. Как и ранее, он остается здесь гегельянцем и в то же время продолжает критиковать Гегеля. В «Grundrisse» Маркс возражал против точки зрения, которую ошибочно приписывал Гегелю, т. е. что предмет может рассматриваться как продукт самого себя развивающего понятия, отделенного от наблюдения. Теперь он с некоторым видоизменением повторяет это возражение, утверждая, что его собственный диалектический метод является противоположностью гегелевского. Согласно Марксу, его великий немецкий предшественник виноват как раз в превращении абстрактной идеи в развивающего себя субъекта, а следовательно, в пренебрежении эмпирическим исследованием предмета.

Маркс, который настаивает на эмпирическом исследовании, описывает собственный – противоположный гегелевскому – вариант диалектического метода, пользуясь языком Фейербаха. Гегель ошибается, поскольку понимает идею как субъект, из которого происходит эмпирический предмет, тогда как правильный подход предполагает, что наши идеи определяются эмпирическим исследованием независимого мира. Идеальное – не что иное, как полное постижение внешнего мира в мышлении. В одном важном месте Маркс пишет: «Мой диалектический метод по своей основе не только отличен от гегелевского, но является его прямой противоположностью. Для Гегеля процесс мышления, который он превращает даже под именем идеи в самостоятельный субъект, есть демиург действительного, которое составляет лишь его внешнее проявление. У меня же, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней» (XXXV, 19; [Соч. 23, 21]).

Высказав эту мысль, Маркс завершает послесловие ко второму немецкому изданию дальнейшими замечаниями

о своем критическом отношении к Гегелю. С одной стороны, он вновь утверждает очевидное, объявляя себя гегельянцем, что здесь означает, видимо, что он привержен некоей форме диалектики. С другой стороны, он полагает (на только что приведенных основаниях), что гегелевская концепция диалектики – мистифицирующая. В этом контексте он высказывает знаменитое замечание о диалектике, которое часто цитируют: «У Гегеля диалектика стоит на голове. Надо ее поставить на ноги, чтобы вскрыть под мистической оболочкой рациональное зерно» (XXXV, 19; [Соч. 23, 22]).

Маркс заканчивает этот важный текст замечанием о практической значимости диалектики для собственного понимания современного индустриального общества. Во многом точно так же, как и в «Grundrisse», в предисловии к первому немецкому изданию «Капитала» он отмечает тенденцию к развитию, характерную для внутренних противоречий капитализма. Маркс утверждает, что лишь кажется, будто диалектика в ее гегелевской, или якобы мистической, форме разъясняет общественный контекст. Хотя диалектика Гегеля и не дает действительного объяснения, диалектический подход от этого не становится негодным. Правильно понятая диалектика является инструментом, который позволяет нам понять, что общество не является стабильным, но включает в себе необходимость преобразования. Отсюда следует, что диалектика, как утверждает Маркс, – критична и революционна. Для подкрепления этого утверждения Маркс возвращается к идее экономических циклов, которую он совершенно четко сформулировал рано, уже в «Grundrisse». Его мысль снова заключается в том, что периодические кризисы современного индустриального общества медленно накапливаются и перерастают в общий кризис, и этот процесс в настоящее время находится лишь в предварительной стадии. Однако это утверждение является, видимо, больше исповеданием веры, да-

же философской дедукцией, нежели основывается на каком-либо эмпирическом доказательстве.

«Капитал»

Основной текст первой книги «Капитала» разделен на восемь отделов. Первый отдел под заглавием «Товар и деньги» содержит новое изложение материала, уже рассмотренного в книге «К критике политической экономии». При всех многочисленных параллелях эти два изложения невозможно просто наложить друг на друга, поскольку в соответствующем тексте «Капитала» во многом изменены акценты. Как мимоходом отмечает Маркс, некоторые мысли, ранее едва упомянутые, теперь проработаны в деталях, а другие, которые раньше подробно обсуждались, теперь едва упоминаются. Таких изменений как раз и следует ожидать в тексте автора, который продолжает размышлять и перерабатывать свою позицию, что никогда не прекращал делать Маркс.

Первый отдел включает в себя три главы, посвященные соответственно товару, обмену и деньгам, или обращению товаров («Товар», «Процесс обмена», «Деньги, или обращение товаров»). Как и в более ранней книге, Маркс начинает «Капитал» с подробного обсуждения товара. По сравнению с текстом «К критике политической экономии» изложение здесь значительно усовершенствовано. В новом тексте уже нет уводящих в сторону разделов об истории теорий стоимости, которые потом вновь появятся в гигантском объеме в посмертно опубликованных «Теориях прибавочной стоимости» Маркса, и разделов о деньгах, которые раньше отвлекали внимание от систематического изложения. В результате текст оказывается более простым для чтения.

Анализ товара устраняет лакуну в сочинениях Маркса, предшествующих «К критике политической экономии»,

в то же время продолжая смещение акцента. Например, в «Парижских рукописях» во фрагменте о земельной ренте после длинной цитаты из Адама Смита Маркс замечает, что неограниченная конкуренция разрушает землевладельческую аристократию путем превращения земли в товар (см. В 113; III, 265). Последний термин до «Grundrisse» встречался редко, а здесь встречается очень часто. Хотя в «Парижских рукописях» Маркс подчеркивает, что товар есть первый способ, каким появляется буржуазное богатство (N 881), он не употребляет это понятие систематически, как делает это в «Grundrisse» и потом в «Капитале». Маркс теперь буквально строит свою теорию на понятии товара, которое поэтому становится центральным понятием, лежащим в основании его понимания современного индустриального общества.

Перефокусируя обсуждение политической экономии путем отведения центрального места товару, Маркс изменяет акцент в своих сочинениях. В «Философии права» Гегель подчеркивает всепроникающее влияние на общество современной либеральной экономики, например, в связи с семьей он говорит о семейном капитале (*das Vermögen der Familie*, §§ 170–172) и о разделении между индивидуумом и семьей, возникающим благодаря гражданскому обществу (§ 238). В ранних текстах Маркс критикует Гегеля за пренебрежение человеческим измерением, которое является центральным для рассуждения о философии и экономике в «Парижских рукописях». В позднейших текстах Маркс все больше подчеркивает, что современная экономика образует систему, которая может изучаться как наука. В книге «К критике политической экономии» Маркс, хотя и помня о воздействии капитализма на индивидов, полностью изменяет характер обсуждения, перенося акцент с индивида на товар как центральный элемент в обществе, основанном на частной собственности. Лишь в «Капитале»

благодаря подробным исследованиям воздействия капитализма на индивидов первая тема возвращается со всей силой.

Маркс начинает с анализа товара по очевидной причине: его не интересует современное индустриальное общество как таковое, ни абстрактно, ни тем более в статичной, сохраняющей себя, гомеостатической системе; его интересует механизм функционирования современного индустриального общества и его развития в перспективе осуществления человеческих целей. Капитализм характеризуется отношением частной собственности на средства производства, или частной собственностью. Но условием функционирования капитализма является процесс обмена, основанный на обмене товарами.

Маркс начинает рассмотрение товара и денег, вспоминая свое более раннее утверждение, что общественное богатство, как он пишет, цитируя самого себя, принимает форму «огромного скопления товаров» (XXXV, 45; [Соч. 23, 43]). Что такое товар (*die Ware*)? В сущности, это осязаемый, внешний предмет, который удовлетворяет какую-либо человеческую потребность. Все, что полезно, что полезно для удовлетворения потребности, может рассматриваться с различных сторон – со стороны качества или количества. На этом основании Маркс вновь вводит различие между потребительной стоимостью и меновой стоимостью, которое было известно уже Аристотелю¹. Вещь полезна, поскольку она имеет потребительную стоимость или служит некоей цели. «Полезность вещи делает ее потребительной стоимостью» (XXXV, 46; [Соч. 23, 44]). Потребительная стоимость внутренне присуща товару. Меновая стоимость, напротив, является внешней для вещи, она – относительная, изменчивая цена, которая может быть получена за вещь – будь то в форме другой вещи или денег.

---

¹ *Aristotle. Politics I, 9, 1257a.*

Поскольку потребительная стоимость, которая является качественной, не может быть выражена в количественных терминах, о меновой стоимости можно говорить как о «необходимом способе выражения, или форме проявления стоимости» (XXXV, 48; [Соч. 23, 47]).

Для того чтобы понять стоимость товаров, Маркс обращается к труду. Его главная мысль, которая была предвосхищена Локком, Гегелем и другими мыслителями, заключается в том, что труд сообщает стоимость продуктам. Поскольку труд, который производит потребительную стоимость, зависит от ранее существующих материалов, которые сами имеют стоимость, он не является единственным источником стоимости.

Современная наука возникла тогда, когда благодаря определенным упрощениям был найден способ применения математики к природе. Маркс сходным образом упрощает подсчет величины экономической стоимости, предполагая, что во всех случаях она может быть представлена как количество средней рабочей силы. «Тот труд, который образует субстанцию стоимостей, есть одинаковый человеческий труд, затрата одной и той же человеческой рабочей силы» (XXXV, 49; [Соч. 23, 47]). Другими словами, «величина стоимости данной потребительной стоимости определяется лишь количеством труда, или количеством рабочего времени, общественно необходимого для ее изготовления» (XXXV, 49; [Соч. 23, 48]). Вещи, для производства которых требуется одинаковое время, должны иметь одинаковую меновую стоимость.

Точка зрения, что стоимость исчисляется в терминах труда, раньше так или иначе была сформулирована другими авторами. В формулировке Маркса эта точка зрения является приложением гегелевского тезиса, что в процессе производства труд индивидуумов «кристаллизуется» или «объективируется». Объективация труда разных индивидов в продук-

тах одинакова во всех товарах. В «Grundrisse» Маркс провел различие между трудом и рабочей силой. Разрабатывая это различие, он подчеркнул, что труд измеряется рабочим временем. Для производства различных товаров, таких как швейные машины или автомобили, требуется больше или меньше рабочего времени. Однако во всех случаях меновая стоимость является функцией рабочего времени.

Разные типы потребительной стоимости являются результатом различных типов труда. Производственная деятельность создает потребительную стоимость. Признавая, что человеческая производственная деятельность может принимать многие формы и в качественном и в количественном отношении, Маркс рассматривает ее прежде всего как человеческий труд вообще.

Для того чтобы понять форму меновой стоимости, Маркс соотносит ее с деньгами. Он различает относительную стоимость материалов, которые используются при изготовлении вещи, и вещь, которая имеет стоимость, исчисляемую, по его словам, эквивалентной формой, или денежными единицами. Стоимость создается сгущенной, или конкретизированной, формой человеческой рабочей силы, которая сама не имеет никакой стоимости, но приобретает ее, принимая форму предмета. «Человеческая рабочая сила в текущем состоянии, или человеческий труд, образует стоимость, но сам труд не есть стоимость. Стоимостью он становится в застывшем состоянии, в предметной форме» (XXXV, 61; [Соч. 23, 60]). Словом, рабочая сила накапливается, или сберегается, или получает конкретную форму как продукт.

Поскольку один товар обменивается на другой, товары имеют эквивалентную форму. Основополагающая идея, а именно что конкретность утрачивается, поскольку стоимость одного товара исчисляется на основании другого, определяется понятием стоимости. В соответствующем замечании об Аристотеле Маркс подчеркивает, что греческий

философ вряд ли мог достичь понимания стоимости. Хотя он знал о стоимости товаров, поскольку жил в обществе, основанном на рабстве, он не мог постичь «тайну выражения стоимости», т. е. «равенства и равнозначности всех видов труда» (XXXV, 70; [Соч. 23, 69]).

Маркс формулирует целый ряд замечаний о стоимости. Он подчеркивает, что все продукты имеют потребительную стоимость, хотя лишь определенная ступень общественного развития «превращает продукт труда в товар» (XXXV, 72; [Соч. 23, 71]). Общественный характер человеческого труда может быть представлен, однако, в абстрактной, средней форме: «Всеобщая форма стоимости, которая представляет продукты труда просто в виде сгустков лишенного различий человеческой труда, самим своим построением показывает, что она есть общественное выражение товарного мира. Она раскрывает, таким образом, что в пределах этого мира всеобщее *человеческий* характер труда образует его специфический общественный характер» (XXXV, 78; [Соч. 23, 77]).

До сих пор, как сказал Маркс в предисловии к немецкому изданию, он скрупулезно следовал изложению, содержащемуся в «К критике политической экономии». Новым моментом, сравнительно с более ранним обсуждением, является рассмотрение так называемого товарного фетишизма.

Это новшество появляется в четвертом разделе под заглавием «Товарный фетишизм и его тайна». Слово «фетишизм» происходит от португальского слова *feitiço*, означающего «искусственный», и равнозначного латинского *facticus*. Оно связано с «фетишем», или именем, даваемым культовым объектам так называемых первобытных цивилизаций, а следовательно – природному или искусственному объекту, который, как считается, обладает особыми силами. «Фетишизм» может означать «веру в фетиши, иррациональную привязанность или патологический перенос эротических, или либидинальных, импульсов на некоторый предмет». Маркс

трактует этот термин расширительно по отношению к обычным антропологической, религиозной или психологической областям его применения, поскольку распространяет его на экономику. Он употребляет понятие «фетишизм» в контексте основополагающего различия между двумя формами общества, в которых или производственный процесс господствует над людьми, или люди управляют последним.

Теория фетишизма представляет собой продолжение и развитие анализа отчуждения. В «Парижских рукописях» Маркс утверждал, что в результате своего рода перестановки ролей работник начинает зависеть от производимого им предмета или даже порабощается им (В 123; III, 273). Развивая эту мысль, Маркс доказывает, что в меновой стоимости, через которую можно количественно сравнить стоимость различных товаров, внутреннее принципиальное общественное отношение между индивидами обнаруживается в совершенно другой, перевернутой форме, как отношение между вещами (XXIX, 275).

В «Капитале» Маркс анализирует то, что раньше называл искаженным отношением между вещами, называя его теперь товарным фетишизмом. Он начинает с утверждения о мистическом характере товара, а затем повторяет, что, как он часто писал в предшествующих работах, отношение между производителями принимает форму отношения между продуктами труда (XXXV, 82). Производители не вступают в отношения друг с другом до обмена товарами. Значит, общественный характер труда, который вкладывается в производство, обнаруживается только в процессе обмена. Точнее, он непосредственно обнаруживается через обмениваемые продукты труда и косвенно – через их производителей. Маркс подчеркивает, что нет абсолютно никакой связи между стоимостью товаров как продуктов труда и их физической природой. Загадочность товарной формы, как он пишет, состоит в том, что она отражает «определенное общественное

отношение самих людей, которое принимает в их глазах фантастическую форму отношения между вещами» (XXXV, 83; [Соч. 23, 82]).

Утверждение Маркса становится понятным, если вспомнить, что в обмене мы предполагаем одинаковый человеческий труд (XXXV, 84). Этот труд превращает каждый продукт труда в «общественный иероглиф» (XXXV, 85; [Соч. 23, 84]), тогда как в то же время денежная форма мира товаров скрывает, а не раскрывает общественный характер частного труда и отношений между производителями. Маркс имеет в виду тот факт, что в обществе, определяемом производственным процессом, который мы не контролируем и который скорее контролирует нас, его действительная природа скрыта. Иначе обстоит дело, например, в феодальном обществе, где имеет место бартер или другая подобная форма оплаты, поскольку отсутствует обмен товарами. Иначе будет обстоять дело и в обществе свободных индивидов, где общественные отношения индивидуальных производителей и их отношения к своему труду и его продуктам будут якобы непосредственными.

Мысль Маркса заключается, видимо, в том, что наша способность правильно мыслить об экономическом процессе обусловлена способностью дистанцироваться от его контроля над нами. Ведь производственный процесс утрачивает свой загадочный характер только тогда, когда мы сбрасываем экономическое ярмо и начинаем трудиться соответственно собственному плану. Маркс иллюстрирует это утверждение, ссылаясь на классическую школу политической экономии, достигающую своей высшей точки в трудах Рикардо. Согласно Марксу, классическая школа тщетно пыталась понять сущность стоимости, поскольку никогда не понимала отношение между трудом как потребительной стоимостью и трудом как меновой стоимостью. Это замечание лишний раз укрепляет уверенность Маркса в том, что правильное

понимание различия между потребительной стоимостью и меновой стоимостью является ключом к пониманию современного индустриального общества.

Вторая (очень краткая) глава посвящена процессу обмена. В ней Маркс переходит от предмета, или товара, к его хранителю, или владельцу. Маркс ранее упрощенно рассматривал труд, который создает потребительные стоимости, как одинаковую рабочую силу. Теперь он распространяет свою любезность на всех участников экономического процесса, изображая их как функции от их ролей в этом процессе. Маркс не отрицает, что, скажем, Генри Форд сыграл особую роль в создании сборочного конвейера. Однако то, что конкретный индивид делает в конкретной ситуации, не имеет отношения к тому факту, что это лицо действует в общих экономических рамках. Дело скорее в том, что «характерные экономические маски лиц – это только олицетворение экономических отношений, в качестве носителей которых эти лица противостоят друг другу» (XXXV, 95; [Соч. 23, 95]).

В более пространной третьей главе Маркс достаточно подробно рассматривает тему «Деньги, или обращение товаров». В трех разделах Маркс проводит различие между мерой стоимости, средством обращения и деньгами. Признав золото так называемым денежным товаром, или всеобщей мерой стоимости, Маркс сразу же замечает, что оно выступает в этой роли лишь потому, что стоимости товаров соизмеримы, или могут быть выражены как функция того, что он называет овеществленным человеческим трудом. Стоимость товара – его цена, например столько-то единиц драгоценного металла, который выражает количество человеческого труда, необходимого для производства вещи. Имеется различие между мерой стоимости, или «общественным воплощением человеческого труда», и масштабом цен, который есть не что иное, как определенное количество, или «фиксированный вес металла» (XXXV, 107; [Соч. 23, 107]). Цена есть просто еще одно имя для труда, сохраненного в товаре.

Рассмотрение средства обращения включает анализ метаморфоз товаров, обращения денег и монет и знаков стоимости. В связи с первым моментом Маркс анализирует противоречия, которые возникают из рассмотрения товаров как таковых и как денег, а именно то, что он называет «сменой форм, или метаморфозом, товаров, которая опосредствует общественный обмен веществ» (XXXV, 114; [Соч. 23, 114]). Он исследует изменения с помощью формулы Т–Д–Т, где Т = товар, а Д = деньги.

Вообще говоря, процесс распадается на Т–Д, что Маркс называет первым метаморфозом, или продажей, и Д–Т, второй метаморфоз, или куплю. Продажа очевидно определяется тем фактом, что потребительная стоимость представляет интерес для потенциального покупателя, и разделением труда. «Разделение труда превращает продукт труда в товар и делает поэтому необходимым его превращение в деньги» (XXXV, 117; [Соч. 23, 118]). Словом, в качестве капиталистов товаровладельцы эксплуатируют тех, кто не владеет товарами, благодаря своей способности «присваивать чужой продукт труда ... путем отчуждения своего собственного» (XXXV, 118; [Соч. 23, 119]).

Первое превращение товара в деньги влечет за собой второе превращение – денег в товар. Поскольку каждой купле соответствует продажа, деньги, которые тем самым выручаются, становятся доступными для следующей покупки. Так называемый «метаморфоз товара», т. е. продажа, сопровождаемая куплей, образует «кругооборот» (XXXV, 121; [Соч. 23, 122]). Этот кругооборот – лишь один из многих, которые вместе взятые представляют собой «обращение товаров» (XXXV, 122; [Соч. 23, 122]). Разница между непосредственным обменом продуктами и обращением товаров заключается в том факте, что «обращение товаров разрывает временные, пространственные и индивидуальные границы обмена продуктов именно благодаря тому, что непосредственная

тождественность между отчуждением своего продукта труда и получением взамен него чужого расчленяется на два противоположных акта — продажи и купли» (XXXV, 123; [Соч. 23, 124]).

Переходя к обращению денег, Маркс отмечает, что кругооборот товаров не означает кругооборота денег. На самом деле кругооборот денег, который казалось бы вызывает кругооборот товаров, обусловлен последним, а не наоборот. Маркс далее показывает, что количество денег, находящихся в обращении в каждый данный момент, есть функция от суммы стоимостей товаров и скорости, с какой деньги переходят из рук в руки.

Замечания о монетах и знаках стоимости привлекают внимание к различным формам, которые могут принимать деньги. Здесь же приводятся разнообразные самоочевидные замечания о различии между номинальным и реальным содержанием монет и отношении между бумажными деньгами и золотом.

Раздел о деньгах содержит рассмотрение образования сокровищ, средства платежа и мировых денег. Деньги есть, как он постоянно подчеркивает, «товар, который функционирует в качестве меры стоимости» (XXXV, 140; [Соч. 23, 140]). Созидание сокровищ очевидно происходит, когда деньги по какой-то причине изымаются из обращения — например, из-за пробуждающейся «жажды золота» (XXXV, 142; [Соч. 23, 142]). Маркс лирически отмечает (повторяя сказанное уже в «Парижских рукописях»), что буквально все конвертируется в золото.

Рассуждая о средстве платежа, Маркс рассматривает ситуацию, когда продавцы становятся кредиторами, покупатели — должниками, а деньги — средством платежа. На практике, следовательно, продажа и купля данного товара уже не происходят одновременно, поскольку деньги за покупаемую вещь платятся позже. Деньги работают вне товарного обращения, например, и в случаях заключения договоров, ренты,

налогов и т. п. Это приводит к необходимости накопления денег для платежа в определенное время.

Завершающие данную главу рассуждения о мировых деньгах сегодня устарели. В эпоху Маркса еще не было общепризнанного международного монетарного стандарта, такого как американский доллар, японская йена или евро. С учетом этой оговорки можно считать, что он правильно утверждает, что в международной сфере деньги принимают форму слитков благородного металла.

До сих пор, если не считать некоторых дополнительных материалов, обсуждение в целом повторяло изложение, представленное в «К критике политической экономии». Начиная со второго отдела («Превращение денег в капитал») Маркс выходит за рамки более ранней книги и развивает дальше свое понимание современного индустриального общества. В этом отделе последовательно рассматриваются: «Общая формула капитала» (гл. 4), «Противоречия в общей формуле капитала» (гл. 5) и «Купля и продажа капитала» (гл. 6). В четвертой главе Маркс начинает рассматривать накопление капитала, тему, которая была временно отложена и как бы оставалась на горизонте, после важного анализа прибавочной стоимости в «Grundrisse». Там Маркс разрабатывал идею прибавочной стоимости как неоплаченного труда. Здесь он делает вывод из этой идеи и показывает, что тот факт, что обмен товарами производит прибавочную стоимость, автоматически ведет к накоплению капитала, которое является внутренней целью капитализма.

В начале Маркс подчеркивает, что капитал принимает форму денег, в противоположность земельной собственности. Имеется коренное различие между просто деньгами и деньгами, которые являются капиталом. Как и в предыдущих сочинениях, Маркс устанавливает различие между обращением товаров, которые превращаются в деньги (Т–Д–Т), и превращением денег в товары (Д–Т–Д). Здесь

не обходится без новшеств, поскольку Маркс представляет последнюю формулу как $D-T-D'$, где D' – больше, чем D ; тем самым он хочет отразить прибавочную стоимость, которая определяется как прирост стоимости в обращении денег: «Это приращение, или избыток над первоначальной стоимостью, я называю прибавочной стоимостью» (XXXV, 161; [Соч. 23, 161]). В движении процесса обмена первоначальная сумма денег возросла, а значит превратилась в капитал. Душой капитализма является обращение денег в качестве капитала, который постоянно возрастает таким образом, как если бы был самоцелью. Поскольку деньги постоянно производят все больше денег, капитал является самовозрастающим, постоянно прибавляет к своей стоимости посредством производства прибавочной стоимости, которая увеличивает первоначальную стоимость. «Ибо движение, в котором она присоединяет к себе прибавочную стоимость, есть ее собственное движение, следовательно ее возрастание есть самовозрастание. Она получила магическую способность творить стоимость в силу того, что сама она есть стоимость. Она приносит живых детенышей или, по крайней мере, кладет золотые яйца» (XXXV, 164; [Соч. 23, 165]). Короче говоря, стоимость порождает стоимость, поскольку в процессе обращения капитала как денег порождение прибавочной стоимости в форме прироста денег ведет к накоплению капитала.

Сама по себе эта идея очень стара, что Маркс и показывает в длинном примечании об Аристотеле, который более двух тысячелетий назад уже различал *oeconomic*, или, вообще говоря, искусство приобретения благ, необходимых для жизни, и *chremastic* – или участие в торговле с мыслью об абсолютном обогащении. По мнению Маркса, уже Аристотель понимал, что обращение денег посредством обмена товарами ведет к богатству (XXXV, 163 прим.).

Хотя прибавочная стоимость возникает в обращении, это не объясняет причин ее возникновения. Маркс обраща-

ет внимание на эту загадку в ходе обсуждения противоречий всеобщей формулы капитала в следующей главе, где он доказывает, что капитал не производится обращением, но лишь существует в обращении. На этот счет, считает он, существует большая путаница. Дестют де Траси полагает, что в обмене выигрывают и продавец, и покупатель, а французский философ Этьенн Боно де Кондильяк (1715–1780) утверждает, что каждый отдает меньше, чем получает. Маркс возражает, что создание прибавочной стоимости невозможно объяснить ни тем, что товары продаются по цене, превышающей их стоимость, ни тем, что они продаются по цене, которая ниже их стоимости. Далее он пишет, что если обмениваются эквиваленты, то не возникает прибавочной стоимости.

Разрешение этой загадки потребовало пространного обсуждения, которое занимает большую часть оставшейся части этого тома. Маркс начинает его в следующей главе в ходе анализа рабочей силы. Вспомним, что в «Grundrisse» он ввел различие между рабочим, или трудящимся, и рабочей силой. Теперь он рассматривается рабочую силу в связи с потребительной стоимостью. Его положение заключается в том, что прибавочная стоимость является результатом разницы между суммой, уплачиваемой за рабочую силу, которая создает прибавочную стоимость, производя товар, и его меновой стоимостью. Рабочая сила по определению есть то, что пускается в ход для производства потребительной стоимости. В процитированном выше важнейшем отрывке о производственной деятельности, который приводит Маркс (XXXV, 178 прим.), Гегель отмечает, что работник может «отчуждать» рабочую силу, которой он «обладает», кристаллизируя ее в процессе труда¹. Если

---

¹ *Hegel G. W. F. Hegel's Philosophy of Right / Trans. with notes by T.M. Knox. L.: Oxford University Press, 1967. (§ 67).*

воспользоваться терминологией Маркса, рабочая сила доступна для продажи как товар, который является ценным, поскольку он производит другие, более ценные товары. Люди вынуждены продавать свою рабочую силу по той простой причине, что для того чтобы жить (а тем более – чтобы жить хорошо), они нуждаются в средствах существования, поскольку должны удовлетворять основные потребности в пище, одежде, жилище.

Накопление капитала обусловлено производством прибавочной стоимости, реальной предпосылкой которой является существование товаров. Прибавочная стоимость не производится в экономике, основанной на непосредственном обмене продуктами труда, где продукты обмениваются непосредственно на другие продукты или услуги, но не на деньги. Она производится только в экономике, в которой потребительная стоимость отделена от меновой стоимости, а продукты труда поэтому превращаются в товары, которые обмениваются на деньги. То, что может предложить рабочий, его единственный товар – его рабочая сила, цена которой определяется тем, в чем он нуждается для продолжения существования. «Стоимость рабочей силы есть стоимость жизненных средств, необходимых для поддержания жизни ее владельца» (XXXV, 182; [Соч. 23, 181]). Заработная плата, которую капиталист платит за рабочую силу, устанавливается до производства. Стоимость товара, или подлежащего обмену продукта труда, есть функция от произведенной потребительной стоимости. Рабочий и капиталист собираются вместе в интересах каждого из них: рабочий продает свою рабочую силу ради удовлетворения своих насущных потребностей, а капиталист покупает рабочую силу, предлагаемую для продажи, и платит за нее заработную плату или вознаграждение, в надежде продать товар по цене, превышающей его затраты, и получить прибавочную стоимость.

В третьем, четвертом и пятом отделах Маркс обсуждает типы прибавочной стоимости, начиная (в третьем отделе) с «производства абсолютной прибавочной стоимости». Он посвящает этой теме значительную часть текста – около 130 страниц; еще больше – почти 200 страниц – он отводит рассмотрению относительной прибавочной стоимости, но лишь чуть больше 25 страниц уделяет общим моментам абсолютной прибавочной стоимости и относительной прибавочной стоимости.

Маркс начинает с утверждения, что капиталист покупает рабочую силу, для того чтобы использовать ее для производства потребительной стоимости в форме товара. Сначала Маркс рассматривает трудовой процесс независимо от общественных условий, в которых он происходит. Следуя неизменной линии своих сочинений, он изображает трудовой процесс как взаимодействие между индивидами и природой. Маркс резюмирует свою точку зрения следующим образом: «Процесс труда, как мы изобразили его в простых и абстрактных его моментах, есть целесообразная деятельность для созидания потребительных стоимостей, присвоение данного природой для человеческих потребностей» (XXXV, 194; [Соч. 23, 195]). Продукт производственного процесса, или потребительная стоимость, отходит капиталисту. Исследование труда, поскольку он создает стоимость, касается только количества безотносительно к качеству. В целях подсчета суммы стоимости необходимо свести квалифицированный труд к так называемому среднему общественному труду.

В следующей главе под заглавием «Постоянный капитал и переменный капитал» Маркс рассматривает, как средства производства, которые изнашиваются в этом процессе, переносятся, так сказать, на продукт. Например, машины изнашиваются и нуждаются в замене. Очевидно, что рост производительности труда повышает совокупную

стоимость, при этом сохраняя первоначальную стоимость, скажем так, завода, в том числе его машин. Стоимость заключается в предметах, и средства производства, такие как машины, не вносят в потребительную стоимость больше того, что они теряют в процессе их использования. На этом основании Маркс утверждает, что стоимость не изнашивается и не воспроизводится – «она сохраняется» (XXXV, 217; [Соч. 23, 218]). Следовательно, «прибавочная стоимость» измеряется «избытком стоимости продуктов над стоимостью элементов, потребленных для образования продукта, т. е. над стоимостью средств производства и рабочей силы» (XXXV, 219; [Соч. 23, 219]). Что касается капитала, то постоянный капитал подразумевает средства производства, включая сырье и орудия труда, а переменный капитал – рабочую силу, или заработную плату и вознаграждение.

Важность этого различия обнаруживается при рассмотрении «Нормы прибавочной стоимости» в следующей главе, где Маркс непосредственно характеризует капитал как состоящий из c , или постоянного капитала, и v , или переменного капитала. Прибавочная стоимость, которая является результатом изменения v , выражается как $v+v'$, где v' есть приращение или увеличение v . То же самое различие может быть понято как функция от рабочего времени. Последнее включает необходимое рабочее время, или время, которое человек должен отработать ради удовлетворения своих насущных потребностей, и прибавочное рабочее время. В течение последнего рабочий создает прибавочную стоимость для капиталиста, которая «прельщает капиталиста всей прелестью созидания из ничего» (XXXV, 226; [Соч. 23, 228]). Отсюда следует, что норма прибавочной стоимости выражается соотношением между прибавочным трудом и необходимым трудом. Очевидно, что владелец средств производства весьма заинтересован в продлении

рабочего дня ради получения максимальной прибыли. Для пояснения этой мысли Маркс ссылается на оксфордского профессора экономики Нассау У. Сениора (1790–1864), который в 1837 г. доказывал, что когда, согласно фабричному акту, рабочий не может работать более 12 часов в день в течение рабочей недели и 9 часов – в субботу, «вся «чистая прибыль» фабриканта «происходит от последнего часа работы»¹.

Используя этот пример как зацепку, Маркс обращается в десятой главе к рассмотрению темы «Рабочий день». В этом пространным тексте (объемом около 70 страниц) Маркс пишет об ужасных условиях труда, особенно – детского труда, существовавших в то время. В «Богатстве народов» Смит отмечает, что нищета не благоприятствует выращиванию детей². Маркс идет намного дальше. В одном поразительном фрагменте он пишет, что «капитал – это мертвый труд, который, как вампир, оживает лишь тогда, когда всасывает живой труд и живет тем полнее, чем больше живого труда он поглощает» (XXXV, 241; [Соч. 23, 244]). Рабочий день не имеет естественного предела. Поскольку капиталист получает прибыль благодаря его удлинению и поскольку рабочий представляет собой лишь источник рабочего времени, капиталист во всех отношениях заинтересован в удлинении рабочего дня. Основываясь на официальных документах, Маркс приводит целый ряд примеров, которые свидетельствуют о том, что в Англии в 1860-е гг. детей 9–10 лет будили в два, три или четыре

---

¹ *Nassau W. Senior. Letters on the Factory Act, as it affects the cotton manufacture*, – это произведение цитируется Марксом в первом томе «Капитала»: *CW. Vol. 25. P. 233*. Эта мысль произвела на Маркса настолько сильное впечатление, что он повторяет ее дальше в этом же томе: *CW. Vol. 35. P. 592*.

² *Smith A. The Wealth of Nations / Ed. E. Cannan; Intro. M. Lerner. N. Y.: Modern Library, 1937. P. 79*.

часа ночи лишь для того, чтобы они работали до полудня. В наши дни примерно таковы, в странах третьего и четвертого мира, условия жизни маленьких детей, производящих кроссовки или другие предметы одежды фирмы «Nike». Маркс подробно исследует эти жуткие условия труда в главах «Отрасли английской промышленности без установленных законом границ эксплуатации», «Дневной и ночной труд» и др. Поскольку система ориентирована на увеличение капитала, с точки зрения капиталиста вообще не должно быть конца рабочего дня, а к рабочему следует относиться лишь как к источнику рабочей силы, полезной для возрастания стоимости. Маркс саркастически отмечает, что промышленная революция не привела на вершину человеческого прогресса, а ее результат – установившееся современное индустриальное общество – не имеет ничего общего с освобождением рабочих. «Понадобились века для того, чтобы “свободный” рабочий вследствие развития капиталистического способа производства добровольно согласился, т. е. был вынужден общественными условиями, продавать за цену привычных жизненных средств все активное время своей жизни, самую свою работоспособность, – продавать свое первородство за блюдо чечевичной похлебки» (XXXV, 276–277; [Соч. 23, 280–281]). Более широкий вывод Маркса заключается в том, что целью капитализма является просто «производство прибавочной стоимости, или извлечение прибавочного труда» (XXXV, 302; [Соч. 23, 306]). Буквально все остальное подчинено этой цели.

Маркс заканчивает этот отдел короткой главой «Норма и масса прибавочной стоимости». До сих пор он предполагал, что стоимость рабочей силы является постоянной величиной. Теперь он подчеркивает, что сумма прибавочной стоимости варьируется, будучи функцией от суммы переменного компонента, каковым является живая рабочая сила, а значит – от роли рабочего в процессе производства.

Это означает, что капиталист всецело заинтересован в увеличении, а не в уменьшении эксплуатации рабочего ради увеличения прибавочной стоимости.

За пространным обсуждением абсолютной прибавочной стоимости в третьем отделе следует еще более пространное рассмотрение «Производства относительной прибавочной стоимости» в четвертом отделе. Последний состоит из четырех глав, последняя из которых («Машины и крупная промышленность») по объему (около 130 страниц) равна всему предшествующему отделу об абсолютной прибавочной стоимости.

Маркс начинает этот отдел книги рассмотрением понятия относительной прибавочной стоимости в контексте вопроса, который должен приходиться в голову каждому владельцу частной собственности, например машины, — а именно вопроса о том, как можно увеличить прибавочную стоимость. Если длительность рабочего дня не может быть увеличена — а мы помним, что во времена Маркса рабочий день был непомерно длинным исходя из современных критериев промышленно развитого Запада — то единственная практическая альтернатива заключается в сокращении объема необходимого рабочего времени, или времени, необходимого для удовлетворения самых необходимых жизненных нужд. Это сокращение может быть достигнуто, например, посредством технических нововведений. В этой связи Маркс говорит о различии между абсолютной прибавочной стоимостью, которая производится путем удлинения рабочего дня, и относительной прибавочной стоимостью, которая получается благодаря уменьшению необходимого рабочего времени. Результатом технических нововведений является рост производительности труда, а следовательно — увеличение прибавочной стоимости. Решение вопроса, следовательно, связано не с уменьшением продолжительности рабочего дня, а с уменьшени-

ем рабочего времени. Это последнее дает двойной результат: с одной стороны, удешевление товаров, с другой — возрастание их прибавочной стоимости. «Так как относительная прибавочная стоимость растет прямо пропорционально развитию производительной силы труда, в то время как стоимость товаров падает в обратном отношении к этому развитию, — другими словами, так как один и тот же процесс удешевляет товары и увеличивает заключающуюся в них прибавочную стоимость, то этим разрешается загадочность того факта, что капиталист, заботящийся только о производстве меновой стоимости, все время старается понизить меновую стоимость своих товаров» (XXXV, 325; [Соч. 23, 330–331]).

Определив понятие относительной прибавочной стоимости, Маркс рассматривает аспекты ее производства в трех главах, начиная с относительно краткого разбора темы «Кооперация», переходя затем к более пространной главе «Разделение труда и мануфактура» и заканчивая весьма детальным обсуждением проблемы «Машины и крупная промышленность». Он отмечает, что капиталистическое производство начинается с того, что большое число рабочих собираются вместе. В принципе количество рабочих не влияет ни на уровень прибавочной стоимости, ни на степень эксплуатации. Но когда индивиды работают сообща, время, требующееся для удовлетворения первичных необходимых потребностей, или необходимое рабочее время, уменьшается. Маркс выражает эту мысль так: «В планомерном сотрудничестве с другими рабочий преодолевает индивидуальные границы и развивает свои родовые потенции» (XXXV, 334; [Соч. 23, 341]).

Эту тему Маркс развивает в детальном обсуждении разделения труда и мануфактуры. Разделение труда — постоянная тема его работ после «Парижских рукописей». В этих рукописях он уравнивает разделение труда с част-

ной собственностью, на которой оно основывается, и называет его и обмен двумя главными формами ощутимого отчуждения (В 187; III, 321). В «Немецкой идеологии» идея разностороннего индивида, который якобы будет существовать при коммунизме, понимается как антитеза разделения труда, которое препятствует такому развитию (GI 53; V, 47).

Мануфактура – форма кооперации, основанная на разделении труда, возникает в том случае, когда происходит объединение представителей различных ремесел или когда многие люди сообща выполняют одну и ту же работу. При разделении труда процесс производства раскладывается на отдельные шаги благодаря кооперации. Очевидно, что повторение одной и той же операции сберегает время в производственном процессе. Имеется также различие между простой сборкой отдельных частей в один предмет (как при изготовлении часов) и созданием продукта как процессом, состоящим из ряда шагов (как при создании кабинета).

Маркс бегло останавливается на разделении труда в форме мануфактуры и на общественном разделении труда. Разделение труда, возникающее естественно и спонтанно, например в семье, получает огромное развитие в результате отделения города от деревни (эта мысль уже высказывалась в «Немецкой идеологии»), т. е. в результате товарного обмена. «Основой всякого развитого и товарообменом опосредствованного разделения труда является отделение города от деревни» (XXXV, 357; [Соч. 23, 365]). Крупная мануфактура, типичная для современного индустриального общества, предполагает предшествовавшее развитие разделения труда. Мимоходом Маркс поясняет различие между современным индустриальным обществом с его тенденцией к организации общества как гигантского завода и тем, что ранее в «Grundrisse» он назвал азиатским способом производства (где простота «объясняет тайну неизменности азиатских обществ» (XXXV, 363–364; [Соч. 23, 371])), который воспроизводится без социального изменения.

Маркс заканчивает эту главу замечаниями о капиталистической мануфактуре, которая требует столько рабочих, сколько предписывается ранее созданным разделением труда. Здесь он отмечает (как и в «Парижских рукописях»), что простое ограничение рабочего обязанностью совершать монотонные движения превращает его в животное. «В то время как простая кооперация оставляет способ труда отдельных лиц в общем и целом неизменным, мануфактура революционизирует его снизу доверху и поражает индивидуальную рабочую силу в самом ее корне. Мануфактура уродует рабочего, искусственно культивируя в нем одну только одностороннюю сноровку и подавляя мир его производственных наклонностей и дарований » (XXXV, 365; [Соч. 23, 373]). Ведь капиталиста, который заинтересован только в прибыли, не интересует воздействие производственного процесса на рабочего. Это распространяется и на политическую экономию, которая видит в разделении труда способ увеличить производство самой малой ценой. Конечно, разделение труда существует издавна. Как отмечает Маркс, оно лежит в основании уже платоновского разделения общества на классы. В завершение этой части книги Маркс отмечает различие между современной заинтересованностью разделением труда как средством наращивания производства и накопления и интересом авторов классической древности к разделению общественных отраслей производства как средству совершенствования продукта и его производителя.

В очень длинной главе «Машины и крупная промышленность» детально разрабатывается тема, впервые поднятая в «Grundrisse». Маркс продолжает здесь размышлять над тем, что прогресс современного индустриального общества оплачивается дорогой ценой, поскольку требует жертв от рабочих, которые буквально отказываются от всего, без чего невозможна хорошая жизнь, и даже от самой жизни ради других людей, занятых сколачиванием капита-

ла. В начале он цитирует английского философа-утилитариста и политико-эконома Д. С. Милля (1806–1873), который выражает сомнение в том, что машины сделали чей-либо труд более легким: «Сомнительно, чтобы все сделанные до сих пор механические изобретения облегчили труд хотя бы одного человеческого существа». По мнению Маркса, Милль не замечает главного – что машины призваны скорее производить и увеличивать производство прибавочной стоимости.

Поскольку промышленная революция прежде всего превращает орудия труда в машины, Маркс начинает обсуждение с развития системы машин. В результате внедрения машин рабочий, вместо того чтобы использовать орудия труда, превращается в простой придаток машины, которая в сущности занимает его место. «Машина, от которой исходит промышленная революция, заменяет рабочего, действующего одновременно только одним орудием, таким механизмом, который разом оперирует множеством одинаковых или однородных орудий» (XXXV, 379; [Соч. 23, 387]). Машины не только заменяют людей. Они также делают работы, которые требуют простых повторяющихся движений, лучше, чем их могут делать люди, причем делают их такими способами, которые могут быть применены для решения многих различных задач. Паровая машина Уатта, например, была предназначена не для какого-то единственного употребления, но для широкого применения в промышленности в целом. Маркс говорит, что машину можно охарактеризовать как «большой автомат» (XXXV, 384; [Соч. 23, 392]), как то, что сегодня назвали бы роботом. Разделение труда возникает и среди машин. Технической основой современной промышленности является изобретение различных машин для выполнения различных специальных задач. Из-за взаимозависимости различных отраслей промышленности изменения в одной из них взаимосвязаны с изменениями в других. «Переворот в способе

производства, совершившийся в одной сфере промышленности, обуславливает переворот в других сферах» (XXXV, 386; [Соч. 23, 395]). Маркс приводит пример, когда прогресс в прядении хлопка привел к изобретению джина (хлопкоочистительной машины) для отделения семян от волокна, с тем чтобы увеличить объем производства. Если выразить это в более общей форме, можно сказать, что переход от мануфактуры к современной промышленности означает массовую замену рабочих машинами как фундаментальным источником производства, которому люди отныне подчиняются.

Маркс постоянно настаивал на гегелевской идее, что лицо производит потребительную стоимость в то самое время, когда работа «застывает» или «кристаллизуется» в продукте. Теперь он утверждает, что, заменяя людей, машина лишь увеличивает сумму работы, которая может быть выполнена, а следовательно, и стоимость, которая может быть создана. Для иллюстрации этой мысли он говорит о том, что паровой плуг выполняет такую же работу, что и 66 человек, причем за то же время и за часть цены.

Ясно, что введение машин часто причиняет вред индивидуальному рабочему. Одна проблема заключается в том, что в результате применения машин усиливается эксплуатация, поскольку уменьшается заработная плата и каждый член семьи оказывается вынужден работать. Другая проблема связана с тем, что уменьшение числа рабочих просто удлиняет рабочий день оставшихся, что в свою очередь увеличивает прибыли. Еще одним последствием введения машин является увеличение производительности труда. Более интенсивный труд и соответственно более высокая норма производства заменяют более длительный труд, поскольку, например, «увеличивается темп введения машин и рабочий оказывается вынужден стремиться к еще более быстрому введению машин» (XXXV, 415; [Соч. 23, 423]). Маркс цитирует разных авторитетных авторов, с тем чтобы

показать, что сокращение рабочих часов в 1844 и 1850 гг. увеличило производительность труда, что привело к дальнейшему ухудшению здоровья рабочих.

Переходя к фабрике, Маркс замечает, что внедрение машин порождает тенденцию к замене опытных рабочих новичками, которые просто обслуживают машины, совершая повторяющиеся движения. В этом контексте он повторяет ранее высказанную мысль применительно к фабрике: «Вследствие своего превращения в автомат средство труда во время самого процесса труда противостоит рабочему как капитал, как мертвый труд, который подчиняет себе живую рабочую силу и высасывает ее» (XXXV, 426; [Соч. 23, 434]).

Не удивительно, что введение машин встречало широкое сопротивление со стороны рабочих, и Маркс приводит несколько примеров такого рода реакции. Развитие капитала посредством применения машин противоречит интересу рабочего, который теряет работу, лишаясь возможности продать свою рабочую силу. Внедрение машин просто делает ненужными целый ряд работ, опуская уровень зарплат зачастую ниже прожиточного. «Всемирная история не знает более ужасающего зрелища, чем постепенная, затянувшаяся на десятилетия и завершившаяся, наконец, в 1838 г. гибель английских ручных хлопчатобумажных ткачей» (XXXV, 434; [Соч. 23, 441]). В результате оказывается, что человеческий прогресс куплен ценой человеческих жертв. «Средство труда убивает рабочего» (XXXV, 435; [Соч. 23, 442]).

Некоторые экономисты доказывают, что введение машин высвобождает капитал для найма рабочих в других местах. Но Маркс полагает, что лишившиеся своих мест рабочие находят новую работу только благодаря инвестированию нового капитала. Неспособность осознать этот факт есть лишь неспособность признать, что введение машин имеет и положительные, и отрицательные стороны.

Снова разъясняя ту же самую мысль, Маркс пишет, что внедрение машин знаменует «победу человека над силами природы, капиталистическое же ее [машины] применение порабощает человека силами природы; так как сама по себе она увеличивает богатство производителя, в капиталистическом же применении превращает его в паупера» (XXXV, 444; [Соч. 23, 451–452]).

Еще одна проблема, возникающая в результате расширения производства, связана с неминуемостью циклических экономических кризисов, которые Маркс исследовал ранее в «Grundrisse». Здесь он отмечает, что заводская система допускает перепроизводство, которое в свою очередь вынуждает понижать зарплату, с тем чтобы продать товары по более дешевой цене, например в хлопчатобумажном производстве.

Введение машин упраздняет кооперацию в ремеслах, таких как изготовление игл. Опытные рабочие заменяются неопытными, или дешевой рабочей силой. Маркс приводит многочисленные конкретные примеры, взятые из английской статистики. Однако в конечном счете тенденция к снижению цены труда в результате применения машин наталкивается на непреодолимые естественные границы. В Англии это было введение фабричного законодательства для защиты рабочих, которое Маркс рассматривает как «первое сознательное и планомерное воздействие общества на стихийно сложившийся строй его процесса производства» (XXXV, 483; [Соч. 23, 492]). Он описывает робкие попытки совмещения начального образования с работой на фабрике и говорит о необходимости ввести специальное обучение. Введение фабричного законодательства – палка о двух концах. Требуя общих стандартов, оно лишь ускоряет полное преобразование общества, производимое под повсеместным контролем капитала. В экономическом отношении результатом являются простое уничтожение небольших производств в интересах более крупных, рост

концентрации капитала, укрепление фабричной системы и т. д. В сельском хозяйстве, например, где последствия оказались более серьезными, чем где-либо еще, введение машин «уничтожает оплот старого общества, «крестьянина», и выдвигает на его место наемного работника» (XXXV, 506; [Соч. 23, 513–514]). Неизменно внимательный к последствиям того или иного явления для людей, Маркс заканчивает эту огромную главу замечанием, что, подобно механизации промышленности, механизация сельского хозяйства неблагоприятна для конкретных рабочих: «В земледелии, как и в мануфактуре, капиталистическое преобразование процесса производства является в то же время источником мучений для производителей, средство труда – средством порабощения, эксплуатации и пауперизации рабочего; общественная комбинация процессов труда – организованным подавлением его индивидуальной жизнедеятельности, свободы и самостоятельности» (XXXV, 507; [Соч. 23, 514]).

Очень короткой пятый отдел разделяется на три крошечных главы: «Абсолютная и относительная прибавочная стоимость» (гл. 16), «Изменение в величине цены рабочей силы и прибавочной стоимости» (гл. 17) и «Различные формулы нормы прибавочной стоимости» (гл. 18). Обсуждение в этом отделе, специальное и содержащее повторение более ранних мыслей, можно резюмировать в нескольких словах. Как неоднократно подчеркивает Маркс, капитализм опирается не на производство товаров, а на производство прибавочной стоимости. Отношение собственника средств производства к рабочему есть отношение к лицу, рабочая сила которого создает прибавочную стоимость. Сформулированное выше различие между относительной прибавочной стоимостью и абсолютной прибавочной стоимостью выражает различные способы производства прибавочной стоимости. Ранее Маркс рассматривал развитие общества, которое предполагается промышлен-

ным производством, ведущим к прибавочной стоимости. Здесь он выражает недовольство тем, что такие политико-экономы, как Рикардо и Д. С. Милль, просто считают прибавочную стоимость естественной.

Эта полемика продолжается в двух последующих главах. В замечаниях о цене рабочей силы и прибавочной стоимости Маркс, основываясь на Рикардо, показывает, что прибавочная стоимость и стоимость рабочей силы изменяются обратно пропорционально одна другой. Он критикует Рикардо, поскольку тот не обращает внимания на изменения в длительности рабочего дня, которые должны увеличивать абсолютную прибавочную стоимость, и в интенсивности труда, что должно увеличить относительную прибавочную стоимость. В комментариях о норме прибавочной стоимости Маркс утверждает, что представители классической политической экономии рассчитывали ее неправильно. Он заканчивает отдел прекрасным пассажем, где резюмируется различие между его основной мыслью, что современное индустриальное общество основывается на контроле над неоплаченным трудом, и политической экономией: «Капитал есть не только командование над трудом, как выражается А. Смит. Он по существу своему есть командование над неоплаченным трудом. Всякая прибавочная стоимость, в какой бы особенной форме она впоследствии ни кристаллизовалась, в виде ли прибыли, процента, ренты и т. п., по самой своей субстанции есть материализация неоплаченного рабочего времени. Тайна самовозрастания капитала сводится к тому, что капитал располагает определенным количеством неоплаченного чужого труда» (XXXV, 534; [Соч. 23, 544]).

Очень краткий пятый отдел, объемом менее тридцати страниц, более короткий, чем многие отдельные главы этой книги, посвящен общей теме «Заработная плата». Он разбит на четыре главки, первая из них имеет заглавие «Преобразование стоимости, соответственно и цены, рабочей силы

в заработную плату» (гл. 19). Рассматривая эту тему, Маркс формулирует свою спорную версию трудовой теории стоимости как функции труда, необходимого для производства данного товара: «Но что такое стоимость товара? Предметная форма затраченного при его производстве общественно-го труда» (XXXV, 535; [Соч. 23, 545]). Труд, являющийся источником стоимости, сам по себе не имеет стоимости. Его цена определяется законом спроса и предложения. Но выражение «цена труда» надо понимать как означающее «цену рабочей силы», которая высчитывается в форме заработной платы. По мнению Маркса, тот факт, что цена труда всегда меньше производимой им стоимости, утаивается в понятии заработной платы, поскольку всегда имеется неоплаченный труд. «На этой форме проявления, скрывающей истинное отношение и создающей видимость отношения прямо противоположного, покоятся все правовые представления как рабочего, так и капиталиста, все мистификации капиталистического способа производства, все порождаемые им иллюзии свободы, все апологетические увертки вульгарной политической экономии» (XXXV, 540; [Соч. 23, 550]).

Далее Маркс бегло рассматривает «Повременную заработную плату», «Поштучную заработную плату» и «Национальные различия в заработной плате». Что касается первой темы, то он утверждает, что в экономической дискуссии обычно не принимают во внимание различия, например, между исчислением заработной платы в терминах отработанного времени или количества произведенных предметов. По ходу дела он добавляет, завершая аргументацию предыдущей главы, что в целом капиталисты не осознают, что цена труда включает неоплаченный труд и что от него зависит прибыль. Поштучная заработная плата, утверждает Маркс, повышает производительность труда. О национальных различиях в заработной плате он констатирует довольно очевидный факт – что в разных странах складываются разные условия.

Накопление капитала – центральный момент капитализма. Маркс рассматривает накопление в двух фазах. В седьмом отделе («Процесс накопления капитала») он довольно детально исследует, как происходит накопление в современном индустриальном обществе. В восьмом отделе, которым заканчивается первый том, он изучает «Так называемое первоначальное накопление», ведущее к современному капитализму. В седьмом отделе Маркс разрабатывает общую теорию накопления капитала как результата трехчастного процесса, посредством которого: 1) капитал в форме денег преобразуется в средства производства, такие как орудия труда, заводы и рабочая сила; 2) производятся товары, стоимость которых больше, чем затраты на их производство, поскольку прибавочная стоимость создается в форме неоплаченного труда; и 3) товары продаются, а значит реализуется прибавочная стоимость, с тем чтобы превратиться в капитал. Маркс исследует накопление капитала в современном индустриальном обществе в трех главах: «Простое воспроизводство» (гл. 23), «Превращение прибавочной стоимости в капитал» (гл. 24) и «Всеобщий закон капиталистического накопления» (гл. 25).

Анализ простого воспроизводства основывается на той мысли, что процесс производства является в то же время процессом воспроизводства. В процессе производства новых продуктов, доставляющих зарплату рабочему и прибыль владельцу средств производства, производство в конечном счете воспроизводит себя. Простое воспроизводство имеет место, когда произведенный таким образом доход служит только доставлением денег, которые затрачиваются владельцем средств производства на собственное потребление. Рабочий, напротив, получает просто часть того, что он сам производит, поскольку «капиталист авансирует рабочему овеществленный труд самого рабочего» (XXXV, 568; [Соч. 23, 580]).

Капитал состоит из переменного капитала и постоянного капитала, инвестированного в здания, машины и т. д. Поскольку последний потребляется в процессе производства, весь капитал в конечном счете становится накопленным капиталом, или накоплением прибавочной стоимости. Отсюда следует, что начальная точка капиталистического производства, которая находится в отделении труда от его продукта или рабочей силы от ее объективных условий, постоянно воспроизводится путем простого воспроизводства в рамках процесса производства. Точнее, результатом нормального функционирования производственного процесса является увеличение капитала капиталиста. Однако рабочий, создающий это богатство, но продающий для этого свою рабочую силу, не имеет возможности приобрести его. Дальнейшим результатом является то, что этот процесс на самом деле производит рабочего как рабочего. В суммирующем фрагменте Маркс пишет: «Таким образом, рабочий сам постоянно производит объективное богатство как капитал, как чуждую ему, господствующую над ним и эксплуатирующую его силу, а капиталист столь же постоянно производит рабочую силу как субъективный источник богатства, отделенный от средств ее собственного овеществления и осуществления, абстрактный, существующий лишь в самом организме рабочего, – короче говоря, производит рабочего как наемного рабочего. Это постоянное воспроизводство или увековечение рабочего есть *conditio sine qua non* [непременное условие] капиталистического производства» (XXXV, 570–571; [Соч. 23, 583–584]).

Более общая мысль заключается в том, что нормально действующее капиталистическое производство воспроизводит разделение между рабочей силой и средствами труда, между тем, что предлагает рабочий, и тем, что предлагает владелец средств производства, – между субъективными и объективными условиями производства. Следовательно, в нормальные времена оно производит и воспроиз-

водит условия для эксплуатации рабочего. А значит, процесс производства производит товары, прибыль и саму структуру капитализма. «Следовательно, капиталистический процесс производства, рассматриваемый в общей связи, или как процесс воспроизводства, производит не только товары, не только прибавочную стоимость, он производит и воспроизводит само капиталистическое отношение, – капиталиста на одной стороне, наемного рабочего – на другой» (XXXV, 577; [Соч. 23, 591]).

Анализируя простое воспроизводство, Маркс доказывает, что в ходе производства капитал превращается в накопленный капитал. Более детально он исследует эту тему в главе о превращении прибавочной стоимости в капитал. Прибавочная стоимость, содержащаяся в продукте, становится капиталом, когда продукт превращается в деньги. Только то, что принадлежит к производственному процессу, может быть превращено в капитал. Прибавочная стоимость может быть превращена в капитал, поскольку она доставляет условия – в форме нового капитала – для продолжения процесса производства. Таким образом капитал постоянно создает новый капитал. Неоднократно отмечалось, что создание нового капитала требует двух условий: неоплаченного присвоения прибавочной стоимости, которая «конкретизируется» или «материализуется» в форме продукта, и обмена этого продукта за деньги. Этот результат следует естественно и беспрепятственно, коль скоро рабочий вынужден, для того чтобы удовлетворять свои потребности, работать ради средств существования. На основании понимания прибавочной стоимости как принадлежащей владельцу средств производства Маркс опровергает Адама Смита, полагавшего, что часть прибавочной стоимости, которая превращается в капитал, отходит к рабочим. Маркс подчеркивает, что, скорее, прибавочная стоимость частично потребляется капиталистом как доход, а частично реинвестируется в форме капитала. Он полага-

ет, вообще говоря, что классическая политическая экономия так и не поняла сущности воспроизводства, поскольку не поняла, каким образом создается стоимость.

Глава о всеобщем законе капиталистического накопления, завершающая этот отдел, одновременно более пространна (занимает около ста страниц) и более подробна, чем предшествующие главы. Маркс занят здесь двумя проблемами, которые обсуждал уже в «Парижских рукописях»: тем, каким образом капитализм буквально сам производит рыночное предложение рабочих, и воздействием накопления капитала на индивидуальных рабочих. Для увеличения капитала та часть, которая инвестируется в переменный капитал, или рабочую силу, должна возрастать. Следовательно (что было известно уже классической политической экономии), рост прибыли зависит от роста числа рабочих. «Итак, накопление капитала есть увеличение пролетариата» (XXXV, 609; [Соч. 23, 628]). Это заключение обосновывается указанием на соотношение между накоплением капитала и нормой оплаты: т. е. корреляцией между неоплаченным трудом, который превращается в капитал, и оплаченным трудом, который удерживает процесс производства на плаву. Если требуется больше труда, тогда заработная плата растет, и наоборот. Значит, закон спроса и предложения применим и к рабочим, которые, как и производимые ими товары, зависят от современного индустриального общества. В последнем образчике своего подхода в духе Фейербаха Маркс пишет: «Как в религии над человеком господствует продукт его собственной головы, так при капиталистическом производстве над ним господствует продукт его собственных рук» (XXXV, 616; [Соч. 23, 635]).

Накопление капитала определяется различными факторами, такими как рост числа рабочих или повышение производительности труда. В связи с последней Маркс исследует такие механизмы, как растущая концентрация капитала в руках немногих людей (сегодня мы сказали бы об

ограниченной конкуренции), рост конкуренции среди различных производителей, скажем в форме войны цен, например путем понижения цены на топливо для машин, развития различных форм кредитования и т. д.

Естественно, накопление капитала, движимое рабочими, воздействует на рабочее население. Рост производительности, например, приводит к появлению избытка рабочих, которые начинают пополнять ряды безработных. Напротив, современное индустриальное общество зависит от наличия доступного резерва рабочих, от перенаселения, которое «образует промышленную резервную армию, которой может располагать капитал и которая так же абсолютно принадлежит ему, как если бы он вырастил ее на свой собственный счет» (XXXV, 626; [Соч. 23, 646]). Ведь если бы не было достаточного количества рабочих, то зарплаты и вознаграждения росли бы, а значит – препятствовали бы развитию капитала. Во все времена должно быть достаточно рабочих, включая определенное количество безработных или частично занятых, для обеспечения максимального роста капитала.

Вообще говоря, чем больше растет капитал, тем больше рабочих образуют промышленную резервную армию, находящуюся в ожидании работы. Вторя своим ранним размышлениям об отчуждении в «Парижских рукописях», Маркс здесь доказывает, что различные механизмы повышения производительности труда грозят ухудшением положения рабочих: «При капиталистической системе все методы повышения общественной производительной силы труда осуществляются за счет индивидуального рабочего; все средства для развития производства превращаются в средства подчинения и эксплуатации производителя, они уродуют рабочего, делая из него неполного человека ...принижают его до роли придатка машины, превращая его труд в муки, лишают этот труд содержательности» (XXXV, 639; [Соч. 23, 660]).

Более широкий тезис Маркса, неоднократно высказывавшийся им и раньше, – что рабочие беднеют именно потому, что являются прямой причиной роста богатства: «Накопление богатства на одном полюсе есть в то же время накопление нищеты, муки труда, рабства, невежества, огрубения и моральной деградации на противоположном полюсе, т. е. на стороне класса, который производит свой собственный продукт как капитал» (XXXV, 640; [Соч. 23, 660]). На оставшихся пятидесяти с лишним страницах этой главы Маркс обильно иллюстрирует это утверждение, приводя целый ряд конкретных примеров, живописующих ужасные условия существования рабочего класса в Англии того времени.

В восьмом и последнем отделе книги Маркс рассматривает «Так называемое первоначальное накопление». Он состоит из восьми очень кратких глав, которые занимают в совокупности около шестидесяти страниц. Первоначальное накопление предшествует накоплению капитала и делает возможным последнее. Деньги и товары, которые отличаются от капитала, могут стать капиталом лишь при наличии двух условий – если собственники средств производства хотят нанимать рабочих, а рабочие хотят продавать свою рабочую силу. Рабочий, владеющий собственными средствами производства, например работающий на себя фермер, захочет продать свою рабочую силу кому-то другому лишь в том случае, если утратит свои средства производства, в данном случае – ферму. Первоначальное накопление подразумевает, что индивиды лишаются средств производства, что составляет необходимое условие современного индустриального общества. «Следовательно, так называемое первоначальное накопление есть не что иное, как исторический процесс отделения производителя от средств производства» (XXXV, 705–706; [Соч. 23, 727]).

Маркс отмечает, что этот процесс идет по-разному в разных странах, и исследует его на примере Англии, где

он принял классическую форму. Исчезновение крепостного права в конце XIV в. породило ситуацию, когда большинство населения состояло из свободных крестьян – собственников. Ситуация изменилась в конце XV – начале XVI в., когда крестьяне были вытеснены с земли. Массовая узурпация общинных земель была прямым результатом расцвета фландрской шерстяной мануфактуры, расцвет в свою очередь вел к превращению обрабатываемых земель в пастбища и их огораживанию начиная с конца XV столетия. Вытеснение с земли крестьян, которое позже продолжалось в разных формах, таких как захват церковной собственности в эпоху Реформации, со временем превращало их в пролетарскую рабочую силу, которая впоследствии могла предложить труд, поскольку в городах развивалась промышленность. Этот ряд экспроприаций крестьян позволил «завоевать поле для капиталистического земледелия, отдать землю во власть капитала и создать для городской промышленности необходимый приток поставленного вне закона пролетариата» (XXXV, 723; [Соч. 23, 744]).

Продолжающаяся экспроприация крестьян создавала рабочую силу, которая не могла быть поглощена нарождающимися мануфактурами, что превращало этих людей в «нищих, разбойников, бродяг – частью из склонности, в большинстве же случаев под давлением обстоятельств» (XXXV, 723; [Соч. 23, 744]). Маркс подробно описывает ужасающие условия жизни этого «свободного» пролетариата. В 1530 г. в правление Генриха VIII тех, кто отказывался работать, наказывали ударами кнута при первом преступлении, калечили при втором и казнили как врагов государства – при третьем. Первоначальное накопление – тот самый процесс, который лишил земли английских крестьян – создал фермера-капиталиста, внутренний рынок для промышленного капитала и, наконец, капиталиста-промышленника. Экспроприация крестьян породила крупного земельного собственника, чей капитал возрастал в стоимо-

сти вместе с ростом цен на сельскохозяйственную продукцию (например, кукурузу, шерсть, мясо). К тому же разрушение сельской ручной промышленности создало рынок промышленных продуктов, которые покупали крестьяне, превратившиеся в рабочих в результате экспроприации. Возникновение капиталиста-промышленника происходило несколько иначе. Начиная со средних веков капитал существовал как ростовщический и купеческий. Он стал промышленным в конце эпохи феодализма, когда разрушилась система гильдий. Появлению промышленного капитала способствовали такие события, как открытие золота и серебра в Америке, колонизация Ост-Индии и начало работоторговли с Африкой. Особенно способствовало ему возникновение системы государственного кредита, которая со временем привела к созданию банковской системы, дающей ссуды, к системе налогообложения, торговым войнам и т. д.

Последние две главы (гл. 33 – «Современная теория колонизации»; гл. 32 – «Историческая тенденция капиталистического накопления»), как представляется, не соответствуют естественному порядку глав, если иметь в виду аргументацию в первой книге «Капитала». В первой из этих глав рассматривается колонизация, и эта тема связана с различными формами первоначального накопления, а в последней кратким замечанием о перспективах современного индустриального общества завершаются эта часть и том в целом. Интерес Маркса к колониям объясняется их ролью в первоначальном накоплении, особенно в Англии. Очевидно, что капитализм в колониях не может получить большего развития, чем в Англии, а вместе с тем каждый поселенец может превратить землю, находящуюся в общественной собственности, в частную собственность. Кроме того, необходимым предварительным условием капитализма является отделение средств производства от рабочего. Хотя метрополия продолжает инвестировать, в ней недостаточно труда, поскольку нет достаточного количества

трудящихся. К счастью для капитализма Гражданская война в Америке увеличила национальный долг, подняла налоги и разбазарила общественные земли до такой степени, что все это весьма способствовало промышленному производству. Мысль Маркса снова заключается в том, что в Новом Свете, как и в Старом, «капиталистический способ производства и накопления, а следовательно, и капиталистическая частная собственность предполагают уничтожение частной собственности, покоящейся на собственном труде, т. е. предполагают экспроприацию работника» (XXXV, 761; [Соч. 23, 784]).

В предпоследней главе, с концептуальной точки зрения завершающей аргументацию первого тома, Маркс заканчивает свою великую книгу беглым замечанием, которым продолжает тему, уже затронутую в «Парижских рукописях», – замечанием о неблагоприятных долговременных перспективах современного индустриального общества из-за тенденции капитала к накоплению. Начиная с ранних сочинений Маркс неизменно исходил из различия между частной собственностью, или частным владением средствами производства, и общественной или коллективной собственностью, которая принадлежит не индивидуальным капиталистам, а каждому человеку. Исторически процесс развития шел от стадии, на которой индивиды эксплуатируют свою частную собственность, к дальнейшей стадии, на которой капиталисты эксплуатируют труд других. При нормальном развитии событий мелкий капитал превращается во все более и более крупный капитал в процессе централизации, в котором «один капиталист побивает многих капиталистов» (XXXV, 750; [Соч. 23, 772]). Маркс утверждает, что, следуя собственной тенденции к росту, капитал умножает, но в конечном счете лишь разрушает частную собственность. «Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической обо-

лочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют» (XXXV, 750; [Соч. 23, 773]).

Здесь Маркс снова формулирует этот диалектический тезис, который основан на применении гегелевской идеи противоречия, или отрицания отрицания. Он утверждает, что крах капитализма, основанного на частной собственности, неминуемо уничтожит частную собственность путем превращения ее в общественную собственность (а точнее – в индивидуальную собственность на основе достижений капиталистической эры). «Капиталистический способ присвоения, вытекающий из капиталистического способа производства, а следовательно, и капиталистическая частная собственность, есть первое отрицание индивидуальной частной собственности, основанной на собственном труде. Но капиталистическое производство порождает с необходимостью естественного процесса свое собственное отрицание. Это – отрицание отрицания» (XXIV, 751; [Соч. 23, 773]). Вспомним, что с точки зрения Маркса Фейербах, каковы бы ни были его намерения, в конечном счете является гегельянцем. Маркс заканчивает том перестановкой в фейербаховском духе – утверждает, что процесс превращения капитализма в социализм через замену частной собственности, представляющей собой экспроприацию экспроприаторов, будет бесконечно менее сложным, чем установление капитализма.

Превращение разрозненной частной собственности, порожденной индивидуальным трудом, в капиталистическую частную собственность является, конечно, процессом несравнимо более длительным, насильственным и трудным, чем преобразование капиталистической частной собственности – практически уже основывающейся на обобществленном производстве – в общественную собственность. В первом случае мы имеем дело с экспроприацией народной массы немногими узурпаторами; в последнем – с экспроприацией немногих узурпаторов народной массой (XXXV, 764; [Соч. 23, 773]).

5.

Отношение Маркса к Гегелю: новый взгляд

Я закончил избирательное изложение некоторых основных сочинений Маркса, выбранных мной по критерию их философской значимости. Поскольку Маркс был плодовитым автором, можно было бы обсудить и многие другие тексты, например второй и третий тома «Капитала», или четвертый том «Капитала», состоящий из трех книг «Теории прибавочной стоимости», или его весьма многочисленные политические произведения. Хотя и есть другие претенденты на специальное рассмотрение, я убежден, что большинства философски важных текстов Маркса мы уже коснулись. Я полагаю, далее, что мы рассмотрели – и довольно подробно – достаточно много текстов Маркса и смогли выявить в них непрерывно развивающуюся позицию, не имеющую очевидных разрывов или брешей. Мы проследили развитие теорий Маркса начиная с самых ранних его сочинений, где он критиковал гегелевскую «Философию права», продолжая все более детальной критикой политической экономии и возникновением и разработкой самостоятельной теории современного индустриального общества и заканчивая первым томом «Капитала».

Прежде чем приступить к интерпретации позиции Маркса, я предложил неортодоксальный взгляд на его отношение к марксизму и Гегелю. Правовверные марксисты от Эн-

гельса до Альтюссера представляют Маркса и марксизм сходными до неразличимости, а Маркса и Гегеля – разными до противоположности. Я написал долговую расписку, обязавшись показать, что рассматривать Маркса и марксизм как одну цельную позицию, мировоззрение или совокупность теорий (даже если это оправданно с политической точки зрения) – значит затемнять отношение Маркса к Гегелю и, следовательно, философскую позицию Маркса. Теперь пришло время отдать долг – предпринять более детальное, хотя все еще предварительное рассмотрение отношения Маркса к Гегелю в этой главе, прежде чем бросить последний взгляд на общую философскую позицию Маркса в следующей главе.

Об очевидном внимании Маркса к философии и политической экономии свидетельствуют его работы разных лет. В самых первых сочинениях о Гегеле Маркс уже интересуется политической экономией, и этот умеренный, но результативный интерес оказался решающим для позднейшего развития его позиции. В «К критике гегелевской философии права» он начинает критиковать Гегеля на основании собственного альтернативного взгляда на собственность: если Гегель рассматривает ее главным образом с правовой точки зрения, то Маркс призывает видеть в ней прежде всего экономическое явление. Это простое, но важнейшее изменение в подходе к собственности помогает нам понять происхождение позднейшей точки зрения Маркса на современное индустриальное общество как основанное на экономическом институте частной собственности¹. Уже в сопутствующем очерке «К критике гегелевской филосо-

---

¹ Макгрегор утверждает, что Гегель – более радикальный мыслитель, чем Маркс, и что переосмысление Марксом гегелевской точки зрения на частную собственность подразумевало, что в идеальном обществе Маркса отсутствуют государство и большинство институтов, гарантирующих личную свободу и предотвращают деспотизм и произвол власти. См.: *MacGregor D. Hegel, Marx, and the English State*. Toronto: University of Toronto Press, 1992.

фии права: Введение» Маркс принимает гегелевскую идею, что общественный контекст изменяется под давлением внутренних противоречий, которые разрешаются в историческом процессе. Следовательно, даже раньше первых подступов к формулировке концепции современного индустриального общества Маркс работал с важнейшей гегелевской мыслью – важнейшей и для формирования позиции Маркса – что современный промышленно развитый мир внутренне нестабилен, внутренне противоречив и потому обречен на превращение в общество другого типа.

В самых ранних сочинениях, включая, скажем, «Парижские рукописи», когда Маркс самым непосредственным образом интересовался философией, он еще не выработал сколько-нибудь развитого понимания политической экономии. Начиная с «Парижских рукописей» он приступает к детальному изучению этого предмета. В это время он весьма активно критикует современную политическую экономию и вместе с тем начинает формулировать в общих чертах собственную позицию, которую позже развивает и углубляет, но существенно не изменяет. В сочинениях вплоть до «Нищеты философии» он критикует непосредственно Гегеля, коллег-младогегельянцев и философию. В «Парижских рукописях» и, далее, после «Нищеты философии» в сочинениях Маркса наблюдаются три важных изменения. Во-первых, он продолжает основываться на своих первых философских идеях, формулируя другие. Во-вторых, он все дальше отходит от непосредственного анализа философии в сторону критики политической экономии. В-третьих, он все больше выдвигает вперед собственную альтернативную теорию.

Действительно ли Маркс отходит от философии? Если имеется в виду, что он перестает обсуждать философию в качестве главной темы, то следует ответить утвердительно. Если же имеется в виду, что он использует свои философские идеи в других областях, например в политической

экономии, то следует ответить отрицательно. Было бы грубой ошибкой жестко отделять (даже отрывать) прямой интерес к философским проблемам в первых сочинениях Маркса от его возрастающего интереса, заметного уже в самых ранних текстах, к критике политической экономии и созданию альтернативной теории современного индустриального общества – в позднейших работах. Поскольку три темы (философия, политическая экономия и современное индустриальное общество) неизменно взаимосвязаны в сочинениях Маркса, философию и экономику просто невозможно разделить ни в одном моменте мышления Маркса. После завершения диссертации и начала писательской работы он никогда не бросал философию, и точно так же, как это ни удивительно (поскольку его регулярные занятия экономикой начались примерно тогда же, что и критика Гегеля), он повсюду старался принимать во внимание экономические факторы. Словом, с того самого момента, когда Маркс начинает писать, философия и политическая экономия в его текстах неизменно переплетаются.

Существует взаимосвязь между интересами Маркса в области философии и политической экономии. Его критика Гегеля даже в ранних работах имеет в конечном счете экономический характер, точнее – формулируется под влиянием экономического, а не правового понимания собственности; а его критика политической экономии является гегельянской, основывается на обращении к истории, которую он инкорпорирует в свою теорию современного индустриального общества с исторической точки зрения. Соответственно данная глава распадается на три основные части. В первой части я буду (еще раз) доказывать, что Марксова критика Гегеля вытекает из его ранних политико-экономических идей и основывается на них. Во второй части я буду утверждать, что Марксова критика политической экономии от начала и до конца основывается на общегегелевском подходе. В третьей части я покажу, что

предлагаемая Марксом альтернативная теория современного индустриального общества является дальнейшим развитием его гегельянской позиции.

Как и изложение сочинений Маркса, эта часть обсуждения предполагает коренное различие между Марксом и марксизмом. Одним из результатов будет демонстрация того, что Марксова критика (и философское усвоение) Гегеля, критика политической экономии и альтернативные теории политической экономии и современного индустриального общества порождаются одной и единой концептуальной точкой зрения. Другим результатом будет обоснование того, что если целью является понимание Маркса, то необходимо прежде всего выйти за рамки политически мотивированных марксистских утверждений о коренных различиях между Марксом и Гегелем, или между Марксом и философией, или даже между философией и наукой; ведь только так можно понять, что Маркс в конечном счете – не только философ, и не только немецкий философ, но немецкий гегельянец, а значит – немецкий идеалист.

Предварительное обсуждение отношения Маркса к Гегелю

Невозможно составить исчерпывающий обзор представлений об этом отношении, которое упоминалось почти каждым, кто писал о Марксе. В своем емком исследовании марксизма Колаковский уделяет внимание Гегелю в общем обсуждении источников диалектики, но лишь бегло останавливается на отношении Маркса к Гегелю¹. Анри не очень хорошо знает Гегеля и не особо интересуется отно-

---

¹ *Kolakowski L. Main Currents of Marxism: Its Rise, Growth and Dissolution / Trans. P. S. Falla. Oxford: Clarendon Press, 1978. Vol. 1: The Founders. P. 56–80.*

шением между Марксом и Гегелем¹. Лёвит осознает необходимость рассмотрения Маркса на фоне Гегеля, но просто не продвигается достаточно далеко в трактовке этой темы². Хук отводит значительное место различным аспектам отношения Маркса к гегельянству, но он лучше знаком с младогегельянами, чем с Гегелем³. Гартман прекрасно знает концепции Маркса и Гегеля и дает очень полезный и довольно детальный анализ их теоретических отношений⁴. Проницательные очерки Ипполита на эту тему не образуют связной картины. Вуд предлагает тонкий анализ теорий Маркса, включающий несколько глав о его отношении к Гегелю⁵. Книги Вольфа и Кёстера относятся к самым подробным из известных мне работ⁶.

Эти авторы составляют исключение. По большей же части исследования этой темы предлагаются приверженцами Гегеля или Маркса, которые, как правило, не располагают серьезными или хотя бы достаточными знаниями о «другом» из этих двоих. Относительное неведение гегельянцев, которые недостаточно знают о Марксе, вполне сопоставимо с нередким отсутствием хорошего или даже адекватного понимания Гегеля у тех, кто интересуется

---

¹ *Henry M. Marx: A Philosophy of Human Reality / Trans. K. McLaughlin. Bloomington: Indiana University Press, 1983.*

² *Löwith K. From Hegel to Nietzsche: The Revolution in Nineteenth Century Thought / Trans. D. E. Green. Garden City, NY: Doubleday Anchor, 1967.*

³ *Hook S. From Hegel to Marx: Studies in the Intellectual Development of Karl Marx. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1966.*

⁴ *Hartmann K. Die Marxsche Theorie. Eine philosophische Untersuchung zu den Hauptschriften. Berlin: de Gruyter, 1970.*

⁵ *Wood A. W. Karl Marx. L.: Routledge and Kegan Paul, 1981.*

⁶ *Wolf D. Hegel und Marx. Zur Bewegungsstruktur des absoluten Geistes und des Kapitals. Hamburg: VSA-Verlag, 1979; Coster O. Hegel und Marx: Struktur und Modalität ihrer Begreif politisch-sozialer Vernunft in terms einer «Wirklichkeit» der «Einheit» von «allgemeinem» und «besonderem Interesse». Bonn: Bouvier, 1983.*

Марксом. Исследователи философии Гегеля уверены, что Марксова критика в лучшем случае оказывается ударом по касательной, и редко сомневаются в своей правоте. Маркс – один из самых серьезных критиков Гегеля, но не принадлежащие к марксистам исследователи Гегеля обычно просто игнорируют его критику¹. Отказываясь рассматривать послегегелевское развитие философии, они невольно присоединяются в той или иной форме к младогегельянскому тезису, что философия, достойная своего имени, достигает в Гегеле своей вершины и завершения.

Марксисты часто упоминают Гегеля, но их трактовки гегелевской философии редко бывают адекватными². Они последовательно подчеркивают, что в своих сочинениях Маркс оставляет позади чисто академическую философию ради теории, крепко связанной с практической деятельностью людей. Почти все они сосредоточиваются скорее на отрицании, чем на понимании и усвоении идей Гегеля. С этой точки зрения значение Гегеля для Маркса – полностью или по меньшей мере в основном негативное, поскольку Маркс будто бы отвергает Гегеля. Мысль, будто предшествующие авторы значимы только или главным образом потому, что ведут к некоей конкретной фигуре, является обычным философским верхоглядством. Гегель, как известно, видел в предшественниках лишь ступени, ведущие к его собственной философии. Точно так же марксисты, причем, насколько мне известно, все без исключения –

---

¹ Например, Харрис, в чьем монументальном исследовании гегелевской «Феноменологии..» нет ни одной ссылки на Маркса, см.: *Harris H. S. Hegel's Ladder. 2 vols. Indianapolis: Hackett, 1997.*

² Тони Смит, который упоминает многие марксистские исследования Гегеля, полагая, что единственным неисчерпанным вопросом остается роль гегелевской диалектической логики в «Капитале», по крайней мере посвящает одну короткую главу ознакомлению с тем, что он называет «гегелевскими мотивами», см.: *Smith T. The Logic of Marx's Capital. Albany: State University of New York Press, 1990.*

и как могло бы быть иначе? – видят в Гегеле просто ступень к Марксу.

Энгельс не знал хорошо ни философии, ни Гегеля. После Энгельса немногие марксисты, включая Ленина¹, были компетентны в философии Гегеля. Даже такие важные исключения в марксистском лагере, как Лукач, Корш и Кожев, которые хорошо знают Гегеля, обычно считают его в конечном счете лишь ступенью на пути к Марксу. Из-за марксистского очернения Гегеля на долгие годы замедлилось осознание его значения для теории Маркса, а значит и осознание теоретического вклада самого Маркса. Прорыв Лукача и Корша к гегельянскому марксизму случился лишь в 1923 г., когда уже вполне установился институционализованный марксизм, а значит и марксистская интерпретация отношения Маркса к Гегелю. Лукач глубоко знал философию Гегеля, и целым рядом своих работ внес важный вклад в ее исследование. В каком-то смысле большинство его философских и даже литературных сочинений строятся вокруг отношения Маркса к Гегелю. Однако он стал марксистом, и его жестко ортодоксальные в политическом отношении взгляды постоянно заставляли его рассматривать гегелевский идеализм как в конечном счете буржуазную фантазию². Корш просто недостаточно хорошо знал Гегеля и не мог досконально разобраться в отношении Маркса к Гегелю³. Кожев, прекрасно знавший «Фе-

---

¹ Аргументы в пользу того, что Ленин глубоко понял Гегеля, см. в книге: *Anderson K. Lenin, Hegel and Western Marxism*. Urbana: University of Illinois Press, 1995.

² См. философское обсуждение этой темы: *Lukács G. History and Class Consciousness* / Trans. R. Livingstone. Cambridge, MA: MIT Press, 1973; *Lukács G. The Young Hegel: Studies in the Relations between Dialectics and Economics* / Trans. R. Livingstone. Cambridge, MA: MIT Press, 1975; *Lukács G. Zur Ontologie des gesellschaftlichen Seins*. 2 vols. / Ed. F. Benseker. Neuwied: Luchterhand, 1984, 1986.

³ *Korsch K. Marxismus und Philosophie*. Frankfurt am Main: Europäische Verlagsanstalt, 1966.

номенологию духа», предложил ее захватывающее, но тенденциозное прочтение, анахронически «пропущенное» через Маркса и Хайдеггера. По его мнению, в центре этой великой книги Гегеля находится знаменитое и чрезвычайно важное обсуждение отношения господина и раба, которое не является центральным для Гегеля, причем даже в «Феноменологии...»¹. Враницкий, автор самого подробного марксистского исследования марксизма, не рассматривает непосредственно философию Гегеля и отношение к ней Маркса².

Многое уже сделано, но мы явно еще не имеем адекватного объяснения отношения Маркса к Гегелю, которое учитывало бы различные его понимания и первоисточники в той мере, в какой это необходимо. Это отношение является центральным для понимания позиции Маркса по двум основным причинам. С одной стороны, тот факт, что теории Маркса возникли в философский период, когда Гегель властвовал над умами, указывает на то, что просто нет разумной альтернативы пониманию становления позиции Маркса на более широком гегельянском фоне, включающем Гегеля и младогегельянцев, особенно Фейербаха. С другой стороны, если наилучшее понимание Маркса достигается не в противопоставлении его гегельянству, а в рамках последнего, тогда обновленное понимание Маркса поможет нам понять, что еще может предложить нам его (философская) позиция. Основываясь на предшествующем изложении взглядов Маркса, в этой главе предлагается по-новому понять его отношение к Гегелю, а тем самым оценить философское значение Маркса.

Handwritten text, likely bleed-through from the reverse side of the page.

¹ *Kojève A. Introduction to the Reading of Hegel / Trans. J. H. Nichols. N. Y.: Basic Books, 1969.*

² *Vranicki P. Geschichte des Marxismus. 2 vols. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1972, 1974.*

Гегель в сочинениях Маркса

Хайдеггер говорит о необходимости вести диалог с великим мыслителем на его уровне. Такого рода диалог, вероятно, Маркс ведет с Гегелем во многих своих работах. Отношение Маркса к Гегелю, которое развивается в сложном диалоге двух мыслителей, принимает определенное направление с самого начала. Гениальные мыслители отходят от своих предшественников, изменяя условия и терминологию дискуссии. Позднейшая позиция Гегеля в основных чертах уже присутствует, по крайней мере подсудно, в его первой философской публикации, которая была посвящена казалось бы лишь различиям во взглядах Фихте и Шеллинга¹. В последующих сочинениях Гегеля детализируется, углубляется, расширяется, развивается и разрабатывается, но не изменяется это первоначальное изложение его позиции, образующей базис всех его более поздних работ. По существу так же и позднейшая позиция Маркса плавно или почти плавно вытекает из его первоначальной критики Гегеля. Оглядываясь назад, мы уже видим в ней большинство из того, что он принимает и отвергает в философии Гегеля, характер его понимания Гегеля, типы возражений, которые он позже выскажет против ортодоксальной политической экономии, и очерк его собственной концепции, включая то, что позже станет теорией современного индустриального общества.

Маркс постоянно критиковал Гегеля с экономической точки зрения даже тогда, когда еще недостаточно знал политическую экономию. В первоначальных рассмотрениях гегелевской «Философии права» Маркс сожалеет главным образом о будто бы неполном осознании Гегелем роли по-

---

¹ *Hegel G. W. F. The Difference Between Fichte's and Schelling's System of Philosophy / Trans. H. S. Harris and W. Cerf. Albany: State University of New York Press, 1977.*

литической экономики в современном индустриальном обществе. Утверждая, что Гегель недооценивает роль экономических факторов, Маркс подразумевает, что для понимания базовой природы современного общества нужно во всяком случае создать его экономически-центрированную модель.

Маркс начинает с подробного рассмотрения § 261 гегелевской «Философии права», который помещается в начале рассуждения Гегеля о государстве. В ряде небольших параграфов Гегель утверждает, что государство есть действительность нравственной идеи (§ 257), является абсолютно разумным (§ 258) и, в связи с (конституционным) правом, есть действительность свободы (§ 260). Продолжая обсуждение (конституционного) права, в § 261 Гегель утверждает, что частное право и благополучие обусловливаются государственной властью, которая является также их имманентной целью, поскольку частные интересы осуществляются в государстве в общей форме.

Марксова критика основывается на пристальном исследовании девяти строк § 261 и примечания (Bemerkung) Гегеля, занимающих в совокупности около полутора страниц, которым Маркс посвящает почти пять страниц, напечатанных через один интервал. Согласно Марксу, интерес Гегеля к гражданскому праву, отличному от (эмпирических) столкновений между конкурирующими интересами, создает воображаемое тождество между чуждыми элементами, которое скрывает за собой неразрешенную антиномию. По гегелевскому, как полагает Маркс – мистифицирующему, объяснению семья и гражданское общество возникают из государства, а не наоборот, поскольку идея превращается в действительного субъекта, а действительные отношения семьи и гражданского общества низводятся до всего лишь воображаемых идей. По мнению Маркса, Гегель заменяет исследование эмпирической действительности сферой логического, переставляя с ног на голову отношение семьи и гражданского общества к государству. В этой связи

Маркс обвиняет Гегеля в неумении уловить специфику происходящего, в невнимании к действительным человеческим субъектам, в нечувствительности к различию интересов конкретных индивидов и государства, в неспособности понять, что частная собственность определяет государство, а не наоборот, и в связанной с этим неспособности понять, что политическое представительство просто представляет частную собственность.

Нетрудно уловить основные нити будущих теорий Маркса в его ранней критике Гегеля. Маркс возражает против логической точки зрения, которая непригодна для постижения общественной действительности, при этом он основывается на собственной возникающей альтернативной теории. Главное возражение Маркса связано с пониманием гражданского общества и собственности. По мнению Маркса, гегелевский логический анализ не улавливает главного эмпирического момента: государство и все прочее определяется в конечном счете гражданским обществом, главной силой которого является (частная) собственность. Другими словами, через собственность гражданское общество определяет государство, а не наоборот. Отсюда следует, что теория, дающая действительное понимание современного общества, должна быть в основе своей экономической теорией, основанной на экономической роли (частной) собственности. При всем своем понимании экономики Гегель не осознает ее центрального места в современном мире, что подтверждается его неправильным подходом к собственности.

Гегель и Маркс о частной собственности

Несогласие относительно частной собственности является главным в Марксовом возражении Гегелю. Гегель рассматривает защиту частной собственности как существенно важный момент для свободной жизни в современном

обществе; но Маркс считает собственность существенно важной для развития свободы в будущем обществе, положительная возможность которого связана с грядущим упразднением частной собственности.

Возражения Маркса против гегелевской недооценки центральной роли гражданского общества и правового (не экономического) подхода к собственности очевидно взаимосвязаны. Если частная собственность есть ключевой момент современного индустриального общества, тогда все остальное, например правовой подход к собственности вообще, является вторичным. Именно потому, что Гегель не понял основополагающей экономической роли собственности, полагает Маркс, он сбился с верного пути и в понимании отношения общества к человеческой свободе.

Интерес к собственности возник у Гегеля в начале его творческого пути. В самых ранних сочинениях 1790-х гг. Гегель уже рассматривает отношение между собственностью и правом, что получает развитие в его позднейших работах¹. В «Философии права» Гегеля больше интересует собственность (*Eigentum* от *eigen*, что значит «собственный» или «личный», или *Eigen*, т. е. «обладание», буквально владение, или *Besitz*), которую в случае необходимости можно с полным правом защищать в качестве мотивирующего фактора общественного развития. В своей книге Гегель рассматривает опосредствование трудом потребностей и индивидуального удовлетворения, и затем – каким образом тот факт, что индивид обеспокоен главным образом самим собой (эту точку зрения обычно приписывают Адаму Смиту), влияет на удовлетворение потребностей других индивидов в структуре гражданского общества. Далее, он исследует действительность свободы через защиту собст-

---

¹ *Fragmente historischer und politischer Studien aus der Berner und Frankfurter Zeit*, § 13 // *Hegel G. W. F. Werke in zwanzig Bänden* / Hrasg. E. Moldenhauer, K. M. Michel. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1971. Bd. I. S. 439.

венности правительством или правосудием¹. По мнению Гегеля, действительная свобода достигается лишь тогда, когда собственность индивида легально защищена через систему правосудия². Он поддерживает пропаганду обязывающей роли законов в гражданском обществе. Они полезны, поскольку защищают собственность через обеспеченные законом договоры³, нарушение которых может караться⁴.

В отличие от Гегеля, обращающегося к правовой защите собственности, Маркса интересует преимущественно собственность как капитал, включая владение средствами производства, которое, наряду с отделенностью капитала от труда, является одним из двух необходимых условий производства товаров, ведущего к накоплению капитала. Маркс никогда не защищает ни общее отношение собственности, ни даже частную собственность в специально экономическом смысле в качестве существенно важной для осуществления свободы общества в целом в короткий промежуток времени. В краткой перспективе частная собственность в лучшем случае гарантирует интересы немногих владельцев собственности, в то же время увеличивая экономический разрыв между ними и остальными индивидами. Но в долговременной перспективе частная собственность, полагает Маркс, производит конкретные экономические условия, которые однажды позволят человеческим существам взять в свои руки контроль над экономической сферой общества. Начиная с «Парижских рукописей» и вплоть до «Капитала» Маркс неизменно утверждает, что полезность собственности для общества в целом можно будет почувствовать в результате экономического развития, когда однажды она позволит всем индивидам избавиться от главенства экономических императивов в каждой сфере их жизни.

---

¹ Hegel's Philosophy of Right / Trans. with notes by T. M. Knox. L.: Oxford University Press, 1967. P. 126. (§ 188).

² Ibid. P. 134. (§ 208).

³ Ibid. P. 139–140. (§ 217).

⁴ Ibid. P. 140. (§ 218).

В «Немецкой идеологии» утверждается, что право и философия служат идеологическими защитными механизмами современного индустриального общества. В знаменитом предисловии к работе «К критике политической экономии» Маркс проводит четкое различие между надстройкой и базисом, которое подспудно предполагалось им и ранее. Он утверждает, что в современном обществе все определяется политической экономией, которая сама основывается на отношении частной собственности. Начиная уже с «Парижских рукописей» и в ряде позднейших текстов он вырабатывает все более совершенную концепцию современного капитализма, основанного на частной собственности. Капитализм нуждается в частной собственности, потому что без нее он не существует.

Поскольку часто утверждают, что позднейшая позиция Маркса резко отличается от ранней, интересно отметить, что ранние работы уже содержат в общих чертах ключевые характеристики теории, представленной в «Капитале». Среди них – позднейшие мысли Маркса об отношении частной собственности к капиталу и о тенденции действительных противоречий современного капитализма к превращению его в другое, посткапиталистическое общество. В «Немецкой идеологии» исследуется становление современного индустриального общества в ряде стадий, определяемых формами собственности, – от древнего аграрного общества до XIX ст. В «Нищете философии» Маркс намечает теорию стоимости, которая становится фундаментом трудовой теории стоимости, намного более детально разработанной в «Grundrisse», в «К критике политической экономии» и, наконец, в «Капитале».

Гегель и Маркс об истории и свободе

Марксова критика гегелевского понимания собственности глубока и значима. Критика же гегелевского видения

истории более сложна и в конечном счете менее убедительна, отчасти потому, что базируется на общей фейербаховской установке.

За исключением немногих мыслителей, философия в целом поздно признала важность истории. Это произошло лишь после того, как грянула Французская революция – одно из ряда великих исторических событий нового времени. Платоновское понимание знания, согласно которому то, что мы знаем, пребывает вне времени и места и не имеет отношения ко времени, существует сейчас и вечно, повлияла на греческое видение истории. Поэтому не случайно греки писали историю, не находя в ней философского смысла. Известно мнение Аристотеля, что поэзия имеет дело с общим, с тем, что говорят или делают люди определенного типа, и потому она важнее истории, которая повествует о единичном, например о том, что сделал Алкивиад или что сделали по отношению к Алкивиаду¹.

Последний великий дореволюционный философ, Кант интересовался историей, но не считал философию исторической дисциплиной, а знание – историческим. Смена перспективы неожиданно начинается у ученика Канта – Иоганна Готфрида Гердера, у Иоганна Готлиба Фихте, первого великого послереволюционного философа, который тоже называл себя правоверным кантианцем, и у Вильгельма фон Гумбольдта (1767–1835). В трактате «Идеи к философии истории человечества» (1784–1791) Гердер утверждает, что историк должен понимать различные общества как представляющие различные модели и что все человеческие достижения, включая знание, должны рассматриваться в отношении к обществу, в котором они возникают². Под влиянием Французской

---

¹ Aristotle. Poetics, 9, 1451b5-11.

² Herder J. G. Ideen zur Philosophie der Menschheit. 4 vols. Riga, 1784–1791; см. в англ. переводе: Outlines of a Philosophy of the History of Man / Trans. T. O. Churchill. L., 1800.

революции, которую он открыто защищал от своих коллег, Фихте понимает философию как внутренне историческую – в этом отношении он является одним из первых философов, безусловно – одним из первых философов нового времени и первым представителем немецкого идеализма. Как кантианец он стремился довести до завершения кантовское убеждение в первенстве практического разума, и это привело его, в отличие от Канта, к пониманию субъекта познания как конечного человеческого существа, живущего в изменчивом историческом контексте. Эта общая идея получила чрезвычайное развитие у Гегеля, одного из наиболее «исторически ориентированных» философов. Гумбольдт внес вклад в сравнительную лингвистику своей теорией внутренней формы языка (*innere Sprachform*), которая, в отличие от простой грамматической формы, несет в себе глубоко субъективное видение мира.

Сложная для понимания философия Гегеля является исторической по крайней мере в четырех различных отношениях. Во-первых, Гегель интересуется историей, или философией истории. Подобно Канту и Фихте, Гегель утверждает, что история может быть понята только в том случае, если является внутренне разумной¹. Как и Фихте, Гегеля весьма интересовала Французская революция, в которой он видел поворотный момент современной истории². Во-вторых, Гегель занимался историей философии, которую он, можно сказать, изобрел. Хотя об отдельных философах мы знаем больше, чем было известно о них в эпоху Гегеля, вряд ли мы знаем больше об истории философии. В «Лек-

---

¹ *Hegel G. W. F. Philosophy of History / Trans. J. Sibree. N. Y.: American Home Library, 1902; Hegel G. W. F. Reason in History: A General Introduction to the Philosophy of History / Trans. R. Hartman, Indianapolis, IN: LLA, 1953. См. также: Hyppolite J. Introduction à la philosophie de l'histoire de Hegel. P.: Editions du Seuil, 1983.*

² *Ritter J. Hegel and the French Revolution: Essays on the Philosophy of Right / Trans. R. D. Winfield. Cambridge, MA: MIT Press, 1982.*

циях по истории философии»¹ Гегель возвел изучение философского прошлого на такую высоту, какой оно впоследствии достигало лишь изредка (если вообще достигало) и какой, безусловно, позже уже не превысило. Не секрет, что все позднейшие истории философии опираются на гегелевское понимание истории философии. В-третьих, Гегель рассматривал философию именно как историческую. Кантовское аисторическое – систематическое – понимание философии все еще остается преобладающим в настоящее время. Большинство философов не видят особого смысла в том, чтобы принимать во внимание более ранние идеи или глубоко изучать предшествующие философские теории. Подобно Ньютону, который специально отметил, что стоит на плечах гигантов, Гегель утверждает, что воспринял в своей философии все ценное из предшествующих философских теорий. Он придерживается решительно исторического взгляда на философию, исключая коренное различие между предшествующими позициями и его собственной. Более ранние теории занимают определенное место в более широком рассуждении, охватывающем все имеющиеся теории, включая его собственные. В-четвертых, само знание он считает историческим. От Платона до Канта и далее эпистемология предпринимает ряд попыток показать, что (и каким образом) мы можем познавать действительную, или независимую от сознания, реальность такой, какова она есть, а не только такой, какой она представляется в данное время в данном месте. Вершиной этих поисков является попытка Канта определить аисторические условия познания путем анализа чистого разума. Критикуя кантовскую теорию чистого разума, Гегель создает теорию духа, вообще говоря, «не чистого» разума, который не является независимым, а, напротив, зависит от времени и места.

---

¹ *Hegel G. W. F. Hegel's Lectures on the History of Philosophy: Abridged Student Edition / Trans. E. S. Haldane and F. H. Simson; Ed. T. Rockmore. Atlantic Highlands, NJ: Humanities Press, 1996.*

Гегелевское понимание истории лежит в основании его идеи исторического осуществления свободы в ходе развития общества. Этот подход разделяет Маркс. Как и Гегеля, его не удовлетворяют предшествующие философские идеи свободы, такие как идея моральной свободы, которую Кант считает условием нравственности (например, выбора правильного поступка на правильных основаниях), или даже абстрактные принципы, воплотившиеся в рожденной Французской революцией «Декларации прав человека и гражданина» (*La Déclaration des droits de l'homme et du citoyen*, 1789). Далее, подобно Гегелю, Маркс полагает, что человеческая свобода осуществляется только в обществе. Опять-таки, как и Гегель, он сознает, что должное понимание человеческой свободы требует теории современного индустриального общества, возникшего в результате промышленной революции. Наконец, подобно Гегелю, Маркс не рассматривает свободу как данность, как нечто уже существующее в каком-либо реальном смысле, но видит в ней исторический продукт общественного развития.

Гегелевская теория осуществления свободы в ходе истории основывается на многих источниках, в частности на теории Руссо. Знаменитый гегелевский анализ отношения между господином и рабом в «Феноменологии духа» созвучен известному замечанию Руссо, высказанному в трактате «Об общественном договоре», — что человек рождается свободным, но повсюду он в оковах¹. Благодаря Руссо выясняется, что современное общество опутывает индивидов сетью общественных отношений (Макс Вебер позже назвал их железной клеткой²), которые действительно препятствуют развитию индивидуальных способностей.

---

¹ *Rousseau J.-J. The Social Contract // The Social Contract and Discourse on the Origin of Inequality / Ed. L. G. Crocker. N. Y.: Washington Square Books, 1971. P. 7.*

² *Weber M. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism / Trans. T. Parsons. L.: Allen and Unwin, 1930. P. 181.*

Блестящий гегелевский анализ диалектического отношения господина и раба оказал огромное влияние на многих интеллектуалов, включая Маркса, французских философов Кожева и Эмманюэля Левинаса (1906–1996), французского психоаналитика Жака Лакана (1901–1981) и многих других. Это отношение может быть понято в религиозных или в не религиозных терминах. Если понимать его как религиозную метафору касательно отношения конечного индивида к бесконечному Богу, то Гегель предвосхищает специфически фейербаховскую точку зрения на религию как на человеческую проекцию¹. В нерелигиозном его понимании отношение господина и раба часто рассматривается как метафорическое выражение отношения между капиталистами и рабочими в современном индустриальном обществе. Этот гегелевский анализ явно является прототипом Марксова понимания капитализма как борьбы между двумя классами, разделенными их отношением к средствам производства. Гегелевский анализ произвел глубокое впечатление на Кожева, который сделал его основанием своего знаменитого прочтения «Феноменологии духа». В отношении глубинного неравенства ни господин, ни раб не являются свободными в сколько-нибудь значимом смысле слова, т. е. автономными, поскольку они зависят друг от друга. В рамках отношения господина и раба свобода возможна лишь как свобода самосознания, подобная свободе у стоиков. С точки зрения Гегеля, отвергающего стоическое понимание свободы, свобода требует коренного преобразования отношения господина и раба.

Гегель рассматривает несколько путей преобразования этого отношения. Один из них, который заканчивается эксплуатацией и смертью раба, просто упраздняет отношение господина и раба, так что свобода осуществляется разве

---

¹ *Hegel G. W. F. Phenomenology of Spirit / Trans. A. V. Miller. Oxford: Oxford University Press, 1977. P. 127. (§ 209).*

что как свобода смерти. Другой вариант, близкий к стоическому пониманию свободы, имеет место в том случае, когда раб становится самосознающим, или самосознательным, через предмет, производимый им в процессе труда. В этой связи Гегель представляет раба как истину отношения господина и раба, которое навсегда и в корне изменяется, когда раб обретает самосознание. В новаторском гегельянском марксизме Лукача эта гегелевская идея получает новую форму теории самосознания как революционной силы. Благодаря этой же идее поколения марксистов выяснили, что общество, основанное на неравенстве, такое как капитализм, нестабильно в своих основаниях, не способно к длительному существованию и обречено на изменение. Третье разрешение отношения господина и раба – ситуация, когда индивиды относятся друг к другу уже не как господин и раб, находящиеся на разных уровнях, но как соравные, принадлежащие к одному уровню и признающие друг друга, например через любовь друг к другу или то, что Гегель назовет позже взаимным признанием. Четвертая возможность рассматривать отношения между людьми как ведущие к свободе осуществляется в том случае, если они преследуют одинаковые или очень похожие цели в рамках общественной структуры, такой как семья, или же когда интересы индивида или, шире, гражданского общества совпадают с государственными или осуществляются в государстве¹. В последнем случае, как Гегель утверждает в § 261 «Философии права» (с которого Маркс начинает свое обсуждение), то, что называется «конкретной свободой», осуществляется, поскольку особые интересы индивидов в семье и гражданском обществе совпадают с интересами государства.

---

¹ Это лежит в основании попытки Сартра понять, как он говорит, переход от серийности к интегрированной группе, см.: *Sartre J.-P. Critique de la raison dialectique*. P.: Gallimard, 1960.

Взгляд Маркса на историческое осуществление свободы отличается от соответствующей точки зрения Гегеля не вниманием к экономике как таковой, не стремлением постичь современную политическую экономию, не чувствительностью к воздействию современного индустриального общества на индивидуальных рабочих, даже не верой в обусловленность действительной человеческой свободы экономическими факторами и, наконец, не тревогой в связи с последствиями промышленной революции. Различие между ними связано с относительно большей объяснительной ролью, объяснительным приоритетом, признаваемым Марксом за экономическими факторами сравнительно со всеми другими, а также с его более критическим отношением к политической экономии.

Гегель до некоторой степени измеряет свободу признанием, придает большее значение, чем Маркс, правовому признанию. В отличие от Гегеля, Маркс в конечном счете, следуя собственной модели общества, включающей базис и надстройку, подчиняет право и все другое экономике. Как и Гегель, Маркс уделяет большое внимание прогрессу, а значит общественной свободе. Даже больше, чем Гегель, который тоже принимает в расчет экономические факторы, Маркс рассматривает свободу как производную от развития экономики. Он понимает необходимость освобождения индивидов от экономического ярма современного индустриального общества, необходимость установления постэкономического царства свободы для развития способностей индивидов вне связи с экономическими факторами. Его отношение к капитализму – всегда уравновешенное, где похвала соседствует с порицанием, а критика – с признанием положительных моментов. Неизменно негативный аспект его обсуждения современного индустриального общества объясняется тем, что он отчетливо понимает ужасающие последствия современного либерального капитализма для индивидов. Вследствие частной собственности

на средства производства люди вынуждены соглашаться на роли, которых не выбрали бы свободно ни они, ни кто-либо другой. Маркс ясно и убедительно доказывает, что доминирующие формы принуждения ради накопления капитала, принадлежащие к самой сути капитализма, часто требуют пусть и неизбежных, но безусловно ужасных общественных затрат. Однако он также подчеркивает, что страдание в современном индустриальном обществе уравновешивается благодаря развитию средств производства. И он утверждает, что то, что он расценивает как внутреннюю нестабильность капитализма, приведет к возникновению совершенно другого, посткапиталистического общества, в котором средства производства уже не будут находиться в частном владении, а следовательно, будет упразднено или во всяком случае ослаблено экономическое давление с целью накопления капитала.

Бинарная модель Маркса наиболее отчетливо представлена в таких ранних сочинениях, как «Парижские рукописи» и «Немецкая идеология». Менее отчетливо она присутствует в позднейших сочинениях, где ударение делается все больше на понимании внутренней логики современного индустриального общества. Эта модель предполагает серьезное различие между формами общества, связанными с двумя широкими историческими периодами. Назовем их, исходя из наших целей, человеческой предысторией и человеческой историей. Предыстория включает в себя ряд формаций, заканчивающийся капитализмом, стадией, на которой экономическим императивам подчиняется все остальное, включая сколько-нибудь реалистичную надежду на удовлетворение человеческих потребностей, превышающих простые потребности в средствах существования – как часто эвфемистически называют пищу, одежду и жилище, – таких как накопление капитала. Далее, Маркс рассматривает посткапиталистическое общество, которое в ранних сочинениях называет коммунизмом. Этот термин

связан с формами «официального» марксизма разве лишь лингвистически, или словесно. На этой будущей общественной стадии человеческие существа возьмут в свои руки контроль над экономическим сектором общества, который начиная с этого времени будет подчинен потребностям всех людей. В этой марксистской схеме капитализм получает оправдание, хотя он и дорого стоит обществу, как единственный реальный способ развития средств производства, необходимых для перехода от капитализма к коммунизму, при котором, как гласит лозунг, будет осуществлен принцип «от каждого по способностям, каждому – по потребностям».

Человеческие существа в их историческом существовании понимались по-разному: как общественные животные, как способные к разумной речи, как созданные по образу и подобию Божьему и т. д. Маркс понимает человеческих существ так же, как он понимает общество, – с экономической точки зрения. По мнению Маркса, человеческая свобода неосуществима без выполнения двух предварительных условий. Во-первых, она требует предшествующего развития средств производства. Во-вторых, она требует последующего установления контроля человека над экономическим процессом, в результате которого люди освободятся или же обретут относительную свободу от экономического ярма современного индустриального общества. Конечно, Маркс не имеет в виду, что мы сможем забыть об экономике, когда капиталисты потеряют власть. Такое ожидание было бы ребяческой утопией, т. е. совершенно нереалистичным. Базовые человеческие потребности все еще будут нуждаться в удовлетворении. Но после их удовлетворения останется время для удовлетворения других, высших потребностей, таких как потребности в образовании, путешествии, решении других задач и т. д. Однако, повторим еще раз мысль Маркса, предварительным условием ослабления экономических сетей, опутывающих современное общество, являются развитие и рост экономики.

Какой род или какую степень свободы можно будет найти в посткапиталистическом обществе? В этом важнейшем вопросе Маркс осторожен, даже более осторожен, чем можно было бы ожидать. Он высказывает разные идеи в разных произведениях. В ранних «Парижских рукописях» он отстаивает «примирение» человеческих существ с природой, которую весьма романтически называет другим телом человека. Маркс полагает, что когда люди освободятся от необходимости зарабатывать ради выживания, появится возможность нового и разнообразного развития человеческих чувств, что приведет к высвобождению индивидуальности каждого из нас. Главная идея заключается, видимо, в том, что все мы имеем способности, не обязательно полезные с экономической точки зрения, которые могут получить развитие в посткапиталистическом обществе. Разделение труда, играющее важную роль в обществе, которое движимо экономическим императивом максимального увеличения прибыли, мешает или, по крайней мере, не способствует осуществлению способностей, не сулящих финансовой выгоды владельцам средств производства. Эта тема осталась в сознании Маркса. Чуть позже в столь же романтическом фрагменте «Немецкой идеологии» он высказывает мысль о развитии разностороннего индивида (подспудно присутствовавшую и в «Парижских рукописях») в будущем обществе, где не будет разделения труда. В таком обществе, воображает Маркс, каждый человек мог бы делать то, что он хочет, безотносительно к его компетенции и навыкам. Здесь имеет смысл вспомнить еще одно предположение, которое было сформулировано Марксом в поздние годы в конце третьего тома «Капитала», опубликованного после его смерти.

Проблема неизменности позиции Маркса во всех его произведениях или же наличия в ней сколько-нибудь существенных изменений остается темой для исследователей. Но и тем, кто подвергает сомнению, и тем, кто утверждает

непрерывность развития позиции Маркса, следует заглянуть в главу 48 «Капитала», озаглавленную «Триединая формула». Подобно «Парижским рукописям», которые несколькими десятилетиями ранее начинались с рассмотрения заработной платы, прибыли на капитал и земельной ренты, эта глава открывается тремя категориями – капитала, прибыли и земельной ренты, от которых и происходит ее заглавие. Напоминая, что капитал – не вещь, а общественное отношение на конкретной ступени развития общества, которое обнаруживается в вещи, или товаре, Маркс замечает, что так называемая вульгарная политическая экономия интерпретирует и защищает, а не критикует современное индустриальное общество. Отклоняясь от линии «Парижских рукописей», Маркс критикует здесь триединую формулу, прежде чем перейти к прибавочному труду и прибавочной стоимости. Он подчеркивает, что богатство общества определяется не столько продолжительностью, сколько производительностью труда. Затем он неожиданно меняет тему и в ошеломляющем пассаже формулирует, можно сказать, свой зрелый, окончательный взгляд на действительную свободу. Согласно Марксу, свобода, которая начинается лишь с прекращением принудительного труда, заключается в установлении контроля над экономическим процессом в благоприятных для человеческих существ условиях. Хотя реальные потребности все еще должны – и всегда будут должны – удовлетворяться посредством экономического процесса, т. е. в царстве необходимости, за его пределами лежит то, что Маркс называет теперь царством свободы. Маркс полагает, что условием последнего является сокращение рабочего дня и что действительная свобода, как цель истории заключается в свободном времени. Вот пассаж, который следует процитировать полностью: «Действительное богатство общества и возможность постоянного расширения процесса его воспроизводства зависит не от продолжительности прибавочного труда, а от

его производительности и от большей или меньшей обеспеченности тех условий производства, при которых он совершается. Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства. Как первобытный человек, чтобы удовлетворять свои потребности, чтобы сохранять и воспроизводить свою жизнь, должен бороться с природой, так должен бороться и цивилизованный человек, должен во всех общественных формах и при всех возможных способах производства. С развитием человека расширяется это царство естественной необходимости, потому что расширяются его потребности; но в то же время расширяются и производительные силы, которые служат для их удовлетворения. Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того чтобы он господствовал над ними как слепая сила; совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей. Но тем не менее это все же остается царством необходимости. По ту сторону его начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости как на своем базисе. Сокращение рабочего дня – основное условие» (XXXVII, 807; [Соч. 25 (2), 386–387]).

Многое можно было бы сказать об этом замечательном отрывке. Самое очевидное, пожалуй, заключается в том, что после многолетней борьбы за коммунизм Маркс здесь со всей очевидностью отказывается от коммунизма как обязательного условия действительной человеческой свободы. Свобода теперь уже не предполагает разрыва с пред-

шествующей стадией развития общества, т. е. заключается не в революции, а в коренном улучшении условий жизни, или в реформе. Словом, Маркс заменяет здесь революцию реформой. Марксизм традиционно враждебен по отношению к простой реформе¹. Но в этом пассаже Маркс, видимо, выражает надежду, что современное индустриальное общество и действительная человеческая свобода в принципе совместимы – но лишь в том случае, если человеческие существа смогут вернуть себе контроль над экономическим процессом, который является настоящим хозяином в капиталистическом обществе. В таком случае целью становится переориентация общества на уход от накопления капитала, который сводит на нет достижение человеческих целей, – освобождение людей для человеческого развития, заключающегося в осуществлении потенциала, которое может не иметь никакой финансовой ценности. Отрицая, что человеческие цели могут сводиться к накоплению капитала, Маркс полагает, что люди должны стать свободными для развития вне экономического процесса – путем освобождения от его господства.

1844 г.

1845 г.

1846 г.

Гегель и Марксова критика политической экономии

1847 г.

1848 г.

1849 г.

1850 г.

1851 г.

Не удивительно, что Марксова критика Гегеля с начала и до конца базируется на ином, более критическом взгляде на политическую экономию, чем гегелевский, а точнее – на другом понимании собственности. Гегель разбирался в политической экономии, но он воспринимал результаты современного индустриального общества, например его очевидную неспособность решить проблему бедности, более критически, чем современную экономическую науку. При

---

¹ См. о реформистском подходе к социализму: *Bernstein E. Evolutionary Socialism*. N. Y.: Schocken, 1961.

обсуждении отвратительных, а также полезных последствий современного капитализма Гегель безусловно выходит за рамки часто весьма благодушной установки политико-экономов от Адама Смита до современных. Как уже отмечалось, Адам Смит ограничивается лишь сожалением о сохраняющейся проблеме бедности, тогда как Гегель рассматривает ее как потенциальный источник общественных волнений. Но в отличие от Маркса Гегель не стремится пересмотреть современную экономическую теорию и остается на ее орбите по крайней мере в этом смысле. Маркс был не только более компетентен в области политической экономики, но и более критически настроен. Исчерпывающее исследование Марксовой критики Гегеля, которое не может быть осуществлено в этой книге, показало бы, что все или почти все конкретные возражения Маркса Гегелю в конечном счете относятся к различиям между ними, связанным с правильной оценкой роли и природы политической экономики, особенно собственности. Напротив, Марксова критика политической экономики вполне согласуется с гегелевской исторической точкой зрения. В своей критике политической экономики Маркс поднимает много различных проблем, но в конечном счете она вращается вокруг его совершенно гегельянской мысли, что политическая экономика ошибается, не замечая внутренне исторического измерения общества, а значит – и самой политической экономики.

Переходя к Марксовой критике политической экономики, мы должны будем обратить внимание на доктринальные различия, мелкие исправления и возражения против существенно аисторического характера современной политической экономики, который беспокоит Маркса с самого начала работы над этой темой. Примером доктринального различия является возражение Маркса против теории Адама Смита и его последователей, высказываемое уже в «Парижских рукописях» и во всех позднейших сочинениях

и заключающееся в том, что последствием отношения частной собственности является не только прибыль капиталиста, но и отчуждение рабочего. Мелкие возражения, коих весьма много, включают недовольство Д. С. Миллем, ожидавшим, что применение машин облегчит труд, тогда как на самом деле, полагает Маркс, оно призвано увеличивать прибыль. Гораздо более важным элементом критики политической экономии является замечание Маркса о ее аисторическом, ошибочном понимании современного индустриального общества и общества вообще.

В критике политической экономии Маркс сосредоточивается на экономическом понимании категорий на ряде различных уровней. Смит и другие придерживаются оптимистической точки зрения на современное индустриальное общество, в котором невидимая рука якобы заботится о том, чтобы каждый мог работать только на себя, т. е. ради осуществления своих личных целей, но при этом выигрывали бы все. В «Парижских рукописях» Маркс использует эти традиционные категории политической экономии для доказательства двух главных мыслей. С одной стороны, выигрыш всех – это ложь: в сущности во всех обстоятельствах в современном обществе рабочие страдают. С другой стороны, в силу внутренних причин современное индустриальное общество устойчиво в лучшем случае лишь в кратковременной перспективе, но отнюдь не в долговременной, следовательно, оно неминуемо преобразуется в следующую, совершенно другую общественную форму.

Следуя мысли Гегеля об историческом характере знания во всех его формах, Маркс борется с ошибочной тенденцией к изображению экономических категорий внеисторическими. По мнению Маркса, они всегда существенно связаны с историческим моментом, а именно с конкретными экономическими формациями, существующими в конкретное время в определенном месте. В «Нищете философии» он утверждает, что экономические категории не яв-

ляются неподвижными и неизменными отношениями, что они – просто формы теоретического выражения преходящих, изменчивых отношений. Разделение труда, например, возникает лишь в результате конкуренции. Во введении к «Grundrisse» он критикует политическую экономию за отрыв производства от распределения и за представление, будто производство подчиняется так называемым надысторическим законам, и отмечает, что распределение несправедливо расценивается ею как совершенно произвольное.

Маркс критикует политическую экономию за непонимание действительных противоречий современного индустриального общества. Поскольку они не принадлежат исключительно нашему видению вещей, а находятся в самом обществе, их результатом являются периодические кризисы. В «Парижских рукописях» он указывает на противоречие между владеющими частной собственностью и лишенными ее. В работе «К критике политической экономии» при обсуждении товара он отмечает противоречие между потребительной стоимостью – в которой рабочее время «конкретизируется» в форме вещи – и меновой стоимостью, которая позволяет обменивать товар на деньги. В «Немецкой идеологии» и еще раз – в «Капитале» Маркс устанавливает действительное противоречие между общественными отношениями и производительными силами, которое порождает исторические коллизии. Он развивает эту критику в концепции периодических кризисов. В «Grundrisse» он продолжает развивать эту идею периодических кризисов, которые будто бы будут иметь своим завершением последний, разрушительный кризис. Во втором послесловии к «Капиталу» он утверждает, что в настоящее время мы переживаем ранние стадии великого кризиса капитализма.

**Гегель и Марксова теория
политической экономики**

Маркс использует идеи Гегеля для создания собственной теории современного индустриального общества, в частности политической экономики, и характер их использования напоминает его гегельянскую критику политической экономики. Со временем Маркс все больше интересуется историческими вопросами. Об этом свидетельствуют рассмотрение форм собственности в «Немецкой идеологии», исторические обсуждения в «К критике политической экономики» (например, истории товаров, истории денег), исследование развития и применения техники и анализ первоначального накопления в «Капитале», детальнейшее обсуждение предшествующих теорий прибавочной стоимости в этом исследовании, а также огромное число исторических ссылок, встречающихся повсюду в его сочинениях.

Маркс в общих чертах обрисовывает теоретический базис своего нового исторического взгляда на категорию как экономический инструмент в ходе обсуждения метода политической экономики во введении к «Grundrisse». Он отвергает процедуру, начинающуюся с воображаемого конкретного, которое путем анализа разделяется на более простые идеи, и предлагает начинать с простых идей и восходить к конкретной целостности, которая появляется как синтез многих определений. Он подчеркивает, что вроде бы простая категория труда, который Смит плодотворно рассматривает как просто труд без дальнейших определений, является в сущности продуктом данной совокупности исторических отношений, а следовательно, обладает значимостью только для этих условий и в их пределах. Ведь только в современном индустриальном обществе, где верховодит капитал, уместно использовать эту категорию как начальную точку и конечный пункт экономического анализа.

Прямая линия ведет от взгляда на частную собственность как центральный институт капитализма, который Маркс противопоставляет отношению Гегеля к частной собственности в своих самых ранних философских сочинениях, к последующему обоснованию приоритета экономического базиса над надстройкой. Теория политической экономии Маркса вырисовывается в его произведениях постепенно. В самых ранних работах о Гегеле он настаивает на главенстве экономического подхода к частной собственности, в противовес гегелевскому подходу к собственности вообще с точки зрения права. В «Парижских рукописях» он уже понимает, что частная собственность составляет ядро современного индустриального общества. В «Немецкой идеологии» содержатся историческое объяснение возникновения современной частной собственности, а также теория экономического производства идеологии, или ложного сознания. В предисловии к работе «К критике политической экономии» он предлагает трехстадийную модель современного индустриального общества, включающую экономический базис, не экономическую надстройку и осознание того и другого. Маркс полагает, что индивиды приходят в уже существующую ситуацию, где экономический базис обуславливает общественные, политические и интеллектуальные стороны жизни. Эти мысли повторяются в знаменитом фрагменте работы «Восемнадцатое Брюмера Луи Бонапарта», где Маркс замечает, что люди сами делают свою историю, но не так, как им вздумается, а при обстоятельствах, которые даны им и перешли от прошлого¹.

Эта теория детально разрабатывается в позднейших сочинениях, имеющих более выраженный экономический характер. Ее главные составляющие – в том числе трудовая теория стоимости, различие между потребительной стои-

---

¹ The Eighteenth Brumaire of Louis Bonaparte // CW. Vol. 11. P. 101.

мостью и меновой стоимостью, теория товарного фетишизма, исторический характер экономических категорий, периодические кризисы перепроизводства и т. д. – вытекают из развития Марксом гегелевской мысли, что в современном мире индивиды удовлетворяют свои потребности посредством экономической деятельности в сфере гражданского общества. В отличие от теорий политической экономии, или ортодоксальной политической экономии, Маркс предлагает теорию экономического базиса общества как внутренне исторического, а значит изменчивого и переходящего, т. е. не как *terminus ad quem*, но как просто еще одной стадии в развитии человеческих существ в социо-историческом контексте.

Маркс – гегельянец

Поколения марксистов полагали, что Маркс опроверг Гегеля и отставил его в сторону. Разве Маркс в конечном счете – гегельянец? Ответ зависит от смысла, вкладываемого в этот вопрос. Основное различие между Кантом и Гегелем можно выразить одним словом: история. Если быть гегельянцем значит быть историческим мыслителем, то ответ безусловно должен быть утвердительным. Почти от всех представителей предшествующей философской традиции Гегель отличается чрезвычайно выраженным акцентом на историческом процессе. Несомненно, Маркс – исторический мыслитель, и если не считать Гегеля, то Маркс является, пожалуй, наиболее исторически мыслящим философом нового времени. Его критика Гегеля и политической экономии, как и собственная его теория, основывается на гегелевской глубоко исторической точке зрения.

Очевидное возражение против такого понимания Маркса заключается в том, что повсюду в своих произведениях он критикует не только политическую экономию, но и Гегеля, упрекая его в аисторизме, в отсутствии интереса

к конкретным историческим явлениям, в создании абстрактных и в конечном счете ложных взглядов на историю. Маркс и марксисты доказывают, что Гегель недооценивает экономическую составляющую, а потому неверно понимает историю, которую в итоге подменяет ложным анализом. Согласно Лукачу, не увидев действительного субъекта в истории, Гегель приходит к мифологической идее вне истории, тогда как Маркс открывает действительного исторического субъекта в лице пролетариата¹. Однако сама эта точка зрения является мифологической, поскольку предполагает, что пролетариат предрешает развитие истории или что он может показать путь от предыстории к человеческой истории.

Критикуя Гегеля, Маркс переоценивает различие между собственной позицией и позицией своего предшественника, отчасти потому, что в своих возражениях он некритически основывается на тенденциозном правом прочтении Гегеля. Философия Гегеля трудна для понимания. Излишне говорить, что он принадлежит к небольшому числу важнейших, но и наиболее трудных для понимания философов. Позиция Маркса формируется в рамках младогегельянской реакции на ортодоксальные правые формы гегельянства. Маркс несомненно обладает более глубоким и более широким пониманием Гегеля, чем любой из его коллег-младогегельянцев, включая Фейербаха. Но также несомненно, что он воспринимает и развивает их общую антитеологическую критику великого предшественника.

В защиту Маркса можно сказать, что после того, как перспектива академической карьеры стала для него нереальной, он никогда не ставил целью написание ученых трактатов, хотя именно это он и сделал блестящим образом в своих поздних экономических произведениях, прежде всего, в «Капитале». Скорее, он намеревался изменить мир путем политического действия. Если бы он больше зани-

---

¹ *Lukács G. History and Class Consciousness. P. 140–149.*

мался научным исследованием философии Гегеля, то безусловно смог бы ближе подойти к пониманию позиции Гегеля, чем сделал это в действительности. Однако по причинам, о которых мы можем только догадываться, вышло иначе: возможно, у него не было тяги к таким занятиям или же обстоятельства направили его энергию в другое русло.

Каковы бы ни были причины этого, в критике Гегеля Маркс основывается на правом, теологическом понимании позиции последнего, которую он опровергает посредством левого, антитеологического прочтения. Правое прочтение, лежавшее в основе, например, фейербаховской трансформационной критики Гегеля, обычно изображает позицию последнего как замаскированную теологию, где главным деятелем является Бог. По мнению Маркса, основывающегося на правом прочтении Гегеля, Гегель якобы ошибается, заменяя действительного субъекта общества, которое можно возвести к частной собственности, вымышленным субъектом, или государством как обнаружением Бога.

Отношение Маркса к Гегелю двойственно. С одной стороны, он полагает, что Гегель не принимает в расчет действительной исторической природы общества, особенно экономической структуры общества, поскольку придерживается абстрактного философского подхода, который просто непригоден для понимания общественной практики. С другой стороны, он принимает основной пафос гегелевского убеждения, сформировавшегося после Французской революции, что все в конечном счете исторично. Об этом свидетельствует ряд широко обсуждавшихся важных замечаний Маркса о методе политической экономии, высказанных во введении к «Grundrisse». Утверждаемая Марксом противоположность между абстрактным, или воображаемым конкретным, приписываемым Гегелю, и действительным конкретным, построенным из простых концептов, связанных с историческим моментом, основывается на изначально неверном понимании позиции Гегеля. Как и Маркс,

Гегель предпочитает тот метод, который Маркс противопоставляет своему (ложному) пониманию точки зрения Гегеля.

Было бы очевидной ошибкой отрицать или преуменьшать различия, разделяющие Маркса и Гегеля. Я не утверждаю и не предполагаю, что позиция Маркса тождественна гегелевской. Это было бы непростительно и не соответствовало бы основным характеристикам обеих позиций. Моя мысль заключается в том, что теория Маркса формулируется и в конечном счете остается на гегелевской орбите, и главным пафосом обеих является приверженность истории и историческому подходу. В дискуссии о Марксе подчеркиваются преимущественно различия – не количественные, а коренные – между Марксом и Гегелем. В результате отношение Маркса к Гегелю представляется полностью или, по крайней мере, почти полностью негативным. Марксисты видят в Марксе антигегельянца, я же считаю его гегельянцем. Если Маркс в конечном счете является гегельянцем, то имеет смысл еще раз присмотреться к трем дихотомиям, которые формулируют марксисты, проводящие слишком четкую границу между Марксом и Гегелем: последним приписываются противоположные позиции в рамках дихотомий идеализма и материализма, идеологии и науки и (в качестве уточнения предыдущей альтернативы) философии и политической экономии.

Термин «идеализм» используется для характеристики чрезвычайно многочисленных, очень часто различных позиций начиная с Платона и включая Канта, послекантовскую немецкую философию, британский идеализм, лингвистический идеализм и т. д.¹ Идеализм Канта связан с произведенной им так называемой коперниканской революцией в философии; другими словами, с «конструктивистской» установкой, согласно которой мы не знаем и не

---

¹ *Rescher N. Idealism // A Companion to Epistemology / Ed. J. Dancy and E. Sosa. Oxford: Blackwell Publishers, 1994. P. 187–191.*

можем знать, каков мир независимо от сознания, но в некотором смысле (и это необходимое условие знания) мы «конструируем» или «производим» то, что познаем. Если сказать кратко, существует различие между явлением, или вещами, какими они представляются нам, и независимой от сознания реальностью, или вещами, каковы они суть сами по себе, и законные познавательные претензии ограничиваются первыми.

Маркс редко говорит о материализме и никогда не говорит о нем так, чтобы из его работ можно было извлечь некую последовательную концепцию. Если материализм и идеализм мыслятся как истинные противоположности, исчерпывающие все возможные позиции, тогда в качестве отрицания идеализма материализм должен был бы предполагать приверженность эмпиристскому тезису, что мы можем познавать и действительно познаем мир как он есть, следовательно, выходим за рамки явления. Если устанавливать различие таким образом, то марксизм очевидно привержен материализму. Но точно так же очевидно, что Маркс, в отличие от марксизма, привержен идеализму. Эта приверженность очевидна в методологическом пассаже, который мы не раз обсуждали и из которого ясно, что мы познаем мир только через его реконструкцию в сознании.

Главная формула различия между идеализмом и наукой содержится в «Немецкой идеологии», где концепция идеологии, или ложного сознания, (имплицитно) противопоставляется альтернативному (верному) пониманию современного индустриального общества. Утверждение, что точка зрения Маркса – научная точка зрения, неустанно повторяется марксистами со времен Энгельса в контексте различных описаний якобы имевшего место разрыва Маркса с философией. Всякое утверждение о том, что позиция Маркса не является философской, ошибочно по ряду причин, две из которых мы можем здесь рассмотреть. С одной стороны, просто невозможно показать, что философия как

таковая является ложной или просто идеологической – что она предлагает ложную картину общества или же служит сохранению существующего положения дел, например – поддерживает современный капитализм. Представляется очевидным, что, как и в других сегментах общества, в ней есть люди правых и левых взглядов, довольствующиеся *status quo* и почитающие прошлое, а также критикующие его и устремленные в будущее, а еще много принадлежащих к политическому центру и не поддающихся столь простой категоризации. Стало быть, представление, будто философы как класс посвящают себя борьбе с социальной справедливостью, вряд ли можно считать истинным. С другой стороны, если мы признаем, что Маркс формулирует теорию политической экономии и что политическая экономия есть наука, то отсюда следует, что позиция Маркса научна, лишь в том случае, если можно провести четкую границу между философией и наукой. Но если это возможно вообще, то не применительно к Марксу. Ведь повсюду в сочинениях Маркса обращение к политической экономии неизменно выходит за рамки (как бы их ни устанавливали) экономической науки, прежде всего – в осуществляемом им историческом переосмыслении экономики в более широком контексте развития общества.

Таким образом мы приходим к трем выводам, которые можно просто изложить. Во-первых, несмотря на несомненный интерес Маркса к политической экономии и достигнутые им результаты в этой области, его понимание политической экономии характеризуется многочисленными (вненаучными) философскими атрибутами. Во-вторых, наиболее близка к истине характеристика Маркса как философа-идеалиста, а конкретнее – как гегельянца. Наконец, наследие Гегеля в позиции Маркса обнаруживается прежде всего в переходе к историческому пониманию человеческих существ и общества.

6.

Маркс – гегельянец

Маркс – величайший теоретик современного индустриального общества. В предыдущей главе я подчеркнул, что его широкое комплексное понимание современного мира основывается на ряде гегелевских философских концепций. В этой главе я покажу, что несмотря на критику Маркса в адрес Гегеля собственные теории Маркса являются в широком смысле гегельянскими.

Утверждение о гегельянском характере позиции Маркса, какой бы смысл в него ни вкладывали, является спорным. Вниманию гегельянского марксизма к отношению Маркса к Гегелю противостояла обратная позиция структуралистского и аналитического марксизма. Отрицание сколько-нибудь серьезного влияния Гегеля на Маркса было главным элементом французского марксистского структуралистского подхода таких авторов, как Альтюссер, Этьен Балибар¹ и Морис Годелье². Представители аналитического марксизма, получившего импульс от Дж. Коэна, обычно недостаточно знают о влиянии Гегеля на Маркса и сводят его к минимуму³. Тенденция отворачиваться от Гегеля при

---

¹ *Balibar E. On the Dictatorship of the Proletariat. L.: New Left Books, 1977.*

² *Godelier M. Perspectives in Marxist Anthropology. N. Y.: Cambridge University Press, 1977.*

³ В новом сборнике статей Рёмер пишет, что аналитический марксизм, который вдохновляется марксистскими проблемами и исследует

исследовании взглядов Маркса характерна даже для исследователей, не принадлежащих к марксистам и не имеющих корыстных идеологических целей. Так, Дэниел Брадни, исследуя отношение Маркса к Бруно Бауэру и Фейербаху, вновь повторяет каноническое марксистское положение, что Маркс хотел отставить философию в сторону¹.

Марксистское понимание Маркса как антигегельянца и «антифилософа» предполагает, что он занимает позицию *sui generis*, которую нельзя назвать ни рыбой, ни мясом, которая ни на что не похожа и не связана ни с какой философской традицией, в том числе с той, из которой она вышла. С этой точки зрения представляется, что позиция Маркса неясна, с трудом поддается оценке и даже классификации, как и сравнению с какой-либо другой теорией. Напротив, если Маркс рассматривается как гегельянец, а следовательно как философ, то его заслуги могут оцениваться согласно стандартным философским критериям – таким как основательность аргументации, оригинальность, способность теорий доставлять убедительные решения традиционных проблем – и сравниваться с достижениями других философов.

их с помощью стандартных инструментов логики, математики и моделирования, дистанцируется от действительной истории, зависит от аналитической философии и так называемой позитивистской социальной науки. Цель заключается в том, чтобы выработать современный подход к социальной науке и заменить им сформировавшуюся в XIX веке модель марксизма, которая сильно устарела. См.: *Roemer J. Analytical Marxism. Cambridge: Cambridge University Press, 1986*. Этот том, на мой взгляд, типичен для аналитического подхода к Марксу, где Гегель играет очень незначительную роль. При таком понимании аналитического марксизма Алан Вуд, Шон Сэйерс и др. могут рассматриваться как исключения.

¹ См. в новой работе: *Brudney D. Marx's Attempt To Leave Philosophy. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1998*. Книга Брадни – хороший пример аналитического подхода к Марксу, не уделяющего сколько-нибудь существенного внимания Гегелю.

В этой главе я рассмотрю вклад Маркса в гегелевское понимание философии. Я не буду доказывать, что Маркс был Гегелем. Объединение весьма различных позиций Маркса и Гегеля было бы ошибкой. Вклад Маркса в философию заключается скорее в том, как именно он модернизирует взгляды своего великого предшественника и в каких отношениях отходит от него. Я убежден, что практически все философские достижения Маркса – включая концепции отчуждения, политической экономии как исторической науки, современного индустриального общества, знания как исторического явления, и т. д. – вытекают из его экономического подхода к обществу, а следовательно, к социальной истории. Гегель коренным образом отличается от Канта своим вниманием к истории, включая осознание исторической природы философии и знания. Соответственно эта глава начинается с замечаний об историческом преобразовании немецкого идеализма в философии Гегеля, потом мы обратимся к Марксовой самостоятельной точке зрения на исторические явления, а закончим несколькими замечаниями о философских заслугах Маркса на фоне его отношения к Гегелю и в связи с современной философской дискуссией.

Кантова-коперниканская революция в философии

Кант исследует эпистемологические проблемы с традиционной, аисторической точки зрения. Его так называемая коперниканская революция в философии может быть рассмотрена в терминах различия между формальной, трансцендентальной и диалектической логикой¹. Формальная логика имеет дело с суждениями и дедукцией. Трансцен-

---

¹ *Harris E. E. Transcendental and Dialectical Thinkings: Logic and Reality. Albany: State University of New York Press, 1987.*

дентальная логика исследует условия всякого познания. Диалектическая логика, разработанная Гегелем, обращается к рефлексии о мышлении, для того чтобы открыть его необходимую категориальную структуру.

Критическая философия Канта была задумана как аисторическая, трансцендентальная логика, точнее – как разъяснение самых общих условий всякого познания¹. Стратегия Канта продиктована его пониманием развития науки нового времени. Кант обращает внимание на коперниканский переворот в астрономии, который он расценивает как главный фактор расцвета современной науки и как основание общей (философской) теории познания. Основной задачей Канта в «Критике чистого разума» является переосмысление отношения познающего субъекта к предмету познания в коперниканском ключе. В известном письме Канта к другу и коллеге Марку Герцу, написанном в начале так называемого критического периода, философ пишет, что хочет понять отношение представления (*Vorstellung*) к предмету². В «Критике чистого разума» он утверждает, что опыт и познание предметов возможны только в том случае, если познаваемый предмет в некотором смысле «произведен» субъектом как условием познания, поскольку «разум усматривает только то, что сам производит ... по собственному плану»³.

Аисторическая точка зрения Канта претерпевает резкое изменение после Французской революции в работах идеалистов послекантовской эпохи, которые все – Фихте, Шел-

---

¹ *Kant I. Critique of Pure Reason* / Trans. W. S. Pluhar; Intro. P. W. Kitcher. Indianapolis, IN: Hackett, 1996. P. 111. (B 81).

² Письмо Канта к Марку Герцу от 21 февр. 1772 г.: *Kant I. Philosophical Correspondence, 1759–99* / Ed. and trans. A. Zweig. Chicago: University of Chicago Press, 1987. P. 70–76.

³ *Kant I. Critique of Pure Reason*. P. 19. (B xiii) [Цит. по русскому переводу: *Кант И. Критика чистого разума* / Пер. Н. О. Лосского; Отв. ред., сост. и автор вступ. ст. В. А. Жучков. М.: Наука, 1999. С. 33. – Перев.]

линг и прежде всего Гегель – мыслят исторически. В каком смысле позиция Гегеля является «коперниканской»? Гегель продолжает дело Канта, поскольку исходит из его основополагающего «конструктивистского» утверждения, что познание возможно только в том случае, если мы «производим» то, что познаем. Утверждая, что субъект должен производить познаваемый им предмет, Кант не может объяснить, как это происходит. Он признается, что не может полностью объяснить соответствующую деятельность субъекта, которую в разделе о схематизме – способности подводить под категории содержания чувственного многообразия – характеризует как «сокровенное в недрах человеческой души искусство, настоящие приемы которого нам едва ли когда-либо удастся проследить и вывести наружу»¹. Фихте и затем Гегель впервые характеризуют эту деятельность в рамках нового понимания субъекта не как абстрактного условия познания, а как человеческого существа, живущего в обществе. Отказываясь от идеи эпистемологического субъекта в пользу действительного конечного человеческого субъекта, Фихте и Гегель открывают путь к переосмыслению философских проблем на социальных и исторических основаниях.

Гегель и история

Гегель продолжает кантовский коперниканский поворот в своей теории истории как человеческой истории. История включает последовательность событий, а также их повествовательное или интерпретативное объяснение или исследование. Термин «философия история», который был введен в оборот Франсуа Мари Аруэ де Вольтером (1694–1778), часто применяется как для обозначения рефлексии о происходящем в истории, так и для обозначения историо-

---

¹ Ibid. P. 214. (В 180–181). [Цит. по: Там же. С. 178–179. – Перев.]

графии, или теории историописания, в отличие от теории познания как (внутренне) исторического¹.

Философия истории до Гегеля фокусируется на философской рефлексии над ходом исторических событий. В «Основаниях новой науки» (1725) Джамбатиста Вико (1668–1744) доказывает, что развитие всех народов проходит три стадии. В «Опыте о нравах и духе народов» (1756) Вольтер характеризует историю как борьбу человека за культуру и прогресс. Ученик Канта Гердер полагал, что человеческая история развивается в направлении осуществления человечности. Подобно Канту, Готфрид Эфраим Лессинг (1729–1781) и Фихте рассматривают историю как осуществление божественного провидения, замысла Божьего о воспитании человеческого рода, которое будет иметь своим окончательным результатом его совершенство.

Кант писал об истории в нескольких небольших сочинениях. В восьмой части «Идеи всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» он предлагает рассматривать историю человеческого рода как исполнение скрытого плана природы². Но в целом его понимание философии и познания в основе своей аисторично. Фихте предлагает теорию истории, но не теорию исторического познания³. Гегель чрезвычайно ускорил послекантовский поворот к истории. Уже упоминалось, что он по существу создал историю философии, какой мы ее знаем. Все позднейшие историки философии идут по его стопам. И Гегель предло-

---

¹ Такова, например, теория охватывающих законов истории Гемпеля, согласно которой историческое знание руководствуется законами, т. е. является аисторическим. См.: *Hempel C. The Function of General Laws in History // Readings in Philosophical Analysis / Ed. H. Feigl and W. Sellars. N. Y.: Appleton-Century-Crofts, 1949. P. 459–471.*

² См.: *Kant I. Perpetual Peace and Other Essays / Trans. T. Humphrey. Indianapolis, IN: Hackett, 1983. P. 36–38.*

³ *Fichte J. G. Grundzüge des gegenwärtigen Zeitalters. Hamburg: Felix Meiner, 1956.*

жил теорию написания истории и теорию познания как исторического процесса.

В «Лекциях по истории философии» Гегель различает первоначальную историю, рефлексивную историю и философскую историю. Первоначальная история пишется человеком, находящимся в гуще исторических событий, подобно Геродоту или Фукидиду. Рефлексивная история, которая подразделяется на четыре подвида (общая или всеобщая история; прагматическая история; критическая история, или современный немецкий исторический метод; и история отдельных отраслей, таких как искусство, право или религия), записывает и истолковывает деяния прошлого в свете духа позднейшей эпохи. Философская история изучает разумное развитие (человеческого) духа в историческом времени. Гегель довольно детально обсуждает собственное понимание этой последней, ее отношение к другим формам знания и надлежащий подход к истории философии.

Дух – главное философское открытие Гегеля – выдвигается им в качестве альтернативы кантовской теории разума. Это сложное гегелевское понятие невозможно адекватно описать в простых словах¹. Достаточно сказать, что если вещи существуют во времени, то человеческие существа существуют в истории. Гегель понимает дух, или общественный разум, присущий человеческим существам, как свободу. Он устанавливает различие между идеей истории и ее осуществлением. Он утверждает, что «всемирная история есть прогресс в сознании свободы» и что «конечную целью мира было признано сознание духом этой свободы»².

---

¹ См. статью «Дух» (spirit) в книге: *Inwood M. A Hegel Dictionary*. Oxford: Blackwell Publishers, 1992. P. 274–277. См. также: *Olson A. Hegel and the Spirit: Philosophy as Pneumatology*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1992.

² *Hegel G. W. F. Reason in History: A General Introduction to the Philosophy of History* / Trans. R. Hartman. Indianapolis, IN: LLA, 1953. P. 24. [Цит. по русскому переводу: *Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории* / Пер. А. М. Водена. СПб.: Наука, 1993. С. 72. – *Перев.*]

Он размышляет об осуществлении этой идеи на уровне индивида как субъекта и объекта истории, и в государстве. В связи с последним он рассматривает право, конституцию и религию. Он полагает, что сила государства определяется совпадением его интересов с интересами его граждан¹. Он доказывает, что человек есть цель в себе благодаря его разуму, или свободе, хотя результаты даже простейшего нашего действия часто выходят за рамки наших намерений. Он формулирует идею всемирно-исторической личности, имея в виду тех немногочисленных людей, которые, подобно Александру Македонскому, Цезарю и Наполеону, порой невольно осуществляют всеобщие исторические цели через свои личные поступки. Согласно Гегелю, три последовательных стадии развития свободы – это погружение духа в народную жизнь, затем сознание свободы, а вслед за ним – чистая всеобщность свободы².

Противоречие и Марксов экономический подход к истории

Маркс и Гегель придерживались взаимосвязанных, взаимодополняющих взглядов на человеческую историю. С точки зрения обоих, человеческая история имеет целью трудно достижимое осуществление человеческой свободы. Основное различие между ними заключается в том, что Гегель ограничивается феноменологическим описанием и концептуальным анализом этапов осуществления свободы. Он обсуждает политическую экономию, но не предлагает каузальной экономической структуры, какую конструирует и детально обсуждает Маркс.

Различие между ними можно охарактеризовать, например, по аналогии с различием между объяснениями движе-

---

¹ Ibid. P. 30.

² Ibid. P. 70–71.

ния планет – Коперниковым кинематическим, абстрактным, и Ньютоновым динамическим, каузальным. Гегель сосредоточивается на характеристике институтов, в которых осуществляется человеческая свобода; Маркс концентрируется на рассмотрении общественных сил, которые преобразуют общество в результате того, что по аналогии с гегелевской концепцией логического противоречия я назову (объективным) общественным противоречием.

Для понимания Марксовой концепции объективного противоречия будет полезно высказать несколько (но лишь несколько!) замечаний о гегелевском сложном понимании логики¹. И Маркс, и Гегель обнаруживают тесную связь между диалектическими понятиями отрицания и противоречия. Вообще говоря, «диалектика» имеет дело с динамическим взаимодействием различных факторов, действующих внутри ситуации, которая в результате их взаимодействия преобразуется в другую ситуацию. Примером может послужить изменение теоретической точки зрения, вытекающее из сравнения конкретной теории с ее предметом, в результате которого изменяются и теория предмета, и предмет теории. Мы знаем, что поскольку становилось все труднее согласовать данные наблюдения с геоцентрической астрономической теорией, в конце концов была принята (Коперникова) гелиоцентрическая астрономическая теория. В результате и наше понимание движения планет, и наши теории этого движения сильно изменились.

После смерти Гегеля его ученики спорили о природе и значении диалектики в его философии. Биограф Гегеля, консервативный философ Карл Розенкранц (1807–1879), впоследствии написавший книгу о Гегеле как философе немецкого народа², характеризовал диалектику как путь

---

¹ Критико-реалистическое рассмотрение различия между взглядами Маркса и Гегеля на противоречие см.: *Bhaskar R. Dialectic: The Pulse of Freedom. L.: Verso, 1993. P. 56–72.*

² *Rosenkranz K. Hegel als Deutscher Nationalphilosoph. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1973. (1-е изд.: 1870).*

к гармонии противоположностей¹. Другие оказались не столь великодушны. Артур Шопенгауэр (1788–1860), который был одним из самых яростных противников Гегеля и именовал его шарлатаном², критиковал диалектику, называя ее чистой галиматьей, сущим вздором³. Философ и логик Адольф Тренделенбург (1802–1872) критиковал ее с точки зрения аристотелевской логики⁴. Гегелевские ученики левого толка считали теорию диалектики не консервативной, а скорее критической. В начале 1840-х гг. Бакунин рассматривал объективное противоречие как основную категорию, господствующую сущность нашего времени⁵. Не удивительно, что Маркс, как и другие левые последователи Гегеля, понимал диалектику через противоречие. Во второй половине первого тома «Капитала» в контексте критики попытки Д. С. Милля заимствовать идеи Рикардо и Сениора Маркс говорит, что Миллю «чуждо гегелевское “противоречие”, источник всякой диалектики» (XXXV, 592n; [Соч. 23, 610 прим.]).

---

¹ «Harmonie, welche den Mißlaut des Widerspruchs zur Einheit umwandelt und die Gefahr der Vernichtung bestanden hat. In dieser Rückkehr zur Einheit aus der Entzweiung liegt eine unendliche Affirmation, die den ganzen Reichtum des Wesens in ihrer Seligkeit aufnimmt» [«гармонии, которая превратила разноголосицу противоречия в единство и избежала опасности уничтожения. В этом возврате к единству от раздвоенности кроется бесконечное утверждение, обнимающее все богатство сущего в его [божественной] благодати» (нем.). – Перев.] (*Rosenkranz K. Wissenschaft der logischen Idee. Königsberg: Bornträger, 1858–1859. Bd. 1. S. xxxii*).

² *Schopenhauer A. Über die viervache Würzel des Satzes vom zureichenden Grunde. Hamburg: Felix Meiner, 1970. S. 4.*

³ *Schopenhauer A. Anhang zur Skizze einer Geschichte der Lehre vom Idealen zum Realen // Sämtliche Werke / Ed. E. Grisebach. Leipzig: Insel Verlag, 1905–1910. Vol. 5. S. 31. (Parerga und Paralipomena, 1).*

⁴ *Trendelenburg F. A. Logische Untersuchungen. Berlin, 1840.*

⁵ «die Hauptkategorie, das herrschende Wesen unserer Zeit», см.: *Bakunin M. Die Reaktion in Deutschland // Deutsche Jahrbücher. Nr. 247–251 vom 17–21. Oktober 1842*); цит. по: *Bakunin M. Philosophie der Tat / Ed. R. Beer. Cologne: Henger, 1968. S. 77–78.*

Левые ученики Гегеля не привносили теорию противоречия в работы Гегеля – он часто говорит о противоречии, пусть и невнятно. В «Философии права» «противоречие» встречается лишь дважды: в замечании о противоречии между субъективностью и объективностью в моральности¹ и в дальнейшем замечании о развитии конечного в связи с необходимостью и случайностью². Ну и, конечно, в «Энциклопедии...» он утверждает: «Противоречие – вот что на самом деле движет миром, и смешно говорить, что противоречие нельзя мыслить»³.

Не ясно, что Гегель имел в виду и как, по его мнению, противоречие движет миром. Но по крайней мере ясно, что он стремился рассматривать всю действительность, включая историю, с диалектической точки зрения. Гегель скупо упоминает о противоречиях в истории. Но в «Философии истории» он показывает, как идея противоречия может быть применена к историческим явлениям. Он отмечает, что задачей древнего Египта было соединение противоположных элементов (Вавилонских, Сирийских и т. д.)⁴. Он характеризует Египет как противоречивое единство, как неразрешенное противоречие между природой и духом⁵. Кроме того, Гегель обнаруживает ряд неразрешенных противоречий в средневековой Церкви: субъективный дух, хотя и свидетельствует об абсолютном духе, но является ко-

---

¹ *Hegel G. W. F. Philosophy of Right / Trans. with notes by T. M. Knox. L.: Oxford University Press, 1967. P. 78. (§ 112).*

² *Ibid. P. 81. (§ 118).*

³ *Hegel G. W. F. The Encyclopedia Logic: Part I of the Encyclopedia of the Philosophical Sciences with the Zusätze / Trans. T. F. Geraets, W. A. Suchting and H. S. Harris. Indianapolis, IN: Hackett, 1991. P. 187. (§ 119, Addition 2). [Цит. по русскому переводу: Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М.: Мысль, 1974. С. 280. – Перев.]*

⁴ *Hegel G. W. F. Philosophy of History / Trans. J. Sibree. N. Y.: American Home Library, 1902. P. 271 ff.*

⁵ *Ibid. P. 295–296.*

нечным и существующим; в самой Церкви – ведь истинный дух пребывает в миряnine, тогда как Церковь лишь обучает его культу; наконец Церковь обладает огромным состоянием, но презирает богатство¹.

Существуют противоречия разных типов: логические, формальные, субъективные, объективные и т. д. То, что сегодня назвали бы логическим противоречием, а точнее нарушением закона непротиворечия, согласно Аристотелю, препятствует разумному рассуждению². Гегель обсуждает много разных типов противоречия и отчетливо разграничивает субъективное и объективное противоречия. Субъективное противоречие возникает лишь в том, как мы говорим о мире, и не касается самого мира, независимого от сознания. Объективное противоречие содержится не в нашем суждении о мире, но в самом мире. Гегель утверждает, что кантовские антиномии, или противоречия разума, носят лишь субъективный характер, находятся «в» субъективности, а не в мире³.

Это различие восходит уже к досократикам. Зенон Элейский (ок. 490 – 430 до н.э.) по существу имеет в виду субъективные противоречия, когда говорит, что движение невозможно. Гераклит Эфесский (540 – 475 до н.э.) имеет в виду объективные противоречия, утверждая, что вражда противоположностей (у него не было слова, которое обозначало бы противоречие) порождает и единство, и изменение мира⁴. Возражая Канту, Гегель возрождает мысли досократиков об объективном, или онтологическом, противоречии.

---

¹ Ibid. P. 480–482.

² Aristotle. *Metaphysics*, bk. Gamma, 4.

³ Hegel G. W. F. *The Encyclopedia Logic*. P. 107. (§ 60, Addition 1).

⁴ Гегель высоко ценил Гераклита и утверждал, что нет ни одного его положения, которого он не принял в свою логику, см.: Hegel G. W. F. *Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie // Werke in zwanzig Bänden*. Bd. 18. S. 320.

Понимание противоречие связано у Гегеля с его идеями об отрицании и изменении. Согласно Гегелю, отрицание ведет к противоречию, которое в свою очередь ведет к изменению. Ссылаясь на Спинозу¹ (которого он неверно цитирует), Гегель соотносит отрицание с противоречием через формулу (*omnis determinatio est negatio*)², подчеркивая, что всякая определенность, или определенное бытие, т. е. все что есть, есть отрицание, полагаемое как утверждение. Каждая конкретная вещь двояко противоречива. С одной стороны, она есть единство единства и многообразия, или, точнее, единство ее собственного единичного существования, т. е. того, что она есть или существует, и ее различных свойств, того, как она существует, одним словом – единство единства и различия. С другой стороны, как единство, она исключает другие вещи или возможности. Например, треугольник не является ни квадратом, ни какой-либо другой геометрической фигурой³. По Гегелю, *все является внутренне противоречивым*⁴. Противоречие⁵, внутреннее для определенного бытия, приводит в движение процесс становления, который Гегель, подобно Гераклиту, находит во всем.

---

¹ Об отношении Гегеля к Спинозе см.: *Düsing K. Hegel und die Geschichte der Philosophie*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1983. S. 160–195.

² Гегель несколько раз неверно цитирует эту формулу в своих произведениях, см.: *Hegel G. W. F. The Encyclopedia Logic*. S. 147–148. (§ 91, Addition); *Hegel G. W. F. Science of Logic / Trans. A. V. Miller*. Atlantic Highlands, NJ: Humanities Press, 1969. P. 113. Харрис полагает, что Спиноза нигде не использует этой формулы (*Harris E. E. An Interpretation of the Logic of Hegel*. Lanham, MD: University Press of America, 1983. P.122). Ближе всего Спиноза подходит к ней, видимо, в письме: *Letter Spinoza to Jarig Jellis // Works of Spinoza / Trans. and intro. R. H. M. Elwes*. N. Y.: Dover, 1951. Vol. 2. P. 369–370.

³ Об определенном отрицании см.: *Hartnack J. An Introduction to Hegel's Logic*. Indianapolis, IN: Hackett, 1998. P. 16–19.

⁴ *Hegel G. W. F. Science of Logic*. P. 439.

⁵ О сложной точке зрения Гегеля на противоречие см.: *Hartnack J. Op. cit.* P. 47–49.

Поскольку все противоречиво и поскольку противоречие как таковое есть движение, или корень всякого движения¹, все постоянно изменяется. Гегель собственно, пусть и весьма не-отчетливо, утверждает, что противоречие движет миром.

Исследование философии Гегеля не является предметом данной книги, здесь нет необходимости рассматривать его понимание противоречия сколько-нибудь детально. Оно упоминается здесь лишь потому, что гегелевская концепция объективного противоречия повлияла на формирование Марксовой теории истории. Гегель рассуждает о противоречии применительно к изменению или движению любого рода, включая органическую жизнь, историю, категориальные структуры, пригодные для понимания опыта, и т. д. Интерес Маркса более конкретен – он рассматривает историческое изменение, которое, по его мнению, вытекает из действительных, или объективных, противоречий, имеющихся в обществе².

Маркс применяет разновидность этой точки зрения к исследованию общества. Развитие общества от одной стадии к другой движимо общественными силами. Согласно Марксу, капитализм чреват внутренними противоречиями между производительными силами и общественными отношениями, которые со временем приводят к экономическим кризисам, а в конечном счете – к гигантскому экономическому кризису, гораздо более серьезному, чем предшествовавшие, который превратит капитализм в коммунизм.

Подобно Гегелю, Маркс чаще говорит о противоречии, чем о диалектике. В своем каузальном объяснении исторических явлений Маркс опирается на гегелевскую концепцию объективного противоречия. Имеется серьезное различие между гегелевским, Марксовым и марксистским пониманием противоречия. Марксова концепция (обществен-

---

¹ *Hegel G. W. F. Science of Logic. P. 440.*

² *Hegel G. W. F. The Encyclopedia Logic. S. 187. (§ 119, Addition 2).*

ного) противоречия отличается от более широкой концепции Гегеля, которая составляет основу совершенно иного, марксистского понимания диалектики как науки об общих законах движения природы, человеческого общества и мышления¹.

Марксов подход к современному индустриальному обществу через экономическое противоречие развивается в его сочинениях рано и постепенно. Видимо, мысль об объективном общественном противоречии возникла у него очень рано, как только он начал писать. Вообще говоря, Марксово понимание противоречия, которое было постоянной темой его произведений, становится все более конкретным и все более экономическим. Оно уже присутствует, пусть и в слабой форме, в работе «К критике гегелевской философии права» – прямо в начале, в критических замечаниях о неразрешенных противоречиях между сферами гражданского права и личного богатства, семьей, гражданским обществом и государством (III, 6). В статье «К еврейскому вопросу» Маркс мало говорит о частной собственности, но формулирует целый ряд противоречий – между христианами и евреями, религиозным предрассудком и политической эмансипацией, принадлежностью к политической общности и к гражданскому обществу, – и эти противоречия достигают высшей точки в противоречивом тезисе Бруно Бауэра о возможности эмансипировать евреев без эмансипации общества в целом. В работе «К критике гегелевской философии права: Введение», рассуждая об отражении современной Германии в немецкой философии, Маркс находит противоречия в призыве к упразднению философии без ее осуществления в действительности, между освобождением человечества и капитализмом и между пролетариатом и современным индустри-

---

¹ *Engels F. Herr Eugen Dühring's Revolution in Science (= Anti-Dühring) / Trans. E. Burns. N. Y.: International Publishers, 1970. P. 142–156. (Часть I, гл. 13).*

альным обществом. В отношении последнего Маркс полагает, что пролетариат нуждается в преодолении противоречий существующего общества путем разрушения этого общества (III, 186–187).

Понятие объективного противоречия очевидно предполагается в «Парижских рукописях» в замечаниях о созревании внутренних противоречий современного индустриального общества, которые со временем приведут к его преобразованию. В «Святом семействе» это понятие снова появляется в утверждении, что по экономическим причинам частная собственность движется к собственному снятию (IV, 36). Оно опять появляется в теории периодических кризисов, характерных для капитализма, в «Grundrisse» и во всех позднейших произведениях.

В «Парижских рукописях» Маркс впервые обращается непосредственно к противоречиям современного индустриального общества и его отражения в политической экономике. Он обнаруживает противоречия между капиталистами и рабочими, т. е. между сущностно противоположными интересами, которые выражаются в связи с заработной платой, прибылью и рентой. Отчуждение свидетельствует о внутренних противоречиях индивида и противоречиях в его отношениях к другим людям, – противоречиях, порождаемых отношением частной собственности, которое является определяющим для капитализма. Вообще говоря, отчуждение свидетельствует о противоречии между капитализмом и разносторонним развитием индивидов, а еще шире – между человеком и человеком и человеком и природой.

В «Феноменологии духа» Гегель напоминает об «огромной силе негативного»¹. В «Парижских рукописях»

---

¹ *Hegel G. W. F. Phenomenology of Spirit / Trans. A. V. Miller. N. Y.: Oxford University Press, 1987. P. 19. [Цит. по русскому переводу: Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа / Пер. Г. Шпета // Соч. М.: Изд-во соц.-экон. лит-ры, 1959. Т. 4. С. 17. – Перев.]*

Маркс обсуждает «Феноменологию...» и в этой связи хвалит Фейербаха как единственного мыслителя, подвергнувшего философию Гегеля серьезной критике, а также за то, что тот делает отношение человека к человеку основным теоретическим принципом. На гегелевском языке Маркс утверждает, что, рассматривая «отрицание отрицания», Фейербах просто противопоставляет теологию и философию. По этой причине он остается внутри (гегелевской) философии, где «отрицание отрицания» есть «лишь абстрактное, логическое, спекулятивное выражение для движения такой истории, которая не есть еще действительная история человека как уже предположенного субъекта, а есть только акт порождения, история возникновения человека» (III, 339–340; [Соч. 42, 155]). Несколькими страницами ниже Маркс повторяет эту мысль: «Поэтому у Гегеля отрицание отрицания не есть утверждение истинной сущности посредством отрицания мнимой сущности» (III, 339–340; [Соч. 42, 167]).

Утверждение Маркса об абстрактности гегелевской концепции вытекает из критики самим Гегелем других взглядов. Замечание Маркса предполагает, что его попытка найти то, что он называет здесь действительной историей, требует переосмысления концепции Гегеля в более конкретных терминах. Он утверждает, что действительное понимание человеческой истории должно показывать, как человеческие существа могут возвыситься над состоянием мнимой сущности и обнаружить свою истинную сущность, короче говоря – осуществиться в истории посредством истории. Маркс понимает Гегеля исходя из собственных потребностей, и сам Гегель подсказывает ему, как следует переосмыслить его понятие негативности в его точке зрения на процесс самосозидания человека. Подобно Фейербаху, подобно любому мыслителю, который пытается преодолеть Гегеля, Маркс отвергает некоторые стороны гегелевской философии, в то же время принимая и усваивая

себе другие. Критикуя Гегеля, но вместе с тем и отстаивая гегелевскую феноменологию, в отличие от его логики, Маркс защищает Гегеля от него самого. Ирония заключается в том, что Маркс не способен порвать с Гегелем – точно так же, как и его коллеги-младогегельянцы. Маркс критикует Фейербаха, полагая, что тот остается внутри гегелевской философии, но сам поступает так же. Ведь критикуя Гегеля на гегелевских основаниях, он остается гегельянцем.

В последующих текстах Маркс все больше интересуется собственно экономическими противоречиями современного индустриального общества. В «Немецкой идеологии» разделение труда, уравниваемое с различными формами собственности, доставляет относительно конкретную модель развития общества, основанного на частной собственности. Общественное развитие проходит ряд стадий, и это иллюстрирует тезис Маркса, что историческое изменение проистекает из столкновений между производительными силами и организацией производства. В этой же работе содержится теория идеологии как ложного сознания, находящегося в противоречии с общественной действительностью; ложное сознание может обеспечивать продолжительное существование современного капитализма. Короче говоря, капитализм продолжает существовать, потому что его не понимают, или не вполне понимают, а фактически – неверно понимают те, кто хотел бы его понять.

Идея объективного экономического противоречия проходит через все позднейшие сочинения Маркса. В книге о Прудоне он усматривает противоречия в понимании его французским коллегой политической экономии. В «Grundrisse» он развивает знакомую мысль, что внутренние противоречия современного индустриального общества приведут к кризисам перепроизводства и в конце концов к экономическому краху.

Капитализм – общественная система, ориентированная на накопление капитала посредством обмена товаров на

деньги. В книге «К критике политической экономии» Маркс обнаруживает основное противоречие между потребительной стоимостью и меновой стоимостью в самом товаре, образующем самое ядро современного индустриального общества. Гораздо более детально он анализирует внутренне противоречивую природу капитализма в «Капитале». Детально анализируя противоречие, заключенное в товаре, он дополнительно обсуждает фетишизм, в котором действительность отношений между капиталистами и рабочими принимает фантастическую, но искаженную форму простого отношения между вещами. Среди других противоречий – противоречия в политической экономии, такие как общая формула капитала; противоречие между борьбой за ограничение рабочего дня и жадной все большей прибылью; между скоростью и легкостью производства, обусловливаемыми введением машин, и вытекающей отсюда растущей нищетой фабричных рабочих; и противоречие между так называемым первоначальным накоплением, которое сделало возможным современное индустриальное общество, и его воздействием на множество обычных людей.

Имеется аналогия между отношением Гегеля к Канту и отношением Маркса к Гегелю. Дух есть гегелевская положительная альтернатива кантовскому разуму, и точно так же модель человеческого самосозидания через труд является Марксовой конкретной альтернативой гегелевской абстрактной, в основе своей логической концепции отрицания отрицания. Ограниченность этой аналогии заключается в том, что философская теория духа создана Гегелем; ее нет у Канта или предшественников. Но Маркс буквально находит мысль о самосозидании человека, которую он обращает против Гегеля, – находит ее готовой у самого Гегеля.

Маркс понимает Гегеля следующим образом. Позиция Гегеля таит в себе неразрешенную двойственность – две различные, несовместимые модели истории. Неправильный, абстрактный подход к историческим явлениям дейст-

вует в логических сочинениях Гегеля, включая «Науку логики». Другой, более конкретный, правильный подход разработан в «Феноменологии духа», где Гегель исследует процесс человеческого самосозидания как исторический процесс. Маркс интерпретирует Гегеля в духе Фейербаха и полагает, что Гегель описывает человеческую историю правильно, но все же слишком абстрактно. Полагая, что позиция Гегеля в «Феноменологии...» исправляет его позицию в «Логике», Маркс защищает и развивает одну часть гегелевской теории истории в противовес другой. «Величие гегелевской «Феноменологии» и ее конечного результата – диалектики отрицательности как движущего и порождающего принципа – заключается, следовательно, в том, что Гегель рассматривает самопорождение человека как процесс, рассматривает опредмечивание как распредмечивание, как отчуждение и снятие этого отчуждения, в том, что он, стало быть, ухватывает сущность *труда* и понимает предметного человека, истинного, потому что действительного, человека как результат его *собственного труда*» (III, 332–333; [Соч. 42, 159]).

Противоречие, тождество и товар в «Капитале»

Теория Маркса приобретает свою наиболее законченную форму в его незавершенном шедевре, в «Капитале». Естественно спросить, заметно ли и в этой книге влияние Гегеля. На этот вопрос предлагается почти необозримое множество ответов. Вот несколько примеров. Согласно первой точке зрения вполне возможно обсуждать «Капитал» вообще без упоминаний о Гегеле¹. Вторая состоит в том, что Маркс отвернулся от гегелевского идеализма

---

¹ *Wolff R. P. Understanding Marx: A Reconstruction and Critique of Capital. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1984.*

в 1843 г., но вновь открыл его для себя в 1857 г., перечитав гегелевскую «Науку логики»¹. Третий ответ заключается в том, что, подобно Гегелю, Маркс использует в «Капитале» диалектику, но диалектика Гегеля есть просто концептуальная «ловкость рук»². Согласно четвертой точке зрения, теория Гегеля – критерий, до которого, при всем влиянии гегелевской философии на теории Маркса, последний недотягивает³. Пятый ответ сводится к тому, что хотя теория Маркса в «Капитале» сложилась под влиянием Марксовой критики Гегеля, она способна выдержать критику с гегельянских позиций⁴. Шестая точка зрения выражается знаменитым замечанием Ленина, что «Капитал» нельзя вполне понять, не проштудировав всей логики Гегеля⁵.

В нашем предварительном исследовании невозможно решить вопрос о конкретном отношении теорий Маркса

---

¹ *Lefebvre H. Dialectical Materialism / Trans. J. Sturrock. L.: Cape, 1974. P. 83.*

² *Wilde L. Logic: Dialectic and Contradiction // The Cambridge Companion to Marx / Ed. T. Carver. N. Y.: Cambridge University Press, 1991. P. 278.*

³ *Hartmann K. Die Marx'sche Theorie: Eine philosophische Untersuchung zu den Hauptschriften. Berlin: Walter de Gruyter, 1970.*

⁴ *Smith T. The Logic of Marx's Capital: Replies to Hegelian Criticisms. Albany: State University of New York Press, 1990.* Смит утверждает, что до появления его книги не существовало ни одного исследования роли гегелевской диалектической логики в «Капитале». Согласно Смицу, преобладающая точка зрения настаивает на пагубности гегелевского влияния на Маркса в «Капитале». Смит ссылается в этой связи на работы: *Elster J. Making Sense of Marx. N. Y.: Cambridge University Press, 1985;* *Habermas J. Theory of Communicative Action. 2 vols. / Trans. T. McCarthy. Boston: Beacon, 1984;* *Colletti L. Marxism and Hegel. L.: New Left Books, 1973.* Смит хочет показать, почему Марксу была нужна диалектическая логика (отчасти потому, что переход от капитализма к социализму у Маркса строго параллелен переходу от логики сущности к логике понятий в «Науке логики» Гегеля), и затем ответить на гегельянскую критику в адрес Маркса, прежде всего Гартману (*Hartmann K. Die Marx'sche Theorie*), а также Ричарду Уинфилду (*Winfield R. The Just Economy. L.: Routledge, Chapman and Hall, 1988*).

⁵ *Lenin V. I. Conspectus of Hegel's Book The Science of Logic // Collected Works. L.: Lawrence and Wishart, 1976. Vol. 38. P. 180.*

в «Капитале» к общей позиции Гегеля и даже точнее — к его пониманию логики. Однако если вновь обратиться к точке зрения Маркса на товары, легко показать, как он применяет гегелевскую форму объективного противоречия и диалектического тождества, или единства, которое Маркс усматривает повсюду. Примером служит тенденция противоречий капитализма вести к революции (в «Парижских рукописях» и, как уже отмечалось, намного позже, в рассмотрении товаров, составляющем ядро «Капитала»).

Суть гегелевской идеи объективного противоречия заключается в том, что единство обосновывает, или стягивает, различие между разными, противоположными элементами. В целом Гегель различает два типа единства, или тождества: формальное тождество, которое применяется только к предметам мышления, и диалектическое тождество, в котором единство, или тождество, лежит в основе, или стягивает, различие между противоположными составляющими. Это положение дает Гегелю главный механизм, необходимый для анализа всякого нестабильного, изменчивого объекта или системы объектов.

В «Капитале» Маркс применяет этот подход к капитализму, и прежде всего в анализе товаров. Марксова концепция товара основывается на ортодоксальной политической экономии — в частности, на теории Адама Смита, который обсуждает потребительную стоимость и посвящает товарам две главы в «Исследовании о природе и причинах богатства народов»¹, — и на философии Гегеля. В «Философии права» в ходе достаточно подробного обсуждения

---

¹ *Smith A. The Wealth of Nations / Ed. E. Cannan; Intro. M. Lerner. N. Y.: Modern Library, 1937. P. 30–46. (Bk. 1, ch. 5: Of the real and nominal Price of Commodities, or of their Price in Labour, and their Price in Money). P. 47–54. (Bk. I, ch. 6: Of the component Parts of the Prices of Commodities).* Смит интересуется главным образом внутренней стоимостью товаров как функцией представленного ими труда, в отличие от их денежной цены.

темы «Потребление вещи»¹ Гегель устанавливает различие между количеством и качеством применительно к вещи² и далее уточняет, что количество предполагает сумму денег, за которую можно обменять продукт³. Это гегелевское различие, которое Маркс повторяет в начале «Капитала», в точности соответствует его собственному различию между потребительной стоимостью и меновой стоимостью. Маркс основывается на гегелевском различии между потребительной и меновой стоимостью, которое он дополняет дальнейшим различием между типами труда. По мнению Маркса, различие между потребительной и меновой стоимостью применительно к товару соответствует дальнейшему различию, говоря его словами, – двойственной природе труда, заключающегося в товаре. Потребительная стоимость есть продукт одного вида труда, который, так сказать, содержится в вещи таким образом, что удовлетворяет человеческую потребность, и, если отвлечься от потребительной стоимости, меновая стоимость тоже заключается в вещи как средняя сумма рабочей силы, за которую можно обменять эту вещь⁴.

Маркс не говорит, что он открыл базовое различие между типами стоимости товара. Скорее, он утверждает, что первым заметил, что труд, результатом которого являются товары, тоже имеет двойственную природу, поскольку создает потребительную стоимость и стоимость вообще, или меновую стоимость. Характеризуя товар – основное понятие «Капитала», Маркс описывает объективное противоречие в самом ядре капитализма. Капитализм определяется отношением частной собственности, которое обуславлива-

---

¹ *Hegel G. W. F. Philosophy of Right. P. 49–52. (§§ 59–64).*

² *Ibid. P. 51–52. (§ 63).*

³ *Ibid. P. 194–195. (§ 299).*

⁴ *Marx K. Capital. Vol. 1. Ch. 1. Section 2: The two-fold character of the labor embodied in the commodities [Двойственный характер заключающегося в товарах труда] // CW. Vol. 35. P. 51–56.*

ется накоплением капитала, которое, в свою очередь, определяется продажей товаров на рынке. Товары заключают в себе объективное противоречие между потребительной стоимостью и меновой стоимостью, между качеством и количеством, между потреблением вещи, вытекающим из процесса производства, и тем, что можно получить за нее путем обмена на рынке. Предполагаемое преобразование одной стадии общества в другую, капитализма в коммунизм, должно последовать за созреванием противоречия, содержащегося в товаре.

Марксова зрелая теория современного мира непосредственно основывается на применении гегелевской концепции объективного противоречия к современному индустриальному обществу. Противоречия, которые он усматривает в ядре капитализма, противоречия между владельцами средств производства и теми, кто на них работает, подверженность капитализма периодическим кризисам в ходе его развития в систему, в которой не будет частной собственности, и т. д., – все они объясняются в терминах созревания противоречий, скрытых в единстве потребительной стоимости и меновой стоимости в вещи. Согласно Марксу, цель общества заключается не только в преодолении противоречий капиталистического производственного процесса, в котором накапливается прибавочная стоимость, но и в том, чтобы преодолеть то самое противоречие, которое кроется в сердцевине товара.

Марксова теория товара является философской концепцией, основанной на различии между потребительной стоимостью и меновой стоимостью. Мы отмечаем сразу две вещи: Маркс даже в своих экономических сочинениях времени работы над «Капиталом» сохраняет тесную связь с философскими идеями Гегеля, – и, далее, если все человеческие общества производят вещи ради удовлетворения потребностей воспроизводства, и эти вещи становятся товарами, когда они обмениваются, то даже Марксу трудно представить общество, не знающее потребности в обмене продуктами.

Маркс и современная философия

До сих пор в этой главе я доказывал, что Маркс как философ остается в целом на гегелевской орбите. Вклад Маркса в философию чаще всего обсуждается в терминах отношения между теорией и практикой. Этот подход полезен, пожалуй – даже правилен, но недостаточен. Сводя намерения Маркса к некоей формуле или к нескольким тщательно подобранным словам, он приводит к неверному пониманию философских теорий Маркса, не говоря уже об их актуальности. Актуальность теорий Маркса, как и других философских теорий, невозможно объяснить в абстрактных или абсолютных терминах. Ее можно оценить только применительно к современной дискуссии.

Интерес к отношению теории и практики (*praxis*) впервые возникает не у Маркса. Так или иначе это тема уже явственно присутствует в древнегреческой философии¹. В «Государстве» Платон высказывает мысль, что философия необходима для практической политики, какой она была в Греции того времени². Эта мысль о философии как необходимом условии хорошей жизни в обществе сохраняет свою значимость с эпохи Платона до наших дней. В разных отношениях эта идея занимала всех немецких идеалистов, и каждый из них настаивал на первенстве практики перед теорией. В наше время и сторонник нацизма Хайдеггер, и сталинист Лукач пытаются применить на практике современный вариант этой точки зрения Платона³.

В отличие от Гегеля и других мыслителей, Маркс не интересуется или, по крайней мере, не интересуется в пер-

---

¹ *Lobkowitz N.* Theory and Practice: History of a Concept from Aristotle to Marx. Notre Dame, IN: Notre Dame University Press, 1967.

² Гегель утверждает, что эта мысль Платона не подразумевает некий пустой идеал, но представляет собой форму понимания греческой нравственности, см.: *Hegel G. W. F.* Philosophy of Right. P. 10.

³ *Rockmore T.* On Heidegger's Nazism and Philosophy. Berkeley: University of California Press, 1992.

вую очередь человеческой практикой в ее самых общих формах. В отличие от других, Маркс пытается детально проанализировать человеческую практику в ее специфически экономической форме, которая доминирует в современном индустриальном обществе. Его подход к человеческой практике является отчетливо историческим. Понятый как историческое осмысление политической экономики, т. е. основной области осуществления человеческих целей и намерений, подход Маркса является чрезвычайно сильным. Он систематически разрабатывался посредством тщательной критики ведущих альтернативных концепций. Понятое как философская теория человеческой практики вообще, идеи Маркса плодотворны, важны, но фрагментарны, не вполне проработаны и не развиты в систематическом отношении, а кроме того, они не прошли проверку через сопоставление с достаточно широким спектром других философских взглядов¹.

Наиболее полное развитие теории Маркса получили в его исторической модели современного индустриального общества. Несомненно, Маркс предлагает прекрасно продуманное и сформулированное объяснение огромного множества аспектов экономической практики. Внимание к различным формам экономической деятельности, даже к общественной практике вообще, не есть внимание к внутренней историчности общественной жизни. Вернее было бы сказать, что Маркс создает концептуальную базу, на которой может быть сформулирована общая теория человеческой практики, но все-таки – не саму эту теорию².

---

¹ Было предпринято несколько попыток в этом направлении, особенно в работах ряда философов из бывшей Югославии, см.: *Markovic M. Dialektik der Praxis*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1969.

² Попытка выработки теории посредством осмысления и усвоения идей Маркса содержится в книге Георга Лукача: *Lukács G. Zur Ontologie des gesellschaftlichen Seins*. 2 vols. / Ed. F. Benseker. Darmstadt: Luchterhand, 1984, 1986.

В этом смысле его позиция остается предварительной. Его теории оказываются недостаточными для объяснения практики в целом, в отличие от экономической практики.

Прежде всего, современный капитализм – не единственная арена человеческой практической деятельности, даже если в настоящее время он и является наиболее масштабным полем деятельности. Маркс сам весьма проницательно предусматривает распространение человеческой деятельности в будущем обществе за границы экономики. Еще одна трудность связана с соотношением экономической практики и других форм практики, которое остается нерешенной проблемой в теории Маркса. Использование некоего концептуального механизма для соотнесения, скажем, правовой, философской и других форм надстроечной деятельности с экономическими деятельностями может быть неверно истолковано, а именно в том смысле, будто надстройка может быть сведена к экономическому базису или заменена им. Это было бы примерно равноценно утверждению, что Исаак Ньютон, который создал теорию небесной механики, трактуя планеты как точечные массы, действительно думал, что планета *есть* точечная масса. Точно так же бессмысленно было бы утверждать, что, скажем, литература есть просто замаскированная форма экономики.

Хотя Маркс не выработал общеполитической теории человеческой практики, он сформулировал важнейшие философские идеи для ряда областей. Всегда остается место для дальнейших споров, и ученые не достигли согласия и более чем через столетие после смерти Маркса. Но четыре аспекта его позиции, которые восходят к его интересу к истории, порожденному, вообще говоря, Французской революцией, представляются философски значимыми и в настоящее время, а именно: критика политической экономии, создание самостоятельной теории современного индустриального общества, критика Гегеля и общее понимание познания.

Марксова критика политической экономии с общей гегелевской точки зрения подчеркивает исторический характер этой дисциплины, а также содержит множество более конкретных мыслей, частично упомянутых выше. Самый общий момент заключается в том, что с точки зрения Маркса, уходящей корнями в философию Гегеля, все человеческое, включая экономику, в конечном счете является историческим. Это положение предполагает очевидную мысль, что экономические теории, как и все другие теории, не защищены от пересмотра и постоянно пересматриваются. Мнение, будто какая-либо теория не может быть переосмыслена, которого придерживался Кант относительно собственной критической философии¹, является, мягко говоря, абсурдным. Нет оснований полагать, что утверждение о неизменной истинности может быть верным применительно к философии Канта, к философии в целом, к экономике или к какой-либо другой области знания.

Исторический подход к экономике предполагает, что надо учитывать ее отношение к общественному контексту. Интерес Маркса к воздействию экономической действительности на надежды и стремления людей – важная тема, хотя профессиональные экономисты обычно не уделяют ей достаточно внимания². Этой темы просто невозможно избежать, если Маркс прав в том, что касается ее последствий для жизнеспособности всякой экономической формации. Он делает также полезное наблюдение, что многие

---

¹ В «Критике чистого разума» Кант утверждает, что его коперниканская революция в философии доказывается аподиктически (В ххii, п. 93) и что всякая попытка изменить даже малейшую часть его системы создаст противоречия в человеческом разуме (В xxxviii): *Kant I. Critique of Pure Reason*. P. 25, 36.

² Поэтому важно, что такого рода исследование было впервые отмечено Нобелевской премией по экономике в 1998 г.; она была присуждена Амартии Сен, которая глубоко исследовала социальное неравенство, в частности бедность. См., например: *Sen A. Inequality Reexamined*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992.

политико-экономы больше заинтересованы в анализе благополучия существующей экономической системы и предложении способов ее улучшения, чем в ее изменении ради существенного улучшения положения индивидов¹.

С философской точки зрения важна созданная Марксом самостоятельная теория современного индустриального общества. В наше время было затрачено много усилий на выработку концепции современного мира. Вспомним в этой связи теорию немецкого социолога Макса Вебера, полагавшего, что капитализм происходит из протестантизма², или точку зрения Хайдеггера, согласно которой современность есть результат забвения бытия³. В какой-то момент в 1980-е гг. интерес к «современности» охватил всю философию и литературу. Этот концепт широко обсуждался так называемыми постмодернистами во Франции (такими как Жан-Франсуа Лиотар⁴, Жиль Делёз, Жак Деррида, Андре Глюксман) и модернистами (Юрген Хабермас⁵). Эти точки зрения бледнеют на фоне Марксовой теории современного общества. В этом отношении Маркс, безусловно, настоящий колосс, создатель самой впечатляющей общей теории современного мира из всех, какими мы располагаем, теории, которая при всех ее многочисленных изъянах на самом деле не имеет полноценных конкурентов. Пожалуй, не

---

¹ Примером могла бы послужить нынешняя удовлетворенность состоянием американской экономики, беспрецедентный рост которой в течение примерно восьми лет привел к выплачиванию непропорциональных вознаграждений примерно 10 % наиболее состоятельных семей. См.: *Thurow L. The Boom That Wasn't // The New York Times. Monday, January 18. 1999. P. A19; Thurow L. Building Wealth: New Rules for Individuals, Companies and Nations in a Knowledge-Based Economy. N. Y.: Harper and Collins, 1999.*

² *Weber M. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism / Trans. T. Parsons. L.: Allen and Unwin, 1987.*

³ *Heidegger M. Contributions to Philosophy (From Enowning) / Trans. P. Emad and K. Maly. Bloomington: Indiana University Press, 1999.*

⁴ *Lyotard J.-F. La Condition postmoderne. P.: Editions de Minuit, 1979.*

⁵ *Habermas J. Der philosophische Diskurs der Moderne. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1985.*

лишено смысла лишь сравнение Маркса с другим колоссом – Гегелем. Последний дает нам чрезвычайно влиятельную теорию философии и, в том числе, современной философии¹. Маркс предлагает столь же грандиозную и даже более широкую теорию современного мира как экономической системы накопления прибавочной стоимости в форме капитала. Маркс первым создает надежную теоретическую структуру для постижения современной жизни как целого. В этом смысле у него нет достойных конкурентов, поскольку нет теории, которая по масштабности и глубине могла бы сравниться с теорией Маркса.

А что же теория стоимости? Его общая теория современного общества отчасти опирается на его спорную теорию прибавочной стоимости. Детальное обсуждение достоинств экономических теорий Маркса не относится к задачам данного очерка, посвященного его философским теориям². Марксово понятие стоимости часто критиковали позднейшие экономисты³. Здесь достаточно отметить, что Марксово понимание стоимости имеет противников, но также и сторонников – пожалуй, не столько в том, что касается прозрений о будущем капитализма, сколько в понимании его настоящего положения. Ведь теория Маркса дает нам бесценную возможность осознать, кто мы такие⁴. Постигая анатомию современного общества как структуру общественных отношений, созданных нашими действиями, нацеленными в конечном счете на удовлетворение наших потребностей в воспроизводстве, мы понимаем природу и мотивы наших действий, а в итоге – самих себя.

---

¹ Суждение Хабермаса, что ядром философии Гегеля является концепция современности, ни на чем не основано и ошибочно. См.: *Ibid.*

² См., например: *Roemer J. Free To Lose: An Introduction to Marxist Economic Philosophy. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1988.*

³ См. классический образец такой критики: *Böhm-Bawerk E. Karl Marx and the Close of his System / Ed. P. M. Sweezy. L.: Merlin, 1975.*

⁴ *Heilbroner R. L. Marxism: For and Against. N. Y.: Norton, 1980.*

Марксова критика и критическое восприятие Гегеля являются решающими ввиду масштабности философии Гегеля. И при всех своих огромных достижениях Маркс остается самым значительным, самым одаренным и самым влиятельным учеником Гегеля. Можно считать вполне доказанным, что французская философия начиная с 1930-х гг. развивалась под влиянием Гегеля¹ – и даже что вся философия после смерти Гегеля состояла главным образом из откликов на его теории². Общеизвестно, что величайшие философы привлекают к себе внимание с различных, и часто несовместимых, точек зрения. Разделение среди последователей Гегеля все еще продолжает разворачиваться в современной дискуссии. Правые поклонники Гегеля по-прежнему предпочитают теологическое понимание его философии с акцентом на бесконечном бытии³, вызывая резкие возражения у левых его поклонников, предпочитающих антитеологическое, антропологическое прочтение, сфокусированное на человеческих существах.

Виднейшие послегегелевские мыслители, включая Сёрена Кьеркегора (1813–1855) и Фридриха Ницше (1844–1900), по-своему реагируют на неизменное и осязаемое присутствие Гегеля⁴. Критикующий Гегеля Кьеркегор – правый гегельянец, его больше интересует Бог, чем человек, – возвращение к Богу, чем понимание человека, не опосредствованное Богом. Во многом подобно Кьеркегору, Ницше хочет выйти за обычные границы этических норм. В отличие от своего датского современника, Ницше

---

¹ *Descombes V.* Le Même et l'autre: quarante-cinq ans de philosophie française. P.: Editions de Minuit, 1979.

² *Bernstein R. J.* Praxis and Action: Contemporary Philosophies of Human Activity. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1971.

³ См. недавний образец: *O'Regan C.* The Heterodox Hegel. Albany: State University of New York Press, 1994.

⁴ *Löwith K.* From Hegel To Nietzsche: The Revolution in Nineteenth Century Thought / Trans. D. Green. Garden City, NY: Doubleday Anchor, 1967.

но объяснить с помощью абстрактной модели субъекта. Переосмысливая теорию познания после Канта, Гегель понял, в частности, что знание приобретает только действительными людьми. Знание требует осознания предмета, т. е. того, что человек познаёт, и самосознания, т. е. осведомленности о том, что человек познаёт и знает. В гегелевском анализе так называемого отношения господина и раба закладываются основы для понимания действительных условий самосознания, которые значимы для всякого успешного объяснения знания и познания. Он запускает тот антропологический сдвиг, который получает дальнейшую разработку применительно к политической экономии благодаря усилиям Маркса. Однако коль скоро признается, что действительные люди и есть действительные субъекты познания, становятся важными другие факторы, которые Маркс (не Гегель) начинает анализировать, обратившись к вопросу о том, чем может вызываться искажение нашего понимания мира и самих себя.

Гегель понимал связь между философскими взглядами и их общественным контекстом, и в «Феноменологии духа» он пишет, что такие философские направления как стоицизм и скептицизм соотносятся с историческим моментом, в который они возникли. Однако он никогда не анализирует это отношение, что как раз и начинает делать Маркс. Вместе с Энгельсом в ходе осмысления феномена идеологии он обращается к проблеме ошибки¹. Говоря об идеологии, Дестют де Траси имел в виду общую систему идей. Еще до него Фрэнсис Бэкон, не употребляя термина «идеология», рассматривает пагубные последствия приверженности ложным взглядам, или идолам, простым фикциям, созданным языком, обычаем и воображением. Согласно Вильгельму фон Гумбольдту, язык, на котором мы

---

¹ Общее обсуждение идеологии см.: *Barth H. Truth and Ideology / Trans. F. Lilge. Berkeley: University of California Press, 1967.*

говорим, создает глубоко укорененный взгляд на окружающий мир. Фридрих Ницше полагает, что мы сбиваемся с пути оттого, что взгляды слабых чаще всего господствуют. Зигмунд Фрейд привлекает внимание к роли психологических факторов в нашем осознании мира. Маркс (вместе с Энгельсом) полагает, что сознание и самосознание суть продукты общества, в котором живет человек, и подчеркивает, что наши связи с экономическим базисом общества искажают наше осознание последнего. Тем самым Маркс вносит свой вклад в нарастающую тенденцию понимать субъекта как находящегося в определенном контексте и ограниченного своей средой.

Во-вторых, Маркс превосходит Гегеля благодаря осознанию приоритета экономики над другими (культурными) факторами. Неверно было бы думать, что философы не ведают об экономике или что Гегель не замечает экономического измерения общества. Уже отмечалось, что Лукач проделал полезный анализ гегелевского глубокого знания экономической действительности. Однако одно дело – понимать, что политическая экономия важна, и совсем другое – понимать, насколько именно она действительно важна. Согласно Марксу, в обществе, структурно нацеленном на продолжающееся накопление капитала, экономическая сфера более важна, чем другие. Если это верно, то экономика – не просто один из ряда факторов, ни одним из которых не следует пренебрегать. Скорее, экономика является преобладающим фактором, хотя мера ее преобладания не поддается подсчету.

По мнению Маркса, понимание права, имеющееся в том или другом обществе, буквально обусловливается наличной экономикой. Не случайно философ капитализма Локк утверждал, что частная собственность важнее жизни. Локк полагал, что в определенных обстоятельствах можно лишить человека жизни, но никогда, ни в какой ситуации нельзя отобрать, конфисковать или присвоить его собст-

венность. Мысль Маркса заключается в том, что хотя правовая защита частной собственности важна, она все же вторична по сравнению с экономической ролью частной собственности в современном общественном контексте. Очевидно, что разумная свобода для всех людей не достигается только путем создания правовых структур для защиты собственности, или путем пропаганды прав собственности в современном государстве, или даже посредством теории справедливости¹. Она может быть осуществлена только тогда, когда люди добьются существенных свобод, например благодаря росту средств производства, которые станут общедоступными, или посредством каких-то других способов преобразования общества с целью обретения возможности вести жизнь, которую они ценят².

В-третьих, Маркс превосходит Гегеля своим пониманием соотношения экономики и истории. История не может быть ни сведена к экономике, ни отделена от нее. Гегель понимает, что логика исторического развития движима противоречием. Если бы он продолжил и развил свои экономические исследования, то понял бы, что экономические обстоятельства часто лежат в основе исторического изменения. Историю можно понимать многими различными способами. Она может быть написана с особых точек зрения – религии, идеологии, болезней, климатического изменения, великих личностей, королевских фамилий и т. д. Если Маркс прав, то связь между развитием экономических противоречий и историческим развитием является решающим фактором исторического развития.

Возьмем, например, Французскую революцию. Было бы неправдоподобным объяснение Французской революции, которое при рассмотрении ряда событий, искореняющих

---

¹ Rawls J. A Theory of Justice. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1970.

² Sen A. Development as Freedom. N. Y.: Alfred A. Knopf, 1999. P. 285.

сложившиеся социальные, политические, юридические и религиозные структуры во Франции и кладущих конец *ancien régime*, не принимало бы во внимание экономические факторы. Французская революция произошла в контексте международного кризиса, имевшего взаимосвязанные экономическое, социальное и политическое измерения. Общеизвестно, что она была не неким изолированным событием, а скорее моделью национальной буржуазной революции. Наблюдатели согласны, далее, в том, что ее глубинные причины коренятся в вопиющем противоречии во Франции, бывшей в то время преимущественно аграрным обществом, – в противоречии между господствующими феодальными общественными структурами и ростом новых производительных и умственных сил.

В-четвертых, Маркс предлагает, но не развивает далее, антропологическую концепцию науки. В новое время, особенно начиная с Канта¹, «объективное» стало означать «независимое от субъекта». Исходя из этого, знать нечто объективное – значит постигать реальное, в одном из вариантов – «постигать то, что есть, таким, каково оно есть независимо от познающего»². Настаивая на необходимом участии субъекта, сквозь которого должны пройти все притязания на объективное знание, Рене Декарт (1596–1650) соединяет субъективность с современной идеей объективного знания. Это получает дальнейшее развитие у Гегеля. Если Гегель прав, тогда то, что мы называем «объективностью», является историческим продуктом, больше того – тогда из того, что воспринимается в сознательном опыте, невозможно заключить о наличии объекта, внешнего сознанию и независимого от него.

---

¹ *Kant I. Critique of Pure Reason. P. 82–83. (B 44).*

² Согласно Нагелю, некая точка зрения становится более объективной, когда субъективность, т. е. индивид, каким-то образом (каким именно – не разъясняется) – выводится из нее, чтобы открыть реальность, независимую от самости, см.: *Nagel T. The View From Nowhere. N. Y.: Oxford University Press, 1986.*

Продолжая гегелевский антропологический сдвиг, Маркс полагает, что всякая наука является в конечном счете гуманитарной наукой, или частью наук о человеке (В 164; III, 304). Этот подход прямо противоположен современному позитивизму, который хотел бы «редуцировать» гуманитарные науки к естественным наукам, а последние – к физике («физикализм»). Неизменной целью позитивизма является устранение будто бы субъективного человеческого элемента, с тем чтобы осталось только объективное познание. Это предполагает существенное различие между теми науками, которые независимы от человеческих существ, и теми, которые зависят от них в самом главном. Вильгельм Дильтей (1833–1911), например, установил известное различие между естественными науками, дающими объяснение, и гуманитарными науками, которые фокусируются на понимании и интерпретации. Если Маркс прав, тогда это различие верно только на поверхностном уровне. Ведь на более глубоком уровне нет различия между разными попытками познать мир и нас самих, которые все основываются на том факте, что действительный субъект есть конечное человеческое существо. Отсюда следует, что все науки, включая естественные, суть гуманитарные науки, или науки о человеке.

В-пятых, Маркс идет дальше Гегеля в понимании исторической природы познавательного процесса. Подобно Канту, Гегелю и Ницше, Маркс ограничивает претензии разума на абсолютное знание. Кант впервые сформулировал проблему границ познания, которая остается актуальной и в наши дни. Кант – чрезвычайно важная переходная фигура, он одновременно и отстаивает, и подрывает традиционные претензии на абсолютное знание. Философы – предшественники Канта, да и сам Кант, часто выдвигают отчетливые, но не доказуемые претензии на абсолютное знание. В трактате с говорящим заглавием «Критика чистого разума» Кант, возражая против установившегося в

XVIII в. культура чистого разума, отвергает безграничные эпистемологические претензии мыслителей эпохи Просвещения. Знание, полагает Кант, может быть получено только в опыте, поэтому утверждения о знании мира, души и Бога лишены оснований. Хотя позиция Гегеля не установлена с полной ясностью, очевидно, что Гегель – историст, а не антиисторист. Он хочет показать, что знание есть человеческое знание и что человеческое знание ограничено условиями времени и пространства, т. е. сопряжено с определенным историческим моментом. Абсолютное знание не имеет отношения к соответствующим картезианским претензиям, неверно понятым как поиски достоверности¹, поскольку наиболее адекватное понимание достоверности включает в себя осознание того факта, что все утверждения об обладании знанием являются в конечном счете относительными².

Маркс не отходит от Гегеля, но идет дальше Гегеля в понимании исторической составляющей человеческого знания. Как и Гегель, и даже более настойчиво, он неизменно подчеркивает, что наше сознательное знание и познание ограничено временем и пространством. Кант отвергает возможность непосредственного знания, поскольку познание с необходимостью начинается в опыте, который упорядочивается через категории рассудка. Все субъекты оперируют одними и теми же категориями. Проблема заключается в определении категорий рассудка. Кант заявляет, что он «дедуцировал» одну полную и неизменную совокупность категорий, релевантную для всех типов опыта в любое время и в любом месте, совокупность категорий, которыми обладают все люди и которые как бы «вмонти-

---

¹ Flay J. C. *Hegel's Quest for Certainty*. Albany: State University of New York Press, 1984.

² См. главу «Гегелевский абсолютный идеализм и исторический релятивизм» в книге: *Rockmore T. On Hegel's Epistemology and Contemporary Philosophy*. Atlantic Highlands, NJ: Humanities Press, 1996. P. 44–75.

рованы» в рассудок. В том или ином смысле проблема природы и определения категорий красной нитью проходит через работы всех позднейших немецких идеалистов, включая Маркса. Он считает довольно абсурдным утверждение, что категории, которые применяются в познании, каким-то образом независимы от познаваемого и вместе с тем неизменно способны к его схватыванию. Если категории, посредством которых мы постигаем современный мир, должны быть пригодны для исполнения этой роли, то они должны изменяться вместе с изменяющимся миром. С эпистемологической точки зрения одна из важнейших заслуг Маркса заключается в том, что он отбросил старую модель фиксированной совокупности категорий и перешел к альтернативной модели категорий, которые видоизменяются вместе с изменением мира, в котором мы живем.

Маркс подчеркивает историческую природу восприятия. В «Феноменологии духа» Гегель убедительно показывает, что разум никогда не остается пассивным, и мы не можем отличить данное в ощущении от того, что привносится в эту данность сознанием. Это означает, что невозможно установить различие между ощущением, т. е. данным в опыте, и восприятием, или тем, что воспринимается. В каждом восприятии сознание воспринимающего активно формирует то, что воспринимается¹. Эта мысль исключительно важна на фоне того, что сознание часто признается совершенно пассивным — например, в классическом британском эмпиризме (Бэкон, Локк), как и в более современной феноменологии (Гуссерль). Согласно Гегелю и Марксу, напротив, сама идея чистого данного есть не что иное, как миф².

---

¹ См. раздел «Восприятие, или вещь и иллюзия» (Perception: or the thing and deception): *Hegel G. W. F. Phenomenology of Spirit*. P. 67–79.

² О мифе о данном см.: *Sellars W. Empiricism and the Philosophy of Mind // Science, Perception and Reality*. Atascadero: Ridgeview, 1991. P. 127–196.

Гегель показывает, что мы всегда активно формируем то, что воспринимаем. Маркс идет еще дальше и показывает, что восприятие является по существу историческим. В блестящем фрагменте третьей части «Парижских рукописей» (В 159–162; III, 300–302) он подчеркивает, что даже чувственное восприятие, подобно всему остальному, определяется человеческой историей. Способ нашего восприятия обусловлен характером общества, в котором мы живем, а значит – подвержен историческому изменению. Глубокая мысль о неотделимости знания от истории, т. е. о внутренне исторической природе знания, и в будущем, на мой взгляд, будет определять характер обсуждения эпистемологических проблем.

Наконец, шестой и последний момент. Я полагаю, что благодаря общей теории современного мира, созданной Марксом, беспокоившая Гегеля болезненная проблема бедности предстает в новом свете. Философы любят говорить о социальной значимости и даже необходимости философии, однако часто отворачиваются от действительных забот действительных человеческих существ. Безусловно, такова одна из причин, заставляющих считать справедливым утверждение Витгенштейна, что философы заняты в основном собственными проблемами, которые не пересекаются с проблемами остальных людей.

Хроническая бедность поразила огромную часть мира, включая основные промышленно развитые страны. Бедность трудно выразить в определении, но легко узнать. Прежде всего, она всегда относительна. Выходцев из Латинской Америки, которые не имеют средств на приобретение телефона, а живут в Нью-Йорке, где телефон есть почти у каждого, надо считать бедными. Однако в маленьком городе в какой-нибудь стране четвертого мира телефон считается немислимой роскошью. Под бедностью я понимаю, например, то, что такая страна как Индия до сих пор не в состоянии обеспечить себя источником чистой воды, что

в огромном числе стран продолжительность жизни не превышает шестидесяти лет, что голод не отступает, хотя на самом деле мир располагает достаточным количеством еды¹, и т. д.

Эта драматическая ситуация затрагивает главным образом страны третьего и четвертого мира. Но, к сожалению, она все еще сохраняется, хотя и не в столь острой форме, в такой развитой стране, как Соединенные Штаты Америки, где продолжительность жизни чернокожего населения, к удивлению и стыду, до сих пор не превышает шестидесяти лет. Еще одним признаком эндемической бедности является растущее неравенство в Соединенных Штатах в эпоху невиданного процветания. Согласно свежим статистическим данным, в Америке реальный доход повсеместно увеличивался с конца Второй мировой войны и до 1973 г., но с учетом инфляции средняя заработная плата в 1973–1996 гг. оставалась на прежнем уровне или сокращалась. Не может не беспокоить то, что относительное увеличение дохода самой богатой части населения страны, включающей 5 процентов ее граждан, составило не менее 20 процентов².

Неравенство неизменно обостряется в периоды экономического процветания, когда общество все больше поляризуется, более бедные превращаются в относительно или даже абсолютно более бедных, что становится реальной социальной проблемой. Конечно, Гегеля не оставляла равнодушным, а скорее волновала общая проблема бедности в современном индустриальном обществе. Он специально обсуждает необходимость общественного вмешательства в интересах бедных, в связи с чем пишет о милосердии,

---

¹ См.: *Sen A. Poverty and Famines*. New Delhi: Oxford India, 1999.

² Соответствующие статистические данные приводятся во введении к книге: *Wilson W. J. The Bridge Over the Racial Divide: Rising Inequality and Coalition Politics*. Berkeley: University of California Press, 1999. P. 1–9.

о накоплении богатства в период процветания, об условиях, которые способствуют неравной концентрации богатства в руках немногих людей, и, кроме того, предлагает привлекать бедных к общественной работе, чтобы дать им рабочие места и возможность сохранить чувство собственного достоинства¹.

Но Гегель не предлагает общей теории современного мира, и поэтому он не замечает двух решающих моментов. Во-первых, в отличие от Маркса, он не понимает, что тенденция современного капитализма к выталкиванию некоторых людей на обочину не случайна, что она коренится в самом ядре системы, функционирующей благодаря накоплению капитала. Капитал может накапливаться только в том случае, если есть механизм, позволяющий изымать его у одних и передавать другим, такой как неравенство между заработной платой, выплачиваемой за производство прибавочной стоимости, и ценами, уплачиваемыми за обмен меновой стоимости. Во-вторых, по той же причине Гегель не понимает, что условия борьбы с бедностью в бедных странах и в царстве изобилия, например в США, заключаются в существенном изменении существующей либеральной формы капитализма, в возвращении человеку контроля над экономической сферой общества. Вопреки достаточно распространенному мнению, проблема состоит не в том, что, повзрослев и став знаменитым, Гегель отбросил юношеский либерализм и стал все больше отождествлять себя с тогдашней Пруссией. Скорее, она состоит в том, что у Гегеля не было концептуальных инструментов для анализа, говоря его словами, общих причин и средств смягчения бедности. Следовательно, у Маркса есть еще одно преимущество перед Гегелем – и это не обеспокоенность проблемой бедности, а способность благодаря собственной общей теории современного мира реально бороться с бедностью.

---

¹ *Hegel G. W. F. Philosophy of Right. P. 148–150. (§§ 238–245).*

Я утверждал, что Маркса всегда понимали через марксизм. Я доказывал также, что сейчас, когда марксизм ушел со сцены, появляется возможность вновь открыть Маркса, понять, что вопреки распространенному мнению он не является антигегельянцем, а напротив – во многих отношениях остается гегельянцем, более того – самым глубоким учеником Гегеля. История философской дискуссии после Гегеля во многом представляет собой цепочку откликов на его идеи. Маркс – один из важнейших современных авторов, подлинный колосс, оригинальный, широко и глубоко мыслящий теоретик, но также – гегельянец, который критикует, развивает и формулирует новые идеи в ответ на идеи Гегеля. Критикуя, с учетом всего написанного и сделанного, гегелевский правовой подход к собственности как основе современного государства, Маркс понимает, что частная собственность является основным элементом современного индустриального общества. Марксова критика Гегеля за неверное понимание собственности, критика (ортодоксальной) политической экономии за аисторический подход и его собственная теория современного мира составляют одно целое. Его теории дают нам важный, в сущности – главный инструмент для понимания современного общества и нас самих. Без Маркса наша дискуссия была бы более бедной. Мы много потеряли бы, если бы после краха политического марксизма идеи Маркса были утрачены. После Гегеля и, конечно, после марксизма теории Маркса остаются и останутся живыми до тех пор, пока сохранится дефицит денег и пока не исчезнут внутренние проблемы современного индустриального общества, такие как бедность, различные реальные возможности для богатых и бедных и другие подобные экономические трудности.

Избранная библиография

Литература о Марксе и марксизме разрослась до огромных размеров, и нижеследующая избранная библиография не претендует на полноту. Она призвана просто указать на немногие, главным образом современные работы, представляющие интерес. Ради краткости я произвольно опустил все то, что недоступно в переводе на английский язык. В нижеперечисленных работах содержатся дальнейшие библиографические указания, охватывающие многие более конкретные темы. Возможно, другие исследователи предпочли бы включить в список многие другие книги и даже стали бы настаивать на их первостепенной важности, но в данную библиографию невозможно было включить все источники. Более полная библиография имеется в книге: *Bottomore T. A Dictionary of Marxist Thought*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1983. P. 533–566.

Althusser L. For Marx. N. Y.: Pantheon, 1969. – Автор – главный защитник тезиса о разрыве между ранним Марксом – гуманистом и поздним Марксом – ученым. [*Альтюссер Л. За Маркса / Предисл. Э. Балибара; Пер. с франц. А. В. Денежкина. М.: Практик, 2006. – Перев.*]

Anderson K. Lenin, Hegel, and Western Marxism. Urbana: University of Illinois Press, 1995. – Доказывается, что Ленин является серьезным философом.

Anderson P. Considerations on Western Marxism. L.: New Left Books, 1976. – Превосходное обсуждение западного марксизма видным ученым-марксистом.

Avineri S. Hegel's Theory of the Modern State. N. Y.: Cambridge University Press, 1972.

Avineri S. The Social and Political Thought of Karl Marx. N. Y.: Cambridge University Press, 1970. – Весьма удачное рассмотрение теорий Маркса в их контексте.

Baran P. The Political Economy of Growth. N. Y.: Monthly Review Press, 1973. – Лучший марксистский анализ политической экономики.

Barth H. Truth and Ideology / Trans. F. Lilge. Berkeley: University of California Press, 1976. – Понятие идеологии применяется к теории познания.

Berlin I. Karl Marx: His Life and Environment. Oxford: Oxford University Press, 1978. – Прекрасно написанный, интересный, но чрезвычайно враждебный текст.

Bernstein E. Evolutionary Socialism. N. Y.: Schocken, 1961. – Ревизионистский подход к социализму, раскритикованный ортодоксальными марксистами.

Bernstein R. Praxis and Action: Contemporary Philosophies of Human Activity. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1971. – Взгляды Маркса обсуждаются в контексте исследования человеческого действия.

Bhaskar R. A Realist Theory of Science. Atlantic Highlands, NJ: Humanities Press, 1978. – Марксистский подход к философии науки.

Böhm-Bawerk E. von. Karl Marx and the Close of His System / Ed. P. Sweezy. L.: Merlin, 1975. – Широко известная немарксистская критика политической экономики Маркса.

Bottomore T. A Dictionary of Marxist Thought. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1983. – Весьма полезная вторичная работа, написанная с марксистской точки зрения.

Brudney D. Marx's Attempt to Leave Philosophy. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1998. – Маркс рассматривается в его отношениях к Фейербаху и Бруно Бауэру.

Carver T. The Cambridge Companion to Marx. N. Y.: Cambridge University Press, 1991. – Относительно новый сборник статей о различных аспектах мысли Маркса.

Caudwell C. Illusion and Reality: A Study of the Sources of Poetry. L.: Macmillan, 1937. – Блестящее применение марксистских идей к литературе.

Cohen G. A. Karl Marx's Theory of History: A Defense. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2000. – Расширенный вариант первой важной работы в русле аналитического марксизма.

Cole G. D. H. A History of Socialist Thought: 1889-1914. 5 vols. N. Y.: St. Martin's Press, 1956. – Самая исчерпывающая история социалистической мысли на английском языке.

Demetz P. Marx, Engels and the Poets: Origins of Marxist Literary Criticism. Chicago: University of Chicago Press, 1967. – Прослеживаются истоки марксистского подхода к литературе.

Eagleton T. Criticism and Ideology: A Study in Marxist Literary Theory. Atlantic Highlands, NJ: Humanities Press, 1976. – Хороший образец применения марксистских идей к литературе.

Elster J. Making Sense of Marx. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. – Очень хорошее аналитическое исследование с акцентом на общественных науках.

Engels F. Herr Eugen Dühring's Revolution in Science (= Anti-Dühring) / Trans. E. Burns. N. Y.: International Publishers, 1970. – Важное изложение марксизма его основателем. [Энгельс Ф. Анти-Дюринг: Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 20. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1961. – Перев.]

Engels F. Dialectics of Nature / Trans. and ed. C. P. Dutt. N. Y.: International Publishers, 1940. – Энгельс пытается развить гегелевский подход к философии природы с марксистской точки зрения. [Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 20. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1961. – Перев.]

Feuerbach L. Principles of the Philosophy of the Future / Trans. M. Vogel. Indianapolis, IN: LLA, 1966. – Важнейшее философское произведение послегегелевского философа, повлиявшего на Маркса. [Фейербах Л. Основные положения философии будущего // Соч.: В 2-х т. Т. 1. М.: Наука, 1995. – Перев.]

Fromm E. (Ed.) Socialist Humanism. Garden City, NY: Anchor, 1966. – Важнейший сборник работ, вдохновленных так называемым гуманистическим марксизмом.

Geuss R. The Idea of a Critical Theory. N. Y.: Cambridge University Press, 1982. – Аналитическая трактовка понятия идеологии в контексте неомарксизма.

Godelier M. Perspectives in Marxist Anthropology. N. Y.: Cambridge University Press, 1977. – Исследование одного из лучших марксистских антропологов.

Harris E. E. Transcendental and Dialectical Thinking: Logic and Reality. Albany: State University of New York Press, 1987. – Полезное сопоставление диалектического и других типов мышления.

Heilbroner R. L. Marxism: For and Against. N. Y.: Norton, 1980. – Очень полезная оценка марксистской политической экономики как вклада в экономическую теорию.

Henry M. Marx: A Philosophy of Human Reality / Trans. K. McLaughlin. Bloomington: Indiana University Press, 1983. – Гуманистическое прочтение Маркса ведущим французским философом.

Hilferding R. Böhm-Bawerk's Criticism of Marx / Ed. P. Sweezy. L.: Merlin, 1975. – Ответ на классическую критику Бём-Баверком политической экономики Маркса.

Horkheimer M. Critical Theory / Trans. M. J. O'Connell and others. N. Y.: Herder and Herder, 1972. P. 188–243. – Важнейшие статьи видного немецкого неомарксиста.

Hypolite J. Studies on Marx and Hegel. N. Y.: Basic Books, 1969. – Добротное философское обсуждение некоторых тем у Маркса и Гегеля.

Jameson F. Marxism and Form: Twentieth-Century Dialectical Theories of Literature. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1971. – Хорошее применение марксизма к литературе; с сильной философской составляющей.

Joravsky D. Soviet Marxist and Natural Science, 1917–1932. L.: Routledge and Kegan Paul, 1961. – Отличное обсуждение марксистской науки.

Jordan Z. A. The Evolution of Dialectical Materialism. N. Y.: St. Martin's Press, 1967. – Качественное рассмотрение сталинистской науки.

Kamenka E. Marxism and Ethics. N. Y.: St. Martin's Press, 1969. – Крайне антимарксистское исследование марксистского взгляда на этику.

Kline G. L. The Myth of Marx's Materialism // Philosophical Sovietology: The Pursuit of a Science / Ed. H. Dahm, T. J. Blakeley, G. L. Kline. Dordrecht: D. Reidel, 1988. – Важное исследование Марксова понимания материализма.

Kojève A. Introduction to the Reading of Hegel / Trans. J. H. Nichols. N. Y.: Basic Books, 1969. – Блестящая, но спорная марксистская интерпретация Гегеля. [*Кожев А.* Введение в чтение Гегеля / Пер. с франц. А. Г. Погоняйло. СПб.: Наука, 2003. – Перев.]

Kolakowski L. Toward a Marxist Humanism: Essays on the Left Today / Trans. Jane Zielenko Peel. N. Y.: Grove Press, 1968. – Очер-

ки о марксистском гуманизме, автор – видный польский философ, который со временем отказался от марксизма.

Kolakowski L. Main Currents of Marxism. 3 vols. / Trans. P. S. Fiala. N. Y.: Oxford University Press, 1978. – Самое объемное исследование Маркса и марксизма на английском языке.

Korsch K. Marxism and Philosophy. L., 1970. – Важная марксистская работа о философии.

Kosik K. Dialectics of the Concrete. Boston: Reidel, 1976. – Блестящая работа в русле марксистской философии.

Lektorsky V. A. Subject, Object, Cognition / Trans. S. Surovatkin. Moscow: Progress Publishers, 1980. – Творческое применение марксистских идей в философии науки ведущим российским философом. [*Лекторский В. А.* Субъект. Объект. Познание. М.: Наука, 1980. – Перев.]

Lobkowlcz N. Theory and Practice: History of a Concept from Aristotle to Marx. Notre Dame, IN: Notre Dame University Press, 1976. – Отличный исторический анализ практики.

Lukács G. History and Class Consciousness. Cambridge, MA: MIT Press, 1971. – Пожалуй, важнейшее марксистское философское исследование. [*Лукач Г.* История и классовое сознание: Исследования по марксистской диалектике / Пер. с нем. и предисл. С. Земляного. М.: Логос-Альтера, 2003. – Перев.]

Lukács G. The Young Hegel: Studies in the Relations between Dialectics and Economics / Trans. R. Livingstone. Cambridge, MA: MIT Press, 1976. – Серьезное марксистское исследование роли экономики в философии Гегеля. [*Лукач Г.* Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества. М.: Наука, 1987. – Перев.]

Machovec M. A Marxist Looks at Jesus. Philadelphia: Fortress Press, 1976. – Прекрасный марксистский подход к христианству.

MacIntyre A. Marxism and Christianity. Notre Dame, IN: University of Notre Dame Press, 1984. – Интересная трактовка темы известным философом.

McLellan D. Karl Marx. L.: Macmillan, 1973. – Очень хорошее исследование жизни и творчества Маркса.

Mannheim K. Ideology and Utopia / Trans. L. Wirth and E. Shils. N. Y.: Harcourt, Brace and World, 1936. – Новаторское применение идеологии к проблеме познания в общественных науках. [*Мангейм К.* Идеология и утопия. Ч. 1. М.: ИНИОН РАН, 1992. – Перев.]

Mészáros I. Marx's Theory of Alienation. L.: Merlin, 1970.

Mészáros I. Beyond Capital: Towards a Theory of Transition. L.: Merlin Press, 1995. – Расширение и усовершенствование Марксовой теории жизни после капитализма.

Miller R. Analyzing Marx. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1984. – Аналитическое рассмотрение некоторых основных тем.

Nimitz A. H., jr. Marx and Engels: Their Contribution to the Democratic Breakthrough. Albany: State University of New York Press, 2000.

Ollman B. Alienation: Marx's Conception of Man in Capitalist Society. Cambridge: Cambridge University Press, 1976. – Хорошее исследование отчуждения.

Rappenheim F. The Alienation of Modern Man. N. Y.: Monthly Review Press, 1959. – Хорошее обсуждение отчуждения с социологической точки зрения.

Petrovic G. Marx in the Mid-Twentieth Century. Garden City, NY: Doubleday, 1967. – Переоценка Маркса с хайдеггерианским акцентом ведущим югославским марксистом.

Plekhanov G. V. Fundamental Problems of Marxism. N. Y.: International Publishers, 1969. – Одна из самых первых книг о марксистской философии; написана учителем Ленина. [Плеханов Г. В. Основные вопросы марксизма. СПб., 1908. – Перев.].

Popper K. The Poverty of Historicism. N. Y.: Oxford University Press, 1957. – Сильная, но вводящая в заблуждение критика марксизма со стороны ведущего философа науки. [Поппер К. Нищета историцизма. М.: Прогресс: ВИА, 1983. – Перев.]

Proudhon P.-J. System of Economic Contradictions or Philosophy of Poverty (Système des contradictions économiques ou Philosophie de la misère) / Trans. V. Tucker. Boston: Tucker, 1888. – Сурово и детально раскритикована Марксом.

Rakitov A. Historical Knowledge / Trans. H. Campbell Creighton. Moscow: Progress Publishers, 1982. – Чрезвычайно полезное обсуждение (по)знания ведущим российским философом. [Раки-тов А. И. Историческое познание: Системно-гносеологический подход. М.: Политиздат, 1982. – Перев.]

Rockmore T. Fichte, Marx and the German Philosophical Tradition. Carbondale: Southern Illinois University Press, 1980. – Неортодоксальное исследование Маркса в рамках немецкого идеализма.

Roemer J. Free To Lose: An Introduction to Marxist Economic Philosophy. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1988. – Важное обоснование марксистской экономической теории ее ведущим представителем.

Rubel M., Manale M. Marx Without Myth: A Chronological Survey of His Life and Work. N. Y.: Harper and Row, 1976. – Чрезвычайно полезное рассмотрение сочинений Маркса в историческом контексте.

Ruben D.-H. Marxism and Materialism: A Study in Marxist Theory of Knowledge. Brighton: Harvester Press, 1977. – Рассмотрение марксистской теории познания как отражения.

Sayers S. Reality and Reason: Dialectic and the Theory of Knowledge. Oxford: Blackwell Publishers, 1985. – Доводы в защиту марксистского подхода к познанию.

Sève L. Man in Marxist Theory and the Psychology of Personality / Trans. J. McGreal. Brighton: Harvester Press, 1978. – Аргументы в пользу марксистской теории психологии.

Smith T. The Logic of Marx's Capital. Albany: State University of New York Press, 1990. – Признается вклад Гегеля в экономическую теорию Маркса.

Smith T. Technology and Capital in the Age of Lean Production: A Marxian Critique of the «New Economy». Albany: State University of New York Press, 2000.

Sohn-Rethel A. Intellectual and Manual Labor. Atlantic Highlands, NJ: Humanities Press, 1978. – Известное обсуждение точки зрения Маркса на труд.

Stalin J. Dialectical and Historical Materialism. N. Y.: International Publishers, 1940. – Основополагающее изложение сталинской науки; как считается, написано Сталиным. [[*Сталин И. В.*] О Дialeктическом и историческом материализме // История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М.: Госполитиздат, 1938; 1945. – Перев.]

Stojanovic S. Between Ideals and Reality: A Critique of Socialism and Its Future. N. Y.: Oxford University Press, 1973. – Здравая оценка социализма ведущим югославским философом.

Thompson E. P. The Making of the English Working Class. N. Y.: Pantheon, 1963. – Классическое историческое исследование с марксистской точки зрения.

Wetter G. Dialectical Materialism: A Historical and Systematic Survey of Philosophy in the Soviet Union. L.: Routledge and Kegan Paul, 1958. – Классическое, но скучное исследование ведущего ученого.

Wolfe B. Marxism: One Hundred Years in the Life of a Doctrine. [N. p.]: Delta, 1967. – Очень полезное, но критическое исследование марксизма с акцентом на марксизме в Советском Союзе.

Wolff R. P. Understanding Marx: A Reconstruction and Critique of Capital. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1984. – Весьма полезное философское прочтение «Капитала» Маркса.

Wood A. W. Karl Marx. L.: Routledge and Kegan Paul, 1981. – Отличное аналитическое исследование.

Zeleny J. The Logic of Marx's Capital / Trans. T. Carver. Oxford: Blackwell Publishers, 1980. – Важное марксистское рассмотрение отношения Маркса к Гегелю.

... (The following text is extremely faint and illegible, appearing to be bleed-through from the reverse side of the page.)

Комментарии редактора

Введение

К стр. 16

Для Т. Рокмора принципиальным является разведение философии Маркса и того, что он называет марксизмом. Философию Маркса автор считает одной из самых влиятельных сегодня теорий, и даже лучшей теорией современного общества, между тем как марксизм с его точки зрения потерпел крах.

В этой связи важно разобраться, что именно в книге понимается под марксизмом. На мой взгляд, это не до конца ясно.

Автор пишет о том, что марксизм – это собрание разных теорий, претендующих на толкование идей Маркса, но в действительности, основанных не на этих идеях, а на работах Энгельса, которого и нужно считать подлинным основателем марксизма. В других местах книги Т. Рокмор говорит о том, что политический марксизм потерпел поражение и сошел со сцены. Вместе с тем, с его точки зрения, марксизм как интеллектуальная установка остается интересным, автор в этой связи даже говорит о том, что в рамках последнего был создан ряд прекрасных теорий (он называет, в частности, работы Г. Лукача, произведения так называемых «аналитических марксистов» и др.).

В этой связи возникает ряд вопросов.

По-видимому, с точки зрения автора не всякое толкование Маркса следует считать искажением идей последнего. Во всяком случае свою интерпретацию автор считает воссозданием аутентичного содержания Марксовых текстов. Значит, по Т. Рокмору, марксизм – это не просто истолкование Маркса, но такое, которое искажает его идеи и вносит в них нечто чуждое. Но ведь мнение о том, насколько искажаются или не искажаются интерпретируемые идеи, не является бесспорным.

Есть и другой вопрос. Даже если считать, что марксизм Энгельса не тождествен философии Маркса, то отнюдь не все концепции, которые Т. Рокмор относит к марксизму, основываются на текстах Энгельса. Это касается, например, знаменитой работы Г. Лукача «История и классовое сознание», автор которой не только не следует Энгельсу, но критикует последнего. На текстах Маркса пытались основываться и многие другие авторы, которые, с точки зрения Т. Рокмора, должны считаться марксистами: А. Грамши, К. Корш и др. Именно опора на тексты самого Маркса лежала в основании того влиятельного философского движения, которое возникло в Советском Союзе во второй половине 1950-х гг. и было представлено творчеством Э. В. Ильенкова, а также ранними работами А. А. Зиновьева, М. К. Мамардашвили, Г. С. Батищева и др.

Наконец, не очень ясно, что нужно понимать под политическим марксизмом, который, по Т. Рокмору, потерпел фиаско. Считать ли политическим марксизмом то, что не соответствует сути и духу идей Маркса, или же всякое применение идей Маркса к политике? Но ведь одна из главных особенностей философско-социальной теории Маркса состоит в том, что она изначально нацелена на связь с политикой. Теория Маркса – не просто теоретическое воспроизведение существующего положения вещей, а критическая теория, являющаяся средством коренного преобразования общества. Недаром Маркс упрекал всю предшествующую философию в том, что она лишь объясняла мир, в то время как его нужно изменить. И если политический марксизм потерпел сегодня поражение, то следует признать, что это относится и к ряду идей самого Маркса, вытекающих из его философской концепции: в частности, к пониманию им социалистической революции, исторической миссии рабочего класса, диктатуры пролетариата и др. Если пытаться отделять философию Маркса от некоторых ее политических следствий, то это можно сделать только ценой отказа от некоторых философских положений самого Маркса.

Основная установка Т. Рокмора ясна. Во-первых, он пытается показать, что имевшие до сих пор место интерпретации философии Маркса не соответствовали ее подлинному смыслу, в частности, не понимали глубинной связи Маркса с немецкой идеалистической философией, прежде всего с Гегелем. Во-вторых, он пытается показать, что несмотря на крах политических притязаний марксизма и исчезновение с социальной арены социалистических стран, претендовавших на реализацию идей Маркса, сами эти идеи в их глубинном философском смысле не только не устарели, но могут считаться наиболее адекватным пониманием современного общества. Для обоснования этого тезиса автору нужно максимально отделить Маркса от того, что в книге именуется марксизмом. Однако, как мне кажется, выполнение этой задачи оказалось непростым.

1. Гегель, Маркс и марксизм

К стр. 34

Т. Рокмор справедливо различает официальный марксизм в Советском Союзе, который был связан с политической ортодоксией и поэтому не имел стремления к обновлению, и марксизм неофициальный, который был намного более живым.

Действительно, в 50-е гг. XX в. в Советском Союзе возникло целое философское движение, опиравшееся на толкование ряда принципиальных философских идей Маркса и считавшееся еретическим, ревизионистским с точки зрения официальной догматической философии.

Анализ логической структуры «Капитала» позволил сформулировать общие особенности метода восхождения от абстрактного к конкретному, как он был применен Марксом – гораздо раньше, чем соответствующие исследования были проведены в западной философии. Э. В. Ильенков анализировал метод Маркса с опорой на классическую философскую традицию, прежде всего на Гегеля. А. А. Зиновьев выявлял различные логические приемы и мыслительные техники, использованные в «Капитале». Было выявлено значение методологических идей Маркса относительно исходной идеализированной модели как ядра развития теории для понимания теоретического знания в других науках, в частности, в современной физике (И. В. Кузнецов). Особенность логико-методологических исследований научного знания, осуществленных в это время в отечественной философии, состоит в акценте на изучение генезиса научной теории и логики ее исторического развертывания. В этой связи была разработана с опорой на ряд принципиальных идей Маркса понимание научной теории как многоуровневой открытой системы, включающей в себя ряд относительно самостоятельных подсистем, отношения между которыми не строятся по принципу линейной зависимости. Такое понимание резко контрастировало с господствовавшей в это время в западной философии науки стандартной гипотетико-дедуктивной моделью научной теории и опередило западные исследования в этой области. В этом контексте было сформулировано положение об исторически меняющихся основаниях научной теории, одним из которых выступает научная картина мира, обеспечивающая связи теории с более широкой сферой культуры (В. С. Степин).

В рамках философии марксизма возникает разветвленное исследование проблематики философии естествознания: проблема причинности в современной науке, принцип соответствия, принцип дополнительности, принцип наблюдаемости, принцип редукции, проблема глобального эволюционизма и др. (Б. М. Кедров, М. Э. Омеляновский, И. Т. Фролов, Н. Ф. Овчинников).

Новый характер получило исследование диалектики. Она была понята не просто как онтологическая схема, а как логика развития теоретической мысли, как способ анализа и разрешения противоречий мышления в традициях Гегеля и Маркса. Э. В. Ильенков сформулировал концепцию диалектической логики, опираясь на идеи Маркса и творчески ассимилируя философскую традицию, включающую Спинозу, Фихте и Гегеля. В. С. Библер в рамках исследования творческого мышления трансформировал понимание диалектики в концепцию диалогичности как диалогической коммуникации разных теоретических систем и даже систем культуры – эта концепция была обоснована анализом материала истории науки и культуры.

Э. В. Ильенков, опираясь на Маркса и Гегеля, сформулировал оригинальное понимание идеального как существующего в формах челове-

ческой деятельности, исходно в формах коллективной деятельности, т. е. тем самым как своеобразной объективной реальности по отношению к индивидуальной психике. Это понимание противостояло философской традиции, связывавшей идеальное с индивидуальным сознанием. Оно было еретическим и по отношению к официальному толкованию марксизма в советской философии

Эта концепция имела большое влияние как в философии, так и в некоторых науках о человеке (в частности, в психологии, особенно среди психологов, продолжавших традиции получившей всемирное признание культурно-исторической школы Л. С. Выготского, опиравшегося на ряд идей Маркса). Вместе с тем она критиковалась сторонниками официальной интерпретации марксизма.

Начиная с 1970-х гг. особое внимание в советской философии стало уделяться проблемам философской антропологии. Первоначально ключом к пониманию человека служил принцип деятельности. Выполненные в это время работы по интерпретации ранних философских работ Маркса, его понимания отчуждения, опредмечивания, практики, деятельности (Г. С. Батишев) до сих пор сохраняют значение. Была предпринята работа по оригинальной интерпретации антропологических идей Маркса в связи с современной наукой, в частности биологией (И. Т. Фролов), психологией (А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн).

К стр. 37

Автор книги считает Энгельса позитивистом в отличие от Маркса. Единственным основанием для такой квалификации служат высказывания Энгельса о превращении философии в науку.

Возможно, эти высказывания в самом деле не очень удачны. Философия была и всегда будет тесно связана с наукой. Это не означает, что она просто особая наука.

Нужно, однако, иметь в виду, что те, кто считает философию наукой, не обязательно являются позитивистами. Все дело в том, как понимается наука. Для позитивистов наука исключает метафизические (т. е. философские) утверждения и имеет принципиально эмпирический характер. Если же наука понимается иначе, то и философия может быть понята как наука. Так, например, свою философию считал научной Гегель, который вне всякого сомнения не имел с позитивизмом ничего общего. Э. Гуссерль считал, что его феноменология (совершенно ненаучная с позиций позитивизма) – это образец «строгой науки».

Если с этой точки зрения посмотреть на философские работы Энгельса («Анти-Дюринг» и «Диалектику природы»), то можно легко увидеть, что такие характерные особенности позитивизма, как эмпиризм и отрицание значений метафизических идей – это главные объекты критики автора. Пафос Энгельса в демонстрации значения для науки гегелевской диалектики. А это никак не совместимо с позитивизмом.

К стр. 39

Для Т. Рокмора важно доказать, что Маркс в отличие от Энгельса не является материалистом. Не очень ясно, как совместить с этим тезисом высказывания Маркса в 1840-е гг. (в «Немецкой идеологии», «Тезисах о Фейербахе» и других работах) о том, что его философская позиция – это «истинный материализм», «новый материализм», о противоположности материалистического и идеалистического понимания истории и т. д.

К стр. 40

Энгельс действительно понимал познание в качестве отражения реальности, существующей независимо от познания. Т. Рокмор считает, что Маркс не принимал теорию отражения. Автор книги связывает это с тем, что Маркс не был материалистом и теоретико-познавательным реалистом и давал конструктивистско-деятельностное толкование познания.

Понимание роли деятельности в отношении человека к миру, в самостановлении человека и в понимании его познания – это в самом деле непреходящая заслуга Марксовой философии. Означает ли это, что Маркс не был теоретико-познавательным реалистом? Думаю, что не означает. Иначе трудно было бы понять Маркса, когда он в работе «К критике политической экономии» описывает свой метод теоретического воссоздания предмета, существующего независимо от работы теоретика, и противопоставляет его гегелевскому истолкованию движения мысли от абстрактного к конкретному в качестве создания, творения самого реально-конкретного. Хотя Маркс действительно не говорил специально о познавательном отражении.

Высказывания Энгельса об отражении были подхвачены и развиты В. И. Лениным, а в советском марксизме превращены в особую «ленинскую теорию отражения». Как относиться к этой теории?

В действительности теория отражения не составляет единой и последовательной концепции и допускает разную интерпретацию. Так, например, В. И. Ленин подчеркивает непосредственную данность сознанию познаваемого предмета (материя, например, определяется как объективная реальность, «данная нам в ощущении»). Такой тезис означает принятие теоретико-познавательного реализма в его презентационистской версии – концепции, которая в начале XX в. и в более поздние годы разрабатывалась рядом философов на Западе и в России. Но презентационистский реализм несовместим с признанием существования посредников в процессе получения знания – следов, образов, копий и т. д. Между тем, по В. И. Ленину, субъект получает знания о реальных предметах только с помощью образов как неких самостоятельных образований.

Поэтому возможна иная интерпретация понятия отражения – в качестве соответствия идеального предмета (образа) реальному оригиналу. В. И. Ленин много раз уподобляет образ отпечатку, картине, копии предмета. В этой интерпретации отражение может понято как позиция теоретико-познавательного реализма в его репрезентационистской версии – позиции, весьма влиятельной в современной литературе по теории познания (критический реализм), когнитивной науке (проблема репрезентации) и философии науки (в последнем случае в виде т. н. научного реализма).

Первая интерпретация теории отражения не получила широкого распространения в советской философской литературе, хотя развивавшаяся Э. В. Ильенковым и некоторыми другими авторами идея о тождестве бытия и мышления (осужденная официальной советской философией в качестве еретического отступления от марксизма) близка именно к этому пониманию.

Зато вторая интерпретация получила широкое распространение. Отражение было истолковано как изоморфное или гомоморфное соответствие образа предмету. Такое понимание открыло возможность для широкого использования при исследовании проблематики отражения данных и идей теории информации, кибернетики, семиотики, теории моделирования и др. дисциплин. В определенной степени эти исследования предвосхитили современное обсуждение проблемы репрезентации в рамках когнитивной науки. Одновременно изучались особенности отражения «как всеобщего свойства материи» с опорой на теорию информации и теорию систем и в связи с процессами биологической эволюции.

В рамках изучения отражения советскими философами и психологами (в частности, С. Л. Рубинштейном, А. Н. Леонтьевым, Э. В. Ильенковым, В. П. Зинченко, В. С. Тьютиным, А. М. Коршуновым и др.) были получены результаты, которые при соответствующей интерпретации могут быть использованы в современных исследованиях. Вместе с тем теория отражения сталкивается с рядом трудностей.

Нужно признать, что принятый в марксистской философской литературе идущий от Энгельса и Ленина термин «отражение» является неудачным, ибо вызывает представление о познании как о следствии причинного воздействия реального предмета на пассивно воспринимающего это воздействие субъекта. В действительности познание даже на уровне восприятия – это активный процесс сбора информации о внешнем мире, предполагающий использование перцептивных гипотез, когнитивных карт. В процессе мышления применяются разнообразные знаковые средства. Познание может относиться к тем предметам, которых еще нет (познание будущего) или которых уже нет (познание прошлого). Следует заметить, что советские философы, разрабатывавшие проблематику теории отражения, понимали познание как активный процесс и в

большинстве случаев вкладывали в термин «отражение» такое содержание, которое позволяло преодолеть механистические ассоциации, связанные с ним.

Реальное содержание исследований познания как отражения, осуществленных в советской марксистской философии, можно более адекватно интерпретировать в понятиях теоретико-познавательного реализма (в его разных вариантах). В то же время было бы неверным перечеркивать результаты этих исследований. Еще более неверным является мнение о том, что теоретико-познавательный феноменализм, инструментализм и конструктивизм заведомо имеют преимущества перед теоретико-познавательным реализмом

К стр. 43

Если даже допустить, что Энгельс и Маркс совершенно по-разному понимали диалектику и что энгельсовская трактовка диалектики в природе совершенно отлична от философии Маркса, то все равно остается вопрос об оценке философских идей Энгельса, тем более что именно эти идеи, по мнению автора книги, повлияли на формирование того, что он называет философией марксизма вообще и «диалектического материализма» в частности.

Нужно согласиться с тем, что Энгельс дал схематичное и упрощенное понимание диалектики, выразившееся, в частности, в формулировке так называемых трех ее законов, существенно обедняющее то понимание диалектики, которое возникло в истории философии и было, в частности, выражено в гегелевской диалектике. Верно и то, что Маркс не занимался диалектикой природы, и поэтому не несет ответственности за соответствующие рассуждения Энгельса, не все из которых убедительны.

Вместе с тем приходится признать, что ставшие весьма актуальными в современной науке проблемы глобального эволюционизма, теории сложно-организованных развивающихся систем, взаимоотношения разных уровней организованности неплохо коррелируют с теми разработками, которые велись во второй половине XX века в исходивших от идей Энгельса и в рамках философии диалектического материализма советских исследованиях в области философии естествознания. Между прочим, один из основателей современной синергетики Нобелевский лауреат И. Пригожин писал о том, что плодотворность идей Энгельса о диалектике в природе может быть по-настоящему оценена только с позиций современной науки (см.: *Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса*. М., 1986. С. 320).

К стр. 53

Давид Борисович Рязанов (1870–1938) участвовал с начала XX в. в российском и международном социал-демократическом движении.

В августе 1917 г. стал членом большевистской партии. Всегда занимал неортодоксальную политическую позицию. В начале 1930-х гг. был снят с поста директора ИМЭЛ и арестован по ложному обвинению в хранении в стенах Института документов меньшевиков.

2. Ранние работы Маркса

К стр. 140

Мнение Т. Рокмора о возможности влияния Фихте на Маркса заслуживает серьезного внимания, так как об этом практически не говорится в работах о философии Маркса.

3. Произведения Маркса переходного периода

К стр. 192

В советской философии во второй половине 1950-х гг. появились работы, посвященные исследованию метода Маркса, примененного в анализе экономических отношений. Они были основаны на интерпретации Марксовых «К критике политической экономии» и «Капитала». Это прежде всего истолкование метода восхождения от абстрактного к конкретному в кандидатской диссертации, а затем в книге Э. В. Ильенкова «Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» К. Маркса» (М., 1960; в более полном виде под названием «Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении» вышла спустя много лет после смерти автора, в 1997 г.) и кандидатская диссертация и ряд публикаций А. А. Зиновьева (его кандидатская диссертация была опубликована в виде книги лишь в 2002 г.: *Зиновьев А. А.* Восхождение от абстрактного к конкретному на материале «Капитала» К. Маркса. М., 2002). Ильенков и Зиновьев давали разное понимание метода восхождения от абстрактного к конкретному и соответственно обосновывали разные программы философско-методологической работы. У каждого появились свои ученики и возникли первые в нашей стране в послесталинские годы плодотворно развивавшиеся философские школы, полемизировавшие с друг другом и вместе с тем одинаково противостоявшие официальной советской философии. Из анализа метода «Капитала» в советской философии возникло исследование, в частности, таких проблем как взаимоотношение логического и исторического методов (ряд работ Б. А. Грушина), проблема теоретической нагруженности эмпирических понятий, взаимоотношения анализа и синтеза в теоретическом познании (см.: *Мамардашвили М. К.* Процессы анализа и синтеза // Вопросы философии. 1958. № 2) и ряд других. Изучение метода Маркса стимулировало разработку проблем философии и методологии науки, в том числе на материале естествознания (работы Б. М. Кедрова, И. В. Кузнецова и др.).

4. Зрелые экономические сочинения Маркса

К стр. 253

Понятия товарного фетишизма и превращенной формы взаимосвязаны у Маркса как в «Капитале», так и в других произведениях. При этом они не замещают друг друга.

В советской философской литературе оригинальная теория превращенных форм принадлежит М. К. Мамардашвили. Исходя из интерпретации «Капитала», «Теорий прибавочной стоимости» и других философско-экономических работ Маркса, Мамардашвили развил концепцию, которую он использовал для исследования психических, социальных и культурных явлений. По Мамардашвили, превращенная форма – это продукт деятельности сложной системы, который объективно мистифицирует и скрывает внутренние зависимости, но в то же время характеризуется целостностью, «квазипредметностью» и собственными законами функционирования и некоторым образом «встроен» в функционирование всей системы. Мамардашвили пытался с помощью понятия превращенной формы анализировать те феномены, которые исследовались в теории психологического вытеснения З.Фрейда и концепции «бриколажа» К. Леви-Строса. (См.: Мамардашвили М. К. Анализ сознания в работах Маркса // Вопросы философии. 1968. № 6; Его же. Форма превращенная // Философская энциклопедия. Т. 5. М., 1970.)

Позднее, когда Мамардашвили отошел от идей Маркса, он не отказался от теории превращенных форм, а попытался включить ее в свою новую философскую концепцию, в которой он ассимилировал ряд идей феноменологии и экзистенциализма.

5. Отношение Маркса к Гегелю: новый взгляд

К стр. 323

Т. Рокмор неоднократно утверждает, что несмотря на заявления Маркса о его материализме он в действительности является идеалистом-гегельянцем.

В пользу гегельянства Маркса автор использует тот неоспоримый факт, что без философии Гегеля не было бы Марксовой философии, что последний продолжает и развивает гегелевскую диалектику. В то же время автор книги признает, что диалектика Маркса не тождественна гегелевской. Но тогда почему следует считать Маркса гегельянцем?

У Т. Рокмора есть и другой аргумент в пользу идеализма Маркса. Это ссылка на знаменитое высказывание Маркса в «Тезисах о Фейербахе» о том, что действительность должна быть понята через деятельное к ней отношение, а не созерцательно, как это свойственно предшествующему материализму. О деятельном понимании человека, о том, что человек является продуктом собственного труда, что он живет в созданном

им мире, Маркс писал во многих произведениях. Означает ли это Маркс идеалист? Я думаю, что нет.

Дело в том, что для Маркса деятельность всегда предметна. Маркс критикует не только предшествующий материализм, но и идеализм, который подчеркивает активность отношения человека к миру, но не знает подлинной предметной деятельности, так как имеет дело только с активностью в сфере сознания. По Марксу, человек – реальное существо, он включен в реальный природный и социальный мир, который пересоздает своей деятельностью, но не творит из ничего. Таким образом, позиция Маркса – это не философский конструктивизм, который характерен для немецкой философии начиная с Канта и кончая Гегелем и который сегодня снова стал модным среди ряда философов (постмодернизм, радикальный эпистемологический конструктивизм, некоторые версии социальной эпистемологии) и представителей наук о человеке (социальный конструкционизм в психологии, нарративистская психологии и др.).

Марксово понимание деятельности было развито в философии и в психологии в советские годы в виде т. н. деятельностного подхода, который оказался весьма продуктивным, в частности в разработке философско-методологических проблем исследования познания, сознания и психики, в философско-антропологических работах. Деятельностный подход противостоял официально-догматическому пониманию человека и законов общественного развития. При этом среди самих сторонников этого подхода – как философов, так и психологов – шли споры, так как существовало разное понимание сферы его применимости и границ. В психологии это были концепции С. Л. Рубинштейна (впервые изложенная в середине 1930-х гг. в статье о проблеме единства сознания и деятельности в работах К. Маркса) и А. Н. Леонтьева (его концепция была сформулирована как психологическая теория деятельности и претендовала на продолжение знаменитой культурно-исторической теории Л. С. Выготского, классика психологии XX века). В философии об освоении мира в формах деятельности писал Э. В. Ильенков, который предложил понимать идеальное как способ коллективной деятельности. Оригинальную концепцию деятельности в связи с проблематикой опредмечивания и отчуждения развивал в ранних работах Г. С. Батищев. В. С. Швырев и В. А. Лекторский предложили программу культурно-исторической деятельностной теории познания. В. С. Степин разработал деятельностную концепцию генезиса и развития научной теории на основе реконструкции развития физики. И. С. Алексеев выдвинул идею т. н. «субъективного материализма». Г. П. Щедровицкий создал «общую теорию деятельности», в рамках которой была разработана методология проектирования организованных систем. Дискуссионное обсуждение проблематики деятельностного подхода в 70-е и 80-е гг. XX в. было выражено, в частности, в книге-диспуте «Деятельность: теории, методо-

логия, проблемы» (М., 1990; под ред. В. А. Лекторского). Разработка деятельностной проблематики в советской философии и психологии повлияла на концепцию современного финско-американского психолога Ю. Энгерштрема, который ссылается, в частности, на ряд идей А. Н. Леонтьева и Э. В. Ильенкова.

Сегодня проблематика деятельности и деятельностного подхода вновь обсуждается в отечественной литературе в связи с ростом популярности идей конструктивизма в современной философии и науке. В этой связи см. книгу «Конструктивизм в эпистемологии и науках о человеке» (М., 2009; под ред. В. А. Лекторского) и опубликованную в этой книге статью В. А. Лекторского «Реализм, антиреализм, конструктивизм и конструктивный реализм в современной эпистемологии и науке», развивающую концепцию конструктивного реализма. Эти проблемы снова становятся актуальными в связи с современным этапом развития когнитивной науки, проблематизирующим некоторые исходные установки когнитивного движения.

6. Маркс – гегельянец

К стр. 335

По поводу Марксова понимания объективного противоречия в его отношении к гегелевскому и пониманию противоречия в формальной логике в философской литературе советского периода написано немало, см., в частности: *Ильенков Э. В.* Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» К. Маркса. М., 1960; Его же. Диалектическая логика. Очерки теории истории. М., 1974; *Батищев Г. С.* Диалектическое противоречие. М., 1963. Специальному обсуждению этой проблемы посвящена книга-диспут «Диалектическое противоречие» (М., 1979; под ред. Б. М. Кедрова).

К стр. 347

Рассуждения Т. Смита о том, что до появления его книги, вышедшей в 1990 г., не существовало ни одного исследования роли гегелевской диалектической логики в «Капитале», производят странное впечатление, если иметь в виду, что в советской философии 1960-х – 80-х гг. вышло много книг на эту тему, включая известные работы Э. В. Ильенкова, М. К. Мамардашвили, Г. С. Батищева и др.

В. А. Лекторский

Указатель

- Автономова Н. С. 88
Адоратский В. 54
Азиатский способ производства 227, 228, 269
Александр Македонский 334
Алексеев И. С. 388
Алкивиад 303
Альтюссер Л. 57, 157, 289, 327
Анаксагор 97
Андерсон П. 31
Анненков П. В. 168
Анри М. 293
Анти-Дюринг (соч. Ф. Энгельса) 43, 46, 47, 49, 341
Аристотель 13, 69, 71, 72, 80, 82, 174, 180, 189, 190, 250, 252, 260, 303, 338
Аристофан 180
Аркрайт Р. 72
Артур Ч. Д. 157, 158
Асмус В. Ф. 8
Ауэрбах Б. 100
- Базис экономический 46, 47, 216, 218—220, 222—224, 241, 302, 309, 320, 321, 353, 361
Бакунин М. А. 36, 103, 169, 336
Балибар Э. 327
Баскар Р. 16
Басня о пчелах, или Пороки частных лиц — блага для общества (соч. Б. Мандевиля) 77
Батищев Г. С. 8, 379, 382, 388, 389
Бауэр Б. 64, 95—96, 100, 103, 104, 110, 112, 113, 116, 155, 156, 328, 341
Бауэр Э. 64, 95—96, 111, 149
Бахтин М. М. 8
Башляр Г. 157
Беркли Дж. 143, 147
Бернье Ф. 227
Бессемер Г. 73
Библер В. С. 8, 381
Блох Й. 49, 220
Богатство народов. см.: Исследование о природе и причинах богатства народов
Борисова И. В. 15
- Боттомор Т. 60, 87, 94
Брадни Д. 25, 328
Брей Д. Ф. 198
Брэдли Ф. Х. 147
Бэкон Ф. 41, 143, 361, 367
- Варрон Марк Теренций 142—143
Вебер М. 306, 355
Вейдемейер И. 183
Веттер Г. 41
Вивес Л. 143
Вико Д. 332
Витгенштейн Л. 41, 147, 368
Воден А. М. 333
Вольтер Ф. М. А. де 100, 331, 332
Вольф В. 232, 233
Вольф Д. 293
Восемнадцатое Брюмера Луи Бонапарта (соч. К. Маркса) 320
Враницкий П. 296
Вуд А. 16, 293, 328
Выготский Л. С. 382, 388
- Гаман И. Г. 79, 92
Ганс Э. 62
Гаргантюа и Пантагрюэль (соч. Ф. Рабле) 143
Гартман К. 293, 347
Гегель Г. В. Ф. 9, 13—15, 19, 24—28, 30, 37, 38, 43, 50, 54, 58—70, 72, 75, 78—90, 92—115, 117—120, 122, 131—134, 136—143, 145—147, 149, 150, 153, 159—164, 172, 174, 175, 185—189, 193—195, 208—211, 216—218, 242, 243, 245—247, 249, 251, 261, 288, 289, 291—302, 304—309, 315—317, 319—324, 326—350, 353, 354, 356—362, 364—371, 381, 382, 388
Гейне Г. 62, 100, 103
Гемпель К. 332
Генрих VIII 284
Гераклит 187, 214, 338, 339
Гердер И. Г. 23, 92, 303, 332
Германская конституция (соч. Г. В. Ф. Гегеля) 79
Геродот 333
Герц М. 330
Герцен А. И. 103, 169

- Гесс М. 64, 100, 101, 120
 Гест Д. 42
 Гизо Ф. 182
 Глюксман А. 355
 Гоббс Т. 74, 75, 76
 Годелье М. 327
 Гольбах П. А. 100
 Гомер 180
Государство (соч. Платона) 71, 128, 351
 Гражданская война в США 231, 286
 гражданское общество 76, 80, 81, 106–108, 110, 111, 116, 139, 145, 159, 164, 171, 181, 189, 216, 218, 241, 298, 299, 300, 301, 308, 321, 341, 359
 Грамши А. 380
 Группе О. Ф. 100
 Грушин Б. А. 386
 Грэй Д. 198
 Грюн К. 155, 156
 гуманизм 52, 91, 119, 142, **143, 149**, 152
 Гумбольдт В. 303, 304, 361
 Гуссерль Э. 367, 382
- Дана Ч. 231
 Данте Алигьери 180, 242, 243
 Дарби А. 73
 Дарвин Ч. 45
 Даримон Л. А. 197, 199
 Деборин А. М. 52
 Декарт Р. 147, 364
*Декларация прав человека и гражда-
 нина* 306
 Делёз Ж. 355
 Демокрит 96, 98, 99, 152
 Деррида Ж. 18, 355
 Дестют де Траси А. Л. К. 158, **261**, 361
 Джонс Р. 227
Диалектика природы (соч. Ф. Энгельса) 43
 диалектика 16, 43, 52, 136–138, 247, 335, 336, 340, 341, 347
 диалектический материализм 38, 39, 41–44
 диалектический метод 59, 245, 246
 диамат, см.: диалектический материализм
 Дильтей В. 364
 Дицген И. 42
- Дункер Ф. 214
 Дэн Сяопин 12
 Дюринг Е. 43, 47
- Еврипид 180
Единственный и его собственность (соч. М. Штирнера) 156
- Жебелев С. А. 190
Жизнь Иисуса (соч. Д. Ф. Штрауса) 62
 Жучков В. А. 330
- Законы* (соч. Платона) 71
Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции (соч. К. Маркса) 101
Замкнутое торговое государство (соч. И. Г. Фихте) 79
 заработная плата 122–126, 195, 201, 204, 244, 264, 272–274, 276–278, 281, 282, 313, 342, 370
 Зенон Элейский 338
 Зиновьев А. А. 8, 379, 381, 386
 Зипченко В. П. 384
- Идеализм 15, 28, 37, 40, 41, 43, 51, 56, 78, 88, 92, 97, 137, 147, 149, 152, 167, 295, 304, 324, 325, 329, 346
Идеи к философии истории человечества (соч. И. Г. Гердера) 303
 идеология 17, 45, 46, 52, 113, 156, 158, 159, 160, 164–167, 223, 224, 324, 325, 344, 361, 363
Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане (соч. И. Канта) 332
 Иисус Христос 131
 Ильенков Э. В. 8, 379, 381, 382, 384, 386, 388, 389
 Ипполит Ж. 293
Исследование о природе и причинах богатства народов (соч. А. Смита) 75, 77, 78, 79, 265, 348
 исторический материализм 38, 39, 42, 44, 46, 157
История Британской Индии (соч. Джеймса Милля) 227
История и классовое сознание (соч. Г. Лукача) 26, 35, 38, 65, 109, 134, 295, 322

- история 16, 26, 28, 43–46, 49, 61, 65, 69, 92, 114, 129, 137, 138, 153, 154, 157, 159, 162–164, 173, 175, 204, 207, 220, 229, 291, 303, 304, 306, 310, 313, 319, 320–322, 324, 328, 329, 331–334, 337, 340, 343, 345, 346, 353, 358, 359, 362, 363, 367
- К вопросу о развитии монистического взгляда на историю** (соч. Г. В. Плеханова) 42
- К еврейскому вопросу* (соч. К. Маркса) 131, 341
- К критике гегелевской философии права* (соч. К. Маркса) 131, 162, 163, 289, 341
- К критике гегелевской философии права: Введение* (соч. К. Маркса) 112, 150, 204, 289–290, 341
- К критике политической экономии* (соч. К. Маркса) 93, 178, 212–215, 230, 238, 240, 242, 248, 249, 253, 259, 302, 318–320, 345
- Кант И. 15, 25, 28, 70, 78, 92, 93, 97, 113, 139, 145, 147, 159, 164, 167, 174, 303–306, 324, 329–332, 338, 345, 354, 360, 363–366, 388
- Капитал* (соч. К. Маркса) 52, 57, 60, 65, 72, 91, 93, 111, 118, 121, 123, 131, 150, 158, 160, 178, 182–187, 189, 212–215, 225, 230, 232–240, 242, 243, 247–249, 254, 265, 285, 288, 294, 301, 302, 312, 313, 318, 319, 322, 336, 345–350
- капитал 77, 84, 122, 124–127, 144, 171, 188, 189, 195, 197–209, 214, 215, 221, 222, 224, 259–264, 266, 270–271, 273–276, 278–287, 301, 302, 310, 313, 315, 319, 344, 350, 356, 361, 370
- капитализм 11–13, 18, 28, 46, 66, 73, 76–78, 87, 117, 121, 123, 126, 128–130, 133, 145, 146, 150, 154, 163, 164, 170, 173, 204–206, 208, 211, 221, 222, 224–226, 239, 241, 243, 247, 249, 250, 259, 260, 266, 275, 278, 280, 281, 285–287, 302, 307–311, 316, 318, 320, 326, 340–342, 344, 345, 347–350, 353, 355, 356, 362, 370
- Карл II 180
- Карл V 180
- Карл Великий 180
- Карлейль Т. 76
- Картрайт Э. 73
- Категории* (соч. Аристотеля) 174
- категории 65, 121–123, 128, 144, 175, 176, 181, 192–195, 208, 210, 216, 242, 317, 319, 321, 331, 336, 366, 367
- Катон Марк Порций 180
- Каутский К. 36, 180, 235
- Кедров Б. М. 8, 381, 386, 389
- Кенз Ф. 200
- Кёппен К. 95
- Кёстер О. 293
- Клессен Г. Ф. 102
- Кожев А. 295, 307
- Колаковский Л. 25, 37, 292
- коммунизм 21, 55, 121, 122, 127–130, 146, 152, 163, 168–171, 173, 204, 206–208, 211, 227–229, 269, 310, 311, 314, 340, 350
- Комптон С. 73
- Кондильяк Э. Б. де 261
- Коперник Н. 92, 358
- Коперниканская революция (коперниканский поворот) в философии 15, 92, 324, 329, 330, 331, 358
- Коперникова революция (в астрономии) 92, 358
- Копнин П. В. 8
- Корт Г. 73
- Корш К. 295, 379
- Коршунов А. М. 384
- Козн Дж. А. 16, 26, 61, 327
- кризис экономический 197, 205, 206, 221, 222, 224, 247, 274, 318, 321, 340, 342, 344, 350
- Критика чистого разума* (соч. И. Канта) 167, 174, 330, 354, 363, 365
- Кугельман Л. 232, 233, 234
- Кузнецов И. В. 381, 386
- Кьеркегор С. 98, 357, 358, 359
- Кюльман Г. 156
- Лакан Ж. 307
- Лассаль Ф. 181, 182, 187, 188, 213, 214
- Лафарг (Маркс) Л. 233
- Лафарг П. 233
- Левифан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского* (соч. Т. Гоббса) 74

- Левинас Э. 307
 Леви-Строс К. 387
 Лёвит К. 293
 левые гегельянцы, см.: младогегельянцы
 Лейбниц Г. В. Ф. 77, 147
 Лекторский В. А. 7, 15, 389, 390
Лекции по истории философии (Г. В. Ф. Гегеля) 96, 304–305, 333
Лекции по философии истории (Г. В. Ф. Гегеля) 333
 Ленин В. И. 5, 6, 11, 13, 32, 33, 36–38, 50, 53, 55, 56, 59, 60, 295, 347, 383, 384
 ленинизм 33
 Леонтьев А. Н. 382, 384, 388, 389
 Леске Г. 155, 182
 Леске К. Ф. Ю. 183
 Лессинг Г. Э. 100, 332
 Лиотар Ж.-Ф. 355
 Лифшиц М. А. 8
 Локк Д. 73, 74, 83, 133, 143, 251, 362, 367
 Лосев А. Ф. 8
 Лосский Н. О. 330
 Лотман Ю. М. 8
 Лукач Г. 26, 34, 38, 61, 88, 134, 295, 308, 322, 351, 352, 361, 379
 Лукреций (Тит Лукреций Кар) 152
Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии (соч. Ф. Энгельса) 13, 40, 41, 42, 46, 49, 53, 59, 151
 Лютер М. 116
- М**
 Маймон С. 92
 Макгрегор Д. 289
 Маклеллан Д. 16, 52, 184, 185
 Макмёртри Д. 157
 Мамардашвили М. К. 8, 379, 386, 387, 389
 Маналь М. 89
 Мандевиль Б. 77
Манифест коммунистической партии (соч. К. Маркса и Ф. Энгельса) 18, 43, 47, 149, 183, 215
 Мао Дзедун 11
 Маркс Г. 89
 Маркс Ж. (фон Вестфален) 95, 102
 марксизм 12–15, 18, 20–22, 24, 25, 30–39, 41, 42, 44, 45, 55–61, 114, 147, 154, 155, 157, 182, 243, 288, 289, 292, 295, 296, 311, 315, 325, 327, 328, 370, 371
 марксизм-ленинизм 39
 марксисты, см. марксизм
Материализм и эмпириокритицизм (соч. В. И. Ленина) 38, 50, 59
 материализм 39, 40, 41, 42, 56, 59, 88, 136, 147, 152, 153, 166, 167, 324, 325
 машина 72, 73, 171, 176, 203–205, 208, 263, 264, 267, 268, 270–275, 279, 317, 345
 Мейснер О. 232, 234
 меновая стоимость 170, 193, 197–199, 203, 250–252, 254–256, 261, 262, 268, 318, 321, 345, 349, 350, 370
 Меринг Ф. 17, 187
Метафизические начала естествознания (соч. И. Канта) 97
 Милль Д. С. 271, 276, 317, 336
 Милль Джеймс 227
 Митрохин Л. Н. 8
 Михелет К. Л. 64
 младогегельянцы 62, 63, 64, 94, 98, 100, 103, 110–113, 115, 118, 136, 149, 155, 160, 161, 290, 293, 296, 322, 344
Монадология (соч. Г. В. Лейбница) 77
 Мур Д. Э. 147
 Мур С. 236
- Н**
Наброски к критике политической экономики (соч. Ф. Энгельса) 103, 121, 122, 230
 Нагель Т. 364
 надстройка 216, 218, 220, 222, 223, 225, 302, 309, 320, 353
 Наполеон Бонапарт 334
Наука логики (соч. Г. В. Ф. Гегеля) 59, 67, 136, 159, 174, 187, 193, 194, 339, 340, 346, 347
 Николаус М. 183, 185, 188
Никомахова этика (соч. Аристотеля) 71
 Ницше Ф. 98, 156, 357–359, 361, 365
Ницета философии (соч. К. Маркса) 43, 151, 167, 168, 172, 180, 186, 241, 290, 302, 317
 Ньюкомен Т. 73
 Ньютон И. 92, 305, 353

- Об общественном договоре* (соч. Ж.-Ж. Руссо) 131, 306
- обмен 171, 173, 191–193, 198, 200, 201, 203, 217, 242, 248, 250, 254, 255, 259–262, 269, 280, 344, 350, 370
- обращение 191, 200, 248, 256, 257, 258, 259, 260
- Овчинников Н. Ф. 382
- Ойзерман Т. И. 8, 15, 34
- Омельяновский М. Э. 381
- опредмечивание 129, 132, 134, 346
- Опыт о нравах и духе народов* (соч. Ф. М. А. Вольтера) 332
- Основа общего наукоучения* (соч. И. Г. Фихте) 132
- Основания новой науки об общей природе наций* (соч. Д. Вико) 332
- Основные положения философии будущего* (соч. Л. Фейербаха)
- отчуждение 65, 85–87, 113, 114, 119, 122, 127, 131–136, 138, 140, 141, 150, 163, 165, 168, 188, 202, 203, 217, 254, 257, 258, 269, 282, 317, 329, 342, 346
- Оуэн Р. 198
- Оценка опубликованных обсуждений в связи с парламентом королевских государств Вюртемберга в 1815–1816 гг.* (соч. Г. В. Ф. Гегеля) 79
- Очерк о распределении богатства и источниках налогообложения* (соч. Р. Джонса) 227
- Парижские рукописи* 13, 52, 54, 91, 94, 111, 117–120, 131, 134, 136, 142, 149–153, 155, 158–162, 165, 167, 168, 172, 180–186, 188, 189, 195, 199, 202, 204, 206, 207, 211, 217, 239, 249, 254, 258, 268, 270, 281, 282, 286, 290, 301, 302, 310, 312, 313, 316–318, 320, 342, 348, 367
- Парменид 48
- Паскаль Б. 18
- Петров М. К. 8
- Пико делла Мирандола Д. 143
- Пит Д. 239
- Платон 25, 71, 128, 147, 305, 324, 351
- Платоники 25
- Плеханов Г. В. 11, 32, 35, 36, 42, 45, 49
- Плугарх 96
- Политика* (соч. Аристотеля) 71
- политическая экономия 12, 19, 20, 24, 28, 33, 70, 72, 78–80, 82, 83, 91, 93, 102, 108, 110, 118–122, 138, 139, 142, 144, 145, 153, 163, 170–172, 175, 180–182, 185, 193, 195, 197, 202, 204, 205, 208–210, 214, 216, 217, 222, 230, 238–240, 243, 244, 249, 255, 270, 276, 277, 281, 288–292, 297, 298, 302, 309, 313, 315–321, 323, 324, 326, 329, 334, 341, 342, 344, 345, 348, 352–354, 359–361, 371
- потребительная стоимость 83, 86, 170, 197, 250–253, 255–257, 261–264, 272, 318, 320, 345, 348–350
- прибавочная стоимость 186, 200–202, 205, 232, 259–264, 266–268, 271, 275, 276, 278–280, 313, 319, 350, 356, 370
- Пригожин И. 385
- промышленная революция 28, 66, 70, 72, 73, 75, 80, 83, 171, 176, 189, 203, 241, 266, 271, 306, 309, 358, 359
- простое воспроизводство 278–280
- противоречие 65, 121, 164, 173, 204, 211, 221, 236, 247, 261, 287, 290, 302, 318, 334–342, 344–346, 348–350, 362, 363
- Прудон П.-Ж. 102, 125, 149–151, 168–177, 179, 181, 183, 186, 190, 192, 200, 212, 344
- Путешествия, включая описание государств Великого Могола* (соч. Ф. Бернье) 227
- Рабле Ф. 143
- Развитие социализма от утопии к науке* (соч. Ф. Энгельса) 43
- разделение труда 71, 83, 125, 130, 163, 176, 193, 204, 206, 216, 226, 257, 268–271, 312, 318, 344
- Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура* (соч. К. Маркса) 96
- Ранке Л. 23
- Рассел Б. 147
- революция 64, 177, 183, 186, 204, 205, 233, 315, 348, 363
- Ремер Д. 16, 327

- Рикардо Д. 119, 123, 172, 173, 176, 186–189, 200, 210, 243, 244, 255, 276
 родовая жизнь 111, 112, 135
 родовое бытие 111, 187
 Розенкранц К. 79, 335
 Розенцвейг Ф. 76
 Рокмор Т. 6, 9, 10, 379, 380, 383, 386, 387
 Росдольский Р. 180
 Рубинштейн С. Л. 8, 382, 384, 388
 Руге А. 64, 102–104
 Руссо Ж.-Ж. 100–112, 131, 132, 189, 306
 Рутенберг А. 95
 Рюбель М. 21, 60, 87, 89
 Рязанов Д. Б. 53, 385
- Сартр Ж.-П. 23, 308
 свобода 20, 70, 81, 85, 86, 100, 101, 106, 107, 113, 117, 129, 143, 144, 154, 170, 277, 289, 298, 300, 301, 306–309, 311–315, 333–335, 362
Святое семейство (соч. К. Маркса и Ф. Энгельса) 47, 110, 111, 149, 152, 155, 168, 172, 204, 342
 Сен А. 354
 Сениор Н. У. 265
 Сен-Симон К.-А. де Рувруа 60, 101
 система потребностей 81, 87, 88, 138, 217
Система экономических противоречий, или Философия нищеты (соч. П.-Ж. Прудона) 168, 170
 Скалиа А. 57
 Смит А. 19, 27, 28, 70, 72–79, 119, 123, 125–127, 144, 145, 181, 186, 189, 193, 195, 200, 209, 210, 249, 265, 276, 280, 300, 316, 317, 319, 348
 Смит Т. 294, 347, 399
 современное индустриальное общество, см. также: капитализм 24, 28, 66, 85, 87, 102, 120, 122–124, 126, 127, 129, 130, 134, 137–138, 144–146, 161, 163, 164, 169, 172, 178, 181, 185–188, 199, 200, 203, 204, 206, 207, 211–213, 217, 218–219, 221, 224, 226, 230, 241–243, 247, 249, 250, 256, 259, 266, 269, 270, 276, 278, 281–283, 286, 288–292, 297, 298, 300, 302, 306, 307, 309–311, 313, 315, 317–320, 325, 327, 329, 341, 342, 344, 345, 350, 352, 353, 355, 369, 371
- Солженицын А. 142
 социализм 45, 91, 121, 150, 156, 170, 287, 347
 Спиноза Б. 339, 382
 Сталин И. В. 32, 33, 36, 39, 41, 42, 44, 55, 56
 Стенгерс И. 385
 Степелевич Л. 100
 Стёпин В. С. 381
 Стюарт Д. 79
Сущность христианства (соч. Л. Фейербаха) 104, 111
 Сэй Ж.-Б. 119, 125
 Сэйерс Ш. 16, 328
- Такер Р. 94
 Тацит Публий Корнелий 101
Тезисы о Фейербахе (соч. К. Маркса) 52, 94, 120, 148, 151–153, 161, 215
Теория прибавочной стоимости (К. Маркса) 52, 235, 288
 теория и практика 351
 теория познания как отражения 31, 40, 41, 245
Тимон Афинский (соч. У. Шекспира) 130
 товар 28, 47, 87, 111, 122, 123, 126, 165, 173, 197, 198, 201, 203, 212, 213, 240, 241, 248–253, 255–259, 261–263, 268, 277, 278, 280, 283, 301, 313, 318, 319, 344–346, 348–350
 товарный фетишизм 28, 253, 254, 321, 345
 Тренделенбург А. 336
 Троцкий Л. 36, 37
Трубный глас Страшного суда над Гегелем, атеистом и Антихристом (соч. Б. Бауэра и, возможно, К. Маркса) 100
 труд 82, 83, 87, 110, 122, 124–127, 133, 134, 138, 144, 146, 158, 170, 171, 173, 188, 193, 195, 198, 200–206, 216, 251–255, 258, 259, 261–266, 271, 273, 274, 276–279, 284, 285, 287, 300, 301, 308, 317, 319, 345, 346, 348, 349
 трудовая теория стоимости 277, 302, 320
 Тюттин В. С. 384

- Уатт Д. 73, 271
 Уинфилд Р. 347
 Уитни Э. 73
- Фалес** 97
- Фейербах Л. 13, 45, 46, 49, 53, 58, 64, 65, 99, 101, 104, 105, 109, 111, 113, 115, 116, 120, 130, 136–138, 140, 143, 145, 146, 151–156, 159, 161, 162, 166, 176, 246, 281, 287, 296, 322, 328, 343, 346
- Феноменология духа* (соч. Г. В. Ф. Гегеля) 67, 68, 81, 98, 99, 112, 118, 132, 136, 137, 139, 140, 141, 145, 146, 161, 164, 193, 194, 295, 296, 306, 307, 342, 343, 346, 360, 367
- Фергюсон А. 76, 79
- Ферма П. 226
- Философия права* (соч. Г. В. Ф. Гегеля) 63, 66–70, 75, 81, 84, 88, 102, 103, 109, 112–115, 118, 120, 133, 138, 140, 185, 211, 216, 249, 261, 288, 297, 298, 300, 308, 337, 348, 349, 351, 369
- Философские тетради* (соч. В. И. Ленина) 59
- Финн-Енотаевский А. 187
- Фихте И. Г. 12, 79, 92, 97, 132, 140, 143, 145, 147, 156, 297, 303, 304, 330–332, 381, 386
- Флобер Г. 23
- Форд Г. 256
- Фоукс Б. 237
- Французская революция 303, 304, 306, 323, 330, 353, 358, 363
- Фреге Г. 67
- Фрейд З. 104, 361, 387
- Фрейлиграт Ф. 188
- Фролов И. Т. 8, 381, 382
- Фукидид 333
- Хабермас Ю.** 355, 356, 360
- Хайдеггер М. 23, 57, 296, **351, 355**
- Харгривз Д. 72
- Харрис Г. 294
- Харрис Е. 339
- Хатчесон Ф. 76
- Ховард Д. 51
- Хук С. 186, 293
- Цезарь** 180, 334
- Цешковский А. 64
- Цицерон Марк Тулий 142
- Частная собственность** 28, 71, 73, 85, 106–110, 117, 120–122, 124, 126–130, 144–146, 150, 160, 163–165, 169, 185, 199, 204, 208, 226–229, 242, 249, 267–269, 286, 289, 299–302, 309, 317, 320, 323, 341, 342, 344, 350, 362, 371
- Шанин В. А.** 187
- Швырев В. С. 388
- Шекспир У. 130
- Шелига (Цихлин Ф. фон) 149
- Шеллинг Ф. В. Й. 12, 78–79, 92, 97, 147, 297, 330
- Шлейермахер Ф. Э. Д. 104
- Шопенгауэр А. 336
- Шпет Г. Г. 342
- Штирнер М. (Шмидт И. К.) 155, 156
- Штраус Д. Ф. 62, 64, 104
- Щедровицкий Г. П.** 8, 388
- Эвелинг Э.** 236
- Экономика* (соч. Аристотеля) 71
- экономический либерализм, см. также капитализм 18, 20, 76, 168, 181
- Экономическо-философские рукописи*, см. *Парижские рукописи*
- Элстер Й. 16
- Энгельс Ф. 5, 6, 12, 13, 17, 18, 21, 25, 30, 32, 36–55, 58–60, 65, 90, 100, 102, 103, 108, 120–122, 148–153, 155–158, 160, 163–168, 178, 182, 183, 185, 187, 188, 197, 214, 215, 220, 227, 230, 231, 233–237, 240, 245, 288, 289, 295, 325, 360, 361, 379, 382–385
- Энгерштрем Ю. 390
- Энциклопедия философских наук* (соч. Г. В. Ф. Гегеля) 67, 68, 97, 337, 338–340
- Эпикур 96, 98, 99
- Юдин Э. Г.** 8
- Юм Д. 75, 76, 143

- Althusser L. 57, 157
 Anderson K. 60, 295
 Anderson P. 31
 Appignanesi R. 20
 Aristotle 71, 189, 303, 338
 Arthur C. J. 10, 157
 Aveling E. 237
- Bacon F.** 41
 Bakunin M. 336
 Balibar E. 57, 327
 Baran P. 33
 Barker E. 71, 74
 Barth H. 158, 361
 Bartosek K. 31
 Bauer B. 100
 Beer R. 336
 Bell D. 17
 Benoist J.-M. 17
 Benseler F. 295, 352
 Berelowitch W. 21
 Bernstein E. 315, 357
 Bernstein R. J. 26, 154
 Bhaskar R. 16, 335
 Blakeley T. J. 42, 236
 Böhm-Bawerk E. 356
 Bottomore T. B. 10, 60, 94
 Brewster B. 157
 Brudney D. 25, 328
 Bucharin N. 52
 Burns E. 43, 341
- Cannan E.** 19, 75, 265, 348
 Carver T. 347
 Cassidy J. 18
 Caudwell C. 33, 196
 Cerf W. 97, 297
 Churchill T. O. 303
 Cohen G. A. 16, 26, 61,
 Cole, G. D. H. 35
 Colletti L. 64, 347
 Cöster O. 65, 293
 Courtois S. 31
 Creighton H. C. 33
 Crocker L. G. 131, 306
- Dahm H.** 42, 236
 Dancy J. 324
 Deborin A. 52
 Derrida J. 18
 Descombes V. 357
- Destutt de Tracy A.-L.-C. 158
 Dühring E. K. 43, 341
 Dupré L. 196
 Düsing K. 339
 Dutt C. P. 40, 43, 151
 Dworkin R. 57
- Eagleton T.** 33
 Easton L. D. 53
 Eliot G. 104
 Ellington J. W. 97
 Elster J. 347
 Emad P. 355
 Engels F. 40, 42–44, 46, 53, 55, 59, 65, 98,
 108, 121, 151, 156, 158, 237, 341
- Falla P. S.** 25, 35, 292
 Feigl H. 22, 332
 Ferguson A. 76
 Fetscher I. 64
 Feuerbach L. 104, 144, 151, 152, 156
 Fichte J. G. 132, 140
 Flay J. C. 365
 Fowkes B. 237
 Freud S. 104
 Fromm E. 10, 119
 Fulton F. 41
- Gay P.** 104
 Geraets T. F. 174, 337
 Giddens A. 31
 Glendon M. A. 57
 Godelier M. 327
 Green D. E. 293, 357
 Grisebach E. 336
Grundlage der gesamten Wissenschaftslehre 140
Grundrisse 14, 52, 54, 91, 93, 148,
 155, 178–182, 184–189, 196, 198,
 199, 202–209, 211–217, 221, 222,
 224, 228, 232, 237–239, 241, 244–
 247, 249, 252, 259, 261, 269, 270,
 274, 302, 318, 319, 323, 342, 344
 Gruppe O. F. 100
 Guddat K. H. 53
 Guest, David 42
 Gutman A. 57
- Habermas J.** 347, 355, 360
 Haldane E. S. 305
Hallische Jahrbücher 64

- Harris E. E. 294, 329
 Harris H. S. 97, 174, 297, 337
 Hartman R. 304, 333
 Hartmann K. 293, 347
 Hartnack J. 339
 Haupt G. 37
 Heath P. 132
 Hegel G. F. W. 19, 60, 63–65, 70, 75, 76, 79, 80, 82, 83, 97, 99, 107, 110, 132, 133, 139, 146, 164, 174, 186, 211, 261, 289, 293–297, 300, 301, 304, 305, 307, 333, 335, 337–340, 342, 349, 357, 366–367, 369
 Heidegger M. 23, 95, 351, 355
 Heilbroner R. L. 356
 Heine H. 62
 Hempel C. G. 22, 332
 Henkel A. 79
 Henry M. 31, 293
 Herder J. G. 23, 303
 Hobbes T. 74
 Hofstadter A. 95
 Hook S. 64, 186, 293
 Horkheimer M. 114
 Howard D. 51
 Humphrey T. 332
 Hyppolite J. 64, 304
- Iggers G. G.** 23
 Inwood M. 333
 Italiensche Krieg und **die Aufgabe**
 Preussens, Der 214
- Jesus Christ** 34
 Joachim R. 79
 Joravsky D. 37
- Kant I.** 97, 330, 332, 354, 363
 Kitcher P. W. 330
 Kline G. L. 42, 236
 Knox T. M. 19, 63, 110, 211, 261, 301, 337
 Kojève A. 296
 Kolakowski L. 25, 35, 37, 52, 56, 63, 142, 157, 292
 Korsch K. 64, 295
 Koyré A. 358
- Lachs J.** 132
 Laslett P. 74, 133
 Lefebvre H. 347
 Leibniz, G. W.
- Lektorsky V. A. 34
 Lenin V. I. 32, 36, 60, 91, 295, 347
 Lerner M. 75, 265, 348
 Lilge F. 158, 361
 Livingstone R. 26, 35, 61, 109, 295
 Lobkowitz N. 351
 Locke J. 74, 133
 Löwith K. 293, 357
 Lukács G. 26, 35, 38, 61, 65, 80, 95, 109, 134, 196, 295, 352
 Lukes S. 34
 Lyotard J.-F. 355
- MacGregor D.** 289
 Machovec M. 34
 MacIntyre A. 35
 Macpherson C. B. 74
 Macquarrie J. 23
 Maly K. 355
 Manale M. 89, 100, 102
 Mannheim K. 159
 Marcuse, Herbert 64
 Margolin, Jean-Louis 31
 Markovic M. 352
 McCarthy T. 347
 McDowell J. 48
 McGreal J. 34, 154
 McGuinness B. F. 41
 McLaughlin K. 31, 293
 McLellan D. 10, 17, 52, 184, 187
 McMurtry J. 157
 Medvedev R. A. 37, 54
MEGA = Marx-Engels-Gesamtausgabe 53
 Mészáros I. 131, 188
MEW = Marx-Engels-Werke 41, 42, 54, 55, 94, 235, 236, 238
 Michel K. M. 80, 300
 Miller A. V. 97, 99, 307, 339, 342
 Moldenhauer E. 80, 300
 Moore S. 237
 Murphey M. 22
- Nagel T.** 364
 Negt O. 52, 65
 Nichols J. H. 296
 Nicolaus M. 10, 184, 188
 Nietzsche F. 293, 357
 Nozick R. 73
- O'Connell M. J.** 114
 O'Neill J. 64
 O'Regan C. 357

- Oilman B. 131
Olson A. 333
- Paczkowski A.** 31
Panné J.-L. 31
Pappenheim F. 33
Parsons T. 306, 355
Pears D. F. 41
Peter J.-P. 170
Pitt J. C. 239
Plato 71
Plekhanov G. V. 35, 45, 49
Pluhar W. 97, 330
Po und Rhein 214
Proudhon P.-J. 168, 170
- Rakitov A.** 33
Ranke L. 23
Rawls J. 362
Rescher N. 324
Riedel M. 65
Ritter J. 304
Rius 20
Robinson E. 23
Rockmore T. 16, 38, 139, 140, 366
Roemer J. 328, 356
Rosdolsky R. 180
Rosen Z. 100
Rosenkranz K. 79, 335, 336
Rosenzweig F. 76
Rousseau J.-J. 131, 306
Rubel M. 21, 60, 89, 100, 102
Rummel S. 35
- Sartre J.-P.** 23
Sayers S. 16, 41, 153
Scalia A. 57
Schacht R. 131
Schaff A. 142
Schopenhauer A. 336
Sebag L. 34
Sellars W. 22, 332, 367
Sen A. 20, 82, 354, 362, 368
Senior N. W. 265
Sève L. 34, 154
Shils E. 159
Sibree J. 304, 337
Simson F. H. 305
Sinclair T. A. 190
Smith A. 19, 75, 77, 265, 348
Smith S. B. 19
- Smith T. 294, 347
Snodgrass J. 62
Sosa E. 324
Stalin J. 33, 39, 42, 44
Stepelevich L. 100
Sturrock J. 347
Suchting W. A. 174, 337
Sweezy P. M. 356
Syrovatkin S. 34
- Taylor C.** 37
Thompson, E. P. 33
Thurow L. 355
Trendelenburg A. 336
Tribe L. H. 57
Tucker B. 168
Tucker R. 94
- Van Fraassen B.** 40
Vogel M. 104, 152
Vranicki P. 35, 296
- Waszek N.** 76, 80
Weber M. 306, 355
Werth N. 31
Wetter G. 41
Wiedmann V. 35
Wilde L. 347
Williams Raymond 196
Williams Robert 164
Wilson W. J. 368
Winfield R. D. 80, 304, 347
Wirth L. 159
Wissenschaftslehre, см. Grundlage der gesamten Wissenschaftslehre 140
Wittfogel K. 33
Wittgenstein L. 41
Wojtasiewicz O. 142
Wolf D. 293
Wolfe B. 50, 54
Wolff R. P. 346
Wood A. 16, 293
Wood G. S. 57
Woodcock G. 169
Wright E. O. 31
- Zielenko J.** 142
Ziesemer W. 79
Zinoviev A. 21
Zweig A. 330